

**УПРАВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ
О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ**

**ПОДБОРКА РЕШЕНИЙ КОМИТЕТА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СООТВЕТСТВИИ
С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ**

Том 7

**Шестьдесят шестая-семьдесят четвертая сессии
(июль 1999 года – март 2002 года)**

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
Нью-Йорк и Женева, 2006 год**

ПРИМЕЧАНИЕ

Материал, содержащийся в настоящей публикации, можно свободно цитировать и воспроизводить, при условии включения соответствующей ссылки и направления экземпляра публикации, в которой содержится перепечатанный материал в Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (8-14 avenue de la Paix, CH-1211 Geneva 10, Switzerland)

ССPR/C/OP/7

**ИЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

В продаже под No. R.06.XIV.1

ISBN 92-1-454023-3

СОДЕРЖАНИЕ

(Подборка решений - шестьдесят шестая-семьдесят четвертая сессии)

Стр.

Введение	1
-----------------------	---

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ

A. Решение, объявляющее сообщение приемлемым

(в квадратных скобках указан номер сессии Комитета)

№ 845/1999 [67] Роле Кеннеди против Тринидада и Тобаго	3
--	---

B. Решение, объявляющее сообщение неприемлемым

(в квадратных скобках указан номер сессии Комитета)

№ 717/1996 [66] Акунья Иностроса и другие против Чили	17
№ 880/1999 [74] Терри Ирвинг против Австралии	24
№ 925/2000 [73] Ван Куок Кой против Португалии	30

C. Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5

Факультативного протокола

№ 580/1994 [74] Глен Эшби против Тринидада и Тобаго	41
№ 688/1996 [69] Мария Сибила Арредондо против Перу	51
№ 701/1996 [69] Сесарио Гомес Васкес против Испании.....	61
№ 727/1996 [71] Доброслав Парага против Хорватии	68
№ 736/1997 [70] Малкольм Росс против Канады	77
№ 747/1997 [73] Карел де Фур Вальдероде и Иоханна Камерландер против Чешской Республики	92
№ 760/1997 [69] Я.Г.А. Диргардт и другие против Намибии.....	98
№ 765/1997 [73] Элишка Фабриова против Чешской Республики	113
№ 770/1997 [69] Дмитрий Л. Гридин против Российской Федерации	117
№ 774/1997 [73] Роберт Брок и Дагмара Брокова против Чешской Республики	122
№ 779/1997 [73] Анни Эреля и Йоуни Няккяляйярви против Финляндии	130
№ 788/1997 [73] Дженьювал М. Кагас, Уилсон Бьютин и Жулио Астильеро против Филиппин	141
№ 806/1998 [70] Эверсли Томпсон против Сент-Винсента и Гренадин	148
№ 818/1998 [72] Сэнди Секстус против Тринидада и Тобаго	162
№ 819/1998 [71] Джозеф Каванах против Ирландии	170
№ 839, 840 и 841/1998 [72] Энтони Б. Мансарадж и другие, Гборье Тамба и другие и Абдул Карим Сесай и другие против Сьерра-Леоне	183
№ 845/1998 [74] Роле Кеннеди против Тринидада и Тобаго.....	186
№ 869/1999 [70] Г-н Данте Пиандионг, г-н Хесус Моральос и г-н Арчи Булан против Филиппин	194
№ 884/1999 [72] Г-жа Антонина Игнатане против Латвии	201
№ 919/2000 [74] Михаэль Андреас Мюллер и Имке Энгельхард против Намибии.....	208
№ 930/2000 [72] Хендрик Вината, Со Лан Ли и Барри Вината против Австралии.....	215
№ 965/2000 [74] Мюмтаз Каракурт против Австрии	227

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

Стр.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ответы, полученные от государств-участников после принятия соображений Комитетом по правам человека	235
---	-----

УКАЗАТЕЛИ

Указатель по статьям Пакта	239
Индекс по статьям Факультативного протокола	243
Предметный указатель	245
Указатель по авторам и жертвам	251

ВВЕДЕНИЕ

1. Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к нему были приняты Генеральной Ассамблеей 16 декабря 1966 года и вступили в силу 23 марта 1976 года.
2. В соответствии со статьей 28 Пакта государства-участники 20 сентября 1976 года учредили Комитет по правам человека.
3. В соответствии с Факультативным протоколом лица, которые утверждают, что какое-либо из их прав, перечисленных в Пакте, было нарушено и которые исчерпали все имеющиеся у них внутренние средства правовой защиты, могут представить на рассмотрение Комитета по правам человека письменные сообщения. Ни одно сообщение не принимается Комитетом, если оно касается государства - участника Пакта, которое не является также участником Факультативного протокола. По состоянию на 31 марта 2002 года из 149 государств, которые присоединились к Пакту или ратифицировали его, 102 признали компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения от отдельных лиц посредством ратификации Факультативного протокола или присоединения к нему.
4. Согласно положениям Факультативного протокола, Комитет может рассматривать сообщения лишь в случае соблюдения определенных требований в отношении приемлемости. Эти требования изложены в статьях 1, 2, 3 и 5 Факультативного протокола и воспроизведены в правиле 9б правил процедуры Комитета (CCRP/C/3/Rev.7), согласно которому Комитет удостоверяется в том, что:
 - a) сообщение не является анонимным и что оно исходит от лица или лиц, на которых распространяется юрисдикция государства - участника Протокола;
 - b) лицо достаточно обоснованно утверждает, что оно является жертвой нарушения этим государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте. Как правило, сообщение должно представляться самим лицом или его представителем; однако Комитет может согласиться рассмотреть сообщение, представленное от имени лица, которое, как утверждается, является жертвой, если выясняется, что оно не способно само представить сообщение;
 - c) сообщение не представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений в соответствии с Протоколом;
 - d) сообщение не является несовместимым с положениями Пакта;
 - e) этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования;
 - f) данное лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты.
5. В соответствии с правилом 92 (в прошлом правилом 86) правил процедуры Комитет может, до представления своих окончательных соображений по сообщению, информировать государство-участника относительно того, желательно ли принятие "временных мер" защиты во избежание причинения непоправимого ущерба жертве предполагаемого нарушения. Вместе с тем просьба о принятии временных мер не предполагает окончательного заключения по существу сообщения. Комитет обращался с просьбами о принятии таких временных мер в целом ряде случаев, например, когда представлялось неминуемым вынесение смертного приговора или высылка либо экстрадиция соответствующего лица. В соответствии с пунктом 2 правила 94 Комитет может рассматривать совместно два или более сообщений, если он сочтет это целесообразным.
6. Что касается вопроса о бремени доказывания, то Комитет постановил, что такое бремя не может возлагаться только на автора сообщения, особенно если принять во внимание тот факт, что

автор и государство-участник не всегда имеют равный доступ к доказательствам и что зачастую лишь государство-участник располагает соответствующей информацией. В соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола государство-участник обязано добросовестно расследовать утверждения о нарушениях Пакта, представленные в отношении него и его органов власти.

7. Комитет приступил к работе в соответствии Факультативным протоколом на своей второй сессии в 1977 году. Начиная с того времени и до его семьдесят четвертой сессии в марте 2002 года на рассмотрение Комитета было направлено 1 069 сообщений о предполагаемых нарушениях, совершенных 69 государствами-участниками. По состоянию на конец марта 2002 года состояние этих сообщений было следующим:

a) рассмотрение завершено путем принятия соображений в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола	394
b) сообщение объявлено неприемлемым	306
c) рассмотрение прекращено или сообщение отозвано	143
d) сообщение объявлено приемлемым, но рассмотрение его еще не завершено	26
e) дело находится на рассмотрении, решение о приемлемости не принято	200

8. За свои первые 25 лет работы Комитет получил гораздо больше 1 069 зарегистрированных сообщений, о которых говорилось выше. Секретариат регулярно получает запросы от отдельных лиц, которые намереваются представить сообщение в Комитет. Такие запросы не регистрируются сразу же в качестве дел. На практике число авторов, которые в конечном итоге представляют свои дела для рассмотрения Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом, является относительно небольшим отчасти по той причине, что авторы узнают, что их дела не отвечают определенным базовым критериям, касающимся приемлемости, таким, как требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты, а отчасти потому, что они осознают, что оговорка или заявление со стороны соответствующего государства-участника может лишить Комитет компетенции рассматривать соответствующее дело. Несмотря на эти замечания, число сообщений, ежегодно представляемых на рассмотрение Комитета, неизменно возрастает, и работа Комитета получает все большую известность среди юристов, исследователей и широкой публики. Цель Подборки решений состоит в том, чтобы вносить вклад в распространение информации о деятельности Комитета.

9. Первым шагом на пути к обеспечению более широкого распространения информации о деятельности Комитета явилось решение о публикации его соображений, принятое на его седьмой сессии: эта публикация отвечала интересам наиболее эффективного осуществления Комитетом своих функций в соответствии с Протоколом, а публикация полного текста соображений являлась более предпочтительной, чем публикация кратких резюме. Начиная с ежегодного доклада Комитета по правам человека за 1979 год и вплоть до его доклада за 1993 год, охватывающего работу сорок шестой сессии, все соображения Комитета и подборка его решений, признающих соответствующие сообщения неприемлемыми, решения о пересмотре решений о приемлемости и решения о прекращении рассмотрения были опубликованы без сокращений¹.

¹ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/34/40); тридцать пятая сессия, Дополнение № 40 (A/35/40); тридцать шестая сессия, Дополнение № 40 (A/36/40); тридцать седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/37/40); тридцать восьмая сессия, Дополнение № 40 (A/38/40), тридцать девятая сессия, Дополнение № 40 (A/39/40); сороковая сессия, Дополнение № 40 (A/40/40); сорок первая сессия, Дополнение № 40 (A/41/40); сорок вторая сессия, Дополнение № 40 (A/42/40); сорок третья сессия, Дополнение № 40 (A/43/40); сорок четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/44/40); сорок пятая сессия, Дополнение № 40 (A/45/40); сорок шестая сессия, Дополнение № 40 (A/46/40), сорок седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/47/40); сорок восьмая сессия, Дополнение № 40 (A/48/40).*

10. На своей пятнадцатой сессии Комитет постановил приступить к осуществлению отдельного проекта - периодической публикации подборки своих решений в соответствии с Факультативным протоколом, включая некоторые важные решения о признании сообщений приемлемыми и другие решения промежуточного характера. Том 1 этой серии, охватывающий решения, принятые за период со второй по шестнадцатую сессию включительно, был опубликован в 1985 году на английском языке². Том 2 охватывает решения, принятые в период с семнадцатой по тридцать вторую сессии и включает все решения, объявляющие сообщения приемлемыми, два промежуточных решения, содержащих просьбу о представлении автором и государством-участником дополнительной информации, и два решения в соответствии с правилом 86 правил процедуры Комитета, содержащих просьбу о применении временных мер защиты³. В томе 3 содержится подборка решений, принятых с тридцать третьей по тридцать девятую сессии, в томе 4 - подборка решений, принятых с сороковой по сорок шестую сессии, в томе 5 - решений, принятых с сорок седьмой по пятьдесят пятую сессии, а в томе 6 - решений, принятых с пятьдесят шестой по шестьдесят пятую сессию.

11. За период, охватываемый настоящим томом, вновь отмечалось существенное увеличение количества дел, находящихся на рассмотрении Комитета. Специальный докладчик по новым сообщениям, мандат которого был дополнен в 1991 году с учетом увеличения рабочей нагрузки, продолжал заниматься дальнейшим уточнением и усовершенствованием своих методов работы. В период, охватываемый настоящим томом, Специальный докладчик иногда обращался с просьбами о принятии временных мер защиты.

12. Специальный докладчик по последующей деятельности в связи с соображениями также продолжал уточнять свои методы работы в период, охватываемый настоящим томом. В 1997 году его мандат был официально пересмотрен, и изменения, внесенные в этот мандат, были включены в правила процедуры Комитета. В соответствии с пересмотренной процедурой последующей деятельности Комитет в принципе рассматривает последующую информацию не на конфиденциальной основе, как прежде, а в открытом заседании.

13. В период, охватываемый настоящим томом, продолжал использоваться новый формат решений о приемлемости и окончательных соображений, принятый на тридцать седьмой сессии Комитета в 1989 году с целью повышения ясности и обеспечения краткости.

14. Важным свидетельством эволюции правовой практики Комитета является постоянное увеличение числа особых мнений, прилагаемых членами Комитета к решениям (правило 104 правил процедуры). Следует особо отметить, что многие члены Комитета прилагают к решению совместное особое мнение, будь то согласное или несогласное. Читатель найдет многочисленные примеры такой практики в этом томе.

² *Human Rights Committee, Selected Decisions under the Optional Protocol (Second to sixteenth sessions)*, New York, 1985 (United Nations publication, Sales No. E.84.XIV.2), далее именуемые *Selected Decisions*, vol. 1. Соответствующие издания на испанском и французском языках были опубликованы в июне 1988 года (CCPR/C/OP/1).

Вопрос о правовой практике Комитета в период со второй по двадцать восьмую сессию см. в работе A. de Zayas, J. Möller, T. Opsahl, "Application of the International Covenant on Civil and Political Rights under the Optional Protocol by the Human Rights Committee" in *German Yearbook of International Law*, vol. 28, 1985, pp. 9-64. Воспроизведено Центром Организации Объединенных Наций по правам человека в качестве репринтного издания № 1, 1989.

Обсуждение последних тенденций в правовой практике Комитета см. Manfred Nowak: *ICCPR Commentary*, 2nd edition (Engel Verlag, 2005).

³ *International Covenant on Civil and Political Rights. Selected Decisions under the Optional Protocol (Seventeenth to thirty-second sessions)*, New York, 1990. Соответствующие издания на испанском и французском языках были опубликованы в 1991 году.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ

А. Решение об объявлении сообщения приемлемым

Сообщение № 845/1999

Представлено: Роле Кеннеди [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Тринидад и Тобаго

Объявлено приемлемым: 2 ноября 1999 года (шестьдесят седьмая сессия)

Тема сообщения: Обязательный к исполнению смертный приговор, вынесенный после несправедливого судебного разбирательства

Процедурные вопросы: Повторное присоединение к Факультативному протоколу после денонсации - Повторное присоединение с оговоркой - Компетенция Комитета определять действенность оговорки - Совместимость оговорки с предметом и целью Факультативного протокола

Вопросы существа: Право быть своевременно информированным о предъявленных обвинениях - Право быть своевременно доставленным к судье и быть судимым без неоправданной задержки - Право на жизнь - Право не подвергаться жестокому или бесчеловечному обращению

Статьи Пакта: Пункт 3 статьи 2; пункты 1, 2 и 4 статьи 6; статья 7; пункты 2 и 3 статьи 9; пункт 1 статьи 10; пункты 1, 3 с) и 5 статьи 14; и статья 26

Статьи Факультативного протокола и Правил процедуры: Статья 1 и (прежнее) правило 86

Вывод: Приемлемо

1. Автором сообщения является г-н Роле Кеннеди, гражданин Тринидада и Тобаго, ожидающий приведения в исполнение смертного приговора в государственной тюрьме Порт-оф-Спейна. Он считает себя жертвой нарушения Тринидадом и Тобаго пункта 3 статьи 2; пунктов 1, 2 и 4 статьи 6, статьи 7; пунктов 2 и 3 статьи 9; пункта 1 статьи 10; пунктов 1, 3 с) и 5 статьи 14; и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен лондонской адвокатской фирмой "Саймонс Мюрхед энд Бертон".

Факты в изложении автора

2.1 3 февраля 1987 года во время ограбления автозаправочной станции владелец станции, Норрис Йорк, был тяжело ранен. На следующий день он скончался от полученных ран. Автор сообщения был арестован 4 февраля 1987 года. Ему и еще одному человеку по имени Уэйн Мэтьюс 9 февраля 1987 года были предъявлены обвинения в тяжком убийстве, а 10 февраля 1987 года его впервые доставили к магистрату. Суд, состоявшийся 14-16 ноября 1988 года, признал его виновным. Автор обжаловал обвинительный приговор, и 21 января 1992 года Апелляционный суд принял эту апелляцию к рассмотрению и распорядился о проведении нового судебного разбирательства, состоявшегося 15-29 октября 1993 года. На нем автор был вновь признан виновным и приговорен к смертной казни. Автор принес еще одну апелляцию, однако 26 января 1996 года Апелляционный суд отказался выдать разрешение на обжалование, препроводив мотивы такого своего решения 24 марта 1998 года. Последующее ходатайство автора в судебный комитет Тайного совета было отклонено 26 ноября 1998 года.

2.2 Согласно обвинению, вечером 3 февраля 1987 года потерпевший, Норрис Йорк, вместе с продавцом, г-жой Шанхи, находился в магазине при автозаправочной станции. Уже после закрытия, когда г-н Йорк занимался подсчетом дневной выручки, в магазин вошли двое: автор сообщения и г-н Мэтьюс. Согласно обвинению, автор потребовал у г-жи Шанхи квартиру масла, но когда та, сходя

за банкой, вернулась, то она увидела, как автор сообщения, захватив в зажим голову г-на Йорка, приставил ему пистолет ко лбу. В этот момент г-н Мэтьюс, якобы крикнув автору, что г-н Йорк пытается достать пистолет, несколько раз с размаху ударил г-на Йорка по голове продолговатым деревянным предметом, а затем вышел из помещения. Г-н Йорк предложил нападавшим забрать выручку. После этого г-жа Шанхи по сигналу г-на Йорка метнула стакан в г-на Мэтьюса. Тогда автор перевел пистолет на нее, приказав ей не двигаться. Затем г-н Мэтьюс вновь с разбега ударил г-на Йорка по голове, отчего тот потерял сознание. Двое нападавших забрали выручку и скрылись на машине, принадлежавшей г-ну Йорку. На следующий день г-н Йорк скончался от повреждений, полученных во время ограбления.

2.3 Адвокат утверждает, что для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола были исчерпаны все доступные внутренние средства правовой защиты. Хотя теоретически автор мог бы воспользоваться конституционным ходатайством, на практике такая возможность отсутствует из-за нежелания или неспособности государства-участника обеспечивать юридическую помощь для таких ходатайств, а также из-за того, что было бы очень сложно найти тринидадского адвоката, который был бы готов добросовестно представлять интересы заявителя конституционного ходатайства.

Жалоба

3.1 Автор считает себя жертвой нарушения пунктов 2 и 3 статьи 9, поскольку он был проинформирован о предъявленных ему обвинениях только через пять суток после ареста и был доставлен к магистрату через шесть суток после ареста. Адвокат ссылается на Пакт, согласно которому такого рода действия должны приниматься "в срочном порядке", и утверждает, что в данном случае упомянутые сроки не отвечают этому критерию¹.

3.2 Автор считает себя жертвой нарушения пунктов 3 с) и 5 статьи 14 на основании неоправданных задержек судебного разбирательства по его делу. В этой связи адвокат обращает внимание на следующее: 1) с момента предъявления автору обвинения до начала первого судебного разбирательства по его делу прошел 21 месяц; 2) с момента постановления обвинительного приговора до заслушивания апелляции прошло 38 месяцев; 3) с момента принятия Апелляционным судом решения о принятии к производству апелляции до начала повторного судебного разбирательства прошел 21 месяц; 4) с момента постановления второго обвинительного приговора до заслушивания второй апелляции прошло 27 месяцев; и 5) с момента заслушивания второй апелляции до принятия мотивированного постановления Апелляционного суда прошло 26 месяцев. По мнению адвоката, нет разумных объяснений тому, почему повторное судебное разбирательство было проведено через шесть лет после совершения преступления и почему Апелляционному суду понадобилось еще четыре года и четыре месяца для решения данного вопроса. Он утверждает, что государство-участник должно нести ответственность за эту задержку. В этой связи делается ссылка на юриспруденцию Комитета².

3.3 Автор считает себя жертвой нарушений статей 6, 7 и пункта 1 статьи 14 по причине обязательности смертного приговора за тяжкое убийство в Тринидаде и Тобаго. Адвокат утверждает, что проводящееся во многих других странах общего права различие между убийством, караемым и не караемым смертной казнью, никогда не применялось в Тринидаде и Тобаго. В этой связи сделана

¹ Ссылка на Замечание общего порядка Комитета по статье 9 (HRI/GEN/1/Rev.3, 15 августа 1997 года, стр. 12 и далее) и на правовую практику Комитета в связи с сообщением № 11/1977, *Мотта против Уругвая*; сообщением № 257/1987, *Келли против Ямайки*; сообщением № 373/1989, *Стивенс против Ямайки*; сообщением № 597/1994, *Грант против Ямайки*.

² Ссылка делается на правовую практику Комитета в связи с сообщением № 336/1988, *Филластр против Боливии*; сообщением № 27/1978, *Пинкни против Канады*; сообщением № 283/1988, *Литтл против Ямайки*; сообщениями № 210/1986 и 225/1987, *Пратт и Морган против Ямайки*; сообщением № 253/1987, *Келли против Ямайки*; сообщением № 523/1992, *Неттун против Тринидада и Тобаго*.

ссылка на Закон Соединенного Королевства о наказании за убийство 1957 года, которая ограничивает применение смертной казни преступлением тяжкого убийства (убийство из огнестрельного оружия или путем взрыва, убийство при ограблении, убийство с целью избежания ареста или совершения побега, а также убийство полицейского или сотрудника тюрьмы при исполнении должностных обязанностей) во исполнение статьи 5 и совершением более чем одного убийства на основании статьи 6. Однако в законодательстве Тринидада и Тобаго содержится положение о переквалификации преступления убийства на преступление непредумышленного убийства в случаях убийства, совершенного в ситуациях с ограниченной ответственностью или при спровоцированности. Утверждается, что строгость такого обязательного смертного наказания за убийство дополнительно усугубляется существованием в Тринидаде и Тобаго так называемой Нормы, касающейся убийства/фелонии, согласно которой лицо, совершающее фелонию с насильственными действиями, делает это на свой собственный риск и виновен в убийстве, если такое насилие, пусть даже непредумышленно, приводит к смерти потерпевшего. Применение Нормы об убийстве/фелонии, как утверждается, является дополнительной и тяжелой мерой для второстепенных сторон, которые могли участвовать в преступлении, не предполагая того, что данный акт грабежа может привести к причинению тяжких телесных повреждений или смерти.

3.4 Утверждается, что ввиду широкого разнообразия обстоятельств, при которых может быть совершено преступление убийства, огульное применение одного и того же наказания за каждую категорию убийства не удовлетворяет критерию соразмерности между фактическими обстоятельствами преступления и наказанием, превращаясь тем самым в жестокое и необычное наказание в нарушение статьи 7 Пакта. Аналогичным образом утверждается, что была нарушена статья 6, поскольку назначение смертного приговора вне зависимости от обстоятельств является жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство, равно как и произвольным и несоизмерным наказанием, которое не может оправдывать лишение кого бы то ни было права на жизнь. Утверждается также, что был нарушен пункт 1 статьи 14, поскольку Конституция Тринидада и Тобаго не разрешает автору ссылаться на то, что приведение в исполнение назначенной ему смертной казни является неконституционным, будучи бесчеловечным или унижающим достоинство и жестоким обращением, и поскольку она не допускает права на судебное слушание или проведение судебного разбирательства по вопросу о том, должна ли смертная казнь назначаться или приводиться в исполнение за конкретное совершенное убийство.

3.5 Адвокат утверждает, что назначение смертной казни без учета смягчающих вину обстоятельств и предоставление возможности для ссылки на такие обстоятельства имеет особенно тяжкие последствия для дела автора, ибо согласно обстоятельствам его преступления он являлся второстепенным участником убийства и таким образом считался бы менее виновным. В этой связи адвокат ссылается на законопроект о правонарушениях против личности, который рассматривался, но так и не был принят тринидадским парламентом. Согласно адвокату, правонарушение автора явно подпадало бы под категорию преступлений, не караемых смертной казнью, если бы этот законопроект был принят.

3.6 Автор считает себя жертвой нарушения пунктов 2 и 4 статьи 6 на том основании, что государство-участник не предоставило ему возможность для справедливого рассмотрения прошения о помиловании. Адвокат утверждает, что в Тринидаде и Тобаго президент вправе отменить любой смертный приговор на основании статьи 87 Конституции, но он должен действовать на основе представления назначаемого им же самим министра, который, в свою очередь, должен действовать по представлению премьер-министра. В соответствии со статьей 88 Конституции должен быть создан Консультативный комитет по помилованиям под председательством назначенного министра. В соответствии со статьей 89 Конституции Консультативный комитет должен принимать во внимание некоторые материалы, такие, как отчет с судьи по делу, прежде чем выносить свои рекомендации. Адвокат утверждает, что на практике именно Консультативный комитет в Тринидаде и Тобаго является органом, который уполномочен отменять смертный приговор, и что он вправе устанавливать свою собственную процедуру, но при этом он не обязан обеспечивать справедливое слушание для осужденного или учитывать любые другие процессуальные меры защиты просителя,

такие, как право обращаться с письменными или устными ходатайствами или право ознакомиться с материалами, на основании которых Консультативный комитет будет принимать свое решение³.

3.7 Адвокат утверждает, что право просить о помиловании, предусмотренное пунктом 4 статьи 6 Пакта, необходимо толковать в качестве эффективного права, т.е. в соответствии с общими принципами оно должно истолковываться как реально действующее право, а не как сугубо теоретическое или умозрительное, а посему оно должно предусматривать следующие процессуальные гарантии для лица, просящего о помиловании:

- право быть уведомленным о дате рассмотрения дела Консультативным комитетом;
- право получить материалы, которые будут рассматриваться Консультативным комитетом на слушании;
- право обращаться накануне слушания с ходатайствами как общего порядка, так и по поводу материала, находящегося на рассмотрении Консультативного комитета;
- право на устное слушание в Консультативном комитете;
- право передавать в Консультативный комитет заключения и рекомендации любого международного органа, такого, как Комитет Организации Объединенных Наций по правам человека, и ждать того, что они будут им рассмотрены.

3.8 Что касается конкретного дела автора, то адвокат утверждает, что Консультативный комитет, возможно, собирался несколько раз для рассмотрения ходатайства автора без его ведома и вполне может решить собраться вновь, не уведомляя его об этом, не давая ему возможность делать представления от его имени и не предоставив ему материалы, которые будут при этом рассматриваться. По мнению адвоката, при этом возникает нарушение пункта 4 статьи 6, а также пункта 2 статьи 6, ибо Консультативный комитет не может принять обоснованное решение по поводу того, какие преступления являются "наиболее тяжкими" без предоставления заключенному возможности всесторонне участвовать в процессе принятия такого решения.

3.9 Автор считает себя жертвой нарушения статьи 7 и пункта 1 статьи 10, поскольку после его ареста 4 февраля 1987 года перед предъявлением ему обвинений и его доставкой к магистрату полицейские пытали и избивали его. Утверждается, что его неоднократно били и пытали, чтобы принудить его признаться в совершении преступления. В частности, автор говорит о том, что его ударили по голове дорожным знаком, его били по ребрам прикладом винтовки, какие-то полицейские неоднократно пинали его ногами, еще один поименованный полицейский ударил его кулаком по лицу, пугал его ядовитым скорпионом, грозился утопить и морил голодом. Автор заявляет о том, что он жаловался на побои и показывал кровоподтеки в суде 10 февраля 1987 года, после чего судья распорядился о том, чтобы его отвезли в больницу, но ему тем не менее не оказали медицинской помощи.

3.10 Автор считает себя жертвой нарушений статьи 7 и пункта 1 статьи 10 на том основании, что условия его содержания под стражей как до суда, так и после суда – в камере смертников – были ужасными. Утверждается, что во время пребывания под стражей до суда (21 месяц до первого судебного разбирательства и 21 месяц до второго судебного разбирательства) автор содержался в камере размером 6 x 9 футов вместе с 10 другими заключенными. Что же касается почти восьмилетнего пребывания в камере смертников, то в этой связи утверждается, что автор содержался в камере размером 6 x 9 футов, единственной обстановкой которой были железная кровать, стол и скамья. В камере нет естественного освещения или канализации, а туалетом служит пластиковое ведро. Автор далее указывает, что его выводят из камеры на прогулку лишь раз в неделю, плохо и

³ Адвокат утверждает, что эти принципы были изложены Судебным комитетом тайного совета по делам *Reckley v. Minister of Public Safety* (No. 2) (1996) 2WLR 281 и *De Freitas v. Benny* (1976) A.C.

недостаточно кормят без учета необходимости для него специальной диеты. Несмотря на просьбы, его редко водят к врачу или дантисту. В этой связи сделаны ссылки на сообщения НПО об условиях содержания под стражей в Тринидаде и Тобаго, на опубликованную в одной из общенациональных газет статью генерального секретаря ассоциации работников тюрем и Стандартные минимальные правила обращения с заключенными Организации Объединенных Наций.

3.11 В дополнение к предполагаемому нарушению статей 7 и 10 пункта 1 вследствие ужасных условий содержания под стражей автор утверждает, что приведение в исполнение в этих обстоятельствах вынесенного ему смертного приговора привело бы к нарушению его прав на основании статей 6 и 7. В этой связи сделана ссылка на решение Судебного комитета Тайного совета по делу Пратт и Морган против Генерального прокурора Ямайки⁴, в которой тот постановил, что продолжительное содержание в камере смертников нарушило бы в указанном случае существующий в Ямайке конституционный запрет на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Адвокат заявляет, что такая же аргументация может быть приведена в данном деле, в результате чего казнь после содержания под стражей в этих условиях должна быть противозаконной.

3.12 Наконец, автор считает себя жертвой нарушения пункта 3 статьи 2 и статьи 14 на том основании, что из-за отсутствия юридической помощи он де-факто лишен права на основании статьи 14 (1) Конституции Тринидада ходатайствовать в Высокий суд о защите от нарушения и его основополагающих прав. Утверждается, что стоимость возбуждения разбирательства в Высоком суде непомерно высока и автор, как, впрочем, и значительное большинство лиц, обвиненных в совершении преступлений, караемых смертной казнью, не может позволить себе воспользоваться этим средством защиты⁵.

3.13 По поводу оговорки государства-участника, выраженной при его повторном присоединении к Факультативному протоколу 26 мая 1998 года, автор утверждает что Комитет компетентен рассматривать настоящее сообщение, несмотря на тот факт, что оно касается "заключенного, которому вынесен смертный приговор, в отношении [...] вопросов], относящихся к его судебному преследованию, его задержанию, суду над ним, его осуждению, приговору ему или приведения в исполнение назначенного ему смертного приговора".

3.14 Несмотря на то, что данная оговорка ставит своей целью исключить все сообщения в отношении смертных приговоров, направленные после 26 августа 1998 года, автор утверждает, что данная оговорка существенным образом ограничивает компетенцию Комитета на основании Факультативного протокола рассматривать сообщения, поскольку она имеет целью исключить возможность рассмотрения широкого круга дел, в том числе многих дел, которые содержали бы утверждения о нарушениях неотъемлемых прав. Утверждается, что по этой причине данная оговорка несовместима с объектом и целью Протокола, а посему является недействительной и не препятствует рассмотрению Комитетом данного сообщения.

3.15 В обоснование этой точки зрения адвокат приводит несколько доводов. Во-первых, адвокат утверждает, что в преамбуле к Факультативному протоколу, а также в его статьях 1 и 2 сказано, что Протокол наделяет Комитет компетенцией получать и рассматривать сообщения отдельных лиц, подлежащих юрисдикции государства-участника, которые считают себя жертвами нарушения государством-участником *любого из прав*, предусмотренных в Пакте. Таким образом, государство-участник Протокола, как утверждает, принимает на себя единое обязательство в отношении всех прав, перечисленных в Пакте, и не может путем оговорки исключить рассмотрение нарушения какого-либо отдельного права. В обоснование этого утверждения приводятся следующие доводы:

⁴ (1994) 2 AC1.

⁵ Ссылка делается на правовую практику Европейского суда по правам человека в связи с делами *Голдер против Соединенного Королевства* (1975) A18 ; *Эйри против Ирландии* (1979) A32; ссылку на правовую практику Комитета см. в сообщении № 377/1989, *Карри против Ямайки*.

- Права, перечисленные в Пакте, включают в себя не допускающие отступлений права человека, имеющие статус *jus cogens*. Государство-участник не может ограничивать компетенцию Комитета рассматривать дела, затрагивающие права с этим статусом, и поэтому государство-участник не может, к примеру, ограничить возможность рассмотрения сообщений заключенных-смертников, касающихся применения к ним пыток.
- Комитет столкнется с большими трудностями, если он пойдет по пути рассмотрения сообщений только в отношении некоторых прав, поскольку многие сообщения неизбежно содержат утверждения о нарушении сразу нескольких статей Пакта.
- По своему подходу оговорка Тринидада и Тобаго беспрецедентна, и в любом случае отсутствует или крайне незначительна практика внесения оговорок *rationae personae* или *ratione materiae* в отношении Факультативного протокола.

3.16 Во-вторых, адвокат утверждает, что при определении того, соответствует ли оговорка объекту и цели Факультативного протокола, необходимо помнить о том, что государство не может выходить из Протокола с целью оградить себя от международного расследования в отношении материальных обязательств по Пакту. По сути дела, оговорка Тринидада и Тобаго направлена именно на это и соответственно разрешает совершение таких нарушений.

3.17 В-третьих, адвокат утверждает, что данная оговорка сомнительна по своему охвату, поскольку она исключает рассмотрение любых соответствующих сообщений, касающихся не только назначения смертного приговора как такового, но и любых возможных утверждений, прямо или косвенно связанных с данным делом лишь по причине того, что по нему был назначен в качестве наказания смертный приговор.

Представление государства-участника и комментарии по нему адвоката

4.1 В своем представлении от 8 апреля 1999 года государство-участник ссылается на документ о своем присоединении к Факультативному протоколу от 26 мая 1998 года, который содержит следующую оговорку:

"...Тринидад и Тобаго вновь присоединяется к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах с Оговоркой к его статье 1, в соответствии с которой Комитет по правам человека не будет компетентен получать и рассматривать сообщения, относящиеся к любому заключенному, которому назначен смертный приговор, в отношении любого вопроса, относящегося к его судебному преследованию, его задержанию, суду над ним, его осуждению, приговору ему или приведению в исполнение вынесенного ему смертного приговора, и любого связанного с этим вопроса".

4.2 Государство-участник утверждает, что из-за этой оговорки и того обстоятельства, что автор сообщения является заключенным, которому вынесен смертный приговор, Комитет некомпетентен рассматривать настоящее сообщение. Утверждается, что, зарегистрировав сообщение и потребовав принятия временных мер защиты в соответствии с пунктом 86 Правил процедуры Комитета, Комитет превысил свою компетенцию, на основании чего государство-участник считает действия Комитета в отношении данного сообщения недействительными и не имеющими обязательной силы.

5. В своих комментариях от 23 апреля 1999 года адвокат утверждает, что заявление государства-участника относительно того, что Комитет по правам человека превысил свою компетенцию, зарегистрировав настоящее сообщение, является неправомерным как вопрос установленного международного права. Утверждается, что в соответствии с общим принципом, согласно которому орган, юрисдикцию которого затрагивает внесенная оговорка, сам решает вопрос о силе и действии такой оговорки, именно Комитет, а не государство-участник должен решать вопрос о действительности внесенной оговорки. В этой связи делается ссылка на пункт 18 Замечания общего

порядка № 24 Комитета (HRI/GEN/1/Rev.3, 15 августа 1997 года, стр. 59) и на постановление Международного Суда от 4 декабря 1998 года по делу *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*.

Вопросы и процедура их рассмотрения Комитетом

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, должен решить вопрос о том, является ли оно допустимым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Правительство Тринидада и Тобаго 26 мая 1998 года денонсировало первый Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах. В тот же день оно вновь присоединилось к нему, включив в документ о своем повторном присоединении оговорку, изложенную в пункте 4.1 выше.

6.3 Объясняя причины таких своих действий, государство-участник ссылается на решение Судебного комитета Тайного совета по делу Пратта и Моргана против Генерального прокурора Ямайки⁶, по которому было заявлено, что "в любом случае, когда казнь подлежит исполнению более чем через пять лет после вынесения приговора, будут наличествовать веские основания полагать, что такого рода задержка представляет собой 'бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или другое наказание'" в нарушение статьи 17 ямайской Конституции. Следствием этого решения для Тринидада и Тобаго является то, что необычные задержки с приведением в исполнение смертного приговора противоречили бы пункту 2 b) статьи 5 Конституции Тринидада и Тобаго, в котором содержится положение, аналогичное положению статьи 17 ямайской Конституции. Государство-участник поясняет, что, поскольку решение Судебного комитета Тайного совета представляет собой конституционный стандарт для Тринидада и Тобаго, перед правительством стоит задача обеспечить ускорение апелляционного производства для исключения задержек в процессе, с тем чтобы смертные приговоры, назначенные в соответствии с законодательством Тринидада и Тобаго, могли приводиться в исполнение. Поэтому государство-участник решило денонсировать Факультативный протокол:

"В этих обстоятельствах, желая поддержать принцип своего внутреннего законодательства, согласно которому никто не должен подвергаться бесчеловечному и унижающему достоинство наказанию или обращению, и тем самым выполнить свои обязательства по статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, правительство Тринидада и Тобаго было вынуждено денонсировать Факультативный протокол. Однако прежде чем сделать это, оно провело 31 марта 1998 года консультации с председателем и президиумом Комитета по правам человека на предмет получения заверений в том, что дела о преступлениях, наказуемых смертной казнью, будут рассматриваться в оперативном порядке и закрываться в течение восемь месяцев с момента регистрации. По причинам, к которым с уважением относится правительство Тринидада и Тобаго, какие бы то ни было заверения насчет того, что такие дела будут завершаться рассмотрением в запрошенный срок, не могут быть предоставлены".

6.4 Как сказано в Замечании общего порядка № 24 Комитета, именно Комитет как договорный орган Международного пакта о гражданских и политических правах и факультативных протоколов к нему уполномочен интерпретировать и решать вопрос о действительности оговорок, внесенных к этим договорам. Комитет не согласен с утверждением государства-участника о том, что он превысил свою компетенцию, зарегистрировав сообщение и обратившись с просьбой о принятии временных мер на основании правила 86 правил процедуры. В этой связи Комитет заявляет, что не требует доказательства наличия у Комитета компетенции регистрировать сообщения для того, чтобы решить вопрос о том, является ли оно допустимым из-за наличия оговорки. Что же касается силы оговорки, если она является действительной, то, на первый взгляд, представляется – и автор не утверждает обратного, – что данная оговорка лишит Комитет компетенции рассматривать настоящее сообщение по существу. Поэтому Комитет обязан принять решение по вопросу о том, может ли на правомерных основаниях вноситься подобная оговорка.

⁶ 2 А.С. 1, 1994.

6.5 Первым делом необходимо отметить, что в самом Факультативном протоколе не регламентируется вопрос о допустимости оговорок к его положениям. В соответствии со статьей 19 Венской конвенции о праве международных договоров и принципами обычного международного права оговорки могут вноситься, если они совместимы с объектом и целью соответствующего договора. Поэтому необходимо решить вопрос о том, можно ли считать данную оговорку государства-участника совместимой с объектом и целью Факультативного протокола.

6.6 В своем замечании общего порядка № 24 Комитет выразил мнение о том, что оговорка, нацеленная на исключение компетенции Комитета на основании Факультативного протокола в отношении некоторых положений Пакта, не может считаться удовлетворяющей этому критерию:

"Функция первого Факультативного протокола заключается в том, что он допускает рассмотрение Комитетом жалоб, касающихся этих прав [на основании Пакта]. Следовательно, оговорка к обязательству государства уважать и обеспечить какое-либо право, содержащееся в Пакте, сделанная на основании первого Факультативного протокола, если она не была сделана ранее в отношении тех же прав на основании Пакта, не влияет на обязанности государства соблюдать свое основное обязательство. Оговорка к Пакту не может быть сделана через посредство Факультативного протокола, однако такая оговорка будет действенной в том плане, что она не будет позволять проверять в Комитете выполнение государством этого обязательства в соответствии с первым Факультативным протоколом. Поскольку объект и цель первого Факультативного протокола заключаются в том, чтобы дать возможность проверять в Комитете осуществление прав, которые государство обязано обеспечить в соответствии с Пактом, то оговорка, направленная на то, чтобы не допустить этого, *будет противоречить объекту и цели первого Факультативного протокола*, если не самого Пакта"⁷ (курсив наш).

6.7 Данная оговорка, которая была внесена после обнародования Замечания общего порядка № 24, не ставит целью исключить компетенцию Комитета на основании Факультативного протокола в отношении какого-либо конкретного положения Пакта, преследуя цель исключить такую компетенцию в отношении всего Пакта для одной конкретной группы заявителей, а именно заключенных-смертников. Однако это не делает ее совместимой с объектом и целью Факультативного протокола. Наоборот, Комитет не может принять оговорку, которая предусматривает для какой-либо отдельной группы лиц меньший объем процессуальной защиты по сравнению с той, которая обеспечивается для всего населения. По мнению Комитета, это положение носит дискриминационный характер, идя вразрез с некоторыми из основополагающих принципов, провозглашенных в Пакте и протоколах к нему, и по этой причине оговорка не может считаться совместимой с объектом и целью Факультативного протокола. Следовательно, ничто не мешает Комитету рассмотреть настоящее сообщение по Факультативному протоколу.

6.8 Комитет, отмечая, что государство-участник не оспаривает допустимость каких-либо утверждений автора на любых других основаниях, помимо своей оговорки, считает, что утверждения автора представляются достаточно обоснованными, чтобы быть рассмотренными по существу.

7. Поэтому Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать данное сообщение приемлемым,
- b) просить государство-участник в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола представить в Комитет в течение 6 месяцев с даты препровождения ему этого решения, письменные объяснения или заявления, разъясняющие данный вопрос и любые меры, которые могли быть приняты в этой связи;
- c) просить Генерального секретаря в соответствии с пунктом 3 правила 93 правил процедуры препроводить любые пояснения и заявления, полученные от государства-участника, автору сообщения с просьбой представить любые комментарии, которые он может пожелать сделать

⁷ HRI/GEN/1/Rev.3, 15 августа 1997 года, стр. 57.

в Комитете по правам человека через Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, Отделение Организации Объединенных Наций в Женеве, в течение шести недель с даты их препровождения;

d) препроводить настоящее решение государству-участнику, автору сообщения и его представителям.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое несогласное мнение членов Комитета Нисуке Андо, Прафуллачандры Н. Бхагвати, Экарта Кляйна и Давида Крецмера

1. Мы согласны с тем, что Комитет компетентен зарегистрировать настоящее сообщение и обратиться с просьбой о временных мерах на основании правила Правил процедуры Комитета, с тем чтобы позволить Комитету рассмотреть вопрос о том, является ли сообщение неприемлемым в результате оговорки государства-участника к Факультативному протоколу. Однако мы не можем разделить мнение Комитета о том, что сообщение является приемлемым.

2. Признание государством - участником Пакта компетенции Комитета получать и рассматривать сообщения от отдельных лиц, подлежащих юрисдикции государства-участника, зависит исключительно от ратификации Факультативного протокола или присоединении к нему. В статье 1 Факультативного протокола прямо сказано, что ни одно сообщение не принимается Комитетом, если оно касается государства - участника Пакта, который не является участником Факультативного протокола.

3. Факультативный протокол является самостоятельным международным договором, который намеренно отделен от Пакта, с тем чтобы позволить государствам принять положения Пакта, не будучи обязанными давать согласие на компетенцию Комитета рассматривать сообщения отдельных лиц. В отличие от Пакта, который не содержит положений о денонсации, статья 12 Факультативного протокола прямо разрешает денонсировать Протокол. Само собой разумеется, денонсация Факультативного протокола не имеет никаких юридических последствий для обязательств государства-участника на основании самого Пакта..

4. В данном случае государство-участник осуществило свою прерогативу денонсировать Факультативный протокол. Вновь присоединившись к Факультативному протоколу, оно вновь подтвердило свое признание компетенции Комитета получать и рассматривать сообщения от отдельных лиц. Однако такой акт повторного присоединения был не безграничным. Он сопровождался оговоркой, с которой мы в данном случае и имеем дело.

5. Сам Факультативный протокол не регламентирует допустимости оговорок к своим положениям. В соответствии с правилами обычного международного права, которые отражены в статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров, оговорки могут делаться, если они совместимы с объектом и целью Факультативного протокола. В силу этого ряд государств-участников выразили оговорки, согласно которым Комитет некомпетентен рассматривать сообщения, которые уже рассматриваются по другой процедуре международного расследования или урегулирования. Эти оговорки уважались настоящим Комитетом.

6. Объект и цель Факультативного протокола заключаются в том, чтобы служить достижению целей Пакта и осуществлению его положений, разрешив международное рассмотрение утверждений о том, что права какого-либо лица на основании Пакта были нарушены государством-участником. Действительно, целям и осуществлению Пакта наилучшим образом содействовало бы наличие у Комитета компетенции рассматривать любые утверждения отдельных лиц о нарушении их прав в соответствии с Пактом государствами - участниками Пакта. Однако принятие государством обязательства обеспечивать и защищать все права, предусмотренные в Пакте, не наделяет Комитет

компетенцией рассматривать жалобы отдельных лиц. Такая компетенция приобретает лишь в том случае, если государство - участник Пакта также присоединяется к Факультативному протоколу. Если государство обладает свободой действий в плане признания или непризнания международного контрольного механизма, трудно понять, почему оно не должно обладать свободой действий в плане признания этого механизма только в отношении некоторых прав или ситуаций, если сам договор не исключает этой возможности. Едва ли в области прав человека разумно исходить из посылки "либо все, либо ничего".

7. Комитет придерживается мнения о том, что оговорка государства-участника в данном случае является неприемлемой, поскольку она вычленяет одну группу лиц, т.е. заключенных-смертников, предоставляя им меньший объем процессуальной защиты по сравнению со всем остальным населением. По логике Комитета это означает дискриминацию, которая противоречит некоторым основополагающим принципам, закрепленным в Пакте и протоколах к нему. Мы считаем этот довод необубедительным.

8. Само собой разумеется, государство-участник не может выражать оговорку, которая противоречит императивным нормам международного права. Так, например, какая-либо оговорка к Факультативному протоколу, влекущая дискриминацию между людьми по признаку расы, религии или пола, не может быть действительной. Однако это отнюдь не означает, что проведение любых различий между категориями потенциальных жертв нарушений государством-участником является недопустимым. Все зависит от самого такого различия и объективных причин, которыми оно вызвано.

9. Рассматривая вопросы дискриминации, запрещаемые статьей 26 Пакта, Комитет неоднократно заявлял, что не все различия между людьми влекут за собой дискриминацию. Мы не видим оснований, в силу которых такой же подход нельзя было бы применить и в данном случае. Поскольку мы ведем речь об оговорке к Факультативному протоколу, а не к самому Пакту, мы должны вести речь не о том, должны ли существовать какие-либо различия в материальных правах лиц, приговоренных к смертной казни, и правах других лиц, о том, существуют ли какие-либо различия между *сообщениями*, представляемыми лицами, приговоренными к смертной казни, и сообщениями, подаваемыми всеми другими людьми. Комитет решил оставить в стороне этот аспект данного вопроса, который между тем и лежит в основе оговорки, выраженной государством-участником.

10. Основания для денонсации Факультативного протокола государством-участником изложены в пункте 6.3 мнений Комитета, и нет необходимости вновь воспроизводить их здесь. Ясно, что разница между сообщениями, подаваемыми лицами, приговоренными к смертной казни, и другими лицами, заключается в том, что они имеют различный результат. Из-за конституционных ограничений, существующих в государстве-участнике, один из фактов подачи сообщения лицом, приговоренным к смертной казни, может не позволить государству-участнику привести в исполнение поставленный приговор, *даже если будет установлено, что государство-участник соблюло свои обязательства в соответствии с Пактом*. Другими словами, результат сообщения не зависит от мнений Комитета, т.е. имеет ли место в данном случае какое-либо нарушение, и если да, какие меры рекомендуется принять для исправления положения: результат в данном случае зависит от самого факта подачи сообщения. Иным образом обстоит дело с любой другой категорией лиц, которые могут подавать сообщения.

11. Необходимо подчеркнуть, что, если бы конституционные ограничения, существующие в государстве-участнике, ставили его в положение, при котором оно нарушало бы какие-либо материальные права на основании Пакта, денонсация Факультативного протокола и последующее повторное присоединение к нему не были бы правомерной мерой, поскольку ее объект заключался бы в том, чтобы позволить государству-участнику и впредь безнаказанно нарушать Пакт. К счастью, мы имеем дело с иной ситуацией. Хотя Комитет придерживается иного мнения, чем Тайный совет (в деле, упомянутом в пункте 6.3 мнений Комитета), по вопросу о том, является ли отсрочка с приведением в исполнение смертного приговора сама по себе жестоким и бесчеловечным

наказанием, государство-участник, которое разделяет это мнение Тайного совета, не нарушает своих обязательств по Пакту.

12. В свете вышеизложенного мы не видим оснований считать оговорку государства-участника несовместимой с объектом Факультативного протокола. Поскольку оговорка явно распространяется на данное сообщение (а этот факт не оспаривается автором), мы объявили бы данное сообщение неприемлемым.

13. С учетом нашего вывода о том, что данное сообщение является неприемлемым по изложенным выше причинам, нам нет необходимости решать дополнительный вопрос, возникающий в связи с мнениями Комитета: следствие недействительной оговорки. Однако учитывая важность этого вопроса и тот факт, что сам Комитет высказал мнение по нему, мы не можем обойти его стороной.

14. В пункте 6.7 своих мнений Комитет заявляет, что он считает, что оговорка не может считаться совместимой с объектом и целью Факультативного протокола. Придя к этому выводу, Комитет добавляет, что "следовательно, ничто не мешает Комитету рассмотреть настоящее сообщение по Факультативному протоколу". Он не дает мотивировки этого "следствия", которое отнюдь не самоочевидно. Учитывая отсутствие пояснения в самих мнениях Комитета, мы вынуждены исходить из того, что причины кроются в подходе, принятом Комитетом в его Замечании общего порядка № 24, которое касается оговорки к Пакту.

15. В Замечании общего порядка № 24 Комитет обсуждает факторы, которые делают оговорку несовместимой с объектом и целью Пакта. В пункте 18 Комитет рассматривает последствия несовместимой оговорки и заявляет:

"Последствие неприемлемой оговорки обычно не состоит в том, что Пакт вовсе не будет действовать для страны, сделавшей оговорку. Скорее такая оговорка будет отделимой в том смысле, что Пакт будет действовать для стороны, сделавшей оговорку, без действия самой оговорки".

Не секрет, что этот подход Комитета вызвал серьезные нарекания. Многие юристы-международники считают, что этот подход не соответствует основным принципам любого договорного режима, согласно которым договорные обязательства государства обусловлены согласием взять на себя эти обязательства. Если оговорка несовместима с объектом и целью договора, утверждают критики, выразившее оговорку государство не становится участником договора до тех пор, пока оно не отзовет эту оговорку. По мнению критиков, нет каких-либо оснований отходить от общих принципов договорного права применительно к оговоркам к Пакту.

16. Мы не собираемся в контексте данного дела заново открывать полемику вокруг общего вопроса, рассмотренного в Замечании общего порядка № 24. Достаточно сказать, что даже при рассмотрении оговорок к самому Пакту Комитет не во всех случаях считал, что неприемлемая оговорка должна оставаться в стороне, в результате чего выразившее оговорку государство становится стороной Пакта, как бы не имея этой оговорки. Как явствует из процитированного выше пункта Замечания общего порядка № 24, Комитет лишь указал, что так дело обстояло бы *обычно*. Обычная посылка заключается в том, что ратификация или присоединение не зависят от приемлемости оговорки и что неприемлемость оговорки не лишает силы согласие выразившего оговорку государства быть стороной Пакта. Однако эта посылка не может применяться, когда и без того абсолютно ясно, что согласие выразившего оговорку государства на участие в Пакте, *зависит от приемлемости данной оговорки*. То же самое касается и оговорок к Факультативному протоколу.

17. Как поясняется в пункте 6.2 мнений Комитета от 26 мая 1998 года, государство-участник денонсировало Факультативный протокол и незамедлительно вновь присоединилось к нему с оговоркой. Оно также объяснило, почему оно не может признать компетенцию Комитета рассматривать сообщения от лиц, приговоренных к смертной казни. В этих конкретных обстоятельствах совершенно ясно, что Тринидад и Тобаго не готовы быть участником Факультативного протокола без этой конкретной оговорки и что повторное присоединение к

Протоколу зависело от приемлемости данной оговорки. Из этого следует, что если мы согласимся с мнением Комитета о том, что данная оговорка является недействительной, то нам необходимо считать, что Тринидад и Тобаго не являются участником Факультативного протокола. В результате, сообщение, разумеется, было бы недопустимым.

18. В заключение, мы хотели бы подчеркнуть, что мы разделяем мнение Комитета о том, что поданная государством-участником оговорка представляется нежелательной. Мы также считаем, что эта оговорка имеет более широкий охват, чем это было бы необходимо для учета конституционных ограничений в государстве-участнике, поскольку она исключает сообщения от лиц, приговоренных к смертной казни, даже если срок, установленный Тайным советом, уже был превышен (как дело обстояло бы в данном случае). Как известно, что после денонсации Протокола государством-участником и повторного присоединения к нему Тайный совет принял новые решения, в силу которых какая-либо необходимость в этой оговорке могла отпасть. Все эти факторы не затрагивают вопроса о совместимости оговорки с объектом и целью Факультативного протокола. Однако мы хотели бы выразить надежду на то, что государство-участник вновь рассмотрит вопрос о необходимости данной оговорки и снимет ее. Мы также констатируем очевидное: приемлемость оговорки никоим образом не затрагивает обязанность государства-участника выполнять все свои материальные обязательства по Пакту. Предусмотренные Пактом права лиц, приговоренных к смертной казни, должны гарантироваться и защищаться во всех обстоятельствах.

Особое согласное мнение члена Комитета Луиса Хенкина

Я согласен с результатом.

В. Решения об объявлении сообщения неприемлемым

Сообщение № 717/1996

Представлено: Акуньей Иностросой и другими [представлены адвокатом]

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Чили

Объявлено неприемлемым: 22 июля 1999 года (шестьдесят шестая сессия)

Тема сообщения: Внесудебные казни политических оппонентов, имевшие место до вступления в силу Факультативного протокола

Процедурные вопросы: Приемлемость *ratione temporis* - Нарушение с длящимся действием

Вопросы существа: Произвольное лишение жизни - Обязанность расследовать внесудебные казни - Закон об амнистии, применяемый судами для прекращения расследований

Статьи Пакта: Статьи 2; 5; пункт 1 статьи 14; пункты 1 и 2 статьи 15; статьи 16 и 26.

Статья Факультативного протокола: статья 1

Вывод: Неприемлемо

1. Сообщение передано на рассмотрение от имени Карлоса Максимилиано Акуньи Иностросы и 17 других лиц, граждан Чили, которые были казнены в 1973 году. Утверждается, что Акунья Иностроса и другие являются жертвами нарушения Чили статей 2 и 5, пункта 1 статьи 14, пунктов 1 и 2 статьи 15 и статей 16 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Они представлены Нельсоном Г.С. Перейрой из организации "Fundaciyn de Ayuda Social de las Iglesias Cristianas".

2.1 9 октября 1973 года военный конвой, состоявший из нескольких автомобилей и примерно девяноста солдат, двигался в направлении промышленного комплекса в Пангипулли (Sector Sur del Complejo Maderero Panguipulli). В городах Чабранко, Курринье, Льифен и Футроно полиция (Carabineros) произвела облаву и передала задержанных солдатам. Позднее, той же ночью, авторов сообщения отвезли в имение некоего гражданского лица, расположенное в горах. В неустановленный час заключенных вывели из грузовиков и заставили войти в дом. Затем их отвели примерно на 500 метров от дома и казнили.

2.2 10 октября 1973 года свидетель установил личность нескольких жертв и показал, что трупы были изуродованы. Тела оставались на месте казни, их лишь забросали листьями и ветками. Только спустя 15 дней они были захоронены солдатами в неглубоких могилах.

2.3 В конце 1978 или в начале 1979 года неизвестные гражданские лица прибыли в горное имение и попросили владельца указать место захоронения. Они раскопали могилы, достали трупы, а затем отвезли в неустановленное место. Известно, что во время войны жертв не судили военным трибуналом; они были просто казнены без суда и следствия.

2.4 Судебное разбирательство с целью выяснения местонахождения останков жертв было начато 25 июня 1990 года в Уголовном суде Лос-Лагоса (Juzgado Criminal de Los Lagos). Был назначен специальный следственный судья (Ministro en Visita extraordinaria), однако судебное разбирательство было в самом начале прекращено на основании ходатайства от 17 августа 1990 года, поданного военной юрисдикцией. Специальному следователю было приказано прекратить расследование. Это было официально подтверждено решением от 3 сентября 1990 года. 17 января 1991 года коллизия юрисдикций была разрешена Верховным судом в пользу военной юрисдикции.

2.5 24 мая 1993 года 4-й Военный суд Вальдивии (IV Juzgado Militar de Valdivia) официально принял решение о прекращении дела (sobreseimiento definitivo); 13 октября 1994 года Военный суд (Corte Marcial) поддержал это решение. Один из гражданских судей заявил об особом мнении, считая, что судебное разбирательство должно быть возбуждено повторно, так как появились факты, свидетельствующие о том, что имел место акт геноцида.

2.6 Затем была подана жалоба (Recurso de Oueja) в Верховный суд (Corte Suprema) по поводу злоупотребления властью со стороны Военного трибунала и Военного суда, прекративших дело на основании Указа об амнистии 1978 года. 24 октября 1995 года Верховный суд отклонил жалобу.

Жалоба

3.1 Обращение в Верховный суд обосновывалось нарушениями чилийскими властями как национального законодательства, так и международных конвенций. В связи с этим делалась ссылка на Женевские конвенции 1949 года, вступившие в силу для Чили с апреля 1951 года, согласно которым не подлежат амнистии определенные противоправные действия, совершенные во время вооруженного конфликта, не имеющего международных аспектов. Обращалось внимание на то, что расследуемые события имели место в Чили в период чрезвычайного положения ("Estado de sitio en grado de 'Defensa Interna'"). Адвокат утверждает, что нынешние чилийские власти своими действиями оправдывают преступные деяния, совершенные прежним военным режимом и становятся его пособниками.

3.2 Утверждается, что, как бы ни определялись указанные деяния – на основании ли Женевских конвенций или пункта 2 статьи 15 Пакта, – они представляют собой действия или упущения, которые в момент их совершения являлись уголовными преступлениями согласно общим принципам права, признанным международным сообществом, и которые не могут ни лишиться исковой силы вследствие истечения срока исковой давности, ни быть прощенными каким-либо государством в одностороннем порядке. Адвокат заявляет, что в результате применения закона об амнистии (Указ № 2.191 1978 года) Чили освободила от наказания тех, кто несет ответственность за эти деяния. Утверждается, что государство отказывается от своего обязательства расследовать международные преступления и предать суду тех, кто виновен в этих действиях, и установить, что произошло с жертвами. Таким образом, нарушены фундаментальные права авторов и их семей. Адвокат заявляет о нарушении пункта 2 статьи 15 Пакта, так как государство в одностороннем порядке и незаконно оставило безнаказанными уголовные деяния.

3.3 Адвокат утверждает, что применение закона об амнистии № 2.191 1978 года лишает жертв и их семей права на правосудие, включая право на справедливое рассмотрение дела и надлежащую компенсацию за нарушение Пакта. Адвокат далее заявляет о нарушении статьи 14 Пакта, поскольку жертвам и их семьям не было предоставлено доступа к таким судам на равных условиях, не было также обеспечено их право на справедливое и беспристрастное разбирательство. Поскольку данные дела были переданы в военные суды, был нарушен принцип равенства юрисдикций.

3.4 По мнению адвоката, решение военных трибуналов не расследовать обстоятельства смерти жертв является нарушением статьи 16 Пакта, то есть непризнанием жертв в качестве субъектов права.

3.5 В отношении оговорки, сделанной Чили при ратификации в 1992 году Факультативного протокола, утверждается, что, хотя изложенные в жалобе события произошли до 11 марта 1990 года, возражение в настоящем сообщении касается решения Верховного суда, принятого в октябре 1995 года.

Замечания государства-участника и комментарии адвоката

4.1 В своих представлениях от 6 декабря 1996 года, 12 февраля 1997 года и 9 февраля 1998 года государство-участник подробно излагает историю этих дел и суть закона об амнистии 1978 года. Оно, в частности, признает, что авторы точно представили факты. Именно для рассмотрения

серьезных нарушений прав человека, совершенных прежним военным режимом, бывший президент Эйлвин Указом от 25 апреля 1990 года учредил Национальную комиссию по установлению истины и примирению. В своем отчете Комиссия должна была указать все случаи нарушений прав человека, которые были доведены до ее сведения; среди них был и так называемый инцидент "Baños de Chihuido", во время которого были убиты Акунья Иностранца и другие. Государство-участник представило подробное описание хода расследования в отношении этого инцидента.

4.2 Государство-участник утверждает, что факты, лежащие в основе сообщения, не могут быть приписаны избранному конституционным путем правительству (или правительствам), которые пришли на смену военному режиму. Оно подробно излагает обстоятельства, при которых в период правления военного режима большое число чилийских граждан исчезли и были казнены без суда и следствия.

4.3 Государство-участник отмечает, что отменить Указ об амнистии 1978 года невозможно, и приводит причины: во-первых, законодательная инициатива по таким вопросам, как амнистия, может исходить только от Сената (статья 62 Конституции), в котором правительство пользуется поддержкой меньшинства членов. Во-вторых, отмена закона не обязательно будет иметь уголовно-правовые последствия для виновных, поскольку уголовное законодательство не имеет обратной силы. Этот принцип закреплен в части 3 статьи 19 Конституции Чили и пункте 1 статьи 15 Пакта. В-третьих, состав Конституционного суда. В-четвертых, порядок назначения главнокомандующих вооруженными силами; президент Республики не вправе смещать действующих офицеров, в том числе генерала Пиночета. И наконец, состав и полномочия Совета национальной безопасности (Consejo de Seguridad Nacional) ограничивают власть демократических органов по всем вопросам, связанным с внутренней и внешней национальной безопасностью.

4.4 Далее государство-участник отмечает, что наличие закона об амнистии не препятствует продолжению уголовных расследований, которые уже ведут чилийские суды. В этом смысле Указ 1978 года об амнистии может освободить от уголовной ответственности тех, кто обвиняется в совершении преступлений при военном режиме, но он никоим образом не может приостановить расследование с целью выяснения того, что произошло с задержанными и впоследствии пропавшими людьми. Именно такого толкования указа придерживаются и Военный суд, и Верховный суд.

4.5 Правительство подчеркивает, что Конституция Чили (статья 73) гарантирует независимость судебной власти. Поэтому исполнительная власть не может вмешиваться в судебную практику применения и толкования внутреннего законодательства, даже если решения судов противоречат интересам правительства.

4.6 В отношении положений закона об амнистии государство-участник отмечает необходимость найти некий баланс между стремлением к национальному примирению и успокоению общества и необходимостью установить правду о прошлых нарушениях прав человека и добиться правосудия. Именно из этого исходил бывший президент Эйлвин при создании Комиссии по установлению истины и примирению. По мнению государства-участника, состав Комиссии был безупречным с точки зрения представительства, поскольку в нее вошли люди, связанные с бывшим военным режимом, бывшие судьи и представители гражданского общества, в том числе основатель и председатель Чилийской комиссии по правам человека.

4.7 Государство-участник проводит грань между амнистией, предоставленной де-факто авторитарным режимом в силу того, что он не осудил массовые нарушения прав человека, не провел по ним расследования или принял меры, призванные обеспечить безнаказанность своим представителям, и амнистией, объявленной избранной в конституционном порядке демократической властью. Оно заявляет, что избранные конституционным путем правительства Чили не принимали каких-либо амнистийных мер и не издавали каких-либо указов об амнистии, которые можно было бы рассматривать как несовместимые с положениями Пакта, и не совершали никаких действий, которые противоречили бы обязательствам Чили по Пакту.

4.8 Государство-участник напоминает, что по истечении полномочий Комиссии по установлению истины и примирению эту работу продолжил другой орган – "Corporaci3n Nacional de la Verdad y Reconciliaci3n", что со всей очевидностью свидетельствует о намерении правительства расследовать массовые нарушения, совершенные прежним военным режимом. В августе 1996 года "Corporaci3n Nacional" представила подробный отчет правительству, в котором список жертв прежнего режима был дополнен еще 899 лицами. Этот орган также осуществляет контроль за практической реализацией программы выплат компенсаций потерпевшим в соответствии с рекомендациями Комиссии по установлению истины и примирению.

4.9 Правовой основой для компенсации жертвам бывшего военного режима служит Закон № 19.123 от 8 февраля 1992 года, согласно которому:

- учреждается "Corporaci3n Nacional" с полномочиями по содействию выплате компенсаций жертвам нарушений прав человека, указанным в заключительном докладе Комиссии по установлению истины и примирению;
- "Corporaci3n Nacional" уполномочивается продолжать расследование обстоятельств дел, в отношении которых Комиссии по установлению истины и примирению не удалось выяснить, были ли они результатом политического насилия;
- устанавливаются максимальные размеры компенсационных пенсий по каждому случаю, в зависимости от числа получателей;
- устанавливается, что компенсационные пенсии подлежат индексации в основном в том же порядке, что и общие пенсии;
- предоставляется "компенсационный бонус" в размере 12 месячных компенсационных пенсий;
- увеличиваются пенсии на сумму ежемесячных затрат на страхование в случае болезни, с тем чтобы все медицинские расходы оплачивало государство;
- объявляется, что расходы на образование детей жертв прежнего режима будут оплачены государством, в том числе на высшее образование;
- закрепляется право детей жертв прежнего режима на освобождение от воинской службы.

В соответствии с вышеуказанными директивами родственникам Акуньи Иностросы и другим жертвам выплачивались и продолжают выплачивать ежемесячные пособия.

4.10 С учетом вышеизложенного государство-участник обращается с просьбой к Комитету принять решение относительно того, что оно не может нести ответственность за действия, послужившие основанием для настоящего сообщения. Кроме того, оно ходатайствует о вынесении решения о том, что создание Национальной комиссии по установлению истины и примирению, а также меры по исправлению положения, предусмотренные в Законе № 19.123, являются надлежащими средствами правовой защиты по смыслу статьи 2 Пакта.

4.11 В последующем представлении от 29 июля 1997 года государство-участник подтверждает, что подлинным препятствием для завершения расследований об исчезновении людей и казней без суда и следствия, аналогичных делу авторов, является Указ об амнистии 1978 года, изданный прежним военным режимом. Действующее правительство не может нести ответственность на международном уровне за серьезные нарушения прав человека, которые послужили причиной для подачи данной жалобы. Как отмечено в представлениях, действующее правительство сделало все возможное для установления истины, совершения правосудия и выплаты компенсаций жертвам или их родственникам. Желание правительства содействовать соблюдению прав человека подтверждается фактом ратификации с 1990 года нескольких международных документов по правам человека, а

также отзывом оговорок к некоторым международным и региональным документам по правам человека, сделанным военным режимом.

4.12 Государство-участник далее напоминает, что с переходом к демократии жертвы прежнего режима могут рассчитывать на полную поддержку со стороны властей в восстановлении своего достоинства и своих прав в рамках закона и с учетом всех обстоятельств. Делается ссылка на продолжающуюся работу комиссии "Corporaciyn Nacional de Reparaciyn y Reconciliaciyn".

5.1 В своих комментариях адвокат оспаривает некоторые утверждения государства-участника. Он отмечает, что государство-участник в своих возражениях игнорирует или по меньшей мере неправильно толкует обязательства Чили в соответствии с международным правом, которые, по его словам, требуют от правительства принятия мер по смягчению или устранению последствий Указа об амнистии 1978 года. Статья 2 Американской конвенции о правах человека и пункт 2 статьи 2 Пакта налагают на государство-участника обязательство принять необходимые меры (законодательные, административные или судебные) для реализации прав, предусмотренных в этих документах. По мнению адвоката, нельзя оспаривать тот факт, что единственным решением является отмена или объявление недействительным Указа об амнистии 1978 года: ничто не мешает государству-участнику амнистировать тех, кто совершил правонарушения, если только эти правонарушения не являются международными преступлениями или преступлениями против человечности. Как считает адвокат, факты, послужившие основанием для данного сообщения, подпадают под категорию именно таких преступлений.

5.2 По мнению адвоката, нельзя спорить и с тем, что принцип, согласно которому уголовное законодательство не имеет обратной силы, препятствует преследованию тех лиц, которые считаются ответственными за грубые нарушения прав человека при прежнем военном режиме. Этот принцип не применяется к преступлениям против человечности, которые не могут иметь срока давности. Кроме того, если принцип "уголовный закон не имеет обратной силы" действует в пользу преступника и при этом входит в коллизию с другими основными правами потерпевших, такими как право на средства правовой защиты, такое противоречие должно быть устранено в пользу последних, поскольку эта коллизия проистекает из нарушения основных прав, таких как право на жизнь, личную свободу и физическую неприкосновенность. Иными словами, лицо, совершившее серьезные преступления, не может пользоваться большими правами, чем жертвы его преступлений.

5.3 Далее адвокат утверждает, что с точки зрения строго юридического подхода, когда государство-участник модифицировало в 1989 году Конституцию Чили и включило во внутреннюю правовую систему положения международных и региональных документов по правам человека, таких как Американская конвенция о правах человека и Пакт, оно тем самым косвенно отменило все (внутренние) нормы, несовместимые с этими документами; к ним следует отнести и Указ об амнистии D.L.2.191 1978 года.

5.4 В отношении довода государства-участника о независимости судебной власти адвокат признает, что применение указа об амнистии и, следовательно, отказ в соответствующих средствах правовой защиты жертвам прежнего военного режима вытекают из действий чилийских судов, в частности военных судов и Верховного суда. Однако, несмотря на независимость этих органов, они остаются представителями государства, и поэтому их действия влекут ответственность государства, если они несовместимы с обязательствами государства-участника по международному праву. В силу этого адвокат считает довод государства-участника относительно того, что оно не может вмешиваться в действия судебной власти, неприемлемым: ни одна политическая система не может оправдать нарушение основных прав одной из ветвей власти, и было бы абсурдно сделать вывод о том, что, в то время как исполнительная власть стремится обеспечить соблюдение международных норм по правам человека, судебная власть может поступать вопреки этим нормам или просто игнорировать их.

5.5 И наконец, адвокат утверждает, что государство-участник вводит в заблуждение тем, что ссылается в оправдание своих аргументов на выводы ряда докладов и резолюций Межамериканской

комиссии по правам человека. По мнению адвоката, очевидно, что Комиссия сочла бы любую форму амнистии, которая препятствует выяснению истины и совершению правосудия в таких случаях, как насильственное исчезновение людей и казнь без суда и следствия, несовместимой с Американской конвенцией о правах человека и нарушающей ее.

5.6 В дополнительных комментариях адвокат вновь повторяет свои утверждения, изложенные выше, в пунктах 3.2 и 3.3. В отношении данных случаев вопрос стоит не о выплате той или иной компенсации жертвам прежнего режима, а об отказе им в правосудии: государство-участник ограничивается утверждением, что оно не имеет возможности проводить расследования и возбуждать дела по преступлениям, совершенным прежним военным режимом, и тем самым исключает возможность предоставления жертвам каких-либо средств судебной защиты. По мнению адвоката, наилучшим средством правовой защиты являются установление истины посредством судебного разбирательства и привлечение к суду тех, кто несет ответственность за эти преступления. В отношении данных случаев это подразумевает выяснение мест захоронения жертв и причин их убийства, установление личности тех, кто убил их или приказал убить, а затем возбуждение уголовного дела и привлечение виновных к ответственности.

5.7 Адвокат добавляет, что его толкование юридической недействительности Указа об амнистии 2.191 1978 года в свете международного права и Пакта одобрено Межамериканской комиссией по правам человека в резолюции, принятой в марте 1997 года. В этой резолюции Комиссия признала закон об амнистии противоречащим Американской конвенции о правах человека и настойчиво призвала государство-участника внести соответствующие поправки в свое законодательство. Комиссия потребовала от правительства Чили продолжить расследование фактов исчезновения людей при прежнем режиме, предъявить обвинение, привлечь к суду и судить тех, кто несет за это ответственность. По мнению адвоката, резолюция Комиссии абсолютно точно указывает на ответственность Чили за факты и действия, подобные тем, которые послужили основанием для данных сообщений.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет по правам человека на основании правила 87 своих правил процедуры должен принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник прямо не оспаривает приемлемость сообщения, хотя подчеркивает, что события, на которые ссылаются авторы, в том числе принятие Указа об амнистии 1978 года, произошли до вступления Факультативного протокола в силу для Чили, ратифицировавшей этот документ 28 августа 1992 года со следующим заявлением: "Принимая компетенцию Комитета по правам человека на получение и рассмотрение сообщений от частных лиц, правительство Чили делает оговорку, что эта компетенция распространяется только на действия, имевшие место после вступления в силу Факультативного протокола для этого государства, или в любом случае на действия, которые имели место после 11 марта 1990 года".

6.3 Комитет отмечает, что авторы также оспаривают решение Верховного суда Чили от 24 октября 1995 года, отклонившего их ходатайство о пересмотре решений, ранее вынесенных военными судами не в их пользу.

6.4 Комитет отмечает, что действия, послужившие основанием для жалоб, связанных со смертью авторов, имели место до вступления Пакта в силу на международном уровне, а именно до 23 марта 1976 года. Следовательно, эти жалобы неприемлемы *ratione temporis*. Решение Верховного суда 1995 года не может рассматриваться как новое событие, которое могло бы повлиять на права лица, убитого в 1973 году. Следовательно, сообщение является неприемлемым согласно статье I Факультативного протокола, и Комитету нет необходимости рассматривать вопрос о том, следует ли расценивать заявление, сделанное Чили при присоединении к Факультативному протоколу, как оговорку или просто как декларацию.

6.5 Вопрос о том, могут ли ближайшие родственники казненных иметь законные претензии в соответствии с Пактом, несмотря на неприемлемость данного сообщения, не поставлен перед Комитетом и может не рассматриваться в данном разбирательстве.

7. Соответственно, Комитет по правам человека постановляет:

- a) считать данное сообщение неприемлемым;
- b) препроводить настоящее решение государству-участнику и адвокату авторов.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета Иполито Солари Иригойена (несовпадающее)

Я придерживаюсь иного мнения в отношении пункта 6.4, который должен формулироваться следующим образом: "В отношении жалобы автора в соответствии со статьей 16 Пакта Комитет отмечает, что настоящее сообщение касается нарушения права автора быть повсеместно признанным в качестве субъекта права вследствие отсутствия расследования по местонахождению его тела. Комитет считает это одним из основных прав, которое должно быть предоставлено каждому, даже после его смерти, и которое должно защищаться, когда бы ни добивались его признания. Поэтому нет необходимости рассматривать, является ли заявление, сделанное Чили при присоединении к Факультативному протоколу, оговоркой или просто декларацией, и можно сделать вывод о том, что это не препятствует *ratione temporis* проверке сообщения автора по данному вопросу.

В отношении жалобы в соответствии с пунктом 1 статьи 14 Пакта утверждается, что в деле автора суд не был беспристрастным при установлении того, имело ли место нарушение на основании статьи 16 Пакта. Комитет считает, что оно является достаточно мотивированным для целей приемлемости в связи с тем, что дело автора не слушалось независимым судом".

Особое мнение члена Комитета Кристины Шане (несовпадающее)

Я оспариваю решение, принятое Комитетом, который при рассмотрении обоих сообщений отказал заявителям на основании оговорки *ratione temporis*, сделанной Чили при присоединении к Факультативному протоколу.

По моему мнению, вопрос не мог быть рассмотрен таким образом, учитывая то обстоятельство, что судебные решения, вынесенные государством-участником, были утверждены после даты, указанной в его оговорке, и проблема, поднятая в связи со статьей 16 Пакта, затрагивает ситуацию, которая в случае ее сохранения будет иметь долгосрочные последствия.

В данном случае, даже если в отношении фактических обстоятельств, упомянутых в обоих сообщениях, имеются расхождения, отношение государства к выводам, которые надлежит сделать из исчезновений, обязательно поднимает вопрос о статье 16 Пакта.

Согласно статье 16, каждый человек имеет право на признание его правосубъектности.

Данное право прекращает свое действие со смертью лица, но его последствия действуют и после смерти; это, в частности, относится к завещаниям и к такому непростому вопросу, как пожертвование внутренних органов.

Указанное право остается в силе *a fortiori*, если обстоятельства, при которых произошло исчезновение лица, остаются невыясненными; он или она может вновь объявиться, по закону человек жив даже в случае его отсутствия; гражданская смерть не подменяет собой подтвержденный факт естественной смерти.

Эти замечания не означают, что срок действия указанного права не ограничен: либо личность погибшего бесспорно установлена и факт смерти может быть объявлен, либо отсутствие человека или идентификация личности вызывают сомнения. Государство должно установить нормы, охватывающие все такие случаи; например, оно может определить срок, после окончания которого исчезнувший человек считается умершим.

Именно это Комитет должен был попытаться установить в данном конкретном деле, проведя углубленный анализ всех вопросов.

Сообщение № 880/1999

Представлено: Терри Ирвингом [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Австралия

Объявлено неприемлемым: 1 апреля 2002 года

Тема сообщения: Право на компенсацию после отмены приговора

Процедурные вопросы: Отсутствуют

Вопросы существа: Отмена приговора после принятия "окончательного решения"

Статья Пакта: Пункт 6 статьи 14

Статья Факультативного протокола и Правил процедуры: 3

1.1 Автор сообщения от 5 октября 1999 года является Терри Ирвинг, гражданин Австралии, 1955 года рождения. Автор утверждает, что он является жертвой нарушения Австралией пункта 6 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автора сообщения представляет адвокат. Адвокат в представлении от 29 мая 2001 года отказался от первоначальной жалобы в отношении нарушения статьи 5 пункта 9 Пакта.

1.2 При ратификации Пакта Австралия сделала оговорку в отношении пункта 6 статьи 14 Пакта, согласно которой "предоставление компенсации за судебную ошибку при обстоятельствах, указанных в пункте 6 статьи 14, относится скорее к административным процедурам, нежели к конкретному законодательному положению".

Факты в изложении автора

2.1 Присяжные заседатели окружного суда Кернса 8 декабря 1993 года признали автора виновным в вооруженном ограблении отделения банка ANZ в Кернсе, совершенном 19 марта 1993 года. Он был приговорен к восьми годам лишения свободы. Автор обратился с просьбой об оказании ему юридической помощи в подаче апелляции на вынесенное решение, однако Управление по оказанию юридической помощи Квинсленда отклонило его просьбу. Во время слушания его дела в Апелляционном суде Квинсленда, который отклонил его апелляцию 20 апреля 1994 года, он не был представлен адвокатом.

2.2 Автор 3 мая 1994 года обратился с просьбой о предоставлении ему юридической помощи для получения особого разрешения на подачу апелляции в Высокий суд Австралии. 28 мая 1994 года Управление по оказанию юридической помощи Квинсленда отклонило эту просьбу автора. В июле 1994 года автор еще раз обратился в Комитет по рассмотрению дел, связанных с оказанием юридической помощи, с просьбой пересмотреть это решение. В августе 1994 года окружной комитет в очередной раз отказал ему в предоставлении юридической помощи. Автор затем безуспешно

подавал прошения в другие органы, включая Комиссию по уголовному правосудию Квинсленда, Общество права Квинсленда и управление омбудсмена Квинсленда.

2.3 Автор еще раз подал прошение в Комитет по рассмотрению дел, связанных с оказанием юридической помощи, с целью получения особого разрешения на апелляцию. В январе 1995 года Комитет предоставил юридическую помощь с целью передачи вопроса адвокату для получения консультации о перспективах подачи апелляции. В апреле 1995 года автору было отказано в дальнейшей юридической помощи. 17 июля 1995 года Служба оказания юридической помощи заключенным Квинсленда отказала автору в его просьбе об оказании такой помощи. 28 августа 1995 года Управление по оказанию юридической помощи АСТ отклонило ходатайство автора о предоставлении ему такой помощи.

2.4 В августе 1995 года автору был вручен документ, в котором он фигурировал в качестве ответчика в деле о компенсации, начатому тремя кассирами банка ANZ, обвинение в ограблении которого он не признает. 22 сентября 1995 года, участвуя в судебном разбирательстве по этому делу, автор заявил, что его несправедливо обвинили в совершении этого преступления. 24 ноября 1995 года ему было отказано в представлении дальнейших устанавливающих личность доказательств в этом судебном разбирательстве и было принято решение о компенсации.

2.5 Исчерпав все известные ему возможные способы представительства и юридической помощи, автор пришел к выводу, что у него нет иного выхода, кроме как представлять себя самого в Высоком суде Австралии, несмотря на предыдущую неудачную попытку выступать в качестве представляющего самого себя заявителя в Апелляционном суде Квинсленда. 2 мая 1996 года Высокий суд принял собранную находящимся под стражей автором документацию для получения особого разрешения на подачу апелляции. 8 декабря 1997 года, ровно четыре года спустя после вынесения автору первоначального обвинительного приговора, Высокий суд удовлетворил его ходатайство о получении особого разрешения на подачу апелляции, разрешил подать ее, отменил приговор и вынес решение о проведении нового судебного разбирательства. Во время слушания дела Суд учел признание обвинения, что во время первоначального судебного разбирательства в отношении автора была допущена несправедливость. Суд указал, что у него имеются "самые серьезные сомнения в отношении обстоятельств данного дела", что "создалась вызывающая очень серьезные опасения ситуация" и что "в течение всего времени обвиняемому было отказано в предоставлении юридической помощи для подачи апелляции". 11 декабря 1997 года автор был освобожден из тюрьмы под залог. 2 октября 1998 года главный общественный обвинитель Квинсленда заявил об отказе проведения нового судебного разбирательства и вынес решение о прекращении производства дела.

2.6 Автор 6 июля 1998 года обратился к Генеральному прокурору Квинсленда с просьбой о выплате ему компенсации *ex gratia* за судебную ошибку, послужившую причиной незаконного лишения его свободы в течение свыше четырех с половиной лет. Он обратился также с просьбой о создании независимой комиссии по расследованию обстоятельств его незаконного осуждения и лишения свободы. 10 августа 1998 года, 18 сентября 1998 года и 21 декабря 1998 года автор еще раз обращался к Генеральному прокурору Квинсленда.

2.7 Департамент юстиции Квинсленда 11 января 1999 года препроводил заявления о неправомерных действиях государственных служащих в этом деле в Комиссию по уголовному правосудию Квинсленда. 19 марта 1999 года автор подал иск в Верховный суд Квинсленда на проводившего расследование следователя и власти штата Квинсленд, требуя возмещения убытков за злоумышленное судебное преследование и присуждение штрафной компенсации.

2.8 Автор 25 июля 1999 года снова пытался добиться компенсации у Генерального прокурора Квинсленда. В августе 1999 года Комиссия по уголовному правосудию ответила, что дело автора не дает оснований для оправданных подозрений в отношении неправомерных действий официальных должностных лиц. После этого автор опять пытался добиться компенсации у Генерального прокурора. В сентябре 1999 года старший советник Генерального прокурора по вопросам политики

информировал автора, что, "учитывая мнение Комиссии по уголовному правосудию и Ваше решение начать судебный процесс, Генеральный прокурор более не будет рассматривать Ваше заявление о выплате компенсации *ex gratia*, а будет ожидать результатов этого судебного процесса". 15 августа 2000 года автор подал жалобу в Парламентский комитет по уголовному правосудию Квинсленда. К началу февраля 2002 года никакого ответа из Парламентского комитета на его жалобу получено не было. Вопрос, как сообщается, все еще находится на рассмотрении.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что он исчерпал все возможные эффективные внутренние средства правовой защиты и что он безуспешно пытался, в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, добиться у Генерального прокурора Квинсленда выплаты ему компенсации за незаконное лишение свободы.

3.2 Автор утверждает, что он выполнил все требования для получения компенсации в соответствии с условиями, предусмотренными в пункте 6 статьи 14. Во-первых, 8 декабря 1993 года он был осужден за уголовное преступление. Во-вторых, впоследствии 8 декабря 1997 года вынесенный ему приговор был отменен Высоким судом Австралии. В-третьих, решение Высокого суда было окончательным. В-четвертых, как утверждает автор, вынесенный ему приговор был отменен на основании того, что новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказало совершение судебной ошибки: в частности, он был лишен права на справедливое судебное разбирательство и у суда имелись самые серьезные сомнения в отношении обстоятельств данного дела. И наконец, как утверждает автор, не было доказано, что необнародованный неизвестный факт, о котором шла речь, в полной мере или частично имеет отношение к нему. Поскольку выполнены все необходимые условия для выплаты компенсации согласно пункту 6 статьи 14, власти Квинсленда обязаны выплатить ему компенсацию. Поскольку этого не сделано, нарушен пункт 6 статьи 14.

Представления государства-участника по вопросам приемлемости и существования сообщения

4.1 По вопросу о приемлемости сообщения государство-участник в своем представлении от 22 октября 2000 года заявило следующее:

- автор не исчерпал все возможные и эффективные внутренние средства юридической защиты. На момент представления сообщения он предъявил два разных иска: один - в отношении проводившего расследование полицейского и властей Квинсленда за злоумышленное судебное преследование и выплаты штрафной компенсации и второй - требующий через Генерального прокурора Квинсленда выплаты компенсации за незаконное лишение свободы. Согласно заявлению государства-участника, оба иска тщательно рассматриваются и таким образом считаются эффективными. Нет никаких особых обстоятельств, которые мешали бы автору использовать эти средства в полной мере. Государство-участник утверждает, что при тщательном рассмотрении окончательное решение по этим жалобам займет от года до полутора лет; оно отрицает, что суды Квинсленда безосновательно затягивают решение вопроса о получении автором компенсации;
- автор не смог доказать нарушение пункта 6 статьи 14, поскольку окончательное решение по его делу, т.е. решение Высокого суда Австралии, не являлось первоначально вынесенным ему приговором и не подтверждало его. Поскольку, в соответствии с пунктом 6 статьи 14 Пакта, окончательное решение должно подтвердить первоначально вынесенный приговор, а в данном случае Высокий суд его не поддержал, пункт 6 статьи 14 в данном случае неприменим, и эта жалоба должна быть признана неприемлемой *ratione materiae*.

4.2 Что касается вопросов существования утверждений автора, то государство-участник заявляет, что:

- пункт 6 статьи 14 Пакта не был нарушен, поскольку автор не был осужден на основании "окончательного решения" по смыслу данного положения. Государство-участник напоминает,

что в отношении "окончательного решения" апелляция не может быть подана. В соответствии с механизмами австралийской системы пересмотра судебных решений в отношении вынесенного автору приговора апелляция могла быть подана в любой момент. В Австралии в целом и в Квинсленде в частности решение суда первой инстанции об осуждении какого-либо лица не является, по крайней мере первоначально, окончательным, поскольку осужденное лицо всегда имеет право на подачу апелляции. Как отмечает государство-участник, успешная подача автором апелляции в Высокий суд опровергает любое утверждение о том, что решение Верховного суда Квинсленда явилось окончательным.

Комментарии автора в отношении представления государства-участника

5.1 В отношении приемлемости данного сообщения автор утверждает, что:

- используемые при гражданском правонарушении средства защиты, которые он использовал для восстановления нарушенных прав, не могут рассматриваться как средства правовой защиты по смыслу пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, поскольку они не являются эффективными. Кроме того, простая возможность выплаты ему компенсаций *ex gratia* за незаконное лишение свободы в случае отклонения его жалоб также не может представлять собой средство защиты по смыслу пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, поскольку это зависит от использования дискреционного права властями государства-участника. Наконец, г-н Ирвинг утверждает, что применение средств правовой защиты было "необоснованно затянато" судебными властями Квинсленда.

5.2 В качестве альтернативы своему первоначальному утверждению в отношении пункта 6 статьи 14 г-н Ирвинг теперь утверждает, что решение Высокого суда представляло собой не "окончательное решение" по смыслу данного положения Пакта, а отмену вынесенного ему приговора. Он отмечает, что получение особого разрешения на подачу апелляции в Высокий суд носит абсолютно дискреционный характер и выдается только в том случае, если, по мнению Высокого суда, ходатайство относится к вопросу права или имеет важное значение для общества. Поскольку подача апелляции в Высокий суд не является обязательной нормой, автор утверждает, что он был осужден на основании "окончательного решения" Апелляционного суда Квинсленда. Он далее утверждает, что его ходатайство об апелляции в Высокий суд не могло рассматриваться в качестве обычной апелляции, поскольку его обвинительный приговор был аннулирован Высоким судом после получения ходатайства об особом разрешении на подачу апелляции, которое было подано через два года после истечения срока на его подачу. Он не мог обратиться с этим ходатайством в установленные сроки из-за отказа государства-участника предоставить ему юридическую помощь. Таким образом, учитывая особые обстоятельства данного дела, именно решение Апелляционного суда Квинсленда, подтвердившее его обвинительный приговор, явилось "окончательным" по смыслу пункта 6 статьи 14.

Дальнейшие представления государства-участника по вопросам приемлемости и существа сообщения

6.1 Что касается приемлемости, то государство-участник утверждает, что задержки в отношении двух указанных автором исков о злоумышленном судебном преследовании и о выплате компенсации за незаконное лишение свободы происходят главным образом по вине автора, а не государства-участника. Кроме того, вина за любые задержки в ответе Парламентского комитета по уголовному правосудию Квинсленда автору не может быть возложена на государство-участник, поскольку этот Парламентский комитет не подчиняется исполнительной власти Квинсленда.

6.2 По существу дела государство-участник вновь подтверждает, что автор был осужден не на основании "окончательного решения", как это предусматривается в пункте 6 статьи 14. Оно утверждает, что право Высокого суда отказывать в предоставлении особого разрешения на подачу апелляции в отношении решений Апелляционного суда Квинсленда не нарушает обычной процедуры, поскольку право на ее подачу часто зависит от условий, связанных со временем или

ситуацией: "Требование подачи ходатайства об особом разрешении на апелляцию в Высокий суд является частью принятой процедуры для осуществления права на подачу апелляции, гарантированного Конституцией Австралии".

6.3 К такому же выводу приводит и существование статутных сроков подачи ходатайства об особом разрешении на апелляцию: невозможность подачи ходатайства в течение обычного 28-дневного срока не означает, что Высокий суд не будет рассматривать его. С ходатайствами об особом разрешении на апелляцию бывают частые задержки, особенно если дело касается юридической помощи, и Высокий суд часто дает разрешение на продление сроков подачи подобных ходатайств. Поэтому государство-участник возражает против альтернативного довода автора о том, что решение Апелляционного суда от апреля 1994 года представляет собой "окончательное решение" для целей пункта 6 статьи 14 Пакта.

Заключительное представление адвоката

7.1 В своем дополнительном представлении от 5 февраля 2002 года адвокат подчеркивает, что два иска - в отношении производившего арест полицейского и властей Квинсленда (март 1999 года) и в отношении Генерального прокурора Квинсленда (декабрь 1999 года) - были поданы только после отказа властей Квинсленда выполнить свои обязательства в соответствии с пунктом 6 статьи 14; кроме того, власти Квинсленда утверждают, что они вообще не будут обсуждать решение этого вопроса и что действия автора будут оспорены в судебном порядке, включая окончательное решение по всем поданным апелляциям. И наконец, использование внутренних средств правовой защиты следует рассматривать "неразумно затянувшимся" не только по причине того факта, что с момента незаконного лишения автора свободы прошло более семи лет, но и в свете решительного отказа властей Квинсленда рассматривать вопрос о выплате компенсации *ex gratia* до принятия решения по всем поданным апелляциям.

7.2 Адвокат не согласен с характеристикой государством-участником особого разрешения на подачу апелляции в Высокий суд как конституционно гарантированного права. Он указывает на то, что, как заявил сам Высокий суд¹, ходатайство об особом разрешении на подачу апелляции в Высокий суд не является обычным элементом гражданского судебного процесса; любое ходатайство должно содержать факты, которые позволяли бы Суду использовать его компетенцию для предоставления разрешения или особого разрешения; права на предоставление особого разрешения не существует. Поэтому, как только Апелляционный суд Квинсленда принял решение, рассмотрение уголовного дела в Квинсленде считается окончательным.

7.3 По вопросу оговорки государства-участника в отношении пункта 6 статьи 14 адвокат отмечает, что содержащиеся в оговорке условия дают государству-участнику право принимать законодательные акты, регулирующие осуществление своих обязательств в соответствии с пунктом 6 статьи 14, но не освобождают его от обязательств по статье 2 принимать необходимые меры для принятия других мер с целью осуществления прав, изложенных в Пакте. В этой связи он отмечает, что власти Квинсленда не издали никаких административных указаний в отношении осуществления своих обязательств в соответствии с пунктом 6 статьи 14 и что дополнительные требования государства-участника (и Квинсленда) о том, что любое лицо должно продемонстрировать наличие "исключительных обстоятельств", примером которых, по мнению государства-участника, являются "серьезные правонарушения" со стороны ведущего расследование органа власти, закрепляют требования для получения компенсации, не предусмотренные в пункте 6 статьи 14.

¹ Дело *Коллинс против Королевы* (1975) В, CLR 120.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

8.1 Прежде чем рассматривать какие-либо претензии, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека на основании правила 87 своих правил процедуры должен решить, является ли оно приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

8.2 Изложенные в сообщении факты, которые не опровергались государством-участником, показывают, что г-н Ирвинг стал жертвой явной несправедливости. По-видимому, эти факты поднимают серьезный вопрос о соблюдении государством-участником пункта 3 d) статьи 14 Пакта, поскольку г-ну Ирвингу было неоднократно отказано в предоставлении юридической помощи в деле, в котором, даже по мнению Высокого суда Австралии, интересы справедливости требуют предоставления такой помощи. Поэтому г-н Ирвинг, очевидно, имеет право на компенсацию. Единственная высказанная автором сообщения претензия касается пункта 6 статьи 14 Пакта; поэтому Комитет должен решить вопрос о приемлемости данной претензии.

8.3 Комитет напоминает условия применения пункта 6 статьи 14:

"Если какое-либо лицо окончательным решением было осуждено за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине".

8.4 Комитет замечает, что вынесенный автору обвинительный приговор в окружном суде Кернса 8 декабря 1993 года был подтвержден Апелляционным судом Квинсленда 20 апреля 1994 года. Г-н Ирвинг подал ходатайство о разрешении опротестовать это решение в Высоком суде Австралии. Ему было дано разрешение на апелляцию, и 8 декабря 1997 года Высокий суд Австралии аннулировал вынесенный ему приговор на основании того, что судебное разбирательство его дела не было справедливым. Поскольку в отношении решения Апелляционного суда Квинсленда была подана апелляция (хотя и с разрешения) на обычных основаниях, представляется, что до решения Высокого суда Австралии обвинительный приговор автору не может рассматриваться "окончательным решением" по смыслу пункта 6 статьи 14. Однако, даже если бы считалось, что решение Апелляционного суда Квинсленда рассматривалось "окончательным" для целей пункта 6 статьи 14, апелляция автора в Высокий суд Австралии была принята на том основании, что первоначальное судебное разбирательство являлось несправедливым, а не на основании того, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывало наличие судебной ошибки. Учитывая эти обстоятельства, Комитет считает, что в данном деле пункт 6 статьи 14 не может быть применен и эта претензия в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола является неприемлемой *ratione materiae*.

9. Поэтому Комитет по правам человека постановляет:

- a) признать данное сообщение неприемлемым;
- b) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора сообщения.

Сообщение № 925/2000, Кой против Португалии

Представлено: Ван Куок Коем [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Португалия

Объявлено неприемлемым: 22 октября 2001 года

Тема сообщения: Справедливость судебного разбирательства в отношении предполагаемого члена тайной ассоциации

Процедурные вопросы: Отсутствуют

Вопросы существа: Справедливое судебное разбирательство - Презумпция невиновности - Юридическое представительство

Статья Пакта: 14

Статья Факультативного протокола и Правил процедуры: 1, 2 и пункт 2 b) статьи 5

1.1 Автор сообщения от 15 декабря 1999 года является г-н Ван Куок Кой, гражданин Португалии, проживающий в Макао и в настоящее время отбывающий заключение в тюрьме Колоане в Макао. На момент представления сообщения Макао являлось территорией, находящейся под суверенитетом Китая и управлением Португалии (статья 292 Конституции Португалии). Автор утверждает, что он является жертвой нарушения статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат.

1.2 Португалия является участницей Международного пакта о гражданских и политических правах с 15 сентября 1978 года и участницей Факультативного протокола с 3 августа 1983 года. 27 апреля 1993 года Португалия сделала заявление, касающееся применения Пакта по отношению к Макао. Что касается распространения действия Факультативного протокола на территории Макао, то какого-либо уведомления на этот счет не зафиксировано. Вместе с тем Португалией не было сделано какой-либо оговорки или заявления, исключающего применение Факультативного протокола к Макао.

1.3 На момент представления данного сообщения Макао по-прежнему находилось под управлением Португалии. Передача под управление Китая произошла 20 декабря 1999 года, через четыре дня после представления сообщения с обвинением в адрес Португалии.

1.4 До 19 декабря 1999 года статус Макао определялся Органическим статутом об управлении Макао от 15 февраля 1976 года (Закон № 1/76). Согласно статье 2 этого Статута территория Макао представляла собой юридическое лицо по смыслу внутреннего публичного права, а все вопросы автономии административного, экономического, финансового и законодательного характера определялись Конституцией Португалии. Судебная система являлась частью португальской системы отправления правосудия. Статус Макао по смыслу публичного международного права был также определен в подписанной в Пекине Португальско-китайской совместной декларации от 13 апреля 1987 года (вступила в силу 15 января 1988 года), в соответствии с которой Макао по своему статусу являлось китайской территорией, находящейся под управлением Португалии, как это уже предусматривалось секретными договоренностями 1976 года. В Португальской конституции от 2 апреля 1976 года Макао уже не числится среди территорий, находящихся под суверенитетом Португалии, а отнесено к числу территорий, находящихся под управлением Португалии.

Представленные факты

2.1 Автор был арестован 1 мая 1998 года в тюрьме Колоане в Макао по подозрению в том, что он являлся вдохновителем предполагаемого покушения на начальника судебной полиции Макао.

48 часов спустя он был доставлен к судье по уголовным делам, который счел, что факты, свидетельствующие о связи автора с предполагаемым покушением, отсутствуют, но что при этом он подозревается в участии в тайной ассоциации. В этой связи он был заключен под стражу в превентивном порядке.

2.2 В мае 1998 года автор безуспешно пытался обжаловать свое лишение свободы в Высоком суде Макао (Tribunal Superior de Justiça de Macao, Верховный суд Территории), в решении которого, вынесенном 21 июля 1998 года, указывалось, что "подсудимый является членом тайной ассоциации 14-К (карат)".

2.3 Судебное разбирательство в суде общей юрисдикции Макао (Tribunal de Competência Genérica) в отношении автора и девяти других подсудимых, обвиняемых в участии в тайной ассоциации, началось 27 апреля 1999 года, однако оно было тут же приостановлено до 17 июня 1999 года. В это время Главный судья подал в отставку и покинул территорию Макао. Утверждается, что в соответствии с применимой процедурой дело должно было быть незамедлительно передано заместителю главного судьи. Вместо этого из Португалии был вызван новый судья, который прибыл в Макао специально для того, чтобы председательствовать на этом судебном разбирательстве, и который сразу же по его завершении вернулся в Португалию. Утверждается, что такая процедура является незаконной и нарушает статью 31.2 Декрета-Закона № 55/92/M от 18 августа 1992 года.

2.4 Два раза подряд, 29 сентября и 11 октября 1999 года, судебное разбирательство откладывалось. Утверждается, что права подзащитных нарушались, в особенности право на презумпцию невиновности, которое, как указывается, нарушалось самим главным судьей, неоднократно высказывавшимся, даже в ходе предварительного слушания, в пользу виновности автора. Кроме того, утверждается, что адвокатам первоначально запрещалось контактировать со своими клиентами до конца заслушивания свидетельских показаний в суде (после протестов в прессе эта мера была отменена). Указывается, что Ассоциация адвокатов Макао обратилась со срочным сообщением в Судебный совет территории с жалобой на занесенные в протокол слова судьи о том, что обвиняемые являются "опасными по своей природе личностями", и о том, что адвокаты будут запугивать свидетелей.

2.5 Восемь из десяти обвиняемых, включая самого автора, подали ходатайство об отводе нового главного судьи, выражая сомнение в его беспристрастности на основе некоторых его замечаний, предположительно свидетельствующих о пристрастном отношении, однако Высокий суд (Верховный суд Макао) своим постановлением от 15 октября 1999 года отклонил это ходатайство и отказал в отводе данного судьи, дав тем самым разрешение на продолжение судебного разбирательства. Вторая жалоба на пристрастное отношение судьи была подана 25 октября 1999 года и отклонена 29 октября 1999 года. Тогда же от защиты автора отказался его адвокат, аргументировав это в заявлении, представленном секретариату суда, тем, что он не может эффективным и действенным образом продолжать обеспечивать защиту своего клиента. После этого главный судья назначил официального защитника, молодого юриста, из числа лиц, присутствовавших на слушании, но при этом отклонил просьбу нового адвоката сделать перерыв в заседаниях для ознакомления с материалами дела. Вышеуказанный вновь назначенный адвокат также отказался от ведения данного дела, после чего главный судья для выполнения этих функций вначале назначил одного, а затем - другого секретаря суда, ни один из которых не обладал даже минимальными возможностями для обеспечения защиты. Таким образом, судебное разбирательство в отношении автора проходило без помощи официального защитника и возможности назначения нового адвоката.

2.6 29 октября 1999 года было подано третье ходатайство об отводе кандидатуры главного судьи, которое 8 ноября 1999 года было отклонено.

2.7 Решение суда было вынесено 23 ноября 1999 года, в соответствии с которым автор был осужден и приговорен к 15 годам тюремного заключения. В Суд второй инстанции (Tribunal de Segunda Instância, Case No. 46/2000) была подана апелляция, которая была заслушана в марте 2000 года, а 28 июля 2000 года было вынесено соответствующее решение. Суд последней инстанции

(Tribunal de Última Instância) постановлением от 16 марта 2001 года подтвердил решение Суда второй инстанции.

2.8 Адвокат заявляет, что это дело не представлялось на рассмотрение какой-либо другой международной процедуры разбирательства или урегулирования.

Жалоба

3. Адвокат заявляет о наличии многочисленных нарушений статьи 14, касающихся предполагаемого отказа в праве на справедливое разбирательство дела компетентным и беспристрастным судом, нарушения права считаться невиновным и предполагаемого нарушения основополагающих гарантий защиты, включая доступ адвоката к обвиняемому и подлежащее представительство обвиняемого в ходе судебного разбирательства¹.

Замечания государства-участника и комментарии по ним автора

4.1 В своем представлении от 29 июня 2000 года государство-участник ссылается на статью 2 Статута Макао, согласно которой Макао пользуется полной автономией и находится под суверенитетом Португалии. Оно утверждает, что, хотя действие Пакта было распространено на территорию Макао парламентом Португалии в соответствии с решением 41/92 от 17 декабря 1992 года, подобного решения в отношении Факультативного протокола принято не было.

4.2 Государство-участник также указывает, что Факультативный протокол не фигурирует среди договоров, перечисленных в ноте, направленной правительством Португалии в ноябре 1999 года Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций и касающейся тех договоров, по которым Китайская Народная Республика согласилась взять на себя обязательства в порядке правопреемства.

4.3 Государство-участник приводит текст статьи 1 Факультативного протокола, указывая, что Макао не является государством - участником данного Протокола. Поэтому оно просит Комитет объявить данное сообщение неприемлемым.

4.4 Вместе с тем государство-участник просит объявить данное дело неприемлемым, поскольку в силу того, что Португалия не несет более какой-либо ответственности в отношении Макао, любая законная международная процедура в данном случае не действует.

4.5 Кроме того, государство-участник утверждает, что в данном случае не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты, поскольку решение по апелляции автора пока еще не принято. Факт того, что решения по ходатайствам в отношении отвода главного судьи носят окончательный характер, не имеет значения, поскольку процесс исчерпания внутренних средств правовой защиты следует понимать как имеющий отношение ко всей процедуре в целом. Кроме того, решение по апелляции уже не будет входить в круг обязанностей Португалии, поскольку оно будет принято судом Специального административного района Макао, находящегося под юрисдикцией Китайской Народной Республики.

5.1 В своих комментариях от 29 сентября 2000 года автор утверждает, что Факультативный протокол дополняет Пакт и поэтому его применение в Макао должно подпадать под действие решения 41/92 от 17 декабря 1992 года.

¹ Все эти вопросы, включая вопрос о предполагаемом нарушении статьи 31.2 Декрета-закона № 55/92/М (см. выше пункт 2.3), затрагивались в решении Суда второй инстанции от 28 июля 2000 года, а также в решении Суда последней инстанции от 16 марта 2001 года.

5.2 Несмотря на то, что передача полномочий Китайской Народной Республике произошла 19-20 декабря 1999 года, очевидно, что события, в отношении которых была подана жалоба, произошли в тот период, когда ответственность за Макао несла Португалия и когда она была связана положениями Факультативного протокола.

5.3 Что касается предполагаемого исчерпания внутренних средств правовой защиты, то автор утверждает, что отделение решений о беспристрастности судьи от решения о вине или невиновности автора является вполне законной процедурой. Подчеркивается, что предполагаемые нарушения были совершены судом, находящимся под юрисдикцией Португалии, а не судами, находящимися под юрисдикцией Китайской Народной Республики. Кроме того, решение по апелляции, находившейся на рассмотрении Суда второй инстанции, было окончательно принято 28 июля 2000 года.

5.4 Суд второй инстанции рассмотрел утверждения автора, в частности, о том, что судебное разбирательство проводилось ни компетентным, ни беспристрастным судом, что главный судья предвзято относился к подсудимым, а также что принцип состязательности и состязательных возможностей систематически нарушался (судебное решение, раздел 1.5.A.). Судебное решение подтвердило компетентность суда первой инстанции и сочло несостоятельными другие утверждения автора о процедурных нарушениях. Приговор в отношении автора по обвинению в членстве в тайной ассоциации и ростовщичестве был оставлен без изменений. Вместе с тем срок тюремного заключения был сокращен до 13 лет и 10 месяцев. Суд последней инстанции в постановлении от 16 марта 2001 года оставил решение Суда второй инстанции без изменений.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 До рассмотрения любой жалобы, содержащейся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека, согласно правилу 87 его правил процедуры, должен принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Что касается применимости Факультативного протокола по отношению к Макао в период правления Португалии до 19 декабря 1999 года, то Комитет отмечает, что государство-участник присоединилось к Факультативному протоколу 3 августа 1983 года. Он далее отмечает, что применение Протокола не может основываться на статье 10 Факультативного протокола, поскольку Макао после принятия новой конституции в 1976 году не являлось неотъемлемой частью Португалии. Позитивное заключение также не может быть сделано на основании решения 41/92 парламента Португалии, который формально распространил действие Пакта на Макао, поскольку Пакт и Факультативный протокол являются двумя различными договорами.

6.3 С другой стороны, Комитет не разделяет мнения о том, что факт отсутствия аналогичного заявления в отношении Факультативного протокола препятствует применению Протокола в данном случае. Комитет напоминает формулировку статьи 1 Факультативного протокола, в первом предложении которой говорится:

"Государство - участник Пакта, которое становится участником настоящего Протокола, признает компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте".

Все эти элементы в рассматриваемом деле присутствуют. Португалия является участницей как Пакта, так и Факультативного протокола и как таковая признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения от лиц, "подлежащих ее юрисдикции". Физические лица в Макао подпадали под юрисдикцию Португалии до 19 декабря 1999 года. В данном случае государство-участник осуществляет свою юрисдикцию в отношении автора посредством судов.

Поскольку идея Факультативного протокола заключается в дальнейшем осуществлении закрепленных в Пакте прав, неприменение Протокола в любой области, находящейся под

юрисдикцией государства-участника, возможно лишь при наличии конкретного указания (оговорки/заявления), сделанного в этой связи. Какой-либо акт такого характера в данном случае отсутствует. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что он обладает компетенцией на получение и рассмотрение сообщения автора в той мере, в которой оно касается предполагаемых нарушений Португалией любого из прав, изложенных в Пакте².

6.4 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то статья 2 Факультативного протокола гласит:

"При условии соблюдения положений статьи 1 лица, которые утверждают, что какое-либо из их прав, перечисленных в Пакте, было нарушено, *и которые исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты*, могут представить на рассмотрение Комитета письменное сообщение" (выделено нами).

Идея этого положения ясна: до тех пор, пока средства правовой защиты, имеющиеся в рамках внутренней правовой системы, не будут исчерпаны, лицо, утверждающее, что его права в соответствии с Пактом были нарушены, не имеет права представлять сообщение Комитету. Поэтому Комитет обязан отклонять в качестве неприемлемого любое представленное сообщение, если данное условие не выполнено. На практике Комитет не принимает к рассмотрению сообщений в тех случаях, когда имеются убедительные свидетельства того, что имеющиеся внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Так, например, в случае сообщений, касающихся утверждений о нарушениях принципа справедливого судебного разбирательства в уголовных делах, Комитет не принимает и не регистрирует сообщения в тех случаях, когда поданная апелляция еще ожидает своего решения. Проблема заключается в том, что во многих случаях из самого сообщения не ясно, имелись ли в распоряжении автора внутренние средства правовой защиты и, если они действительно имелись, были ли они автором исчерпаны. В таких случаях у Комитета нет иного выбора, кроме регистрации сообщения и принятия решения о его приемлемости после рассмотрения материалов автора и государства-участника по вопросу о внутренних средствах правовой защиты. При решении вопроса об отклонении таких сообщений в качестве неприемлемых в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола Комитет, как правило, следует практике других международных директивных органов и внимательно изучает вопрос о том, были ли внутренние средства правовой защиты исчерпаны на момент рассмотрения данного дела (но не на момент представления сообщения). Основная идея такой практики состоит в том, что отклонение сообщения в качестве неприемлемого в случае исчерпания внутренних средств правовой защиты на момент рассмотрения было бы бессмысленным, поскольку автор мог бы представить новое сообщение, касающееся того же предполагаемого нарушения. Вместе с тем следует отметить, что допущение, лежащее в основе такой практики, заключается в том, что правовая позиция государства-участника с даты представления и до даты рассмотрения сообщения не меняется и что поэтому каких-либо юридических препятствий для представления нового сообщения автора по поводу предполагаемого нарушения не будет. В тех случаях, когда такое допущение не действует, существующая практика становится несовместимой с требованиями Факультативного протокола.

6.5 В данном случае как утверждение автора относительно отсутствия компетентности специального португальского судьи, так и другие утверждения касательно предполагаемых нарушений статьи 14 Пакта в ходе судебного разбирательства в его отношении нашли свое место в апелляции, поданной в Суд второй инстанции Макао. На момент представления сообщения данная апелляция еще не рассматривалась. Решения по этой и другой апелляции, поданной в Суд последней инстанции, были приняты, соответственно, 28 июля 2000 года и 16 марта 2001 года, когда Макао уже не находилось под управлением Португалии. Из этого следует, что на момент представления сообщения внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны и что поэтому автор не имел права в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола подавать сообщение. Ко времени

² См. также общее правило, содержащееся в статье 29 Венской конвенции о праве международных договоров.

исчерпания средств правовой защиты автор уже не подпадал под юрисдикцию Португалии, и его сообщение в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола является неприемлемым.

6.6 Далее следует отметить, что тот факт, что апелляции автора рассматривались уже после того, как Португалия утратила свою юрисдикцию по отношению к Макао, никоим образом не означает, что эти средства правовой защиты перестали быть внутренними средствами правовой защиты, которые должны быть исчерпаны до того, как то или иное сообщение с жалобой на Португалию могло быть представлено. Хотя Макао стало Специальным административным районом Китайской Народной Республики после представления сообщения, его правовая система осталась прежней, равно как и система подачи и рассмотрения апелляций на уголовные дела. Таким образом, там по-прежнему существуют средства правовой защиты, которые должны быть исчерпаны в рамках внутренней правовой системы вне зависимости от того, осуществляет ли данное государство контроль над территорией.

6.7 В заключение следует отметить, что, хотя Комитет и считает, что в период, когда Португалия осуществляла юрисдикцию по отношению к Макао после того, как она присоединилась к Факультативному протоколу, лица, находящиеся под юрисдикцией, которые утверждали, что их права в соответствии с Пактом были нарушены, имели право представлять сообщения с жалобами на Португалию, Комитет в то же время полагает, что данное сообщение в соответствии со статьей 2 и пунктом 2 б) статьи 5 Факультативного протокола является неприемлемым.

7. Комитет по правам человека постановляет:

- а) считать данное сообщение неприемлемым,
- б) довести настоящее решение до сведения государства-участника и автора сообщения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение членов Комитета г-на Абдельфаттаха Амора и г-на Прафуллачандры Натварлала Бхагвати (частично несогласное)

Что касается распространения действия Факультативного протокола на Макао в период правления Португалии до 19 декабря 1999 года, то Комитет отмечает, что государство-участник ратифицировало Факультативный протокол, который вступил в силу 3 августа 1983 года. Государство-участник ратифицировало Пакт и стало его участником 15 сентября 1978 года, однако, что касается Факультативного протокола, то он был ратифицирован лишь 5 лет спустя. Разумеется, Пакт и Факультативный протокол являются двумя различными договорами, и ратификация первого отнюдь не обязательно влечет за собой ратификацию второго, и именно поэтому Факультативный протокол должен был быть ратифицирован государством-участником отдельно, в качестве самостоятельного договора.

Первый вопрос, который должен быть рассмотрен для определения того, распространялся ли Факультативный протокол на Макао до 19 декабря 1999 года, состоит в том, существует ли в тексте Факультативного протокола какое-либо положение, заставляющее предположить, что после ратификации Факультативного протокола государством-участником он стал распространяться на Макао в качестве территории, находящейся под управлением государства-участника. Совершенно очевидно, что в данном случае статья 10 Факультативного протокола применена быть не может, поскольку Макао не являлось неотъемлемой частью Португалии. Некоторое отношение к рассматриваемому вопросу в данном случае может иметь статья 29 Венской конвенции о праве международных договоров, где указывается, что "если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, то договор обязателен для каждого участника в отношении всей его территории".

В настоящее время существуют разные мнения по поводу того, распространяется ли действие того или иного договора автоматически на зависимые территории и требует ли это принятия конкретного законодательного акта. Мы думаем, что вступать в дискуссию по поводу этих различных точек зрения вряд ли уместно, тем более, что юристы придерживаются кардинально противоположных взглядов по этому вопросу. В любом случае, по нашему мнению, ясно, что, поскольку Макао никогда не являлось неотъемлемой частью Португалии, утверждать то, что оно было частью территории Португалии, невозможно, и поэтому нельзя утверждать и того, что Факультативный протокол является обязательным для Макао по смыслу статьи 29 Венской конвенции о праве международных договоров. В этой связи ратификация Факультативного протокола Португалией не распространяет автоматически его действия на Макао.

Можно также отметить, что, если бы, вопреки всему тому, что я утверждаю, статья 29 Венской конвенции о праве международных договоров и действовала, она в равной степени распространялась бы и на положения Пакта, и в этом случае Пакт следовало бы рассматривать в качестве применимого права с момента его ратификации Португалией. Однако нет сомнений в том, что Пакт с момента его ратификации Португалией на Макао не распространялся. Фактически Пакт впервые стал применяться по отношению к Макао лишь после принятия парламентом Португалии соответствующего решения 17 декабря 1992 года. До этого времени действие Пакта на Макао не распространялось. В силу этого решения парламента от 17 декабря 1992 года Пакт стал применяться на территории Макао. Распространение парламентом действия положений Пакта на Макао 17 декабря 1992 года также демонстрирует тот факт, что в любом случае при ратификации Пакта Португалия не имела намерения распространить его действие на Макао. Из этого следует неопровержимый вывод о том, что Пакт стал применяться по отношению к Макао впервые 17 декабря 1992 года.

Вновь обращаясь к вопросу о применимости Факультативного протокола к Макао, можно отметить, что, как я уже говорил, Факультативный протокол не стал действовать в отношении Макао лишь в силу его ратификации Португалией. Существует и еще один довод в объяснение того, почему нельзя говорить о том, что Факультативный протокол стал действовать в отношении Макао после его ратификации Португалией. Если Пакт не распространялся на территорию Макао до 17 декабря 1998 года, то каким образом Факультативный протокол, в котором лишь предусматривается механизм урегулирования нарушений закрепленных в Пакте прав, мог применяться по отношению к Макао на более раннем этапе? Поскольку Факультативный протокол в отношении Макао не стал действовать вследствие его ратификации Португалией, возникает необходимость в рассмотрении вопроса о том, был ли он впоследствии распространен на его территорию.

Очевидно, что какой-либо специальный законодательный акт, распространяющий действия Факультативного протокола на Макао, в настоящее время отсутствует. Единственным аргументом, который государство-участник могло бы выдвинуть в обоснование применимости Факультативного протокола в Макао, мог бы стать довод о том, что распространение действия Пакта на Макао 17 декабря 1990 года автоматически повлекло за собой и распространение на Макао Факультативного протокола. Однако этот аргумент является явно несостоятельным. Во-первых, Пакт и Факультативный протокол являются двумя разными договорами. Первый может быть беспрепятственно ратифицирован без ратификации второго. Таким образом, ратификация Пакта отнюдь не предполагает ратификации Факультативного протокола. Если бы довод Португалии в пользу обратного был верен, то государству - участнику Пакта не было бы необходимости отдельно ратифицировать Факультативный протокол, поскольку ратификация Пакта автоматически влекла бы за собой ратификацию Факультативного протокола. Однако неоспоримым является факт того, что Факультативный протокол приобретает обязательную силу лишь после его ратификации государством-участником. В данном случае важно отметить, что, хотя действие Пакта было распространено на Макао 17 декабря 1992 года специальным решением, принятым парламентом Португалии, Факультативного протокола это не касалось. Португалия намеренно распространила действие одного конкретного договора на Макао. Это со всей очевидностью свидетельствует о намерении Португалии сделать так, чтобы в Макао применялся лишь Пакт, но не применялся Факультативный протокол. Об этом также убедительно говорит то обстоятельство, что в ноте,

направленной Португалией Генеральному секретарю с перечислением тех договоров, в отношении которых Китай должен нести ответственность, фигурирует лишь Пакт, но не Факультативный протокол. Поэтому у меня нет сомнений в том, что Факультативный протокол никогда не применялся в Макао и что поэтому сообщение в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола следует считать неприемлемым.

В Комитете дебатировался аргумент о том, что в любом случае данное дело должно подпадать под действие статьи 1 Факультативного протокола, и, поскольку в момент представления сообщения автор находился под юрисдикцией Португалии, Комитет мог бы обладать юрисдикцией для рассмотрения данного сообщения. Однако этот аргумент является вдвойне несостоятельным. Во-первых, он предполагает применимость Факультативного протокола по отношению к Макао, что позволяет автору сослаться на статью 1 Протокола в обоснование приемлемости своего сообщения. Однако, как я уже отмечал выше, Факультативный протокол никогда не действовал в Макао, и поэтому данный аргумент, основанный на статье 1, отпадает. Во-вторых, для применения статьи 1 необходимо, чтобы автор, подающий жалобу на нарушение его закрепленных в Пакте прав, должен находиться под юрисдикцией государства-участника не только в момент получения Комитетом сообщения, но и в период рассмотрения поданного сообщения Комитетом. В статье 1 говорится о "компетенции Комитета принимать и рассматривать сообщения". В данном случае, когда Комитет рассматривал сообщение, автор уже не подпадал под юрисдикцию Португалии, поскольку Китай взял Макао под свое управление 20 декабря 1999 года. Поэтому в любом случае статья 1 в данном случае применена быть не может.

Что же касается вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то пункт 2 b) статьи 5 требует, чтобы автор сообщения исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты к моменту рассмотрения сообщения Комитетом. Комитет не может рассматривать какое-либо сообщение до тех пор, пока автор не исчерпает всех внутренних средств правовой защиты. Поэтому момент, когда вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты должен быть рассмотрен, наступает тогда, когда Комитет рассматривает сообщение. Известно, что в настоящее время, когда Комитет рассматривает сообщение автора, автор исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Поэтому сообщение не может быть признано неприемлемым на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

Вследствие вышесказанного мы считаем, что данное сообщение является неприемлемым.

Особое мнение члена Комитета г-на Нисуке Андо (частично несогласное)

Что касается настоящего дела, то я согласен с выводом Комитета о том, что данное сообщение является неприемлемым, поскольку автор не подпадал более под юрисдикцию Португалии, когда его апелляции рассматривались Судом второй инстанции в мае 2000 года и когда Суд последней инстанции вынес свое решение в марте 2001 года. (См. пункты 6.4, 6.5 и 2.7) Вместе с тем я не могу согласиться с мнением Комитета о том, что неприменение Факультативного протокола в любом районе, находящемся под юрисдикцией государства-участника, не может быть принято в качестве допущения без четкого указания на этот счет (пункт 6.3). С моей точки зрения, это допущение Комитета не является полностью убедительным по следующим причинам.

Во-первых, государство-участник четко указало, что, в то время как действие Пакта было распространено на территорию Макао на основании решения парламента Португалии, в отношении Факультативного протокола такого решения принято не было (пункт 4.2). Во-вторых, Комитет принимает заявление государства-участника о том, что Факультативный протокол, в отличие от Пакта, не входит в число договоров, перечисленных в его ноте Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, в отношении которых правительство Китая согласилось взять на себя обязательства в порядке правопреемства (пункт 4.1). И, в-третьих, таким образом, хотя Комитет согласен с тем, что дальнейшее применение Пакта требует "четкого" указания соответствующего государства (в данном случае Китая), он, как представляется, допускает, что такого указания не

требуется в отношении распространения действия Факультативного протокола (в данном случае указания Португалии).

Что касается третьего момента, то следует признать, что, хотя дальнейшее применение Пакта является вопросом, касающимся двух разных государств (Китая и Португалии), распространение действия Факультативного протокола на Макао представляет собой вопрос, касающийся одного и того же государства (в данном случае только Португалии). Тем не менее налицо факт, заключающийся в том, что, хотя Пакт действует по отношению к особому Специальному административному району Макао на основании "четко выраженного" указания Китая, Факультативный протокол не применяется по отношению к тому же району в отсутствие "четко выраженного" указания того же государства. В этой связи следует помнить о том, что согласно Замечанию общего порядка № 26 Комитета, озаглавленному "Континуитет обязательств", "Комитет по правам человека ... неизменно выражал мнение о том, что, как только населению предоставляется защита прав в соответствии с Пактом, сфера действия такой защиты распространяется на территорию и продолжает действовать в отношении проживающего на ней населения, несмотря на изменения в государственном устройстве государства-участника, включая расчленение на несколько государств, правопреемство государств или любые последующие действия государства-участника, направленные на лишение населения прав, гарантируемых Пактом"³.

Лично я согласен с мнением Комитета в качестве политического заявления, но я не могу согласиться с его мнением в качестве заявления, выражающего правило обычного международного права. Что касается практики государства в отношении Пакта, то лишь в случаях расчленения бывшей Югославии и Чехословакии каждое из вновь образованных государств в Центральной и Восточной Европе, за исключением Казахстана (Казахстан не сделал какого-либо заявления), указало, что оно является "правопреемником" Пакта. Все другие отколовшиеся или отделившиеся государства указали, что они "присоединяются" к Пакту, предполагая, что они не выступают в качестве правопреемников обязательств бывших государств по Пакту, а вновь самостоятельно присоединяются к обязательствам по Пакту. Соответствующая государственная практика в отношении Факультативного протокола свидетельствует о том, что лишь Чешская Республика и Словакия "четко выразили" свое желание выступить в качестве правопреемников обязательств по Факультативному протоколу. Практика государств показывает, что "автоматической" передачи обязательств по Пакту любому другому государству не существует, не говоря уже об обязательствах по Факультативному протоколу. Любое государство должно дать четкое указание в отношении того, принимает ли оно обязательства по Пакту и/или Факультативному протоколу. Отсутствие такого указания не должно предполагать, что данное государство приняло соответствующие обязательства.

Следует напомнить, что в ходе рассмотрения четвертого периодического доклада Португалии в отношении Макао Комитет поставил конкретный вопрос: "Какие меры принимаются для применения Факультативного протокола в Специальном административном районе Макао?" Делегация ответила, что вопрос о Факультативном протоколе в ходе ее переговоров с Китаем не затрагивался (CCPR/CSR.1794, пункт 9). Из этого ответа трудно понять, считается ли Факультативный протокол, в отличие от Пакта, применимым в Макао. Вместе с тем в ответ на претензии автора в данном деле Португалия четко заявила, что ее парламентом не принималось какого-либо решения для распространения положений Факультативного протокола на Макао в период ее управления данной территорией, что свидетельствует о том, что Португалия никогда не намеревалась применять там Факультативный протокол.

³ Документ ООН № A/53/40, Приложение VII, пункт 40.

*Особое мнение членов Комитета гг. Экарта Кляйна, Рафаэля Риваса Посады
и Максвелла Ялдена (частично несогласное)*

По нашему мнению, Комитету следовало бы признать данное сообщение приемлемым.

Мы согласны с выводом Комитета о том, что в данном случае Факультативный протокол, устанавливающий компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения, применим по отношению к Макао.

Вместе с тем мы не согласны с выводом о том, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты. Основанием для этого служат две взаимосвязанные причины.

Во-первых, мы не считаем, что после того, как юрисдикция Португалии в отношении Макао перестала действовать, у автора оставались какие-либо дополнительные внутренние средства правовой защиты. Действительно, по соглашению между государством-участником и Китайской Народной Республикой система уголовных апелляций должна была остаться без изменений. Однако не менее верно и то, что после 19 декабря 1999 года суды, в которые мог обратиться автор (и куда он действительно обратился), более не подпадали под юрисдикцию государства-участника, против которого было направлено данное сообщение. Автор представил свое сообщение 15 декабря 1999 года, лишь четыре дня до того, как Макао перешло под управление Китая. Считать, что автор должен был исчерпать дополнительные внутренние (т.е. португальские) средства правовой защиты в течение столь короткого периода времени, явно неразумно. Поэтому, даже если основным моментом для решения вопроса о том, когда внутренние средства правовой защиты являются исчерпанными, должно быть время представления сообщения, а не время его рассмотрения Комитетом (вопрос, который не нуждается в комментарии), это требование можно считать выполненным с учетом особых обстоятельств данного дела.

Во-вторых, мы считаем, что соображение Комитета имеет еще один недостаток. Просить автора - в момент представления его сообщения - исчерпать внутренние средства правовой защиты, поскольку в противном случае сообщение является неприемлемым, с одной стороны, и, когда автор исчерпал внутренние средства защиты, считать, что его сообщение является неприемлемым, поскольку он более не подпадает под юрисдикцию Португалии, - с другой, - означает создание неприемлемой ситуации, в которой автор оказывается лишенным *какой-либо* эффективной защиты, которую, как предполагается, должны обеспечивать Пакт и Факультативный протокол.

По этим причинам мы считаем, что Комитет должен был объявить данное сообщение приемлемым.

*Особое мнение члена Комитета г-на Давида Крецмера (отчасти совпадающее с мнением
Комитета и, возможно, резервирующее позицию выступающего)*

В данном деле, когда сообщение было представлено, внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были. По причинам, изложенным в соображениях Комитета, данное сообщение по этой причине является неприемлемым, даже если предположить, что положения Факультативного протокола распространялись на предполагаемые нарушения Пакта, совершенные властями Макао до передачи юрисдикции Китайской Народной Республики. Я считаю, что в этих обстоятельствах Комитету не было необходимости решать вопрос о том, действительно ли Факультативный протокол распространялся на такие предполагаемые нарушения. Я резервирую свою позицию по этому вопросу.

Особое мнение члена Комитета г-на Мартина Шейнина (несогласное)

С самого начала необходимо отметить, что, хотя большинство членов Комитета пришло к выводу о том, что данное сообщение является неприемлемым, не было высказано большинства мнений в поддержку любой конкретной причины такой неприемлемости. Причины, указанные в

самом решении, были сформулированы меньшинством членов Комитета, представляющих позицию большинства тех, кто пришел к выводу о неприемлемости сообщения.

С моей точки зрения, данное решение следует рассматривать в качестве аномалии в правовой практике Комитета. Согласно давно установившейся позиции Комитета, пункт 2 статьи 5 относится к числу тех положений Факультативного протокола, которые в качестве условия для приемлемости содержат требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты. Ссылку на исчерпание внутренних средств правовой защиты в статье 2 в качестве условия для представления индивидуального сообщения следует понимать в качестве общего отражения этого правила, а не в качестве отдельного требования, касающегося приемлемости. Выполнение требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты зависит от решения Комитета (пункт 2 статьи 5 in fine). Кроме того, это - одно из оснований для признания сообщений неприемлемыми (правило 92.2 правил процедуры Комитета). Поэтому было бы абсурдным вносить в статью 2 дополнительные требования о том, что внутренние средства правовой защиты должны быть исчерпаны до представления сообщения и объявления сообщения неприемлемым в случае, когда внутренние средства правовой защиты еще не исчерпаны на момент представления сообщения, но должны быть исчерпаны ко времени, когда Комитет будет иметь возможность принять свое решение о приемлемости.

Особые обстоятельства передачи суверенитета в отношении Макао не меняют существа дела. Если это изменение и имеет какие-либо последствия для требования исчерпания внутренних средств правовой защиты, то это происходит потому, что имеющиеся средства правовой защиты после такой передачи не могут считаться эффективными в отношении Португалии. Исходя из этого, на дату передачи суверенитета внутренние средства правовой защиты можно было бы считать исчерпанными в отношении Португалии, независимо от того этапа, на котором находится рассмотрение дела.

**С. СООБРАЖЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СООТВЕТСТВИИ
С ПУНКТОМ 4 СТАТЬИ 5 ФАКУЛЬТАТИВНОГО ПРОТОКОЛА
К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПАКТУ О ГРАЖДАНСКИХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ**

Сообщение № 580/1994

Представлено: "Интерайтс" [представлен "Интерайтс"]

Предполагаемая жертва: Глен Эшби

Государство-участник: Тринидад и Тобаго

Объявлено приемлемым: 25 июля 1995 года (пятьдесят четвертая сессия)

Дата принятия Сообщений: 21 марта 2002 года (семьдесят четвертая сессия)

Тема сообщения: Произвольное лишение жизни после направления просьбы о принятии временных мер в целях отсрочки исполнения смертного приговора

Процедурные вопросы: Невыполнение просьбы Комитета о принятии временных мер защиты - Приведение в исполнение смертного приговора, вынесенного в ходе судебного разбирательства, на котором не соблюдались процедурные гарантии

Вопросы существа: Право на жизнь - Жестокое обращение с задержанными - Право на юридическую помощь в делах, связанных с вынесением смертного приговора - Неоправданные задержки в ходе подачи апелляции - Продолжительное содержание в камере смертников - Условия содержания лиц, приговоренных к смертной казни

Статьи Пакта: 6; 7; пункт 1 статьи 10; и пункты 1, 3 b), c) d), g) и 5 статьи 14

Статья Факультативного протокола и Правил процедуры: 3 и правило 86

Вывод: Наличие нарушения

1. Сообщение было представлено 6 июля 1994 года "Интерайтс" от имени Глена Эшби, гражданина Тринидада и Тобаго, который во время представления находился в государственной тюрьме в Порт-оф-Спейне, Тринидад и Тобаго, в ожидании смертного приговора. 14 июля 1994 года, после передачи жалобы властям Тринидада и Тобаго, г-н Эшби был казнен в государственной тюрьме. Адвокат утверждает, что г-н Эшби является жертвой нарушения статьей 6, 7, пункта 1 статьи 10, пунктов 1, 3 b), c), d) и g) и 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹.

Факты в изложении адвоката

2.1 Г-н Эшби был арестован 17 июля 1988 года. Он был осужден и приговорен к смертной казни судом присяжных в Порт-оф-Спейне 20 июля 1989 года. 20 января 1994 года Апелляционный суд

¹ Факультативный протокол окончательно вступил в силу для Тринидада и Тобаго 14 февраля 1981 года. 26 мая 1998 года правительство Тринидада и Тобаго денонсировало Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах. В тот же день оно вновь присоединилось к этому протоколу, включив в документ о присоединении оговорку, что "Комитет не имеет компетенции получать и рассматривать сообщения, касающиеся приговоренных к смертной казни заключенных, в отношении любых вопросов, касающихся их уголовного преследования, задержания, судебного разбирательства, осуждения, вынесения приговора или приведения смертного приговора в исполнение или любого другого связанного с этим вопроса". 27 марта 2000 года Правительство Тринидада и Тобаго вновь денонсировало Факультативный протокол.

Тринидада и Тобаго отклонил его апелляцию. 6 июля 1994 года Судебный комитет Тайного совета отклонил последующее ходатайство г-на Эшби о выдаче специального разрешения на подачу апелляции. Утверждается, что этим были исчерпаны все возможные средства правовой защиты в рамках Факультативного протокола. В то время как у г-на Эшби, возможно, и оставалось право на подачу конституционной жалобы в Верховный (Конституционный) суд Тринидада и Тобаго, утверждается, что неспособность или нежелание государства-участника оказывать правовую помощь в подаче конституционных жалоб свели бы на нет все попытки использования подобного средства правовой защиты.

2.2 Обвинение основывалось в основном на показаниях некоего С. Вильямса, который подвез г-на Эшби и некоего Р. Блэкмена к дому, где было совершено преступление. Этот свидетель показал, что, до того как г-н Эшби вошел в дом с Блэкменом, у него в руках был перочинный нож. Более того, он показал, что, после того как г-н Эшби вместе с Блэкменом вышли из дома и сели в машину, Эшби сказал, что он "порезал человека ножом". Эти показания были подтверждены свидетельскими показаниями патологоанатома, который вынес заключение, что смерть наступила в результате удара ножом в шею. Кроме того, г-н Эшби, предположительно, сам сделал устные и письменные заявления, в которых признавал, что он убил жертву.

2.3 Защита поставила под сомнение правдивость свидетельских показаний С. Вильямса и утверждала, что г-н Эшби невиновен. Она заявила о наличии явных доказательств, что г-н Вильямс сам является соучастником преступления; что у г-на Эшби не было ножа; что именно Блэкмен пытался вовлечь г-на Эшби в преступление; и что г-н Эшби был арестован, а затем избит полицейским, после чего дал показания, предварительно получив заверения в том, что после этого он сможет вернуться домой.

Хронология событий, касающихся казни г-на Эшби

3.1 Сообщение г-на Эшби в соответствии с Факультативным протоколом было получено секретариатом Комитета по правам человека 7 июля 1994 года. 13 июля 1994 года адвокат представил дополнительные разъяснения. В этот же день Специальный докладчик Комитета по новым сообщениям вынес решение в соответствии с правилами 86 и 91 Правил процедуры Комитета, переданное властям Тринидада и Тобаго, в котором содержалась просьба о неприведении смертного приговора в исполнение до вынесения Комитетом решения по этому делу и запрашивалась информация и замечания по вопросу о приемлемости данной жалобы.

3.2 Соответствующая просьба по совокупности правил 86 и 91 была препровождена Постоянному представительству Тринидада и Тобаго в Женеве в 16 час. 05 мин. по женевскому времени (10 час. 05 мин. по времени Тринидада и Тобаго) 13 июля 1994 года. По сообщению Постоянного представительства Тринидада и Тобаго, эта просьба была передана факсимильной связью властям Порт-оф-Спейна между 16 час. 30 мин и 16 час. 45 мин. того же дня (время в Тринидаде и Тобаго 10 час. 30 мин. - 10 час. 45 мин.).

3.3 В течение всей ночи с 13 на 14 июля 1994 года продолжались попытки добиться приостановки казни г-на Эшби как в Апелляционном суде Тринидада и Тобаго, так и в Судебном комитете Тайного совета в Лондоне. Когда Судебный комитет вынес решение примерно в 11 час. 30 мин. по лондонскому времени (в Тринидаде и Тобаго было около 6 час. 30 мин.) о приостановке казни, он узнал, что г-н Эшби уже был казнен. Во время приведения приговора в действие Апелляционный суд Тринидада и Тобаго также заседал, обсуждая вопрос принятия решения о приостановке казни.

3.4 26 июля 1994 года Комитет принял открытое решение, в котором выразил свое негодование по поводу игнорирования государством-участником просьбы Комитета в соответствии с правилом 86; он решил продолжить рассмотрение дела г-на Эшби в соответствии с Факультативным протоколом и настоятельно призвал государство-участник гарантировать всеми находящимися в его распоряжении способами, что подобная ситуация, как это было в случае с г-ном Эшби, не повторится. Открытое решение Комитета было передано государству-участнику 27 июля 1994 года.

Жалоба

4.1 Адвокат заявляет, что в данном случае были нарушены статьи 7, 10 и пункт 3 g) статьи 14, утверждая, что г-н Эшби, предположительно, подвергся в тюрьме избиению и жестокому обращению и что он подписал признание под давлением, после того как его обещали освободить, если он подпишет этот документ.

4.2 Утверждается, что государство-участник нарушило пункт 3 d) статьи 14, поскольку г-ну Эшби не было обеспечено адекватное юридическое представительство до суда и в ходе судебного разбирательства. Адвокат обращает внимание на тот факт, что адвокат г-на Эшби, назначенный ему в порядке правовой помощи, практически не встречался со своим клиентом для подготовки защиты. Заявляется, что этот же адвокат аргументировал апелляцию крайне неубедительно.

4.3 Адвокат утверждает, что Апелляционный суд не исправил упущение судьи первой инстанции, не указавшего присяжным на опасность полагаться в своем решении на неподтвержденные показания, данные сообщником, а Тайный совет не исправил ошибку судьи в инструктировании присяжных и не указал на существенные процессуальные изъяны в ходе суда, что привело к отказу в праве г-на Эшби на справедливое судебное разбирательство.

4.4 В своем первоначальном представлении адвокат утверждала, что г-н Эшби является жертвой нарушения статьи 7 и пункта 1 статьи 10, поскольку он слишком долго находился в блоке смертников, а именно в течение 4 лет, 11 месяцев и 16 дней. Согласно утверждениям адвоката, продолжительность содержания под стражей г-на Эшби в стесненных, практически антисанитарных условиях при отсутствии мест отдыха, равносильна жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению по смыслу статьи 7. В качестве подтверждения своих доводов адвокат приводит в качестве доказательства недавние решения Судебного комитета Тайного совета и Верховного суда Зимбабве².

4.5 Утверждается, что казнь г-на Эшби нарушила его права по Пакту, поскольку он был казнен: 1) после того как Тайному совету были даны заверения, что он не будет казнен, пока все возможные средства защиты не будут использованы; 2) в период, когда его обращение о неприведении смертного приговора в исполнение находилось на рассмотрении в Апелляционном суде в Тринидаде и Тобаго; и 3) сразу же после извещения Тайного совета и вынесения им решения о приостановлении казни. Более того, г-н Эшби был казнен при игнорировании просьбы, поступившей в соответствии с правилом 86 Комитета.

4.6 Адвокат утверждает далее, что казнь г-н Эшби лишила его прав, согласно:

- пункту 1 статьи 14, так как ему было отказано в справедливом судебном разбирательстве, поскольку он был казнен до завершения рассмотрения дела;
- пункту 5 статьи 14, поскольку он был казнен до того, как Апелляционный суд в Тринидаде и Тобаго, Тайный совет и Комитет по правам человека рассмотрели вынесенный ему приговор и его законность. В этом контексте адвокат напоминает о правовой практике Комитета, согласно которой пункт 5 статьи 14 применим к любым апелляционным инстанциям, предусмотренным законом³.

² Judicial Committee of the Privy Council, *Pratt and Morgan v. Attorney-General of Jamaica*, Privy Council Appeal No. 1031993, judgement of 2 November 1993; Supreme Court of Zimbabwe, judgement No. SC 73393 of 24 June 1993 (unreported).

³ Сообщение № 230/1987, *Генри против Ямайки*, пункт 8.4; Соображения приняты 1 ноября 1991 года.

4.7 Адвокат допускает, что может возникнуть вопрос, имел ли право г-н Эшби в соответствии с пунктом 5 статьи 14 на пересмотр своего дела судом более высокой инстанции, где он имел возможность конституционного пересмотра, которого он уже добивался и на результаты которого рассчитывал. Она утверждает, что, если отдельное лицо получает разрешение подать конституционную жалобу и если это лицо уже предпринимает процессуальное действие в попытке добиться "пересмотра", оно имеет право в соответствии с пунктом 5 статьи 14 на эффективный доступ к такому пересмотру. Более того, утверждается, что это вмешательство в апелляционный процесс было настолько грубым, что оно нарушило не только право на подачу апелляции в соответствии с пунктом 5 статьи 14, но также и право на равенство перед судом и на справедливое судебное разбирательство. Ясно, что конституционный процесс регулируется гарантиями, содержащимися в пункте 1 статьи 14. Адвокат основывается в этом отношении на Соображениях Комитета в деле № 377/1989 (*Карри против Ямайки*).

4.8 Утверждается, что имело место нарушение статьи 6, поскольку приведение в исполнение смертного приговора при несоблюдении других содержащихся в Пакте гарантий является нарушением пункта 1 статьи 6, а также ввиду несоблюдения конкретных гарантий, содержащихся в пунктах 2 и 4 статьи 6. И наконец, адвокат утверждает, что "окончательный приговор" по смыслу пункта 2 статьи 6 должен пониматься в этом случае как включающий в себя решение по конституционной жалобе, поскольку окончательное решение по конституционной жалобе, ставящей под сомнение конституционность казни г-на Эшби, будет в этом случае действительно означать "окончательный" приговор. Более того, был нарушен пункт 4 статьи 6, поскольку в момент казни г-н Эшби находился в процессе осуществления своего права на смягчение наказания.

Замечания государства-участника и комментарии по ним адвоката

5.1 В представлении от 18 января 1995 года государство-участник утверждает, что власти этой страны "в момент казни г-на Эшби не знали о просьбе Специального докладчика в соответствии с правилом 86. Представительство Тринидада и Тобаго в Женеве передало сопроводительную записку факсимильной связью в 16 час. 34 мин. (по женевскому времени) (в Тринидаде и Тобаго было 10 час. 34 мин.) 13 июля 1994 года. Эта записка содержала ссылку на уведомление из Центра по правам человека. Однако само уведомление к записке приложено не было. Полностью ходатайство от имени г-на Эшби вместе с просьбой Специального докладчика в соответствии с правилом 86 было получено министерством иностранных дел 18 июля 1994 года, через четыре дня после казни г-на Эшби".

5.2 Государство-участник отмечает, что, "если Комитет не указал на срочный характер своей просьбы и неизбежность казни г-на Эшби Постоянному представителю, последний никоим образом не мог знать о крайней срочности, с которой необходимо было передать эту просьбу соответствующим властям в Тринидаде и Тобаго. В действительности неизвестно, обратил ли Комитет внимание Постоянного представителя на срочность данной просьбы". Г-н Эшби был казнен в 6 час. 40 мин. (время местное) 14 июля 1994 года.

5.3 Государство-участник дает следующую хронологию событий, предшествовавших казни г-на Эшби: "13 июля 1994 года была предъявлена конституционная жалоба от имени г-на Эшби, ставящая под сомнение конституционность приведения в исполнение в отношении его смертного приговора. Адвокаты г-на Эшби добивались решения о приостановке казни до принятия решения по этой жалобе. Верховный суд отказал в приостановке, постановив, что г-н Эшби не представил каких-либо аргументированных доводов, дающих основание для вынесения соответствующего распоряжения. От имени г-на Эшби была подана апелляция и сделано еще одно обращение с просьбой о приостановке казни до принятия решения по апелляции. Адвокаты г-на Эшби также пытались предвосхитить установленную в судах Тринидада и Тобаго процедуру путем обхода как Верховного суда, так и Апелляционного суда и обращения непосредственно в Тайный совет с просьбой об отсрочке казни до принятия решения местными судами. Неясно, дал ли юрист государства-участника какое-либо обязательство Тайному совету и имел ли право Тайный совет

принимать решение о приостановке казни или издавать охранное распоряжение до вынесения решения местным Апелляционным судом".

5.4 Государство-участник далее отмечает, что "с тем чтобы сохранить статус-кво, Тайный совет 14 июля 1994 года в 11 час. 45 мин. (лондонское время) (6 час. 45 мин. в Тринидаде и Тобаго) издал охранное распоряжение на случай, если Апелляционный суд откажет в приостановлении, то есть через пять минут после казни г-на Эшби. Судебный адвокат г-на Эшби показал в Апелляционном суде в 6 час. 52 мин. (время в Тринидаде и Тобаго), что он получил по факсимильной связи от Секретаря Тайного совета документ, указывающий на то, что было издано охранное распоряжение на случай, если Апелляционный суд откажет в приостановлении казни. Исполнение этого распоряжения, как представляется, зависело от отказа Апелляционного суда в приостановлении казни".

5.5 Согласно государству-участнику, "г-н Эшби был казнен во исполнение приказа о казни, подписанного президентом, в то время когда не было никакого судебного или президентского решения о приостановлении казни. Консультативный комитет по вопросу о праве помилования рассмотрел дело г-на Эшби и не вынес рекомендации о его помиловании".

5.6 Государство-участник "ставит под вопрос компетенцию Комитета в плане рассмотрения сообщения, поскольку оно было представлено в то время, когда г-н Эшби еще не использовал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты и в этой связи являлось неприемлемым в соответствии с правилом 90". Оно далее оспаривает заключение Комитета, содержащееся в его открытом решении от 26 июля 1994 года, что государство-участник не выполнило свои обязательства в соответствии с Факультативным протоколом и Пактом: "Помимо того, что соответствующим властям не было известно о просьбе, государство-участник считает, что правило 86 не дает право Комитету на подобные просьбы, как и не налагает обязательства на государство-участник удовлетворять их".

6.1 В представлении от 13 января 1995 года адвокат подробно останавливается на обстоятельствах смерти ее клиента и выдвигает новые утверждения в связи со статьей 6 Пакта, а также приводит дополнительную информацию относительно первоначально поданных жалоб по статьям 7 и 14. Она представляет эти замечания по специальной просьбе Десмонда Эшби, отца Глена Эшби, попросившего, чтобы Комитет продолжил рассмотрение дела его сына.

6.2 Авдокат приводит следующую хронологию событий: "7 июля 1994 года через своих адвокатов в Тринидаде и Тобаго Глен Эшби обратился с письмом к Комитету по вопросам помилования. Г-н Эшби ходатайствовал о предоставлении ему права быть выслушанным этой инстанцией, заявив, что Комитет по правам человека рассматривает его сообщение, и попросив, чтобы Комитет по вопросам помилования дождался рекомендаций Комитета по правам человека. 12 июля 1994 года Комитет по вопросам помилования отклонил просьбу Глена Эшби о помиловании". В тот же день ему был зачитан приговор о том, что его казнь состоится в 6 час. 00 мин. 14 июля 1994 года.

6.3 13 июля 1994 года адвокаты г-на Эшби в Тринидаде и Тобаго подали конституционную жалобу в Высокий суд Тринидада и Тобаго, пытаясь добиться издания охранного распоряжения, приостанавливающего казнь, по причине 1) задержки в осуществлении приговора (в соответствии с постановлением Тайного совета по делу *Пратта и Моргана*); 2) отказа Комитета по вопросам помилования рассмотреть рекомендации Комитета по правам человека; 3) беспрецедентно короткого периода времени с момента зачтения приговора до даты казни г-на Эшби. Адресатами этой жалобы были Генеральный прокурор, Специальный уполномоченный по тюрьмам и начальник тюрьмы. 13 июля приблизительно в 3 час. 30 мин. по лондонскому времени на специальном заседании Тайного совета лондонский адвокат г-на Эшби пытался добиться от его имени решения о приостановлении казни. Представитель Генерального прокурора Тринидада и Тобаго затем информировал Тайный совет о том, что г-н Эшби не будет казнен, пока не будут исчерпаны все возможности добиться приостановления казни, включая обращение в Апелляционный суд Тринидада

и Тобаго и Тайный совет. Это было зафиксировано в письменном виде и подписано адвокатом г-на Эшби и адвокатом Генерального прокурора.

6.4 Также 13 июля, после слушания вопроса в Высоком суде Тринидада и Тобаго, в приостановлении казни было отказано. Апелляция на отказ была подана немедленно, и ее слушание началось в Апелляционном суде Тринидада и Тобаго утром 14 июля в 12 час. 30 мин. (время местное). В Апелляционном суде адвокат адресатов заявил, что, несмотря на все заверения, данные в Тайном совете, Глен Эшби будет повешен в 7 час. 00 мин. по местному времени (в полдень по лондонскому времени), если Апелляционный суд не издаст охранного распоряжения. Затем Апелляционный суд предложил объявить перерыв до 11 час. 00 мин. по местному времени, с тем чтобы получить разъяснения относительно того, что произошло в Тайном совете. Адвокаты г-на Эшби попросили издать охранное распоряжение, действующее до 11 час. 00 мин., отмечая, что казнь была назначена на 7 час. 00 мин. и что адвокат адресатов дал ясно понять, что г-н Эшби не может полагаться на заверения, данные Тайному совету. Суд указал, что на это время г-н Эшби может полагаться на заверения, данные Тайному совету, и отказался издать охранное распоряжение. Вместо этого Суд решил не собираться до 6 час. 00 мин. Адвокаты г-на Эшби обратились с просьбой об издании временного охранного распоряжения, действующего до 6 час. 00 мин., однако Суд отклонил эту просьбу. И за все это время адвокаты государства-участника ни разу не дали понять, что казнь была намечена на более раннее время, чем 7 час. 00 мин.

6.5 14 июля в 10 час. 30 мин. по лондонскому времени на специальном заседании Судебного комитета Тайного совета адвокатом Генерального прокурора Тринидада и Тобаго в Лондоне был подписан и скреплен подписью адвоката г-на Эшби документ, который содержал в себе изложение всех происшедших до этого событий и хода обсуждения в Тайном совете 13 июля. Этот документ, состоящий из трех рукописных страниц, был немедленно отправлен Секретарем Тайного совета по факсимильной связи Апелляционному суду и адвокатам обеих сторон в Тринидаде и Тобаго. Адвокаты г-на Эшби в Тринидаде и Тобаго получили этот документ до 6 час. 00 мин. Затем Тайный совет попросил уточнить позицию Генерального прокурора. Поскольку никакой информации получено не было, Тайный совет приблизительно в 11 час. 30 мин. по лондонскому времени принял решение о приостановлении казни, дав указание не приводить смертный приговор в действие. Приблизительно в это же время, когда в Тринидаде и Тобаго было 6 час. 20 мин., Апелляционный суд возобновил свое заседание. В это время адвокаты г-на Эшби проинформировали Суд, что в данный момент проходит заседание Тайного совета в Лондоне. Адвокат г-на Эшби также передал Суду документ из трех страниц, полученный по факсимильной связи.

6.6 Около 6 час. 40 мин. адвокаты г-на Эшби еще раз обратились в Апелляционный суд Тринидада и Тобаго с просьбой об издании охранного распоряжения. В этом им было отказано; Суд опять подчеркнул, что г-н Эшби может полагаться на заверения, данные Тайному совету. В этот момент в Суде появился один из адвокатов г-на Эшби с письменной копией решения Тайного совета о приостановлении казни. Решение было ему зачитано по телефону; оно было принято приблизительно в 6 час. 30 мин. по местному времени (в 11 час. 30 мин. по лондонскому времени). Вскоре после этого было объявлено, что г-н Эшби был повешен в 6 час. 40 мин.

Решение относительно приемлемости

7.1 На своей пятьдесят четвертой сессии в июле 1995 года Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения.

7.2 Что касается жалоб по пункту 1 статьи 14, касающихся того, что судья первой инстанции предположительно не проинструктировал должным образом присяжных относительно опасности полагаться в своем решении на показания потенциального соучастника преступления, Комитет напомнил, что первым делом суды государств - участников Пакта, а не Комитет должны рассматривать факты и доказательства в каждом конкретном деле. Апелляционные суды государств - участников Пакта должны рассматривать процессуальные аспекты судебного разбирательства и характер инструкций, данных судьей присяжным, если только не установлено, что оценка

свидетельских показаний была явно произвольной или свелась к отказу в правосудии или что судья явно нарушил свое обязательство быть беспристрастным. Протокол судебного разбирательства дела г-на Эшби не указывает на то, что его рассмотрение судом присяжных в Порт-оф-Спейне страдало подобными изъянами. Соответственно эта часть сообщения является неприемлемой ввиду ее несоответствия положениям Пакта согласно статье 3 Факультативного протокола.

7.3 Что касается жалоб в связи с жестоким обращением с г-ном Эшби после его ареста, плохой подготовкой его защиты, несостоятельностью его правового представительства, предполагаемым недобровольным характером его признания, неоправданной задержкой в рассмотрении его апелляции и условиями его содержания под стражей, Комитет считает их достаточно обоснованными для целей приемлемости. Эти жалобы, которые могут вызвать вопросы по статье 7, пункту 1 статьи 10, пунктам 3 b), c), d) и g) и 5 статьи 14, должны в этой связи быть рассмотрены по существу.

7.4 В отношении жалоб по статье 6 Комитет отмечает утверждение государства-участника, что, поскольку сообщение было представлено в то время, когда г-н Эшби еще не использовал все возможные внутренние средства правовой защиты, его жалобу следует признать неприемлемой в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Адвокат указывает, что, поскольку г-н Эшби был казнен незаконно во время использования им средств судебной защиты, государство-участник лишается права утверждать, что еще не все средства правовой защиты были использованы.

7.5 Комитет отмечает, что Специальный докладчик Комитета 13 июля 1994 года ходатайствовал о неприведении в исполнение смертного приговора, руководствуясь правилом 86 правил процедуры, для того, чтобы предотвратить "непоправимый вред", который мог быть нанесен г-ну Эшби; это прошение имело целью предоставить г-ну Эшби возможность использовать еще не задействованные им средства правовой защиты и позволить Комитету решить вопрос о приемлемости сообщения г-на Эшби. Принимая во внимание обстоятельства дела, Комитет постановил, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует ему рассматривать жалобу г-на Эшби в соответствии со статьей 6 и что адвокату, до подачи в Комитет своей жалобы в связи с произвольным лишением жизни г-на Эшби, необязательно использовать все имеющиеся средства правовой защиты, относящиеся к этой жалобе.

8. На основании вышеизложенного 14 июля 1995 года Комитет по правам человека постановил, что сообщение является приемлемым, поскольку в связи с ним, как представляется, возникают вопросы по статьям 6, 7, пункту 1 статьи 10, пунктам 3 b), c), d) и g) и 5 статьи 14 Пакта.

Замечания государства-участника относительно существования сообщения и комментарии по ним адвоката

9.1 В представлении государства-участника от 3 июня 1996 года содержатся объяснения и заявления по существу данного дела.

9.2 Что касается предполагаемого жестокого обращения с г-ном Эшби после его ареста, государство-участник ссылается на протокол заседания суда. Государство-участник заявляет, что эти утверждения были сделаны в связи с признанием г-на Эшби, что у г-на Эшби была возможность дать соответствующие показания и что по данному аспекту он был подвергнут перекрестному допросу. Таким образом, суд рассматривал эту жалобу беспристрастно, и его решения должны быть определяющими.

9.3 В отношении несостоятельности подготовки защиты г-на Эшби государство-участник заявляет, что адвокат, назначенный ему в порядке правовой помощи, является известным и компетентным юристом и членом коллегии адвокатов по уголовным делам Тринидада и Тобаго. Государство-участник прилагает комментарии бывшего адвоката первой инстанции, опровергающие утверждения г-на Эшби по этому вопросу.

9.4 Государство-участник вновь подтверждает, что вопрос о недобровольном признании был рассмотрен в ходе справедливого слушания. Как апелляционному суду, так и государственному суду Тринидада и Тобаго было известно о жалобе в отношении упомянутого признания, и они беспристрастно рассмотрели факты и заслушали свидетельские показания.

9.5 По вопросу о необоснованной задержке в рассмотрении апелляции г-на Эшби государство-участник указывает на существовавшие в то время в Тринидаде и Тобаго обстоятельства. Государство-участник утверждает, что задержки вызваны практикой записи свидетельских показаний от руки в ходе всех судебных процессов по делам об убийстве, которые затем должны быть напечатаны и заверены соответствующим судьей первой инстанции в дополнение к графику заседаний, который и так является напряженным. Более того, оказалось трудно найти компетентных юристов на замещение вакансий в судебном корпусе, в связи с чем пришлось даже изменить Конституцию, с тем чтобы иметь возможность назначать ушедших в отставку судей. И все равно в Высоком суде не хватает судей для рассмотрения постоянно растущего количества апелляций по уголовным делам. Государство-участник объясняет, что с января 1994 года по апрель 1995 года, после принятия Судебным комитетом Тайного совета решения по делу *Пратта и Моргана*, Высокий суд заслушивает в основном только апелляции по делам об убийстве, практически не занимаясь апелляциями по гражданским делам.

9.6 Государство-участник заявляет, что условия содержания г-на Эшби под стражей такие же, как и для всех заключенных, находящихся в блоке смертников. Государство-участник указывает на письменное свидетельство Комиссара по делам тюрем, приложенное к представлению, в котором описываются общие условия содержания заключенных в блоке смертников. Государство-участник утверждает, что факты в деле *Пратта и Моргана* и решение Верховного суда Зимбабве настолько отличаются от актов в деле г-на Эшби, что на них практически невозможно опираться.

9.7 В отношении предполагаемого нарушения статьи 6 Пакта, государство-участник заявляет, что Комитету не следует продолжать рассматривать эту жалобу, поскольку в связи с казнью г-на Эшби в Высокий суд Тринидада и Тобаго был предъявлен соответствующий иск. Без ущерба для данного представления государство-участник утверждает, что г-н Эшби не имел права быть заслушанным Комитетом по вопросам помилования, и указывает на приоритет решения Судебного комитета Тайного совета⁴.

9.8 Государство-участник оспаривает конкретные факты, представленные адвокатом. В частности, государство-участник указывает на ошибочность утверждения о том, что по мнению, высказанному Апелляционным судом, адвокат должен был полагаться на данные Тайному совету заверения в том, что г-н Эшби не будет казнен. Наоборот, Суд высказался в том плане, что он не готов предпринять какие-либо действия, пока этот вопрос не решит Судебный комитет Тайного совета.

9.9 26 июля 1996 года адвокат попросила Комитет прекратить рассмотрение существа сообщения ввиду попытки использования эффективного внутреннего средства защиты. Адвокат заявляет, что отец г-на Эшби возбудил против государства-участника конституционную жалобу и предъявил гражданский иск в связи с обстоятельствами казни. 16 июля 2001 года адвокат попросила Комитет возобновить рассмотрение дела и заявила, что адвокаты в Тринидаде и Тобаго не смогли устранить трудности в удовлетворении определенных процессуальных требований в отношении конституционной жалобы и гражданского иска.

Рассмотрение дела по существу

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение в свете всей предоставленной ему сторонами информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

⁴ *De Freitas v. Benny* (1975), 3 WLR 388; *Reckley v. Minister of Public Safety* (No. 2) (1996), 2 WLR 281 at 291G to 292G.

10.2 Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что адвокаты г-на Эшби в Тринидаде и Тобаго осуществляли определенные действия в судебном порядке от имени его отца и по имущественным вопросам в связи с обстоятельствами казни г-на Эшби. Комитет отмечает, что гражданская и конституционная процедуры, о которых идет речь, не влияют на рассмотрение жалоб по данному делу. Тем не менее Комитет удовлетворил просьбу адвоката прекратить рассмотрение существа дела (см. пункт 9.9).

10.3 Что касается предполагаемого избиения и обстоятельств, приведших к подписанию признания, Комитет отмечает, что г-н Эшби не представил точно детали инцидента с указанием лиц, которых он считает виновными в этом. Однако детали его обвинения ясны из протокола судебного заседания, представленного государством-участником. Комитет замечает, что обвинения г-на Эшби были рассмотрены внутренним судом, что у него была возможность дать свидетельские показания и что он был подвергнут перекрестному допросу. Его утверждения также упоминались в решении Апелляционного суда. Комитет напоминает, что первыми рассматривать факты того или иного дела должны суда государств-участников, а не Комитет. По имеющейся у Комитета информации и на основании представленных автором аргументов нельзя сказать, что оценка Судом фактов дела была явно произвольной или свелась к отказу в правосудии⁵. Комитет считает, что нет достаточных доказательств для принятия вывода о том, что государство-участник нарушило свои обязательства по статье 7 Пакта.

10.4 В отношении утверждения о неэффективном юридическом представительстве в ходе процесса и на досудебной стадии, а также во время подачи апелляционных жалоб Комитет ссылается на свою правовую практику в том смысле, что государство-участник не может нести ответственность за поведение защитника, если только судье не становится ясно, что его поведение несовместимо с интересами правосудия⁶. В данном деле у Комитета нет оснований полагать, что адвокат в суде вел себя вопреки здравому смыслу. Из протокола заседания суда ясно, что адвокат подвергал перекрестному допросу всех свидетелей. Из решения по апелляции также очевидно, что основания для подачи апелляции, представленные адвокатом, были рассмотрены и полностью учтены Высоким судом в его решении. Материал, находящийся на рассмотрении Комитета, не содержит указаний на то, что адвокат или автор когда-либо высказывали жалобу судье первой инстанции о недостаточности времени для подготовки защиты. В таких обстоятельствах Комитет считает, что находящиеся у него на рассмотрении факты не указывают на нарушения Пакта по этому вопросу.

10.5 Адвокат также утверждает, что имела место необоснованная задержка рассмотрения апелляции г-на Эшби. Комитет отмечает, что суд присяжных Порт-оф-Спейна признал г-на Эшби виновным в убийстве и приговорил его к смертной казни 20 июля 1989 года и что Апелляционный суд подтвердил приговор 20 января 1994 года. Все это время г-н Эшби находился под стражей. Комитет отмечает объяснение государства-участника относительно задержки в рассмотрении апелляции г-на Эшби. Комитет считает, что государство-участник не утверждает, что задержка в рассмотрении зависела от какого-либо действия со стороны обвиняемого, а невыполнение этой обязанности могло быть оправдано сложностью данного дела. В этом отношении неадекватное штатное укомплектование или административные задержки в целом не являются достаточным оправданием⁷. В отсутствие какого-либо удовлетворительного объяснения со стороны государства-участника Комитет считает, что задержка в четыре с половиной года несовместима с положениями пунктов 3 с) и 5 статьи 14 Пакта.

⁵ *Терренс Сахадео против Гайаны*, сообщение № 728/1996, Соображения приняты 1 ноября 2001 года, пункт 9.3.

⁶ См., в частности, решение Комитета по сообщению № 536/1993, *Перера против Австралии*, признанному неприемлемым 28 марта 1995 года.

⁷ Сообщение № 390/1990, *Лубуто против Замбии*, пункт 7.3.

10.6 Что касается условий содержания г-на Эшби под стражей (см. пункт 4.4), Комитет вновь подтверждает свою неизменную правовую практику, в соответствии с которой само по себе нахождение в блоке смертников в течение конкретного периода времени не нарушает статью 7 Пакта в отсутствие других особых обстоятельств. Комитет приходит к заключению, что статья 7 в данном случае не была нарушена.

10.7 Что касается жалобы в отношении того, что условия содержания г-на Эшби под стражей явились нарушением статьи 10 Пакта, Комитет отмечает отсутствие какого-либо дальнейшего представления в подтверждение жалобы г-на Эшби после решения Комитета о приемлемости. Комитет поэтому не усматривает нарушения статьи 10 Пакта.

10.8 Наконец, адвокат утверждает, что г-н Эшби был произвольно лишен жизни, поскольку государство-участник казнило его, прекрасно зная, что он все еще находится в процессе осуществления правовой защиты в Апелляционном суде государства-участника, в Судебном комитете Тайного совета и в Комитете по правам человека. Комитет считает, что в таких обстоятельствах (детально освещены выше в пунктах 6.3-6.6) государство-участник нарушило свои обязательства в соответствии с Пактом. Более того, учитывая тот факт, что представитель Генерального прокурора информировал Тайный совет о том, что г-н Эшби не будет казнен, пока все возможности по неприведению в исполнение смертного приговора не будут исчерпаны, приведение приговора г-на Эшби в исполнение, несмотря на данные заверения, представляет собой нарушение принципа доброй воли, лежащего в основе выполнения всеми государствами своих обязательств в соответствии с международными договорами, включая Пакт. Приведение в исполнение казни г-на Эшби, когда этот приговор еще находился в процессе оспаривания, представляет собой нарушение пунктов 1 и 2 статьи 6 Пакта.

10.9 В отношении казни г-на Эшби Комитет напоминает о своей правовой практике, в соответствии с которой в том случае, если государство-участник предпринимает какие-либо действия, препятствующие рассмотрению Комитетом сообщения, в котором высказываются предположения о нарушениях Пакта, или срывающие его или ставящие рассмотрение Комитетом сообщения под вопрос и делающие его Соображения недействительными и бесполезными, оно не только не соблюдает права, закрепленные в Пакте, но и совершает серьезное нарушение своих обязательств по Факультативному протоколу⁸. Поведение государства-участника представляет собой вопиющую неспособность продемонстрировать даже самую элементарную добрую волю, требующуюся от государства - участника Пакта и Факультативного протокола.

10.10 Комитет считает, что государство-участник нарушило свои обязательства в соответствии с Протоколом тем, что казнило г-на Эшби до завершения рассмотрения Комитетом сообщения и вынесения своих соображений. Особенно непростительным для государства-участника является тот факт, что оно сделало это после того, как Комитет, действуя в соответствии с правилом 86, просил государство-участник воздержаться от приведения приговора в исполнение. Пренебрежение этим правилом, особенно с применением таких необратимых мер, как казнь предполагаемой жертвы, подрывает возможность защиты прав, содержащихся в Пакте, посредством Факультативного протокола.

11. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что находящиеся у него на рассмотрении факты указывают на нарушение пунктов 1 и 2 статьи 6 и пунктов 3 с) и 5 статьи 14 Пакта.

12. В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта г-н Эшби имел право на эффективную правовую защиту, включая, прежде всего, сохранение ему жизни. Соответствующая денежная компенсация должна быть выделена членам его семьи.

⁸ См. сообщение № 707/1996, *Патрик Тейлор против Ямайки*, пункт 8.5.

13. Став государством - участником Факультативного протокола, Тринидад и Тобаго признает компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта или нет. Настоящее дело было представлено на рассмотрение до того, как Тринидад и Тобаго денонсировал Факультативный протокол 27 июня 2000 года⁹; в соответствии со статьей 12 (2) Факультативного протокола к этому государству продолжают применяться положения Факультативного протокола. Во исполнение статьи 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, и обеспечивать эффективное средство правовой защиты, если нарушение было установлено. Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение трех месяцев информацию о мерах, принятых по практическому осуществлению Соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать Соображения Комитета.

Сообщение № 688/1996

Представлено: Каролиной Телье Арредондо

Предполагаемая жертва: Мария Сибила Арредондо

Государство-участник: Перу

Объявлено приемлемым: 23 октября 1998 года (шестьдесят четвертая сессия)

Дата принятия Соображений: 27 июля 2000 года (шестьдесят девятая сессия)

Тема сообщения: Содержание под стражей и несправедливое судебное разбирательство в отношении лица, подозреваемого в террористической деятельности

Процедурные вопросы: Этот же вопрос, рассматриваемый другой международной инстанцией - Неисчерпание внутренних средств правовой защиты - Неоправданно затянутое применение внутренних средств правовой защиты - Надлежащее разрешение юридическому представителю жертвы

Вопросы существа: Произвольное задержание - Беспристрастность судей - Анонимные судьи - Право на гуманное судебное разбирательство - Право быть судимым без неоправданной задержки

Статьи Пакта: Пункты 3 и 4 статьи 9; пункты 1 и 3 статьи 10; пункты 1, 2, 3 b), c), d), e), 6 и 7 статьи 14

Статьи Факультативного протокола: 1 и пункт 2 a) и b) статьи 5

Вывод: Наличие нарушения

1. Автором сообщения является г-жа Каролина Телье Арредондо, дочь Марии Сибила Арредондо, являющейся гражданкой Чили, а после вступления в брак – гражданкой Перу, вдовы, в настоящее время содержащейся в женской тюрьме усиленного режима в Чоррильос (Лима, Перу), где она отбывает несколько сроков наказания за террористическую деятельность. Автор представляет сообщение от имени своей матери, которая по причинам технического характера не может сделать это сама. Автор утверждает, что ее мать является жертвой нарушения Перу Международного пакта о гражданских и политических правах, в частности статьи 7, пунктов 3 и 4 статьи 9, пунктов 1 и 3 статьи 10, а также пунктов 1, 2, 3 b), c), d) и e), 6 и 7 статьи 14 Пакта.

⁹ Сообщения № 839/1998, 840/1998 и 841/1998, *Матсарадж и др. против Сьерра-Леоне, Гборье и др. против Сьерра-Леоне и Сесай и др. против Сьерра-Леоне*, пункт 5.1 и далее; сообщение № 869/1999, *Пиандионг и др. против Филиппин*, пункт 5.1 и далее.

Факты в изложении автора

2.1 Г-жа Арредондо в первый раз была арестована в Лиме 29 марта 1985 года (судебное дело № 1). В то время ей было предъявлено обвинение в террористической деятельности, включая хранение и транспортировку взрывчатых веществ. По ее делу состоялось два судебных разбирательства, в соответствии с решениями которых от августа 1986 года и ноября 1987 года она была признана невиновной в предъявленных обвинениях и освобождена.

2.2 На момент ее повторного ареста 1 июня 1990 года (судебное дело № 2) г-жа Сибилла Арредондо работала в Лиме адвокатом по правам человека, специализируясь на защите прав коренного населения¹. Она была арестована в том здании, где она работала, вместе с еще несколькими людьми, связанными с террористической организацией "Сендеро луминосо".

2.3 При аресте г-же Арредондо было предъявлено обвинение в том, что она является членом организации "Сокорро популар", которая якобы является вспомогательным подразделением движения "Сендеро луминосо", и впоследствии она была приговорена к 12 годам тюремного заключения "трибуналом в составе анонимных судей" (дело № 05-93). В юридическом заключении, подготовленном адвокатом г-жи Арредондо, указывается, что она была осуждена на основании исключительно факта ее присутствия в том же здании, в котором полиция арестовала в это время несколько членов движения "Сендеро луминосо". Против нее не имелось ни обвинений, выдвинутых другими обвиняемыми по этому же делу, ни свидетельских показаний, ни инкриминирующих заключений экспертизы. Адвокат признает, что в момент ареста у Сибиллы Арредондо была найдена поддельная избирательная карточка. В представлении автора содержится юридическое заключение адвоката из Лимы, в котором тот указывает, что "в отношении заявлений, направленных против г-жи Сибиллы, следует с сожалением констатировать, что абсолютно ничего не было сделано для того, чтобы оправдать ее или опровергнуть эти заявления. Не было представлено никаких доказательств в ее пользу, и, более того, она отказалась отвечать на вопросы полиции и судьи, как и все другие лица, проходившие по этому делу. В результате создалось впечатление, что все они действовали сообща, поскольку якобы принадлежали к одной и той же организации".

2.4 В мае 1992 года, когда г-жа Арредондо содержалась под стражей, против нее было возбуждено дело (судебное дело № 3) по обвинению в участии в событиях начала мая 1992 года, когда в тюрьме "Мигель Кастро Кастро" потребовалось вмешательство полиции. В соответствии с новым антитеррористическим законодательством Перу обвинение предложило в качестве меры наказания пожизненное заключение. В октябре 1995 года она была признана невиновной – также "трибуналом в составе анонимных судей" (дело № 237-93).

2.5 Судебное дело № 1, которое рассматривалось в 1985 году, было возобновлено в ноябре 1995 года и вынесено на рассмотрение "трибунала в составе анонимных судей", который 21 июля 1997 года приговорил ее к 15 годам тюремного заключения (дело № 98-93).

2.6 По всем трем судебным процессам были поданы апелляции: две – со стороны г-жи Арредондо после вынесения обвинительного приговора и одна – со стороны обвинения. Автор признает, что в отношении уголовного преследования против ее матери все внутригосударственные средства правовой защиты исчерпаны не были, однако автор считает, что судопроизводство было неоправданно затянуто.

¹ В своем письме от 21 марта 1999 года автор проинформировала Комитет о том, что, хотя ее мать на момент ареста действительно работала адвокатом по правам человека, она в то же время занималась составлением второй части полного собрания работ Хосе Мария Аргедаса.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что условия содержания в тюрьме ужасные и что заключенным разрешается покидать свои камеры размером 3 x 3 метра только на полчаса в день. Письменные принадлежности без особого разрешения не выдаются. За три прошедших года г-же Арредондо разрешили написать только три письма. Все книги, которые приносят заключенным, проходят строгую цензуру, и нет никакой гарантии, что заключенные их получат. К журналам, газетам, радио и телевидению доступа у них нет вообще. Только заключенным с первого этажа отделения В разрешается работать в мастерских, а поскольку г-жа Арредондо находится на втором этаже, ей разрешается выполнять только самую примитивную работу. Качество пищи плохое. Все продукты питания и туалетные принадлежности, которые приносят заключенным, должны передаваться администрации тюрьмы в прозрачных пакетах, и никакие продукты в консервных банках и бутылках в тюрьму не допускаются. На любые медицинские препараты, включая витамины и пищевые добавки, необходимо получить разрешение тюремного врача. Многие заключенные имеют психические отклонения или страдают от инфекционных заболеваний, однако при этом все заключенные содержатся вместе, поскольку отдельных изоляторов для больных нет. Когда заключенных перевозят в больницу, на руки и на ноги им надевают кандалы. Заключенным разрешается только одно свидание в месяц с ближайшими родственниками, причем посещения ограничены 20-30 минутами. Утверждается, что в соответствии с законодательством Перу заключенные имеют право на одно посещение в неделю. Кроме того, один раз в три месяца предусматривается непосредственное общение заключенных со своими детьми или внуками. При этом дети проходят внутрь тюрьмы самостоятельно, а сопровождающие их лица должны остаться у входа. Один раз в месяц к г-же Арредондо приходит ее дочь и один раз в три месяца – ее пятилетний внук; вследствие мер полицейского контроля, применяемых к взрослым посетителям, два старших внука (17 и 18 лет) не могут ее посещать, иначе их посещение будет соответствующим образом запротоколировано в полиции.

3.2 Автор утверждает, что судебные процессы (в судах "анонимных судей") против ее матери являются нарушением статьи 14 Пакта. Кроме того, автор выдвигает жалобу в отношении намеренного затягивания судопроизводства.

3.3 Утверждается, что данный вопрос не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

Замечания и комментарии государства-участника относительно приемлемости

4. В своем представлении от 12 августа 1997 года государство-участник ставит под сомнение приемлемость сообщения на том основании, что не были исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты и что дочь жертвы не имеет юридического права представлять дело от имени своей матери. Кроме того, представив копии двух газетных статей, опубликованных в Чили после посещения г-жи Арредондо несколькими чилийскими парламентариями, государство-участник утверждает, что г-жа Арредондо не желает более благоприятного обращения и намерена дожидаться решения по своему делу.

5.1 В своих замечаниях по представленным государством-участником материалам автор сообщения информирует Комитет о том, что она действительно действует от имени и по поручению своей матери, поскольку действовать самостоятельно ей не позволяют. Автор вновь упоминает об ограничениях, обусловленных условиями тюремного заключения ее матери, в том, что касается посещений, контактов с внешним миром, предоставления письменных принадлежностей и т.д.

5.2 В связи с заявлением государства-участника о том, что все внутригосударственные средства правовой защиты исчерпаны не были, автор повторяет, что ее мать была арестована в 1985 году, обвинена в террористической деятельности, привлечена к судебной ответственности и дважды признана невиновной. После повторного ареста в 1990 году судебный процесс 1985 года был возобновлен в 1995 году. В 1997 году она была приговорена к 15 годам тюремного заключения. Апелляция, поданная в Верховный суд, в настоящее время рассматривается. Таким образом, автор

просит Комитет признать сообщение приемлемым ввиду необоснованной задержки в предоставлении внутригосударственных средств правовой защиты государством-участником. Кроме того, г-жа Арредондо была приговорена к 12 годам тюремного заключения за принадлежность к организации "Сокорро популар", и в настоящее время она отбывает этот срок наказания. Что же касается обвинения в участии в событиях в тюрьме "Мигель Кастро Кастро" в мае 1992 года, то она была признана невиновной, однако это решение суда было обжаловано государственным обвинителем, и в настоящее время вопрос ожидает рассмотрения.

5.3 Автор вновь заявляет, что обращение, которому подвергается ее мать в тюрьме, является нарушением статей 7 и 10 Пакта. В своем письме от 28 сентября 1998 года, которое было передано государству-участнику 1 октября 1998 года, г-жа Телье повторяет и более подробно описывает обстоятельства ареста своей матери, которая была задержана без судебного предписания в нарушение статьи 9 Пакта, а также указывает, что в ходе судебных разбирательств по ее делам не соблюдались требования и гарантии, изложенные в статье 14 Пакта.

Решение Комитета относительно приемлемости

6.1 На своей шестьдесят четвертой сессии в октябре 1998 года Комитет изучил вопрос о приемлемости данного сообщения и установил, как этого требует пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, что данный вопрос в настоящее время не рассматривается в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования.

6.2 В связи с выполнением требования об исчерпании всех внутригосударственных средств правовой защиты Комитет отметил, что государство-участник возражает против признания данного сообщения приемлемым на том основании, что не все внутригосударственные средства были исчерпаны. Комитет сослался на свои собственные прецедентоустанавливающие решения, в которых он ранее неоднократно указывал на то, что для целей пункта 2 б) статьи 5 Факультативного протокола внутригосударственные средства правовой защиты должны быть эффективными и доступными, а их осуществление не должно чрезмерно затягиваться. Учитывая обстоятельства данного дела, Комитет счел, что в данном случае осуществление таких средств необоснованно задерживалось. Г-жа Арредондо была арестована в 1990 году и привлечена к судебной ответственности по обвинению в совершении нескольких правонарушений, одно из которых относится к 1985 году и по которому она уже была дважды признана невиновной. К 28 сентября 1998 года решение по делу так и не было принято. Учитывая все вышеизложенное, Комитет пришел к заключению, что пункт 2 б) статьи 5 не препятствует рассмотрению данной жалобы.

6.3 В отношении утверждений автора о том, что условия содержания ее матери под стражей подпадают под определение бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в нарушение статей 7 и 10 Пакта, Комитет принял решение, что данные утверждения являются достаточно обоснованными для целей приемлемости и должны быть рассмотрены по существу.

6.4 Автор заявила, что аресты ее матери были произведены с нарушением внутригосударственного законодательства и, следовательно, статьи 9 Пакта. Комитет счел, что данное заявление должно быть рассмотрено по существу, поскольку оно может вызвать вопросы, подпадающие под действие статьи 9 Пакта.

6.5 В отношении заявления о том, что мать автора была подвергнута судебному преследованию с нарушением гарантий, изложенных в статье 14 Пакта, Комитет отметил, что рассмотрение ее дела осуществлялось специальным военным судом. Кроме того, он принял к сведению позицию государства-участника, которая заключается в том, что уголовное преследование против нее осуществлялось и осуществляется с соблюдением процессуальных норм, установленных действующим антитеррористическим законодательством Перу. Однако вопрос заключается в том, соответствуют ли эти судебные процедуры статье 14 Пакта. Данный вопрос необходимо рассмотреть по существу.

7.1 В своем представлении от 4 августа 1999 года государство-участник обратилось с просьбой о пересмотре вопроса о приемлемости сообщения, поскольку оно считает, что дочь жертвы не имеет права представлять дело от имени своей матери; оно также считает, что жертва могла бы самостоятельно обратиться в Комитет и что это не вызвало бы никаких затруднений. В качестве альтернативы она могла бы, по мнению государства-участника, предоставить своей дочери ясно выраженные полномочия, либо передать такие полномочия через своего адвоката или своего сына, который постоянно проживает в Чили и навещал свою мать в тюрьме. В своем представлении государство-участник утверждает, что сын г-жи Арредондо никогда не заявлял о желании своей матери представить дело на рассмотрение какого-либо международного органа.

7.2 Государство-участник утверждает, что представления автора являются теми же самыми, что и переданные 29 февраля 1996 года Рабочей группе по произвольным задержаниям, и тот факт, что Рабочая группа не вынесла никакого решения, означает, что она не считает задержание произвольным. Поэтому государство-участник приходит к заключению, что никаких произвольных действий не было, и обращается к Комитету с просьбой в соответствии с принципом *non bis in idem* объявить данное сообщение неприемлемым.

7.3 Далее государство-участник заявляет, что, если Комитет, несмотря на представления, переданные с целью объявления сообщения неприемлемым, решит продолжить рассмотрение дела, он может сделать это только в отношении того судебного процесса против г-жи Арредондо, который идет в настоящее время. В ходе данного процесса необходимо вынести решение по ходатайству об отмене приговора и по вопросу о задержке в отправлении правосудия; в этой связи возникает вопрос, была ли такая задержка оправдана. С точки зрения государства-участника, основным мотивом в данном случае является стремление получить компенсацию, на что и направлено сообщение № 688/1996, и что главная цель состоит в принятии Комитетом решения, рекомендующего Перу освободить г-жу Арредондо на том основании, что в ходе судебного разбирательства ее дела внутригосударственными судами не были соблюдены гарантии о надлежащих правовых процедурах. В этом отношении государство-участник напоминает, что против г-жи Арредондо было начато три судебных процесса: в первом случае она была признана невиновной судом последней инстанции; во втором случае решение по ходатайству об отмене приговора (тюремном заключении сроком на 15 лет) до сих пор не вынесено; а в третьем случае она была приговорена к 12 годам тюремного заключения и в настоящее время отбывает наказание в специальной женской тюрьме усиленного режима в Чоррильос. Государство-участник считает, что целью настоящего сообщения является получение решения, аннулирующего идущее в настоящее время судебное разбирательство на основании "неоправданной" задержки в отправлении правосудия, а также обеспечение последующего освобождения г-жи Арредондо; таким образом, Перу будет вынуждено либо приостановить идущее судебное разбирательство и начать другие судебные процессы, либо объявить о прекращении ее дела. Государство-участник указывает на тот факт, что даже если события будут развиваться по этому сценарию, то положение г-жи Арредондо не изменится, поскольку, как было указано выше, она в настоящее время отбывает приговор, предусматривающий 12 лет тюремного заключения. В том случае, если третье судебное решение по делу будет подтверждено, этот приговор будет объединен с тем приговором, который г-жа Арредондо отбывает в настоящее время, т.е. она останется в тюрьме до отбытия 15 лет заключения, т.е. приговора, о котором идет речь во втором судебном процессе.

7.4 Государство-участник заявляет, что судебное разбирательство, в результате которого г-же Арредондо был вынесен приговор, проходило с соблюдением гарантий о надлежащих правовых процедурах, и на национальном уровне никаких жалоб, обвинений или апелляций в отношении якобы произошедших процессуальных нарушений предъявлено не было. Кроме того, международный орган не подтвердил факт нарушения гарантий в вопросе отправления правосудия.

7.5 В отношении заявлений, касающихся условий содержания под стражей г-жи Арредондо, государство-участник утверждает, что в соответствии с информацией, представленной Национальным институтом исправительных учреждений (НИИУ), условия, о которых упоминает

автор, были определены в момент разгара борьбы с террористической деятельностью в Перу. Теперь, когда ситуация изменилась, было признано целесообразным смягчить режим тюремного заключения для лиц, обвиненных в совершении правонарушений, связанных с терроризмом, поэтому был введен в действие Верховный указ № 005-97-JUS, под который подпадает и дело г-жи Арредондо. С момента поступления в женскую тюрьму усиленного режима Чоррильос в соответствии с решением тюремного совета г-жа Арредондо содержится в условиях строгого режима. В настоящее время она находится в камере для двух заключенных в отделении В.

7.6 Что касается количества свиданий с родственниками, то государство-участник отмечает, что в течение 1998 года и до настоящего времени г-жу Арредондо посещали ее дочь и внук, а также, по отдельной договоренности, ее мать и сын. На Рождество ей было предоставлено свидание с внуками, проживающими в Чили.

7.7 Специальный строгий режим (первый этап), действующий в отделении В, предоставляет заключенным определенные права, предусмотренные вышеупомянутым законом, а именно: прогулка или занятия спортом в течение двух часов, свидание в течение одного часа в помещении для посетителей по субботам для женщин и по воскресеньям для мужчин, физическая работа или занятие каким-либо ремеслом в камерах. Кроме того, государство-участник утверждает, что в соответствии с данным режимом те заключенные, которые с точки зрения реабилитации проявили себя положительно, могут работать в мастерских под наблюдением персонала НИИУ.

7.8 Государство-участник утверждает, что г-жа Арредондо в настоящее время пишет книгу о своем муже, что опровергает утверждение о том, что она лишена письменных принадлежностей. Каждый день сотрудники, отвечающие за безопасность женщин-заключенных, вручают ей ручку и бумагу. Кроме того, государство-участник утверждает, что женщинам-заключенным разрешается смотреть телевизор; один раз в две недели им даже допускается смотреть видеофильмы, а также читать книги и периодические издания, которые проверяются из соображений национальной безопасности на предмет наличия вредных материалов. Что касается отдыха заключенных, то они могут принимать участие в спортивных мероприятиях, танцевальных вечерах и слушать музыку.

7.9 Относительно претензий к качеству пищи женщин-заключенных следует сказать, что она соответствует требованиям, предъявляемым к калорийности и содержанию белка, и приготовлением ее занимаются по очереди сами заключенные, разделенные на группы. Их работа оценивается, и в качестве стимула лучшей группе выдается приз.

7.10 Относительно заявления о том, что заключенным не разрешается принимать медицинские препараты без разрешения тюремного врача, государство-участник заявляет, что данное требование вызвано соображениями безопасности и направлено на то, чтобы предотвратить отравление старыми или неподходящими медикаментами и препаратами, принимаемыми без предписания врача или в избыточных количествах, а также чтобы предупредить прием медикаментов, которые могут каким-либо образом причинить вред здоровью заключенных.

7.11 В части заявления, касающегося лечения заключенных, страдающих психическими заболеваниями, государство-участник утверждает, что оно назначило ответственного специалиста, который постоянно наблюдает за состоянием женщин-заключенных, относящихся к этой категории, и что такие заключенные содержатся в отдельных помещениях в различных частях тюрьмы. Кроме того, они проходят трудовую терапию на открытом воздухе в сельской местности. Относительно утверждений о наличии инфекционных заболеваний, государство-участник сообщает, что случаи таких заболеваний весьма редки, а если они имеют место, то принимаются необходимые меры предосторожности. По вопросу о способах перевозки заключенных в больницу и из нее необходимо сказать, что они соответствуют директивам перуанской национальной полиции (ПНП). Данные директивы разрабатываются в зависимости от вида совершенного правонарушения и направлены на то, чтобы воспрепятствовать побегу из лечебного учреждения, который может представлять опасность для других пациентов, поскольку медицинское обслуживание заключенных осуществляется в муниципальных больницах.

7.12 И наконец, в отношении свиданий с детьми государство-участник утверждает, что детям каждую пятницу предоставляется возможность непосредственного контакта со своими родственниками. При входе на территорию тюрьмы их встречают женщины – сотрудники ПНП и проводят к тому месту, где их ожидают родственники. Это делается для того, чтобы никто не мог испугать детей или ошибочно направить их в другие части тюрьмы. Взрослые родственники должны предъявить при входе в тюрьму удостоверение личности: таким образом устанавливается их родство с заключенным.

8.1 В своем сообщении от 4 ноября 1999 года дочь г-жи Арредондо направила Комитету заверенную фотокопию генеральной доверенности и написанное от руки письмо с подписью г-жи Арредондо, в котором та подтверждает свое согласие на то, чтобы дочь подала иск и действовала от ее имени.

8.2 В своем сообщении г-жа Телье утверждает что, хотя ее матери действительно разрешают свидания с родственниками, эти свидания проходят в помещении для посетителей, где заключенного отделяет от родственников двойная металлическая решетка. В данной ситуации не может идти речи ни о каком личном контакте или возможности передать какие-либо предметы. От заключенных родственники могут получить только возвращаемую упаковку от продуктов питания и ремесленные изделия после обязательного их осмотра сотрудниками охраны. Кроме того, перед тем как покинуть территорию тюрьмы, родственники должны пройти досмотр. Встречи с адвокатами проходят в тех же условиях, что и свидания с родственниками.

8.3 Что касается возможности пересылки корреспонденции за пределы тюрьмы, г-жа Телье объясняет правила используемой в данном случае процедуры. Один раз в неделю женщины-заключенные должны опустить все письма, предназначенные для пересылки за пределы тюрьмы, в почтовый ящик, находящийся в их отделении. После этого письма вынимаются и проверяются сотрудниками тюрьмы. Все письма прочитываются, однако далеко не все они преодолевают этот уровень проверки. В качестве примера г-жа Телье приводит тот факт, что несколькими неделями ранее ее мать сказала ей, что она опустила в почтовый ящик конверт, адресованный г-же Телье, с копией ходатайства, касающегося состояния ее здоровья, которое она направила начальнику тюрьмы. Г-жа Телье это письмо так и не получила. После того как письма прошли проверку, они выкладываются в дни посещения в специальный ящик около входа в тюрьму. Посетители забирают адресованные им письма и вполне могут взять и любые другие письма, поскольку никаких мер для обеспечения того, чтобы письмо попало в руки адресата, не принимается.

8.4 Автор сообщения указывает, что жалоба, поданная от имени ее матери, непосредственно касается тяжелых условий тюремного заключения. Она спрашивает, действительно ли представители государства-участника верят в то, что г-жа Арредондо может писать и отправлять свои сообщения на эту тему с уверенностью, что они дойдут до адресата. Кроме того, она напоминает о том, что, как это подтверждает и государство-участник, поведение всех лиц, осужденных за совершение правонарушений, связанных с терроризмом, в том числе г-жи Арредондо, регулярно рассматривается тюремным советом, учрежденным администрацией тюрьмы. Этот совет вполне может квалифицировать жалобы как "плохое поведение".

8.5 Относительно второго вопроса, касающегося рассмотрения данного дела более чем одним международным органом, г-жа Телье утверждает, что, хотя Рабочая группа по произвольным задержаниям, учрежденная Комиссией Организации Объединенных Наций по правам человека, возможно, действительно передала Перу ряд жалоб, в том числе жалобу, касающуюся г-жи Арредондо (вдовы), однако об этом ничего не известно. Что же касается упоминаемого в разделе 12 сообщения государства-участника логического вывода о том, что Рабочая группа "не сочла задержание г-жи Арредондо произвольным", автор считает такое толкование слишком вольным. Она придерживается мнения, что более правильно было бы предположить, что был принят к сведению сам факт "двойного рассмотрения" и в результате все дальнейшие действия были приостановлены.

8.6 В том что касается "конечной цели" сообщения, автор утверждает, что она не обязательно должна заключаться в "принятии решения, аннулирующего идущее в настоящее время судебное разбирательство", т.е. разбирательство, которое началось еще 14 лет назад, в 1985 году, а скорее состоит в том, чтобы Верховный суд вынес какое-либо решение. Она повторяет, что в том случае, если Верховный суд подтвердит приговор, предусматривающий 15 лет тюремного заключения, вынесенный в июле 1997 года (т.е. два года и три месяца тому назад), ее мать сможет воспользоваться правами, предусмотренными для заключенных в соответствии с законодательством того времени. В частности, она сможет освободиться из тюрьмы, поскольку 12 лет тюремного заключения войдут в более длительный срок заключения, предусмотренный другим приговором. Если же решение не будет принято в ближайшем будущем, то может получиться так, что после отбытия 12-летнего срока заключения г-же Арредондо не разрешат покинуть тюрьму, либо она будет арестована сразу же после освобождения, и ей придется еще раз пройти бесконечный процесс судебного разбирательства.

8.7 По вопросу о судебном процессе, в результате которого был вынесен приговор о 12 годах тюремного заключения, автор утверждает, что заявление государства-участника о том, что никаких жалоб, обвинений и апелляций на национальном уровне предъявлено не было, не соответствует действительности. На самом деле в компетентные органы было подано ходатайство об отмене приговора, которое было отклонено, а других аналогичных органов, в которые можно было бы подать апелляцию, не существует. В этой связи автор напоминает о том, что данный судебный процесс также проводился в соответствии с законодательством 1992 года в трибунале в составе анонимных судей.

8.8 Что касается условий содержания под стражей, то в Чорильос они действительно не такие тяжелые, какими они были на военно-морской базе в Кальяо (Янамайо) и Чальяпалька, однако и в этой тюрьме установлен карательный режим. В этой связи она повторяет, что, хотя ей и были разрешены свидания с матерью в течение одного часа один раз в неделю по субботам, эти свидания проходили в помещении, где невозможен какой-либо непосредственный контакт и где они не могли говорить свободно. Когда она идет на свидание с матерью, она берет с собой продукты, чтобы хоть как-то компенсировать плохое питание заключенных, причиной которого является недостаточное финансирование со стороны государства. После назначения нового начальника тюрьмы, который является полковником национальной полиции, вновь были введены ограничения на передачу в тюрьму продуктов питания и опубликован список разрешенных продуктов.

8.9 Что касается заявления государства-участника о том, что в тюрьме было отмечено всего несколько случаев инфекционных заболеваний, автор утверждает, что только в отделении В примерно на 100 заключенных приходится 15 больных туберкулезом, причем трое из них заболели во второй половине 1999 года. В качестве примера трудностей в области медицинского обслуживания автор приводит тот факт, что ее мать уже несколько месяцев дожидается разрешения начальника тюрьмы, для того чтобы сделать в больнице рентгеновский снимок коленного сустава. Этот снимок рекомендовали сделать ортопед тюрьмы и специалист НИИУ (18 июля 1999 года). Впоследствии пришлось провести два заседания медицинских комитетов для того, чтобы разрешить ее матери посещение больницы, однако к 4 ноября 1999 года это посещение так и не состоялось.

8.10 Автор заявляет, что, хотя этот вопрос и не имеет прямого отношения к ее матери, она не может не поставить под сомнение достоверность информации, представленной государством-участником и касающейся условий содержания под стражей женщин-заключенных, страдающих психическими заболеваниями, поскольку они вовсе не изолированы от остальных заключенных. Более того, никакой трудовой терапии в сельской местности они не проходят. Автор сожалеет, что Комитет был неправильно информирован по данному вопросу.

8.11 Заявление о том, что заключенным разрешается смотреть телевизор и один раз в две недели смотреть фильмы, просто не соответствует действительности. Им разрешается смотреть фильмы только тогда, когда это запланировано администрацией тюрьмы. У них нет возможности смотреть новости и другие программы местного телевидения. Более того, им по-прежнему не позволяют

слушать радио и читать свежие периодические издания или журналы. В отношении передачи в тюрьму книг также действуют ограничения. Что касается заявления о том, что это – обычная политика, вызванная соображениями безопасности и направленная на то, чтобы заключенные не могли прочитать вредные для них публикации, то автор хотела бы знать, что может быть опубликовано вредного в официальной газете "Эль-перуано", получать которую ее матери недавно запретили.

8.12. И наконец, что касается посещений отделения В детьми, то такие посещения разрешены в воскресенье утром, но детей при этом далеко не всегда сопровождают женщины-надзиратели. В любом случае дети входят на территорию тюрьмы одни и в одиночку проходят процедуру досмотра. По мнению автора, такая практика может иметь самые непредсказуемые последствия для детей.

Рассмотрение дела по существу

9. Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.1 В связи с заявлением государства-участника о том, что дочь г-жи Арредондо не имеет полномочий представлять дело в Комитете по правам человека, Комитет отмечает, что она имеет надлежащее письменное разрешение г-жи Арредондо (см. пункт 8.1 выше), и считает, что этого разрешения вполне достаточно, чтобы дочь могла действовать от имени матери, Комитет также считает, что г-жа Телье предпринимает эти действия после всестороннего обсуждения со своей матерью.

10.2 Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о неприемлемости данного сообщения на том основании, что оно рассматривается в рамках процедуры другого международного органа по расследованию или урегулированию, т.е. Рабочей группы по произвольным задержаниям Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека, которая по просьбе г-жи Арредондо занялась этим вопросом. Комитет постановляет не выносить никакого решения о том, подпадает ли данный вопрос под действие пункта 5 статьи 2 Факультативного протокола, поскольку Рабочая группа проинформировала его о том, что ей известно о существовании настоящего сообщения и поэтому она передала это дело на рассмотрение Комитета, не вынеся по нему никакого решения².

10.3 Относительно вопроса о том, был ли арест г-жи Арредондо произведен в соответствии с требованиями пунктов 1 и 3 статьи 9 Пакта, т.е., другими словами, был ли арест произведен на основании ордера и была ли она после препровождения в полицейскую часть в срочном порядке доставлена к судье, Комитет с сожалением констатирует, что государство-участник не ответило подробно на сделанное заявление, а лишь в самых общих словах заявило, что задержание и судебное разбирательство по делу г-жи Арредондо проводились в соответствии с законодательством Перу. Комитет считает, что, поскольку государство-участник не ответило на данные заявления, необходимо принять их во внимание и исходить из того, что все произошло именно так, как описывает автор. Учитывая это, Комитет приходит к заключению о том, что имело место нарушение пунктов 1 и 3 статьи 9 Пакта.

10.4 Что касается утверждений автора в отношении условий содержания ее матери под стражей, о которых она говорит в пункте 3.1 и повторяет в пунктах 8.3, 8.4 и 8.8–8.12 выше, Комитет принимает к сведению тот факт, что государство-участник признает правильность описания этих условий, а также тот довод, что они обусловлены тяжестью совершенных заключенными правонарушений и серьезностью проблемы терроризма, с которой сталкивается государство-участник. Далее Комитет

² См. мнение № 4/2000, принятое 16 мая 2000 года.

принимает к сведению вышеупомянутый Верховный указ № 005-97-JUS. Он считает, что условия тюремного заключения г-жи Арредондо, особенно в первые годы, и в меньшей степени после вступления в силу Верховного указа, являются чрезмерно строгими. Комитет признает необходимость введения связанных с обеспечением безопасности ограничений, однако указывает на то, что они в любом случае должны быть оправданными. В настоящем деле государство-участник не представило оснований, доказывающих правомерность условий, указанных в представлении г-жи Телье. Учитывая вышеизложенное, Комитет приходит к заключению, что условия содержания под стражей нарушают пункт 1 статьи 10 Пакта.

10.5 Относительно жалобы автора на то, что при проведении судебного разбирательства по делу ее матери были нарушены гарантии, предусмотренные статьей 14 Пакта, поскольку ее дело рассматривал суд в составе анонимных судей, Комитет принял к сведению книгу "Terrorismo: Tratamiento jurídico" (Instituto de Defensa legal, Lima, 1995, pp. 288-290), на основе которой автор описала процесс судебного разбирательства судами в составе анонимных судей³, а также заявление государства-участника о том, что три судебных процесса в отношении г-жи Арредондо проводились в соответствии с национальным законодательством, действовавшим в то время. Комитет подтверждает свою позицию по вопросу о том, что судебные процессы, проводившиеся в Перу судами в составе анонимных судей, представляли собой нарушение статьи 14.1 Пакта, поскольку обвиняемому не обеспечивались гарантии, предусмотренные этой статьей⁴.

10.6 Относительно затягивания судебного процесса в нарушение пункта 3 с) статьи 14 Комитет принимает к сведению, что государство-участник признает факт задержки, а также то, что, несмотря на указания вынести решение по данному делу, которые, как утверждает государство-участник, были им даны, решение по апелляции в отношении возобновленного дела до сих пор не принято. Учитывая тот факт, что при возобновлении дела обвинением в 1995 году, после повторного признания в 1987 году г-жи Арредондо невиновной, было допущено неприемлемое затягивание судебного разбирательства, Комитет приходит к заключению, что имело место нарушение пункта 3 с) статьи 14 Пакта.

11. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 10 Пакта, в том что касается условий содержания г-жи Арредондо под стражей; статьи 9, в том что касается обстоятельств ее ареста; пункта 1 статьи 14, в том что касается рассмотрения ее дела судом в составе "анонимных судей"; а также пункта 3 с) статьи 14, в том что касается затягивания судебного разбирательства, начатого в 1985 году.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-же Арредондо эффективные средства правовой защиты. Комитет считает, что г-жа Арредондо должна быть освобождена и должна получить адекватную компенсацию. Государство-участник обязано принять меры для того, чтобы не допускать подобных нарушений в будущем.

13. С учетом того, что государство-участник, став участником Факультативного протокола, признало компетенцию Комитета устанавливать, имело ли место нарушение Пакта, и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его

³ "Анонимность судей, как указывает Комиссия Гольдмана, лишает обвиняемого основополагающих правовых гарантий: обвиняемый не знает, кто его судит и является ли данное лицо компетентным (например, имеет ли оно необходимую правовую подготовку и опыт); обвиняемый лишен права на рассмотрение его дела беспристрастным судом, поскольку у него нет права на отвод судьи [Report of the International Commission of Jurist on the administration of Justice in Peru. Instituto de Defensa Legal, Lima, 1994, p. 67]".

⁴ См. пункт 8 (8) Сообщений, принятых 6 ноября 1997 года по Сообщению № 577/1994, Виктор Полай Камнос против Перу.

территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также обеспечивать эффективные и подлежащие принудительному осуществлению средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в целях осуществления его Соображений.

Сообщение № 701/1996

Представлено: Сесарио Гомесом Васкесом [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Испания

Объявлено приемлемым: 23 октября 1997 года (шестьдесят первая сессия)

Дата принятия Соображений: 20 июля 2000 года (шестьдесят девятая сессия)

Тема сообщения: Адекватность и сфера охвата апелляционного процесса по уголовным делам государства-участника

Процедурные вопросы: Исчерпание внутренних средств правовой защиты - Статус "жертвы" - Злоупотребление правом на представление сообщения

Вопросы существа: Право на пересмотр осуждения и приговора вышестоящей судебной инстанцией согласно закону

Статьи Пакта: пункт 5 статьи 14 и статья 26

Статьи Факультативного протокола: 1 и пункт 2 b) статьи 5

Вывод: Наличие нарушения

1. Автор сообщения является испанский гражданин г-н Сесарио Гомес Васкес, родившийся в Мурсии в 1966 году и являющийся преподавателем физической культуры. В настоящее время скрывается где-то в Испании. Он утверждает, что является жертвой нарушения Испанией пункта 5 статьи 14 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автора представляет адвокат дон Хосе Луис Масон Коста.

Факты в изложении автора

2.1 22 февраля 1992 года провинциальный суд Толедо приговорил автора к 12 годам и одному дню лишения свободы за покушение на убийство некоего Антонио Родригеса Коттина. 9 ноября 1993 года Верховный суд отклонил поданную им кассационную жалобу.

2.2 Примерно в 4 часа утра 10 января 1988 года на автостоянке у входа в одну из дискотек Мосехона (Толедо) Антонио Родригесу Коттину были нанесены пять ножевых ударов. В результате полученных ранений он провел 336 дней в больнице, а процесс его полного выздоровления занял 635 дней.

2.3 Согласно сведениям, представленным стороной обвинения, автор, который работал в этой дискотеке швейцаром, увидел, как пострадавший садился в машину на автостоянке. Автор окликнул его и попросил выйти из машины. В ходе последующего спора рядом с ними остановилась неопознанная впоследствии машина; из этой машины вышел человек и попросил у них спички. Как представляется, именно в тот момент, когда г-н Родригес повернулся к этому человеку, автор и нанес ему удары ножом в спину и шею.

2.4 Автор решительно отвергает такое описание событий и утверждает, что 10 января 1988 года он вышел из дискотеки примерно в 2.00-2.30 и поехал к себе домой в Мостолес (Мадрид), поскольку

плохо себя чувствовал. Домой его провожали Бенхамин Санс Карранса, Мануэла Видаль Рамирес и еще одна женщина. Вернувшись домой в 3 час. 15 мин., он попросил у соседа аспирин и весь следующий день провел в постели. Автор знал пострадавшего как склонного к насилию человека и как завсегдатая дискотеки. Автор заявляет, что 5 декабря 1997 года г-н Родригес вступил в перебранку с владельцем дискотеки г-ном Хулио Пересом, которому он угрожал ножом. В ходе судебного разбирательства автор заявил, что нападение, совершенное на г-на Родригеса 10 января 1988 года, являлось следствием сведения счетов между пострадавшим и кем-то из членов преступной группировки, членом которой он является.

2.5 В ходе судебного разбирательства как автор, так и сторона обвинения вызывали свидетелей, которые подтвердили эти соответствующие версии¹.

2.6 Адвокат заявляет, что автор не подавал ходатайство о применении процедуры ампаро, поскольку статьи 14-38, и в частности пункт 2 статьи 24, Конституции Испании не предусматривают права на подачу такого ходатайства, которое в случае его представления было бы немедленно отклонено. Впоследствии он представил более детальное обоснование жалобы, уточнив, что сложившаяся в Конституционном суде практика отклонения ходатайств о применении процедуры ампаро свидетельствует о неэффективности такого средства правовой защиты. В этой связи он считает, что в данном случае требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты было надлежащим образом выполнено.

Жалоба

3.1 Претензия автора касается в основном права на эффективное обжалование обвинительного приговора и наказания. Адвокат утверждает, что испанский Закон об уголовном судопроизводстве нарушает пункт 5 статьи 14 и статью 26 Пакта, поскольку дела лиц, обвиненных в совершении тяжких преступлений, попадают к единственному магистрату (следственному судье), который, убедившись по завершении соответствующих следственных действий, что дело подготовлено для устного слушания, передает его в провинциальный суд, где под председательством трех магистратов проводится судебное разбирательство и выносится приговор. Решение провинциального суда может быть обжаловано в кассационном порядке лишь по весьма ограниченному числу причин юридического характера. При этом не предусматривается возможность повторной оценки кассационным судом доказательств, поскольку любое вынесенное судом нижестоящей инстанции решение по существу дела является окончательным. Вместе с тем дела лиц, обвиненных в совершении менее тяжких преступлений и приговоренных к лишению свободы на срок до шести лет, расследуется единственным магистратом (следственным судьей), который по завершении подготовки дела к устному слушанию передает его по подсудности единственному судье (судье по уголовным делам), решение которого может быть обжаловано в провинциальном суде, что является гарантией эффективного пересмотра не только решения о применении закона, но и решения по существу дела.

3.2 Защита заявляет, что, поскольку Верховный суд не вправе повторно оценивать доказательства, вышеприведенная информация свидетельствует о нарушении права на пересмотр решения и приговора вышестоящей судебной инстанцией согласно закону. В этой связи адвокат автора ссылается на решение от 9 ноября 1993 года об отклонении кассационной жалобы от имени г-на Сесарио Гомеса Васкеса, в котором в качестве первого правового обоснования приводится следующий аргумент:

"...в этой связи следует также отметить, что оценка таких доказательств является исключительной прерогативой суда по подсудности в соответствии с положениями статьи 741 Закона об уголовном судопроизводстве.

¹ В качестве свидетелей со стороны автора на суде выступили его подруга и его сосед по этажу, с которым он поддерживал тесные отношения, тогда как свидетели со стороны обвинения знали автора только в лицо.

...Таким образом заявитель признает существование многочисленных веских доказательств и его аргументы базируются исключительно на субъективном их толковании, что является абсолютно недопустимым в контексте принципа презумпции невиновности, поскольку признание допустимости такого подхода означало бы выхолащивание самой сути кассационного процесса и его превращение в судебное разбирательство во второй инстанции".

Кроме того, в качестве второго правового обоснования приводится следующий аргумент:

"...из принципа *in dubio pro reo* выводится аналогичное неправомерное заключение, поскольку заявитель забывает о том, что этот принцип не может быть применен в рамках кассационного процесса по той очевидной причине, что такой подход вновь предполагал бы повторную оценку доказательств, что, как уже неоднократно отмечалось выше, является недопустимым".

3.3 Кроме того, защита заявляет, что применение различных средств правовой защиты в зависимости от тяжести совершенного преступления создает возможности для дискриминации в отношении лиц, осуждаемых за совершение тяжких преступлений, что является нарушением статьи 26 Пакта.

3.4 Автор отмечает, что настоящее сообщение не представлялось ни в одну другую инстанцию международного разбирательства или урегулирования.

Замечания и комментарии государства-участника по поводу приемлемости и комментариев автора

4.1 В своем представлении на основании правила 91 правил процедуры Комитета государство-участник просило Комитет признать сообщение неприемлемым в силу нарушения пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола вследствие исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку автор не обращался в Конституционный суд с ходатайством о применении процедуры ампаро. В этой связи государство-участник ссылается на практику Европейской комиссии по правам человека, которая систематически принимает решения о неприемлемости поступающих из Испании дел в тех случаях, когда не применялось средство правовой защиты в форме ходатайства о возбуждении процедуры ампаро. Государство-участник обратило внимание на противоречия в аргументах защитника автора, поскольку в первом его письменном представлении указывалось, что автор не возбуждал ходатайство о применении процедуры ампаро, поскольку в Конституции Испании не закреплено право на обжалование, а во втором его письменном представлении в это утверждение была внесена поправка, согласно которой факт невозбуждения ходатайства о применении процедуры ампаро объяснялся неоднократными негативными решениями Конституционного суда. Кроме того, государство-участник привело еще один аргумент в пользу неприемлемости сообщения по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, заявив о том, что этот вопрос ни разу не ставился перед испанскими судами.

4.2 Государство-участник указало на неприемлемость сообщения по причине злоупотребления правом на представление сообщений, поскольку автор находится в неизвестном месте, скрываясь от правосудия. И наконец, государство-участник заявило, что правомочность представления автора соответствующим адвокатом вызывает серьезные сомнения по той причине, что у этого адвоката отсутствуют достаточные на то полномочия и что он не запрашивал разрешения у предыдущего защитника автора.

5.1 Адвокат признал, что в своем первоначальном представлении он указал на отсутствие эффективных средств правовой защиты в Конституционном суде, однако, осознав свою ошибку, он направил дополнительное представление, в котором обращал внимание на неэффективность данного средства правовой защиты по причине систематического отклонения соответствующих ходатайств самим Конституционным судом (к представлению прилагалось решение Конституционного суда) и ссылался на прошлые решения Комитета в данной области².

² Сообщение № 445/1991, Шампани, Палмер и Чисхолм против Ямайки, Соображения приняты 18 июля 1994 года.

5.2 Адвокат признал, что автор скрывается, однако отметил, что данный фактор не являлся препятствием для принятия Комитетом к рассмотрению ряда других дел. Коснувшись вопроса о сомнительности его полномочий, адвокат выразил сожаление по поводу того, что государство-участник четко не разъяснило, по каким именно причинам оно так считает.

Решение Комитета о приемлемости

6.1 На своей шестьдесят первой сессии, состоявшейся в октябре 1997 года, Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. В соответствии с подпунктом а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.2 В контексте требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты Комитет принял к сведению приведенный государством-участником аргумент о том, что внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были. Комитет сослался на свою прошлую практику вынесения решений, в соответствии с которой для целей соблюдения требования подпункта b) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола внутренние средства правовой защиты должны быть эффективными и доступными автору. В связи с аргументом государства-участника о том, что автор должен был подать в Конституционный суд ходатайство о применении процедуры ампаро, Комитет заявил, что Конституционный суд уже неоднократно отвергал аналогичные ходатайства. Комитет пришел к выводу, что с учетом обстоятельств дела средство правовой защиты, тщетность применения которого заранее очевидна, не может быть принято во внимание и не подлежит исчерпанию для целей Факультативного протокола. В этой связи Комитет заключает, что положения подпункта b) пункта 2 статьи 5 не препятствуют рассмотрению жалобы, которая могла бы повлечь за собой постановку тех или иных вопросов в контексте пункта 5 статьи 14 и статьи 26 Пакта.

Замечания государства-участника по существу и ответы автора

7.1 В своем представлении от 31 мая 1999 года государство-участник вновь повторяет свою позицию в отношении неприемлемости жалобы по той причине, что рассматриваемые Комитетом вопросы не выносились до этого на рассмотрение национальных судов. Кроме того, государство-участник заявляет, что внутренние средства правовой защиты в связи с утверждениями о нарушении статьи 26 и пункта 5 статьи 14 Пакта были возбуждены не вовремя и с нарушением установленных процедур³, вследствие чего дело не подлежало пересмотру.

7.2 Адвокат, представляющий государство-участник, утверждает, что направленные в Комитет претензии носят абстрактный характер, поскольку имеют своей целью пересмотр законодательства в целом и не касаются конкретно г-на Гомеса Васкеса, вследствие чего его положение не отвечает статусу пострадавшего. В силу этого государство-участник отмечает, что, поскольку г-н Гомес Васкес не является пострадавшим по смыслу первой статьи Факультативного протокола, то Комитет должен признать дело неприемлемым.

7.3 Кроме того, адвокат, представляющий государство-участник, считает, что, поскольку г-н Гомес Васкес скрывается от правосудия, дело должно быть закрыто в силу нарушения принципа "чистых рук". Адвокат, представляющий государство-участник, считает, что вследствие непредставления соответствующей жалобы в национальные судебные органы автор не вправе считать себя жертвой нарушения прав человека, тем более, что в ходе рассмотрения дела национальными компетентными органами вопрос о нарушении прав человека не поднимался и факты, установленные органами правосудия, однозначно принимаются.

³ Из представленной государством-участником информации явствует, что речь идет только о процедуре ампаро, хотя в этой связи и используется множественное число ("appeals").

7.4 Адвокат, представляющий государство-участник, заявляет, что только после назначения нового адвоката автор стал настаивать на повторной оценке всех судебных процедур в соответствующей инстанции. Кроме того, адвокат государства-участника утверждает, что назначение адвоката, представляющего автора в международной инстанции, проходило с нарушением установленных норм. По словам адвоката государства-участника, для целей назначения адвоката в рамках национального судебного разбирательства автор оформлял официальный документ, тогда как для целей его юридического представления на международном уровне он написал простое заявление.

7.5 Касаясь вопроса о предполагаемом нарушении статьи 26, государство-участник вновь повторяет уже изложенное на этапе рассмотрения вопроса о приемлемости мнение, согласно которому в данном случае сопоставляются два разных типа преступных деяний: с одной стороны, более тяжкие преступления, а с другой стороны, менее тяжкие преступления. В силу этого государство-участник заявляет, что различия в режиме рассмотрения этих двух категорий преступных деяний ни в коей мере не являются дискриминацией.

7.6 Касаясь нарушения положений пункта 5 статьи 14 в связи с делом автора, государство-участник поясняет, что адвокат автора не только не ставил вопрос об отсутствии правовых средств для полномасштабного обжалования приговора или полном пересмотре процесса через подачу ходатайства о таком пересмотре, но и четко признал в своем письменном обращении в Верховный суд, что "наша ссылка на конституционный принцип презумпции невиновности не означает попытки подрыва или выхолащивания целей кассационного процесса и его превращения во вторую судебную инстанцию". Более того, после принятого 9 декабря 1993 года решения об отклонении кассационной жалобы автор не только не подал в Конституционный суд ходатайство о применении процедуры ампаро, но и представил 30 декабря в министерство юстиции ходатайство об освобождении от наказания, в котором в качестве первого аргумента приводился следующий довод: "Нижеподписавшееся лицо всегда отличалось безупречным поведением, за исключением совершенного преступления, которое является изолированным случаем в его жизни и в котором он искренне раскаивается". Кроме того, в письменном обращении в толедский суд от 14 января 1994 года автор вновь заявляет, что "преступление, за которое он был наказан, является изолированным случаем в его жизни, и он испытывает искреннее и горячее стремление как можно скорее вновь влиться в жизнь общества". В этой связи государство-участник считает утверждение о нарушении Пакта несостоятельным, поскольку автор признал факты, установленные испанскими судами.

8.1 Отвечая на утверждения государства-участника в своем представлении от 8 ноября 1998 года, адвокат автора отвергает выдвинутые государством-участником аргументы о том, что содержание сообщения носит абстрактный характер и что автор не может считаться пострадавшим. Он указывает на то, что автор был осужден на основе противоречивых показаний свидетелей и не имел возможности ходатайствовать о пересмотре дела или о новой оценке доказательств в суде вышестоящей инстанции, который занимался рассмотрением только юридических аспектов приговора.

8.2 Адвокат автора считает несостоятельным утверждение государства-участника о том, что он не имеет законного права представлять автора, поскольку, прежде чем приступить к защите автора на международном уровне, он запросил разрешение у предыдущего юридического представителя г-на Гомеса Васкеса. Кроме того, он аргументирует это тем, что ни Пакт, ни Факультативный протокол, ни практика Комитета не требуют того, чтобы юридический представитель назначался путем оформления заверенного нотариусом официального документа, и на этом основании он делает вывод о том, что утверждения государства-участника являются абсолютно беспочвенными.

8.3 Касаясь утверждения адвоката государства-участника о том, что ссылка на статью 26 является неуместной, поскольку в данном случае речь идет о двух разных категориях правонарушений, к которым не обязательно должны применяться одни и те же правовые нормы, адвокат автора вновь заявляет, что в жалобе идет речь не о различном режиме применения правовых норм в связи с двумя различными категориями правонарушений, а о том, что согласно испанскому процессуальному

законодательству лица, осужденные за более тяжкие преступления, не имеют возможности ходатайствовать о полном пересмотре процессуальных действий и приговора в нарушение пункта 5 статьи 14 Пакта.

8.4 Касаясь предполагаемого отказа от прав, предусмотренных пунктом 5 статьи 14, после составления кассационной жалобы с учетом тех ограничений, которые предусматриваются в Законе об уголовном судопроизводстве, адвокат поясняет, что в рамках испанской системы пересмотра судебных решений принятие установленных законом ограничений для направления в суды ходатайства о пересмотре дел является обязательным условием для целей их принятия к производству и последующего рассмотрения таких ходатайств. В силу этого предпринятые им действия ни в коем случае не следует расценивать как отказ от права на всесторонний пересмотр приговора автора. Адвокат автора заявляет, что защитник автора в ходе судебного разбирательства в национальных судах требовал только частичного пересмотра приговора, как это предусматривается испанским законодательством, и это однозначно указывает на нарушение пункта 5 статьи 14, как об этом свидетельствуют предыдущие решения Комитета⁴.

8.5 Адвокат отмечает, что вопреки утверждению государства-участника, он просит Комитет не оценить установленные по делу факты и доказательства, что выходит за рамки его компетенции, а просто проверить, соответствует ли требованиям пункта 5 статьи 14 Пакта пересмотр вынесенного автору приговора. Адвокат заявляет, что представленные государством-участником 29 решений Верховного суда не имеют никакого отношения к отказу в праве на обжалование, жертвой которого стал автор сообщения. Более того, внимательное изучение текста указанных решений позволяет сделать вывод о том, что содержащиеся в них выводы вступают в противоречие с выдвигаемыми государством-участником утверждениями, поскольку в большей части решений признается, что процедура обжалования в рамках уголовного судопроизводства подлежит жестким ограничениям в части возможности пересмотра доказательств, предъявленных суду первой инстанции. Ни в одном из своих решений Уголовная палата Верховного суда не пересмотрела собранные судами первой инстанции доказательства: в этих решениях речь идет лишь о том, имело ли место какое-либо нарушение юридических процедур, существовали ли какие-либо доказательные лакуны, позволяющие предположить возможность нарушения принципа презумпции невиновности, и не противоречит ли соответствующим документам содержащиеся в приговоре формулировки, поскольку это свидетельствовало бы о наличии судебной ошибки.

8.6 Государство-участник ссылается на то, что пункт 5 статьи 14 Пакта не предполагает того, что средство правовой защиты должно однозначно называться ходатайством об обжаловании и что существующая в Испании уголовная кассационная процедура в полной мере отвечает требованиям судебного органа второй инстанции, хотя она и не позволяет пересматривать доказательства, за исключением случаев, оговоренных в законодательстве. В этой связи адвокат заявляет, что уголовный процесс, объектом которого являлся его подзащитный, и, в более конкретном плане, вынесенный ему приговор не могли подлежать полному пересмотру в части юридических и фактических аспектов, что свидетельствует о том, что автору было отказано в праве, которое гарантируется статьей 26 Пакта⁵.

⁴ Сообщения 623-626/1995, Домуковский и другие против Грузии, Соображения приняты 6 апреля 1998 года.

⁵ В этой связи адвокат ссылается на опубликованный в печати материал, в котором приводится часть опубликованной в 1998 году докладной записки Верховного суда Страны басков, где говорится о том, что Верховный суд Страны басков считает необходимым создание уголовных судов второй инстанции, поскольку он полагает, что наличие кассационной процедуры, вне всякого сомнения, не компенсирует факт отсутствия таких судов.

Рассмотрение дела по существу

9. Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

Пересмотр решения о приемлемости

10.1 Касаясь выдвинутого государством-участником аргумента о неприемлемости сообщения по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, Комитет вновь напоминает о своей позиции, согласно которой подлежащее исчерпанию средство правовой защиты должно предполагать возможность успешного его применения. В данном случае он располагает многочисленными недавними решениями испанского Конституционного суда, в которых отклоняются ходатайства о применении процедуры ампаро в части пересмотра вынесенных приговоров, вследствие чего Комитет вновь заявляет, как он уже это делал при вынесении решения о приемлемости данного дела 23 октября 1998 года, что для рассмотрения данного по существу не существует никаких препятствий.

10.2 Касаясь утверждения государства-участника о том, что автор не является жертвой, поскольку целью предпринимаемых его адвокатом действий является пересмотр испанского законодательства, вследствие чего дело следует признать неприемлемым, Комитет отмечает, что автор был осужден испанским судом и что рассматриваемый Комитетом вопрос заключается не в абстрактном пересмотре испанского законодательства, а в установлении того, соответствует ли процедура обжалования, которая применялась в деле автора, предусмотренной Пактом гарантии. В силу этого Комитет считает, что автор может претендовать на статус жертвы в соответствии с требованиями первой статьи Факультативного протокола.

10.3 Касаясь утверждения государства-участника о том, что сообщение должно быть объявлено неприемлемым в силу злоупотребления правом на представление сообщений, поскольку автор сообщения нарушил режим своего осуждения и скрывается от правосудия в нарушение испанских законов, Комитет вновь заявляет⁶ о своей позиции, согласно которой автор сообщения не утрачивает права представлять жалобу в соответствии с Факультативным протоколом лишь потому, что он не выполнил распоряжение судебных властей государства-участника, против которого он выдвигает жалобу.

10.4 В заключение, касаясь последнего из выдвинутых государств-участников доводов в пользу неприемлемости сообщения вследствие неправомерности адвоката представлять автора в Комитете по правам человека, Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника, однако при этом он заявляет, что в этой связи не существует никаких конкретных требований и что государство оспаривает не мандат адвоката г-на Гомеса Васкеса, а лишь то обстоятельство, что не были выполнены определенные формальности, которые не предусматриваются Пактом. В силу этого Комитет считает, что адвокат автора действует на основании распоряжений своего подзащитного и следовательно является его законным представителем.

Вопросы существа

11.1 Касаясь вопроса о том, является ли автор жертвой нарушения пункта 5 статьи 14 Пакта по той причине, что его осуждение и приговор пересматривались только в Верховном суде в рамках кассационной процедуры, которая, по мнению адвоката, ссылающегося на параметры, установленные в статье 876 и последующих статьях Закона об уголовном судопроизводстве, не обеспечивает полного процесса пересмотра, Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что Пакт не требует того, чтобы процедура пересмотра называлась процедурой обжалования. Вместе с тем Комитет заявляет, что, помимо названия соответствующего средства правовой защиты,

⁶ Сообщение 526/1993, *Хилл против Испании*, Соображения приняты 2 апреля 1997 года.

оно должно содержать элементы, отвечающие требованиям Пакта. В представленных государством-участником сведениях и документах не опровергается утверждение автора о том, что его обвинительный приговор и примененная мера наказания не являлись объектом полного пересмотра. Комитет заключает, что отсутствие возможности полного пересмотра вынесенного автору обвинительного приговора и примененной меры наказания - поскольку из приведенного в пункте 3.2 решения по кассационной жалобе явствует, что такой пересмотр ограничивается формальными или правовыми аспектами приговора, - не соответствует гарантиям, которые предусматриваются в пункте 5 статьи 14 Пакта. Из этого следует, что автору было отказано в праве на пересмотр обвинительного приговора и меры наказания в нарушение пункта 5 статьи 14 Пакта.

11.2. Касаясь предполагаемого нарушения статьи 26 Пакта по причине того, что испанская правовая система предусматривает различные виды правовой защиты в зависимости от тяжести совершенного преступления, Комитет отмечает, что разница в подходе к различным категориям правонарушений необязательно является дискриминацией. Комитет считает, что автор не представил в этой связи достаточных доказательств, свидетельствующих о нарушении положений статьи 26 Пакта.

12. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, заключает, что рассмотренные им факты свидетельствуют о нарушении пункта 5 статьи 14 Пакта в отношении г-на Сесарио Гомеса Васкеса.

13. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Протокола автор имеет право на действенное средство правовой защиты. Приговор автора должен быть отменен, если только он не будет пересмотрен в соответствии с требованиями, зафиксированными в пункте 5 статьи 14 Пакта. Государство-участник обязано принять необходимые меры, исключающие возможность повторения аналогичных нарушений в будущем.

14. С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и гарантировать действенное и осуществимое средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы предложить государству-участнику представить в течение 90 дней информацию о принятых мерах по практической реализации Соображений Комитета.

Сообщение № 727/1996

Представлено: Доброславом Парагой [адвокатом не представлен]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Хорватия

Объявлено приемлемым: 28 июля 1998 года (шестьдесят третья сессия)

Дата принятия Соображений: 4 апреля 2001 года (семьдесят первая сессия)

Тема сообщения: Преследования, задержание и судебный процесс в отношении политического оппонента

Процедурные вопросы: Компетенция Комитета *ratione temporis* - Длительное действие нарушения - Истощение внутренних средств правовой защиты - Пересмотр решения о приемлемости - Обоснованность претензии

Вопросы существа: Произвольное задержание - Право быть судимым без неоправданной задержки - Свобода выражения мнений - Политические права - Дискриминация по признаку политического мнения

Статьи Пакта: Пункт 5 статьи 9; пункт 3 с) статьи 14; статьи 19 и 26

Статьи Факультативного протокола: 1, 2 и пункт 2 b) статьи 5

Вывод: Наличие нарушения

1. Автор сообщения от 16 апреля 1996 года является хорватский гражданин Доброслав Парага, проживающий в Загребе. Он утверждает, что является жертвой нарушения Хорватией пункта 3 статьи 2, пунктов 1, 5 и 7 статьи 9, пункта 2 статьи 12, пунктов 2 и 7 статьи 14, пунктов 1 и 2 статьи 19, а также статей 25 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Пакт вступил в силу для Хорватии 8 октября 1991 года, а Факультативный протокол - 12 января 1996 года. Автор адвокатом не представлен.

Факты и утверждения в изложении автора

2.1 Автор утверждает, что на протяжении всей своей жизни он был активистом-правозащитником и подвергался тюремному заключению, пыткам и политическим судебным преследованиям в бывшей Югославии. В 1990 году он реорганизовал Хорватскую партию прав (ХПП), которая была запрещена с 1929 года, и затем возглавил её.

2.2 По словам автора, после распада Югославии новое Хорватское государство также подвергало его гонениям и многочисленным репрессивным мерам, таким, как противозаконные аресты, лживые обвинения, политически мотивированное судебное преследование, выдача необоснованных санкций на арест и т.д.

2.3 21 сентября 1991 года после посещения политического митинга был убит заместитель Председателя ХПП Анте Параджик. Автор утверждает, что эта акция была направлена также против него и что лишь по счастливой случайности он не сидел в той же машине, что и его соратник. В 1993 году за это убийство были осуждены четыре сотрудника министерства внутренних дел, а в 1995 году они, как сообщается, были освобождены.

2.4 22 ноября 1991 года во время полицейской облавы г-н Парага был арестован по обвинению в подготовке свержения правительства. Он содержался под стражей до 18 декабря 1991 года, когда было принято решение о его освобождении после того, как Верховный суд установил отсутствие достаточных улик. В этой связи автор заявляет о нарушении пунктов 1 и 5 статьи 9. Он также утверждает, что Председатель Верховного суда был уволен после того, как вынес решение в его пользу.

2.5 1 марта 1992 года произошел взрыв в помещениях ХПП в Винковци, где должен был находиться автор. Хотя в результате этого взрыва погибли несколько человек, никакого официального расследования, по словам автора, проведено не было. 21 апреля 1992 года автора вызвали в суд за то, что он назвал президента Республики диктатором. Г-н Парага утверждает, что эти действия представляют собой нарушение статьи 19 Пакта, поскольку принятые против него меры были посягательством на его свободу выражения мнений.

2.6 По словам г-на Параги, 2 июня 1992 года его обвинили в "организации незаконного вооруженного формирования". Он утверждает, что цель этого обвинения заключалась в том, чтобы помешать ему участвовать в парламентских выборах и выставить свою кандидатуру на выборах президента Республики. По мнению автора, это действие является нарушением статьи 25 Пакта, поскольку ему действительно помешали выставить свою кандидатуру на выборах. Кроме того, он заявляет, что проведенные выборы были нечестными.

2.7 30 сентября 1992 года прокурор направил в Конституционный суд ходатайство о запрещении ХПП. 8 ноября 1992 года военный трибунал в Загребе инициировал расследование деятельности ХПП на предмет заговора в целях свержения правительства. По мнению автора, это действие представляло собой нарушение пункта 7 статьи 14, поскольку в 1991 году в связи с этим же обвинением он был оправдан. Действие его парламентского иммунитета было приостановлено на 13 месяцев. 4 ноября 1993 года военный трибунал снял с автора все обвинения.

2.8 После поездки в Соединенные Штаты Америки, во время которой автор назвал президента Республики угнетателем, 3 июня 1993 года ему было предъявлено обвинение в клевете. Парламент освободил автора от должности заместителя Председателя Парламентского комитета по правам человека и меньшинств. Автор утверждает, что в статье, опубликованной в еженедельном издании в июле 1993 года, один из сотрудников тайной полиции признался, что он получил приказ убить автора.

2.9 28 восьмого сентября 1993 года регистрационное ведомство лишило автора права представлять ХПП, наделив им, как утверждает автор, одного из правительственных чиновников, в результате чего ХПП превратилась в придаток правящей партии. Жалобы автора в Регистрационный и Конституционный суды были отклонены.

2.10. На состоявшиеся в октябре 1995 года парламентские выборы автор пошел с новой партией - "Хорватской партией прав - 1861", но добиться переизбрания ему не удалось. Он утверждает, что в результате принятых против него мер он не имел возможности вести честную борьбу на выборах, в нарушение статьи 25 Пакта. По мнению автора, Избирательный комитет нарушил Закон о выборах, который позволял ХПП (тогда ее возглавлял правительственный чиновник) войти в парламент, хотя она и не получила требуемых 5% всех голосов. Автор и лидеры десяти других политических партий подали жалобу, которую Конституционный суд отклонил 20 ноября 1995 года.

2.11 Автор отмечает, что нападки на него продолжались. Он упоминает судебное решение от 31 января 1995 года, подтвержденное 25 марта 1996 года, в котором ему предписывается освободить занимаемые административные помещения. По его мнению, цель этого решения заключается в том, чтобы помешать ему вести политическую деятельность. Далее он отмечает, что его политическая партия вошла в коалиционное правительство Загребской области, но президент Республики не согласился с результатами выборов и заблокировал назначение мэра.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения и комментарии автора

3.1 В своих замечаниях от 31 октября 1997 года государство-участник напоминает о том, что при присоединении к Факультативному протоколу оно сделало следующее заявление, которое ограничивает *ratione temporis* компетенцию Комитета рассматривать сообщения: "Республика Хорватия толкует статью 1 настоящего Протокола как наделяющую Комитет компетенцией получать и рассматривать сообщения находящихся под ее юрисдикцией лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения Республикой какого-либо из прав, изложенных в Пакте в результате действий, упущений или событий, происшедших после вступления Протокола в силу для Республики Хорватии". Государство-участник полагает, что утверждения автора касаются практически исключительно тех событий и действий, которые имели место задолго до вступления Протокола в силу для Хорватии 12 января 1996 года.

3.2 По мнению государства-участника, предполагаемые нарушения нельзя рассматривать как продолжающийся процесс, который в совокупности представляет собой конкретное и продолжающееся нарушение предусмотренных в Пакте прав автора. Кроме того, некоторые из упомянутых автором судебных процедур завершились в его пользу, например процессуальные действия, связанные с запрещением ХПП, которое Прокурор решил отменить. Тот факт, что на протяжении ряда лет автор был участником целой серии судебных разбирательств, не доказывает, что эти процессуальные действия были между собой связаны или продолжают влиять на пользование автором его правами.

3.3 Государство-участник признает, что исключением из изложенных выше соображений является вынесенное в отношении г-на Параги судебное решение об освобождении занимаемых им самим и его партией помещений, которое было подтверждено 25 марта 1996 года, т.е. после вступления Факультативного протокола в силу для Хорватии. Однако государство-участник заявляет, что, поскольку в этой связи г-н Парага говорит не о нарушении статьи 26, а о нарушении его права собственности, защита которого не обеспечивается Пактом, в данной части сообщение является

неприемлемым *ratione materiae*. Кроме того, государство-участник отмечает, что в рамках защиты закрепленных в Конституции основополагающих прав и свобод, Конституционный суд Хорватии может рассматривать дела, касающиеся как запрещения дискриминации на основе политических убеждений, так и защиты прав собственности. Поскольку в связи с его утверждением автор не воспользовался этим средством, имевшиеся в его распоряжении внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были.

3.4 Таким образом, государство-участник считает данное сообщение неприемлемым частично вследствие сделанного им заявления о *ratione temporis* и частично по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

4.1 В своих комментариях автор утверждает, что все правовые и иные последствия мер, принятых против него властями Хорватии, оказывали продолжительное воздействие. Он повторяет, что:

а) убийство его бывшего помощника, заместителя Председателя ХПП Анте Параджика так и не было до конца расследовано. После второго суда над четырьмя сотрудниками министерства внутренних дел лица, совершившие это преступление, были помилованы, а судья, вынесший им обвинительный приговор за участие в преступном сговоре, потерял работу;

б) возбужденное против автора дело, в рамках которого 22 ноября 1991 года он был арестован, а затем освобожден ввиду отсутствия улик, официально закрыто не было, в результате чего автор не может подать иск о компенсации за противозаконный арест и противозаконное содержание под стражей;

с) процедура, возбужденная против автора 21 апреля 1992 года по обвинению в клевете, не закрыта;

д) до сих пор не проведено никакого объективного и беспристрастного расследования взрыва в штаб-квартире его партии 1 марта 1992 года в Винковци;

е) не проведено беспристрастное расследование нарушений, совершенных в ходе выборов 2 августа 1992 года;

ф) до сих пор не проведено никакого расследования предполагаемого заговора, в который вступили члены правительства в целях убийства автора в марте 1993 года;

г) и наконец, после того, как автора отлучили от руководства ХПП, его (бывшая) партия превратилась в "сателлита" правящей партии.

4.2 Автор утверждает, что он стал жертвой нарушения статьи 26, поскольку был подвергнут дискриминации на основании его политических убеждений. 7 октября 1997 года Областной суд Загреб инициировал в соответствии со статьей 191 Уголовного кодекса Хорватии процессуальные действия против автора за распространение ложной информации; автор отмечает, что если бы его признали виновным, то его могли приговорить к шести месяцам тюремного заключения. 4 декабря 1997 года автора арестовали на австрийской границе после того, как министерство иностранных дел Хорватии, как утверждает, ввело австрийские власти в заблуждение относительно целей поездки автора. В Австрии автор провел 16 часов под стражей. Аналогичный случай имел место также во время поездки автора в Канаду, когда в июне 1996 года он провел шесть суток под стражей в Торонто, поскольку, как утверждает, правительство Хорватии обвинило его в подрывной деятельности.

4.3 Автор отвергает как необоснованный аргумент правительства о том, что судебные процедуры, связанные с освобождением и изъятием квартиры, которая использовалась в качестве офиса политической партии автора, не имеют ничего общего с дискриминацией на основе политических убеждений. Вопреки этому он утверждает, что лишь под давлением международной общественности

и благодаря вмешательству хозяина квартиры, имеющего двойное гражданство (Хорватии и Канады), судебное решение от 25 марта 1996 года исполнено не было.

4.4 Что касается полномочий Конституционного суда выносить решения по жалобам на противозаконную дискриминацию и экспроприацию, а также на нарушения других основополагающих прав, то, по мнению автора, этот Суд "является инструментом правящей олигархии и в важных вопросах решения... президента Туджмана" сомнениям не подвергаются. Поэтому автор считает такие конституционные средства защиты неэффективными, заявляя, что в отношении всех упомянутых выше утверждений и жалоб он исчерпал внутренние средства правовой защиты.

Соображения относительно приемлемости

5.1 На своей шестьдесят третьей сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости данного сообщения.

5.2 Комитет напомнил о том, что при присоединении к Факультативному протоколу государство-участник сделало заявление об ограничении компетенции Комитета событиями, происшедшими после вступления Факультативного протокола в силу для Хорватии 12 января 1996 года. Комитет отметил, что большинство предполагаемых нарушений, предусмотренных в Пакте прав г-на Параги, стало результатом серии действий и событий, имевших место в период между 1991 и 1995 годами, т.е. до даты вступления Факультативного протокола в силу для Хорватии.

5.3 В то же время Комитет посчитал, что утверждения автора о том, что он не может ходатайствовать о компенсации за его предположительно незаконный арест и задержание 22 ноября 1991 года, поскольку дело против него официально так и не закрыто, а также его утверждение о том, что инициированная против него 21 апреля 1992 года процедура по обвинению в клевете не закрыта, касаются инцидентов, имеющих продолжающиеся последствия, которые могут сами по себе являться нарушением Пакта. Поэтому Комитет признал эти утверждения приемлемыми и подлежащими рассмотрению по существу.

5.4 По мнению Комитета, вследствие заявления, сделанного государством-участником при присоединении к Факультативному протоколу, он лишен возможности *ratione temporis* рассматривать остальные содержащиеся в сообщении утверждения, затрагивающие события, имевшие место до 12 января 1996 года, поскольку их продолжающиеся последствия, о которых говорит г-н Парага, не являются, по всей видимости, сами по себе нарушением Пакта и не могут быть истолкованы как подтверждение действием или фактами, явно предполагающими таковое, предыдущих нарушений со стороны государства-участника¹.

5.5 В связи с судебным решением об освобождении квартиры, которую автор использовал в качестве офиса его политической партии, Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что с жалобами на незаконное и произвольное лишение собственности и на противозаконную дискриминацию можно обращаться в Конституционный суд. Автор ограничился утверждением о том, что это средство защиты не является эффективным, поскольку Конституционный суд - "инструмент правящей олигархии". Комитет напомнил, что простые сомнения в эффективности внутренних средств правовой защиты не освобождают истцов от их использования; в этой связи Комитет отметил, что в отношении других предполагаемых нарушений прав автора хорватские суды ранее выносили решения в его пользу. В этих обстоятельствах Комитет сделал вывод о том, что обращение в Конституционный суд в связи с решением об освобождении квартиры, которая использовалась автором в качестве служебного помещения, не будет *a priori* бесполезным. Соответственно в этом плане требования пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола выполнены не были.

¹ См. Соображения Комитета относительно сообщения № 516/1992 (Симунок и др. против Чешской Республики), принятые 19 июля 1995 года, пункт 4.5.

5.6 Касаясь утверждения автора о том, что он стал жертвой упомянутого в пункте 4.2 выше нарушения статьи 26, Комитет признал эту жалобу приемлемой и подлежащей рассмотрению по существу.

6. Таким образом, 24 июля 1998 года Комитет по правам человека постановил, что данное сообщение является приемлемым в той части, в которой оно касается ареста и задержания автора 22 ноября 1991 года, возбужденного против него 21 апреля 1992 года дела по обвинению в клевете и его утверждения о том, что он стал жертвой дискриминации.

Информация государства-участника по существу сообщения и комментарии автора

7.1 В своем представлении по существу сообщения государство-участник изложило более подробную информацию о процессуальных действиях, связанных с арестом и задержанием автора в ноябре 1991 года, а также о выдвинутых в апреле 1992 года обвинениях в "распространении ложной информации". Оно заявляет, что процессуальные действия по всем этим обвинениям сейчас прекращены.

7.2 Государство-участник подтверждает, что г-н Парага был арестован 22 ноября 1991 года, что решение о его содержании под стражей принял следственный судья на основании подпунктов 2 и 3 пункта 2 статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса и что по решению Областного суда Загреба он был выпущен на свободу 18 декабря 1991 года.

7.3 Государство-участник заявляет, что 25 ноября 1991 года Областная прокуратура Загреба сделала запрос под № КТ-566/91 о начале расследования против г-на Параги по обвинениям в "вооруженном мятеже" и "противозаконном владении оружием и взрывчатыми веществами", исходя, соответственно, из пунктов 1 и 2 статьи 236 f) и пунктов 2 и 3 статьи 209 действовавшего тогда Уголовного кодекса Хорватии. На основании подпунктов 2 и 3 пункта 2 статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса был также направлен запрос о заключении г-на Параги под стражу.

7.4 Следственный судья отклонил ходатайство о проведении расследования и передал дело в коллегиию судей, которая постановила провести расследование лишь в связи с пунктами 2 и 3 статьи 290. Однако Областная прокуратура не подготовила обвинительное заключение и не предложила следственному судье провести расследование. Поэтому следственный судья вновь передал материалы по делу в коллегиию из трех судей, которая в соответствии с подпунктом 3 пункта 1 статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса приняла решение Кв-48/98 от 10 июня 1998 года о прекращении дальнейших процессуальных действий в отношении г-на Параги. Как утверждает государство-участник, 17 июня 1998 года это решение было направлено г-ну Параге и получено им 19 июня 1998 года.

7.5 Государство-участник заявляет, что арест г-на Параги был произведен обоснованно, в соответствии с действовавшими в то время положениями Уголовно-процессуального кодекса, и, следовательно, Республика Хорватия не нарушила пункт 1 статьи 9 Пакта. Кроме того, государство-участник отмечает, что после прекращения процессуальных действий автор мог подать в суды Хорватии иск о компенсации, как-то предусмотрено в пункте 5 статьи 9 Пакта.

7.6 Государство-участник подтверждает, что в апреле 1992 года Муниципальная прокуратура инициировала процессуальные действия в связи с "распространением ложной информации" на основании статьи 191 Уголовного кодекса (пункта 1 статьи 197 прежнего Кодекса) и в соответствии с пунктом 1 статьи 425 и подпунктом 1 пункта 1 статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса (подробности см. ниже). Государство-участник заявляет, что, учитывая поправки, внесенные в соответствующее положение Уголовного кодекса, и фактор прошедшего времени, Сплитский муниципальный суд, которому Прокуратура ранее препроводила обвинительное заключение, снял с г-на Параги обвинения своим решением № ИК-504/92 от 26 января 1999 года.

7.7 Что касается предполагаемой дискриминации, мотивированной политическими взглядами автора, особенно после его интервью, опубликованных в ежедневной газете "Нови лист", то государство-участник подтверждает, что 7 октября 1997 года Загребская муниципальная прокуратура инициировала процессуальные действия против г-на Параги в связи с "распространением ложной информации", исходя из статьи 191 действовавшего тогда Уголовного кодекса. Однако по окончании проведенного затем расследования 26 января 1998 года уголовное дело было закрыто.

7.8 Государство-участник поясняет, что, согласно действовавшей тогда статье 191 Уголовного кодекса, распространением ложной информации "занимается лицо", передающее или распространяющее сведения или информацию, которые являются заведомо ложными, могут ввести в заблуждение значительное число граждан, а также направлены на нарушение общественного спокойствия". В соответствии с новым Уголовным кодексом, действующим с 1 января 1998 года, это же уголовное преступление квалифицируется сейчас как "распространение ложных и нарушающих общественное спокойствие слухов" (статья 322 Уголовного кодекса), и для привлечения ответственности за совершение этого преступления необходимо, чтобы виновное лицо знало, что распространяемые им слухи являются ложными и чтобы это лицо хотело ввести и ввело в заблуждение значительное число граждан". Таким образом, необходимо, чтобы последствия отражали изначальное намерение. Как отмечает государство-участник, поскольку обстоятельства рассматриваемого дела были иными, 26 января 1998 года уголовные обвинения были сняты и процессуальные действия против г-на Параги были прекращены.

7.9 Касаясь утверждения автора о том, что его арестовали и задержали на австрийской границе 4 декабря 1997 года и на канадской границе в июне 1996 года, исходя из лживой информации, представленной ранее министерством иностранных дел Хорватии относительно целей его поездки, министерство иностранных дел Хорватии решительно отвергает такое заявление как злонамеренное и абсолютно необоснованное. Как сообщает государство-участник, посольство Хорватии в Вене запросило и получило официальное разъяснение от австрийских властей по факту задержания г-на Параги, о котором, как оно отмечает, оно узнало лишь из австрийской печати. Государство-участник было проинформировано о том, что г-н Парага приехал в Австрию как гражданин Словении и был задержан для выяснения некоторых обстоятельств, касающихся того, почему г-ну Параге был запрещен въезд в Австрию в 1995 году. Государство-участника уведомили также о том, что поданная самим г-ном Парагой жалоба на его задержание еще находится в стадии рассмотрения. Государство-участник заявляет, что, поскольку г-н Парага не сообщил об этом инциденте в дипломатическое представительство Хорватии, возможности обеспечить ему защиту в соответствии с международными конвенциями не было.

7.10 Как утверждает государство-участник, оно также узнало лишь из печати о задержании г-на Параги канадской иммиграционной службой в Торонто, и Генеральный консул Республики Хорватии в Миссисаги сразу же установил контакт с адвокатом г-на Параги, который отказался представить ему какую-либо информацию. Затем Генеральный консул попытался установить контакт с начальником отделения Канадской иммиграционной службы в аэропорту Торонто г-ном Генри Сишкем, который сообщил ему, что г-н Парага путешествовал со словенским паспортом (в его хорватском паспорте нет действующей канадской визы) и что он отказался от консульской защиты, не пожелав беседовать с Генеральным консулом.

8.1 Автор отвергает аргументы государства-участника по существу сообщения как "абсолютно лживые". Касаясь своего ареста и задержания в ноябре 1991 года, автор утверждает, что его арестовали "без предъявления обвинений" и задержали "произвольно и без каких-либо оснований", исходя лишь из политических соображений. Автор заявляет, что президент Республики Хорватии оказал давление на тогдашнего Председателя Верховного суда, с тем чтобы автору вынесли "противозаконный" приговор, и что, когда тот отказался сделать это, 24 декабря 1991 года его уволили с должности Председателя Верховного суда².

² Автор не приводит никаких подробных фактов в обоснование своего утверждения.

8.2 Автор подтверждает, что судебное решение о прекращении возбужденных против него процессуальных действий было принято 10 июня 1998 года. Вместе с тем он утверждает, что это решение было принято лишь после того, как он обратился в Комитет по правам человека и направил в Областной суд Загреба четвертое "срочное ходатайство" о прекращении процедуры. Кроме того, автор заявляет, что по крайней мере с 1991 по 1998 год он был подследственным по уголовному делу, был лишен гражданских и политических прав и, поскольку подследственный не может иметь никакой постоянной работы, он не мог воспользоваться социальной и медицинской помощью, а также устроиться на работу".

8.3 Касаясь обвинений в клевете, выдвинутых против него в апреле 1992 года, г-н Парага, признавая, что эти обвинения были сняты, утверждает, что это произошло лишь спустя семь лет после их предъявления.

8.4 Касаясь выдвинутых 7 октября 1997 года обвинений в распространении ложной информации, автор утверждает, что, несмотря на заявление государства-участника об обратном, эти процессуальные действия до сих пор не прекращены. Автор заявляет, что никакого решения о прекращении этих процессуальных действий он не получал. Автор вновь выражает уверенность в том, что его арест пограничниками в Канаде в 1996 году и в Австрии в 1997 году был результатом того, что хорватские власти сообщили пограничным службам обеих стран об участии автора в подрывной деятельности. Действительно, автор утверждает, что ему подтвердили этот факт как канадская, так и австрийская иммиграционные службы. Он отвергает заявление государства-участника о том, что ему были готовы оказать помощь в период его содержания под стражей в Канаде и Австрии, и утверждает, что ни в том, ни в другом случае хорватские власти не принимали меры для его освобождения. По словам автора, после его задержания в Канаде и Австрии он подал жалобу на правительство Хорватии в целях получения компенсации за ущерб, понесенный им в результате того, что он называет "злоупотреблением властью".

Пересмотр решения о приемлемости и рассмотрение существования сообщения

9.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами.

9.2 Комитет удостоверился, как то предусмотрено в пункте 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования³.

9.3 Касаясь предположительно противозаконного ареста и задержания автора 22 ноября 1991 года, Комитет постановил в своем решении о приемлемости от 24 июля 1998 года, что данное сообщение является приемлемым в части, касающейся продолжающихся последствий уголовного судопроизводства, которое было возбуждено против автора в то время и не было прекращено на момент представления сообщения. Комитет напоминает о том, что его решение о приемлемости было основано на предполагаемых продолжающихся последствиях нарушений, которые, как утверждалось, были совершены до вступления Факультативного протокола в силу для Хорватии.

9.4 Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что эти процессуальные действия были прекращены 17 июня 1998 года, а также его утверждение о том, что автор может сейчас обратиться в национальные суды с ходатайством о получении компенсации. С учетом этой новой информации, представленной после принятия решения о приемлемости, Комитет пересматривает свое предшествующее решение о приемлемости в соответствии с правилом 93(4) своих правил процедуры и заявляет, что жалоба на предполагаемое нарушение пункта 5 статьи 9 является неприемлемой, поскольку автор не исчерпал в этой связи внутренние средства правовой защиты, как то предусмотрено в пункте 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Автору надлежит использовать соответствующие внутренние средства правовой защиты.

³ Следует отметить, что в 1999 году автор направил два сообщения в Европейский суд по правам человека, но поднятые в них вопросы отличаются от вопросов, затрагиваемых в рассматриваемом сообщении.

9.5 Комитет незамедлительно приступает к рассмотрению существа жалобы, которая касается преследований автора за клевету и его предполагаемой дискриминации.

9.6 Касаясь преследований автора за клевету, Комитет принял к сведению заявление автора о том, что процессуальные действия были инициированы против него на том основании, что он назвал президента Республики диктатором. Хотя государство-участник не отрицает, что автору, действительно, было предъявлено такое обвинение, оно проинформировало Комитет, что в январе 1999 года суд в конечном итоге снял с автора эти обвинения. Комитет отмечает, что положение Уголовного кодекса, позволяющее возбуждать такие процессуальные действия, может, при определенных обстоятельствах, привести к ограничениям, которые выходят за рамки ограничений, допускаемых в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта. Учитывая, однако, отсутствие конкретной информации, представленной автором, и последующее снятие с него обвинений, Комитет не может сделать вывод о том, что само по себе возбуждение процессуальных действий против автора следует рассматривать как нарушение статьи 19 Пакта.

9.7 Комитет отмечает, что в связи с обвинениями, выдвинутыми против г-на Параги в ноябре 1991 года, и обвинениями в клевете, выдвинутыми против него в апреле 1992 года, возникает вопрос о неоправданной задержке (пункт 3 с) статьи 14 Пакта). Комитет полагает, что эта часть сообщения является приемлемой, поскольку процессуальные действия не были прекращены спустя соответственно два с половиной и три года после вступления Факультативного протокола в силу для государства-участника. Комитет принимает к сведению, что для завершения обеих процедур потребовалось в общей сложности семь лет, и отмечает, что, хотя государство-участник и представило информацию о ходе этих процедур, оно не дало никаких объяснений, почему связанные с упомянутыми обвинениями процедуры занимают так много времени, и не изложило никаких конкретных причин, оправдывающих такую задержку. Поэтому Комитет полагает, что автор не был судим "без неоправданной задержки", как то предусмотрено в пункте 3 с) статьи 14 Пакта.

9.8 Касаясь утверждения автора о том, что он стал жертвой дискриминации, так как находился в политической оппозиции к тогдашнему правительству Хорватии, Комитет отмечает, что процессуальные действия, возбужденные против автора 7 октября 1997 года, были прекращены через несколько месяцев, 26 января 1998 года. Учитывая данный факт и отсутствие какой-либо более подробной информации, которая подкрепляла бы утверждение автора, Комитет не может констатировать в этой связи нарушения той или иной статьи Пакта.

9.9 Касаясь утверждения автора о том, что власти Хорватии оклеветали его в Австрии и Канаде, Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что ни в том, ни в другом случае автор не информировал хорватские власти о его задержании, и что при въезде в Канаду он имел при себе словенский паспорт. Комитет отмечает, что автор не представил никаких новых замечаний по этим вопросам. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что автор не обосновал свое утверждение, и констатирует отсутствие какого бы то ни было нарушения в этой связи.

10. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека приходит к заключению, что представленные Комитету факты свидетельствуют о нарушении Хорватией пункта 3 с) статьи 14.

11. Исходя из пункта 3 а) статьи 2 Пакта, Комитет полагает, что автор имеет право на эффективное средство правовой защиты, включая надлежащую компенсацию.

12. Принимая во внимание, что при присоединении к Факультативному протоколу государство-участник признало компетенцию Комитета устанавливать наличие или отсутствие какого-либо нарушения Пакта и что, в соответствии со статьей 2 Пакта, государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также эффективное и действенное средство правовой защиты в случае выявления какого-либо нарушения, Комитет просит государство-участника представить в течение 90 дней информацию о мерах, принятых с учетом Соображений Комитета.

Сообщение № 736/1997

Представлено: Малькольмом Россом [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Канада

Дата принятия Сообщений: 18 октября 2000 года (семидесятая сессия)

Тема сообщения: Увольнение преподавателя в связи с публичным распространением антисемитских заявлений

Процедурные вопросы: Несовместимость претензии *ratione material* - Обоснованность претензии - Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: Свобода проповедовать свои религиозные убеждения - Свобода мысли и выражения мнений - Выступление в пользу религиозной ненависти - Законные ограничения права на свободное выражение мнений

Статьи Пакта: 18, 19 и 26

Статьи Факультативного протокола: 2 и пункт 2 b) статьи 5

Вывод: Отсутствие нарушения

1. Автор сообщения является канадский гражданин Малькольм Росс. Он утверждает, что является жертвой нарушения Канадой статей 18 и 19 Пакта. Он представлен адвокатом г-ном Дугласом Х. Кристи.

Факты в изложении автора

2.1 Автор работал преподавателем-консультантом с отстающими учениками по развитию навыков чтения в школьном округе в провинции Нью-Брансуик с сентября 1976 года до сентября 1991 года. На протяжении этого периода он опубликовал несколько книг и брошюр и выступал с публичными заявлениями, включая телевизионное интервью, касающимися спорных, предположительно религиозных вопросов. В его книгах затрагивались проблемы абортов, конфликтов между иудаизмом и христианством и защиты христианской религии. Освещение его работ в местных средствах массовой информации способствовало распространению его идей в общине. Автор подчеркивает, что его публикации не противоречили канадским законам и что он никогда не подвергался преследованиям за выражение своих мнений. Кроме того, все его публикации были написаны в свободное от работы время, а свои мнения он никогда не пропагандировал в своей преподавательской деятельности.

2.2 Вследствие высказывавшихся замечаний преподавательская работа автора в школе контролировалась с 1979 года. Споры вокруг автора разрастались, и в связи с выраженной общественностью озабоченностью 16 марта 1988 года школьный совет объявил автору выговор и предупредил его о том, что дальнейшее публичное осуждение его взглядов может привести к новым дисциплинарным мерам, включая увольнение. Вместе с тем ему было разрешено продолжать преподавательскую деятельность, а запись о применении указанной дисциплинарной меры была исключена из его личного дела в сентябре 1989 года. 21 ноября 1989 года автор выступил по телевидению, в связи с чем 30 ноября 1989 года школьный совет объявил ему новый выговор.

2.3 21 апреля 1988 года г-н Дэвид Эттис, родитель-еврей, чьи дети учились в другой школе в том же школьном округе, обратился с жалобой в Комиссию по правам человека провинции Нью-Брансуик, утверждая, что школьный совет, не приняв мер против автора, простил ему антиеврейские высказывания и тем самым нарушил статью 5 Закона о правах человека, проявив

дискриминацию в отношении учеников-евреев и учеников других меньшинств. Эта жалоба в конечном итоге привела к санкциям, изложенным ниже в пункте 4.3.

Соответствующие внутренние процедуры и законодательство

3.1 В силу федерального государственного устройства канадское законодательство в области прав человека подразделяется на федеральную и провинциальную ветви. В каждой провинции, равно как и на федеральном и территориальном уровнях, принято свое законодательство в области прав человека. Детали различных законодательных режимов могут различаться, но их общая структура и охват одинаковы.

3.2 Согласно утверждениям государства-участника, кодексы прав человека защищают канадских граждан и резидентов от дискриминации в различных областях, включая работу, жилье и услуги, оказываемые населению. Любое лицо, утверждающее, что оно является жертвой дискриминации, может подать жалобу в соответствующую комиссию по правам человека, которая проводит расследование по факту жалобы. Бремя доказывания, которое возлагается на истца, основано на принятом в гражданском праве критерии соотношения вероятностей, и от истца не требуется доказать наличие умысла у того или иного лица. Суд, назначаемый для рассмотрения жалобы, уполномочен применять широкий круг мер судебной защиты, но не может выносить уголовные наказания. Лица, обеспокоенные высказываниями, направленными против конкретных меньшинств, могут направлять жалобу только в комиссию по правам человека или, помимо этого, в полицию.

3.3 Жалоба на действия школьного совета была подана в соответствии со статьей 5(1) Кодекса прав человека провинции Нью-Брансуик. Эта статья гласит:

"Никто, прямо или косвенно, в индивидуальном порядке или совместно с другим лицом, лично или со слов другого лица, не должен

a) отказывать какому-либо лицу или группе лиц в жилье, услугах или возможностях, предоставляемых населению, или

b) дискриминировать какое-либо лицо или группу лиц в том, что касается жилья, услуг или возможностей, предоставляемых населению,

по признаку расы, цвета кожи, религии, национального или родового происхождения, места рождения, возраста, физических и умственных недостатков, семейного положения, половой ориентации или пола".

3.4 В своей жалобе г-н Эттис заявил, что школьный совет нарушил статью 5 при предоставлении населению услуг в области образования, которые представляли собой дискриминацию по признаку религии и родового происхождения, поскольку он не принял адекватные меры в отношении автора. В соответствии со статьей 20(1) того же закона, если Комиссия по правам человека не в состоянии урегулировать дело, она может назначить следственную комиссию в составе одного или нескольких лиц для расследования дела. Комиссия, назначенная для изучения жалобы против школьного совета, вынесла свое решение в соответствии со статьей 20(6.2) того же закона, которая гласит:

"В тех случаях, когда по завершении расследования комиссия, исходя из баланса вероятностей, устанавливает, что имело место нарушение настоящего Закона, она может предписать любой стороне, признанной нарушившей Закон,

a) совершить то или иное действие или те или иные действия или воздерживаться от их совершения для соблюдения положений Закона,

b) устранить любой вред, причиненный нарушением,

c) восстановить любую сторону - жертву нарушения, в том положении, в котором она находилась до совершения нарушения,

- d) восстановить на работе любую сторону, которая была уволена в нарушение Закона,
- e) компенсировать любой потерпевшей стороне любые последующие расходы, финансовые потери или лишение пособия в таком объеме, который Комиссия считает справедливым и уместным, и
- f) компенсировать любой потерпевшей стороне любой последующий моральный ущерб, включая ущерб в результате оскорбления достоинства личности, чувств или посягательства на самоуважение в таком объеме, в каком Комиссия считает справедливым и уместным".

3.5 С 1982 года Канадская хартия прав и свобод (Хартия) стала составной частью Конституции Канады, в связи с чем любой закон, вступающий в коллизию с ее положениями, утрачивает силу в связи с таким несоответствием. Хартия распространяется на федеральные, провинциальные и территориальные органы власти в Канаде в отношении всех предпринимаемых ими действий на законодательном, исполнительном или административном уровнях. Провинциальные кодексы прав человека и любые решения, принимаемые на основании таких кодексов, контролируются положениями Хартии. Ограничение того или иного права, провозглашенного в Хартии, может быть обосновано положениями статьи 1 Хартии, если правительство сможет доказать, что это ограничение предписано законом и оправдано в свободном и демократическом обществе. В статьях 1, 2 а) и 2 б) Хартии провозглашается следующее:

- "1. Канадская хартия прав и свобод гарантирует провозглашенные в ней права и свободы, в отношении которых допускаются только такие разумные ограничения, которые установлены законом и могут быть убедительно обоснованы в свободном и демократическом обществе.
- 2. Каждый пользуется следующими основными свободами:
 - a) свободой совести и религии;
 - b) свободой мысли, мнений и убеждений и их выражения, включая свободу прессы и прочих средств коммуникации; ...".

3.6 Как на федеральном, так и на провинциальном уровнях существуют также и другие законодательные механизмы, регулирующие вопросы, касающиеся выражения мнений, направленных против отдельных групп лиц в канадском обществе. Например, Уголовным кодексом запрещается пропаганда геноцида, публичного разжигания ненависти и преднамеренного распространения ненавистнических взглядов. Для возбуждения преследования в связи с таким правонарушением необходимо получить согласие Генерального прокурора. Бремя доказывания со стороны Короны состоит в том, чтобы показать, что обвиняемый виновен сверх разумного сомнения, и доказать наличие всех требуемых элементов правонарушения, включая тот факт, что обвиняемый имел необходимую *mens rea*.

Рассмотрение дела в национальных судах

4.1 1 сентября 1988 года для изучения жалобы была учреждена Следственная правозащитная комиссия. Комиссия начала слушание дела в декабре 1990 года и продолжала его до весны 1991 года. На слушании были представлены все стороны, которые согласно государству-участнику имели полную возможность приводить доказательства и выступать с заявлениями. В целом слушание заняло 22 дня, свидетельские показания были представлены 11 свидетелями. Комиссия признала, что наличие каких-либо аспектов преподавательской деятельности автора, позволяющих обосновать жалобу о дискриминации, не было доказано. Вместе с тем Комиссия также отметила, что:

"...поведение учителя в свободное от преподавания время может отразиться на его служебных обязанностях и тем самым имеет отношение к делу... Важным аспектом, подлежащим рассмотрению при определении наличия дискриминации в отношении истца со стороны г-на Малькольма Росса и школьного совета, является то, что учителя призваны служить примером для учащихся независимо от того, учатся ли они в классе этого учителя или нет. Помимо простого преподавания учебных дисциплин детям в классе учителя играют намного более широкую роль, влияя на детей посредством своего общего

поведения на занятиях и посредством своего внешкольного образа жизни. Такое общее влияние на учащихся означает, что поведение учителя за стенами школы может входить в сферу действия трудовых отношений. Хотя трудно ограничивать свободу работников вести свою независимую жизнь в свободное от работы время, судебные прецеденты предусматривают право принимать дисциплинарные меры в отношении работников в связи с их поведением в нерабочее время, если доказано, что это поведение оказывает отрицательное влияние на деятельность работодателя".

4.2 В своей оценке деятельности автора в нерабочее время и ее воздействия Следственная комиссия учла четыре опубликованные книги или брошюры, озаглавленные соответственно *Web of Deceit*, *The Real Holocaust*, *Spectre of Power* и *Christianity vs. Judeo-Christianity*, а также письмо издателю газеты *The Miramichi Leader* от 22 октября 1986 года и телевизионное интервью в 1989 году. Следственная комиссия указала, в частности, что она

"...без колебаний пришла к выводу о том, что в этих опубликованных Малькольмом Россом материалах и комментариях содержатся высказывания, которые *prima facie* являются дискриминационными в отношении лиц иудейской веры и их родового происхождения. Невозможно перечислить все наносящие вред мнения или дискриминационные комментарии, содержащиеся в его письменных материалах, поскольку они многочисленны и пронизывают все его печатные работы. Эти комментарии дискредитируют религиозные убеждения евреев и призывают подлинных христиан не только подвергать сомнению обоснованность иудейских верований и учений, но и презрительно относиться к иудаизму и родовому происхождению евреев как подрывающих свободу, демократию и христианские убеждения и ценности. Малькольм Росс квалифицирует иудаизм как врага и призывает всех христиан объединиться в борьбе с ним.

Малькольм Росс использует в своих печатных материалах метод цитирования других авторов, которые выступали с заявлениями, порочащими евреев и иудаизм. Он сопровождает эти порочащие цитаты своими собственными комментариями таким образом, что имеются все основания считать, что он придерживается мнений, высказанных в этих цитатах. Во всех своих книгах Малькольм Росс постоянно утверждает, что христианской вере и образу жизни угрожает международный заговор, в котором ведущую роль играют лидеры еврейства.

...Публикации и комментарии Малькольма Росса нельзя отнести к области научной полемики, что могло бы исключить их из сферы действия положений статьи 5 [Закона о правах человека]. Манера изложения материалов не предполагает объективного суммирования результатов и выводов или предложений. Хотя эти публикации, вероятно, связаны с определенной значительной исследовательской работой, главная цель Малькольма Росса явно заключается в том, чтобы подвергнуть сомнению честность, порядочность, достоинство и побуждения евреев, а не в том чтобы изложить результаты научных исследований".

4.3 Следственная комиссия заслушала двух учащихся из школьного округа, которые подробно описали учебную среду. В частности, они сообщили о неоднократном и постоянном преследовании еврейских учащихся, выражающемся в присвоении унижительных кличек, вырезании свастики на партах учащихся-евреев, рисовании свастики на школьных досках и общем запугивании учащихся-евреев. Следственная комиссия не нашла прямых доказательств того, что поведение автора вне стен школы оказывало влияние на школьный округ, но вместе с тем признала разумным предположить, что его публикации представляют собой фактор, способствующий дискриминационному в некотором роде поведению учащихся. В заключение Следственная комиссия сочла, что публичные высказывания и публикации Малькольма Росса на протяжении многих лет постоянно способствовали созданию "нездоровой среды в школьном округе 15, что негативно сказывалось на качестве услуг в области образования, предоставлявшихся истцу и его детям". Таким образом, Следственная комиссия признала, что Школьный совет несет косвенную ответственность за дискриминационные действия его работника и что он прямо нарушил закон, не применив своевременных и надлежащих дисциплинарных мер к автору, одобряя тем самым его внешкольную деятельность и публикации. Исходя из этого, 28 августа 1991 года Следственная комиссия постановила:

"...2) Школьному совету

a) немедленно предоставить Малькольму Россу отпуск без сохранения содержания на 18 месяцев;

b) назначить Малькольма Росса на пост, не связанный с преподаванием, если... такой пост окажется вакантным в школьном округе 15 и для которого Малькольм Росс имеет достаточную квалификацию...

c) прекратить пользоваться его услугами по окончании 18-месячного отпуска без сохранения содержания, если за это время ему не будет предложена работа, не связанная с преподаванием, которую он согласится выполнять;

d) незамедлительно уволить Малькольма Росса из Школьного совета, если в любое время в течение 18-месячного отпуска без сохранения содержания или в любое иное время во время его работы на посту, не связанном с преподаванием, он:

- i) опубликует или напишет в целях публикации что-либо относительно еврейского или сионистского заговора или выступит с нападками на последователей иудаизма, или
- ii) прямо или косвенно опубликует, продаст или распространит любые из следующих публикаций: *Web of Deceit*, *The Real Holocaust (The attack on unborn children and life itself)*, *Spectre of Power*, *Christianity vs Judeo-Christianity (The battle for truth)*".

4.4 Во исполнение этого постановления Школьный совет перевел автора на работу, не связанную с преподаванием в школьном округе. Автор обратился с ходатайством о пересмотре этого решения в судебном порядке, требуя признать недействительным и отменить это решение. 31 декабря 1991 года Кригэн Дж., судья Суда королевской скамьи, признал эту апелляцию частично обоснованной и отменил пункт 2 d) постановления на том основании, что он выходит за рамки юрисдикции и нарушает статью 2 Хартии. В отношении пунктов a), b) и c) постановления суд указал, что они ограничивают признанные Хартией права автора на свободу религии и выражения своих мнений, но вместе с тем сохранил их в силе в соответствии со статьей 1 Хартии.

4.5 Автор обжаловал решение Суда королевской скамьи в Апелляционном суде провинции Нью-Брансуик. Одновременно с этим г-н Эттис подал встречную апелляцию в отношении решения Суда, касающегося пункта 2 d) постановления. Апелляционный суд удовлетворил апелляцию автора, отменив постановление, вынесенное Следственной комиссией и тем самым отклонил встречную апелляцию. В своем решении от 20 декабря 1993 года Суд признал, что постановление нарушило права автора, закрепленные в статьях 2 a) и b) Хартии, установив ему наказание за публичное выражение его искренних взглядов и воспрепятствовав продолжению им преподавательской работы. Суд указал, что, поскольку именно деятельность автора в свободное от преподавания время послужила причиной жалобы и поскольку никогда не утверждалось, что он использовал свое служебное положение для распространения своих религиозных взглядов, принятая мера защиты не соответствует критериям статьи 1 Хартии; другими словами, как представляется, отсутствовало конкретное веское основание для отмены конституционной гарантии пользования автором свободой выражения своих мнений. По мнению Суда, принятие иного решения означало бы оправдание запрещения высказывать мнения, которые не являются политически популярными на данном конкретном этапе. Один судья, Райан Дж.А., не согласился с такой позицией и заявил, что следует отклонить апелляцию автора и удовлетворить встречную апелляцию, восстановив пункт 2 d) упомянутого постановления.

4.6 После этого г-н Эттис, Комиссия по правам человека и Канадский еврейский конгресс попросил разрешения на подачу апелляции в Верховный суд Канады, который принял апелляцию и своим решением от 3 апреля 1996 года отменил решение Апелляционного суда и восстановил пункты 2 a), b) и c) постановления. Принимая это решение, Верховный суд, во-первых, признал, что заключение Следственной комиссии о том, что дискриминация со стороны Школьного совета,

противоречит статье 5 закона о правах человека, подкрепляется доказательствами и не содержит никаких ошибок. В отношении доказательства наличия дискриминации со стороны Школьного совета, и в целом и в частности создания нездоровой обстановки в школьном округе, что обусловлено поведением автора, Верховный Школьный суд постановил:

"...что в данном деле логическое рассуждение позволяет подкрепить вывод о том, что постоянная работа [автора] в целом оказывала вредное воздействие на учебный процесс, создавая "нездоровую" обстановку, характеризующуюся отсутствием равенства и терпимости. Поведение [автора] в свободное от уроков время отрицательно сказывалось на его способности быть беспристрастным и воздействовало на учебную среду, в которой он преподавал. (пункт 49)

...Основанием, позволяющим "разумно предполагать" наличие причинно-следственной связи в этой апелляции, является то серьезное влияние, которое учителя оказывают на своих учеников, а также общественный статус учителя. Таким образом, необходимо освободить [автора] от преподавательской деятельности, с тем чтобы он не оказывал никакого влияния подобного рода на своих учеников и чтобы обучение было свободно от дискриминации." (пункт 101)

4.7 В отношении особого положения и ответственности учителей, а также значимости поведения учителя в свободное от уроков время Верховный суд высказал далее следующее замечание:

"...Деятельностью учителя обусловлен авторитет школьной системы. Учителя пользуются доверием и оказывают значительное влияние на своих учеников в силу своего положения. Поведение учителя оказывает непосредственное воздействие на восприятие обществом способности учителя занимать такое положение, основанное на доверии, а также на доверие общества к национальной школьной системе.

...Своим поведением преподаватели как "передаточное звено" должны восприниматься в качестве носителей ценностей, убеждений и знаний, передаваемых школьной системой. Поведение учителя оценивается исходя из его статуса в обществе, а не из того, как он ведет себя в школе или за ее пределами. Общество видит в учителе лицо, выполняющее образовательную миссию, и ввиду его статуса в обществе он не может менять свое поведение в зависимости от обстоятельств.

...Именно исходя из статуса, которому присущи доверие и влияние, мы можем предъявлять к учителю высокие требования как в школе, так и вне школы, а эрозия этих требований может подорвать доверие общества к национальной школьной системе. Мы не хотим быть понятыми так, как будто мы выступаем за подход, подчиняющий всю жизнь учителей чрезмерному контролю, руководствуясь более высокими нравственными нормами поведения. Это могло бы привести к излишнему посягательству на право на частную жизнь и на основные свободы учителей. Вместе с тем если "нездоровая" обстановка в школьной системе объясняется поведением учителя в свободное от преподавания время, следствием которого может быть утрата доверия к учителю и к системе в целом, то в этом случае поведение учителя за стенами школы имеет отношение к делу." (пункты 43-45)

4.8 Во-вторых, Суд изучил соответствие отмененного постановления положениям Конституции Канады. В этом отношении Суд, во-первых, признал, что постановление нарушило статьи 2 а) и 2 б) Хартии, поскольку оно фактически ограничило соответственно свободу вероисповедания автора и его свободу выражать свое мнение. Далее Суд рассмотрел вопрос о том, можно ли обосновать эти нарушения положениями статьи 1 Хартии, и нашел, что эти нарушения были совершены в стремлении устранить дискриминацию в предоставлении услуг в области образования населения, которое является "насушной и существенной" целью. Суд далее указал, что меры а), b) и c), предусмотренные постановлением, соответствуют критерию соразмерности (т.е. что существует разумная связь между этими мерами и их целью), что ограничение права автора было минимальным и что существует соразмерность между последствиями мер и их целью. Мера d) была признана необоснованной, поскольку она предусматривает не минимальное ограничение конституционных свобод автора, а налагает постоянный запрет на выражение его мнений.

Жалоба

5.1 Автор утверждает, что его права, предусмотренные статьями 18 и 19 Пакта, были нарушены, поскольку ему было отказано в праве свободно выражать свои религиозные убеждения. В этом

контексте его адвокат подчеркивает, - что было признано судами, - что автор никогда не выражал свои мнения во время уроков и что он считается хорошим учителем. Адвокат далее заявляет, что нет никаких доказательств того, что публикации автора отрицательно повлияли на учеников школы и что автор никогда не совершал никаких актов дискриминации. В этом контексте указывается, что в классе, где преподавал автор, не было учеников-евреев.

5.2 Адвокат утверждает, что нет никакой разумной связи между выражением дискриминационного религиозного мнения (т.е. что одна религия подлинна, а другая ложна) и актом дискриминации (т.е. особое отношение к кому-нибудь ввиду его религиозной принадлежности). В этой связи он заявляет, что мнения автора являются искренними и носят религиозный характер; он выступает против философии иудаизма, поскольку полагает, что христианство подвергается нападкам со стороны сионистских кругов. Адвокат утверждает, что требование о том, чтобы совесть работника и его религиозные убеждения в его неслужебное время подвергались контролю со стороны государства или работодателя, выхолащивает саму суть свободы вероисповедания.

5.3 Адвокат далее утверждает, что мнения автора и их выражение не противоречат канадскому законодательству, которое запрещает пропаганду вражды, и что он никогда не подвергался преследованию за выражение своих идей. Адвокат считает, что дело автора не сравнимо с делом *Дж. Р. Т. и У. Дж. против Канады*¹, а скорее сопоставимо с делом *Фогт против Германии*², рассматривавшимся Европейским судом по правам человека. Адвокат заявляет, что постановление аннулировало право автора на преподавание, которое является его профессиональным источником существования.

5.4 Адвокат далее утверждает, что, если Следственная комиссия считала, что в школьном округе ощущается антисемитская атмосфера среди учащихся, она должна была бы рекомендовать принять дисциплинарные меры в отношении учащихся, совершающих такие акты дискриминации. Автор отрицает, что его мнения являются расистскими, и заявляет, что расизма в них не более, чем в атеизме или даже в самом иудаизме. Далее утверждается, что критику иудаизма или сионизма по религиозным причинам нельзя приравнивать к антисемитизму. Автор вновь утверждает, что он подвергается дискриминации, поскольку он убежден в том, что учитель, публично выступивший бы с нападками на христианство, не подвергался бы подобным дисциплинарным мерам.

Представление государства-участника и комментарии по нему автора

6.1 В своем представлении от 7 сентября 1998 года государство-участник излагает свои замечания как в отношении приемлемости сообщения, так и в отношении его существования. Государство-участник заявляет, что сообщение следует признать неприемлемым как из-за необоснованности, так и по причине его несовместимости с соответствующими положениями Пакта. Если же Комитет решит, что сообщение автора приемлемо, государство-участник намерено заявить, что оно не нарушило статьи 18 и 19 Пакта.

6.2 Государство-участник утверждает, что сообщение должно считаться неприемлемым как несовместимое с положениями Пакта, поскольку публикации автора подпадают под действие пункта 2 статьи 20 Пакта, поскольку они должны рассматриваться как "выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию". В связи с этим государство-участник указывает, что, по мнению Верховного

¹ Сообщение № 104/1981, решение о неприемлемости принято 6 апреля 1983 года.

² Дело № 7/1994/454/535, постановление принято 26 сентября 1995 года. В этом деле г-жа Фогт, в частности, утверждала, что ее увольнение с гражданской службы (как преподавателя) из-за ее политической деятельности как члена Германской коммунистической партии нарушило ее право на свободу выражения своего мнения, гарантированное статьей 10 Европейской конвенции. С учетом данных обстоятельств суд пришел к выводу о нарушении статьи 10.

суда Канады, указанные публикации унижают веру и убеждения еврейского народа и призывают "истинных христиан" не просто ставить под сомнение обоснованность этих убеждений, а пренебрежительно относиться к тем, кто исповедует иудаизм. Кроме того, говорится, что автор квалифицирует иудаизм как врага и призывает "христиан" присоединиться к борьбе.

6.3 Государство-участник утверждает, что статьи 8, 19 и 20 Пакта следует толковать в совокупности и что тем самым его нельзя считать нарушившим статью 18 или 19 в результате принятия мер с целью соблюдения статьи 20. Оно заявляет, что свобода вероисповедания и выражения мнений в соответствии с Пактом должна толковаться как исключаящая пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющую собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. В связи с этим государство-участник также ссылается на пункт 1 статьи 5 Пакта и заявляет, что толкование статей 18 и 19 как защищающих распространение антисемитских высказываний, прикрывающихся христианством, отрицает за евреями свободу на свое вероисповедание, порождает страх у евреев и прочих религиозных меньшинств и подрывают авторитет христианской веры.

6.4 В отношении толкования и применения положений статьи 20 государство-участник ссылается на практику Комитета, в частности, на дело *Дж. Р. Т. и У. Дж. против Канады*³. Государство-участник отмечает, что по утверждению адвоката автора рассматриваемое дело отличается от дела *Дж. Р. Т. и У. Дж. против Канады* в том, что г-н Росс не высказывал свои мнения на своем рабочем месте; что его мнения носили религиозный характер; и что ни одна из его публикаций не противоречила канадскому законодательству. Признавая, что между этими двумя делами имеются некоторые фактические различия, государство-участник заявляет, что между ними имеются также важные общие черты и что правило о неприемлемости сообщений, несовместимых с Пактом, в равной степени применимо. Во-первых, оно указывает, что оба сообщения касаются антисемитских выступлений. Государство-участник отрицает утверждение адвоката о том, что взгляды автора носят религиозный характер, и утверждает, что они пропагандируют антисемитизм и их нельзя считать религиозными убеждениями или частью христианской веры. Во-вторых, указывается, что оба сообщения касаются постановлений, принятых во исполнение законодательства в области прав человека, а не обвинений в пропаганде вражды на основании положений Уголовного кодекса. В связи с этим государство-участник заявляет, что адвокат ошибается, когда он утверждает, что публикации и публичные заявления автора не противоречат канадскому законодательству. Согласно государству-участнику, публикации и заявления противоречат закону о правах человека провинции Нью-Брансуик, на основании которого они признаны дискриминационными и создавшими нездоровую обстановку в школьном округе.

6.5 Государство-участник далее заявляет, что жалобу автора, поданную в соответствии со статьей 18, следует признать неприемлемой как несовместимую с положениями Пакта также потому, что его мнения "не отражают религиозных верований и, несомненно, не соответствуют принципам христианства". Государство-участник утверждает, что автор "прикрывает свои высказывания христианством, но фактически его взгляды выражают вражду и подозрение к еврейскому народу и его религии". Оно далее указывает, что автор не привел никаких доказательств, свидетельствующих о том, что антисемитские взгляды являются частью христианства и что никакого такого доказательства не будет представлено. Государство-участник также утверждает, что мнения автора

³ Это дело касалось записанных на пленку телефонных обращений автора и одной политической партии, предупреждавших людей "об опасностях сговоров международных финансовых кругов и международного еврейства, ведущих мир к войнам, безработице и инфляции и к подрыву мировых ценностей и принципов". Во исполнение статьи 3 Закона о правах человека Канадская комиссия по правам человека предписала автору и политической партии прекратить использовать телефон для передачи таких речей. Комитет по правам человека постановил, что сообщение политической партии неприемлемо из-за статуса партии, а сообщение от автора неприемлемо как несовместимое с Пактом, поскольку передаваемые телефонограммы "явно представляют (представляли) собой пропаганду расовой или религиозной вражды".

не являются выражением религиозных взглядов, поскольку он опубликовал их не в целях отправления и соблюдения религиозных обрядов или пропаганды вероучения.

6.6 Наконец, что касается совместимости сообщения с положениями Пакта, то государство-участник ссылается на пункты 2 и 4 статьи 18 и утверждает, что государства-участники в соответствии с этими положениями обязаны обеспечивать, чтобы учителя в системах национального образования поощряли уважение ко всем религиям и верованиям и активно разоблачали любые формы пристрастности, предубеждения или нетерпимости. Государство-участник утверждает, что, если бы автору было разрешено продолжать преподавание, это было бы нарушением этих положений и воспрепятствовало бы праву учеников-евреев выражать свои убеждения и испытывать чувство спокойствия и самоуважения в системе национального образования. Таким образом, оно заявляет, что жалобу автора в соответствии со статьей 18 следует признать неприемлемой как несовместимую также с пунктами 2 и 4 статьи 18 Пакта.

6.7 Кроме того, государство-участник заявляет, что жалоба в соответствии со статьей 18 и жалоба в соответствии со статьей 19 должны быть признаны неприемлемыми на том основании, что автор не представил достаточных доказательств для обоснования жалобы *prima facie*. Отмечая, что автор препроводил Комитету только копии своих собственных представлений Верховному суду и решений судов, государство-участник утверждает, что, автор высказав самоуверенное утверждение о том, что решение Верховного суда нарушает его права, предусмотренные статьями 18 и 19, не представил в сообщении никаких конкретных фактов, достаточных для обоснования его приемлемости. В частности, оно заявляет, что ничто в обширном и тщательно мотивированном решении, принятом единогласно девятью членами Верховного суда, не может служить подтверждением утверждений, высказанных автором.

6.8 Что же касается существа сообщения, то государство-участник, во-первых, заявляет, что автор не пояснил, каким образом его права на свободу вероисповедания и свободное выражение своих мнений были ограничены постановлением Следственной комиссии, подтвержденным Верховным судом. Утверждается, что автор свободен выражать свои мнения, будучи принятым на работу Школьным советом, но только в свободное от преподавания время, или же на работе в другом месте.

6.9 Если же Комитет сочтет, что права автора на свободу вероисповедания и/или выражение своих мнений были ограничены, государство-участник заявляет, что эти ограничения основаны соответственно на положениях пункта 3 статьи 18 и пункта 3 статьи 19, поскольку они i) предусмотрены законом, ii) были наложены согласно одной из признанных целей и iii) были необходимы для достижения указанной цели. Государство-участник заявляет, что анализ, который должен быть проведен Комитетом в этой связи, весьма напоминает анализ, примененный Верховным судом Канады в соответствии со статьей 1 Хартии и что Комитету следует обратить должное внимание на решение Суда.

6.10 Что касается требования о том, что любые ограничения должны быть предусмотрены законом, то государство-участник указывает, что решение о признании публикаций и публичных заявлений автора дискриминационными и создавшими нездоровую обстановку было принято на основании пункта 1 статьи 5 закона о правах человека провинции Нью-Брансуик. Далее говорится, что постановление, вынесенное Следственной комиссией, представляет собой средство правовой защиты от нарушения пункта 1 статьи 5 и соответствует упомянутому закону.

6.11 Что же касается требования о том, что ограничение должно налагаться по одному из мотивов, изложенных соответственно в пункте 3 статьи 18 и в пункте 3 статьи 19, то государство-участник заявляет, что постановление было вынесено в целях как защиты основных прав других лиц⁴, так и защиты нравственности населения. Что касается первой из этих целей, то государство-участник

⁴ Пункт 3 статьи 18 касается "основных прав и свобод других лиц", тогда как пункт 3 статьи 19 - "прав и репутации других лиц".

ссылается на дело *Фориссон против Франции*⁵ и заявляет, что постановление в отношении автора было принято в целях защиты свободы религии и свободного выражения мнений, а также права на равенство еврейской общины. Государство-участник указывает, что Верховный суд признал, что постановление в отношении автора защищает основные права и свободы родителей-евреев на образование их детей, а детей-евреев - получать образование в национальной школьной системе, свободной от необъективности, предубеждений и нетерпимости. Что же касается защиты нравственности населения, то государство-участник заявляет, что канадское общество является многокультурным и что нравственные устои требуют, чтобы все канадцы имели право на равное отношение без дискриминации по признаку расы, религии или национального происхождения.

6.12 Кроме того, государство-участник заявляет, что любые ограничения, содержащиеся в постановлении, явно необходимы для защиты как основных прав и свобод еврейского населения, так и канадских ценностей уважения равенства и разнообразия (моральные устои). Государство-участник утверждает, что постановление было необходимо, для того чтобы обеспечить детям в соответствующем школьном округе возможность получения образования в учебных заведениях, свободных от необъективности, предубеждений и нетерпимости и способствующих укреплению канадских ценностей равенства и уважения многообразия. Кроме того, утверждается, что было необходимо отстранить автора от преподавания, с тем чтобы оздоровить обстановку, созданную его публикациями и публичными заявлениями. В этой связи государство-участник заявляет - как признал Верховный суд, - что учителя пользуются доверием и оказывают значительное влияние на учащихся. Именно поэтому к учителям следует предъявлять более высокие требования в отношении их поведения как в классе, так и за пределами школы. По мнению государства-участника, автор как школьный учитель занимает положение, дающее ему возможность оказывать влияние на молодежь, которая еще не обладает знаниями или суждениями, позволяющими правильно оценивать мнения и убеждения. Кроме того, Следственная комиссия заслушала свидетелей, которые подтвердили, что учащиеся-евреи испытывали страх, унижение и нежелание участвовать в школьных мероприятиях из-за заявлений автора. Утверждается, что такое постановление было необходимым для исправления сложившейся ситуации.

6.13 Наконец, государство-участник, отмечая, что автор ссылается на решение Европейского суда по правам человека в деле *Фогт против Германии*⁶, утверждает, что это решение отличается от данного решения по многим важным аспектам. Во-первых, истец в деле *Фогта* был активным членом законной политической партии, объявленной целью которой является содействие миру и борьба с неонацизмом. Во-вторых, характер речей в обоих случаях полностью различен, поскольку политические убеждения в деле *Фогта* не носили дискриминационного характера, как в рассматриваемом деле.

7.1 В своих замечаниях от 27 апреля 1999 года автор вновь повторяет, что нет доказательств того, что он когда-либо выражал какое-либо свое мнение в ходе занятий. Кроме того, нет никаких доказательств того, что его личные убеждения оказывали какое-либо влияние на его рабочем месте, т.е. что они создавали нездоровую обстановку. Следственная комиссия сочла разумным лишь предполагать такие последствия.

7.2 Автор отрицает, что его публикации и заявления подрывают демократические ценности и что они являются антисемитскими. Он также отрицает, что они аналогичны пропаганде религиозной вражды, являющейся подстрекательством к дискриминации, вражде и насилию. В отношении утверждения государства-члена применительно к статье 20 Пакта автор заявляет, что нигде в своих публикациях он не пытается подстрекать к вражде, а "защищает свою религию от вражды со стороны других". По поводу статьи 5 Пакта автор указывает, что он никогда не заявлял, что евреи не могут исповедовать свою религию без каких-либо ограничений. Напротив, он утверждает, что государство-участник отрицало за *ним* права и свободы, признанные в Пакте, поскольку Верховный суд

⁵ Сообщение № 550/1993, Соображения приняты 8 ноября 1996 года.

⁶ См. сноску 3.

постановил, что автор не может пользоваться своей религиозной свободой и одновременно быть учителем.

7.3 Кроме того, в отличие от того, что считает государство-участник, он утверждает, что его заявления выражают религиозные убеждения по смыслу Пакта. Автор утверждает, что его книги были написаны "ради защиты христианства и его наследия от тех, кто хотел бы умалить их, и поощрения людей к преклонению перед Богом, Святой Троицей, как это проповедует христианство". Согласно автору, "пристрастное прочтение его книг направлено против его стремления работать совместно с другими христианами для выполнения старейшего христианского наказа установить Царство Христа в Обществе". В связи с этим автор также указывает, что Верховный суд Канады в своем решении признал, что это дело связано с выражением религиозных убеждений, и отметил, что постановление Следственной комиссии нарушило свободу религии автора.

7.4 По поводу утверждения государства-участника о том, что автор не представил доказательств в отношении того, каким образом принятие постановления об отстранении его от преподавания при сохранении за ним возможности выражать собственное мнение вне занятий ущемило его свободу исповедовать свою религию и выражать свои мнения, автор заявляет, что в июне 1996 года ему было вручено уведомление работодателя об увольнении. Автор утверждает, что это является "тяжелым наказанием за осуществлением им гарантированных Конституцией прав на свободу религии и свободу выражения своих мнений", и предполагает, что это уведомление стало результатом предыдущего постановления и решения Верховного суда или, по крайней мере, было с ним связано. Он далее утверждает, что не получил компенсации или выходного пособия и что единственной сообщенной ему причиной было сокращение поста. Автор заявляет, что с ним никогда не беседовали и ему не предлагали другой работы, хотя он к этому времени уже проработал 25 лет в школьном округе.

Дополнительное представление государства-участника и комментарии по нему автора

8.1 В своем новом представлении от 28 сентября 1999 года государство-участник отмечает утверждение автора об отсутствии каких-либо доказательств, подкрепляющих вывод о "нездоровой обстановке" в школьном округе, создавшейся якобы ввиду публикаций и публичных заявлений автора. Оспаривая это утверждение, государство-участник ссылается на единогласное решение Верховного суда и, в частности, на его выводы, изложенные выше в пункте 4.7. Государство-участник утверждает, что Верховный суд подробно изучил установленные факты, касающиеся дискриминации, и пришел к выводу о наличии достаточных доказательств. Таким образом, по мнению государства-участника, следует отклонить относящиеся к этому утверждения автора.

8.2 По вопросу о том, можно ли считать мнения автора религиозными убеждениями по смыслу Пакта, государство-участник признает, что Верховный суд Канады квалифицировал мнения автора в качестве "религиозных убеждений" по смыслу Канадской хартии. Вместе с тем государство-участник указывает, что даже если канадский закон практически не налагает ограничений в отношении того, что он считает религиозными убеждениями в соответствии со статьей 2 Хартии, он все же защищает от злоупотреблений правом на религиозную свободу с помощью ограничительного положения, содержащегося в статье 1. Государство-участник утверждает, что в отличие от подхода, характерного для канадского законодательства, судебная практика Комитета по правам человека свидетельствует о том, что он более узко толкует статью 18. В частности, государство-участник ссылается на дело *М.А.Б., У.Т. и Дж.-А.И.Т. против Канады*⁷. Именно по причине этого различия в подходе государство-участник заявляет, что жалобу на основании статьи 18 следует признать неприемлемой в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола, даже если аналогичные по содержанию положения по-разному толкуются во внутреннем законодательстве Канады.

⁷ Сообщение № 570/1993, решение о неприемлемости принято 8 апреля 1994 года.

8.3 В отношении трудовой деятельности автора государство-участник отмечает, что он "был уволен с работы в 1996 году", но оспаривает утверждение о том, что это является "суровым наказанием за осуществление им гарантированных Конституцией прав на свободу религии и свободу выражения своих мнений" или что это каким-либо образом связано с предыдущими мерами в отношении автора. Государство-участник утверждает, что постановление следственной комиссии, подтвержденное Верховным судом, лишь в минимальной степени отразилось на обеспечении занятости автора сообщения. Оно заявляет, что после принятия постановления 28 августа 1991 года автору был предоставлен отпуск без сохранения содержания всего лишь на одну неделю, а именно с 4 по 10 сентября 1991 года. С 11 сентября 1991 года ему была предоставлена работа на полной ставке в управлении школьного округа, состоящая в организации помощи "отстающим" учащимся. Согласно государству-участнику, открытие этого поста, первоначально предусмотренного на 1991/92 учебный год, было обусловлено наличием финансовых средств, но фактически его финансирование осуществлялось до июня 1996 года. Финансирование было прекращено в результате общей реорганизации школьной системы провинции Нью-Брансуик с 1 марта 1996 года. Это повлекло за собой отмену школьных советов и наделение министра образования полномочиями по управлению системой образования с последующим сокращением как преподавательских, так и административных постов в этой провинции.

8.4 Государство-участник заявляет, что в любом случае не связанный с преподаванием пост автора, как конкретно оговаривалось, регулировался положениями коллективного договора между Советом управляющих и Федерацией преподавателей провинции Нью-Брансуик, который позволяет любому работнику обжаловать неправомерное временное отстранение от должности или увольнение и, если жалоба принимается к рассмотрению, получать правовую защиту. Государство-участник заявляет, что, поскольку автор не обращался за такой правовой защитой, он в настоящее время не может обращаться в Комитет с необоснованными утверждениями о том, что потеря работы является результатом постановления Следственной комиссии или решения Верховного суда.

9. В своем представлении от 5 января 2000 года автор вновь повторяет свои доводы в отношении отсутствия прямых доказательств и вновь указывает на то, что его спорные мнения никогда не составляли часть его преподавательской деятельности. В отношении своей работы автор отмечает, что 3 апреля 1996 года Верховный суд поддержал постановление, аннулирующее решение Школьного совета, в результате чего ему должен был быть предложен пост, не связанный с преподаванием. При этом указывается, что ему никогда не предлагался такой пост, а что фактически он был уволен с 1 июля 1996 года. Согласно адвокату, тот факт, что автору не предлагалось нового поста после его увольнения в 1996 году, "является дальнейшим доказательством того пренебрежения, с которым правительство" относится к автору.

Рассмотрение приемлемости сообщения

10.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о его приемлемости или неприемлемости в соответствии с положениями Факультативного протокола к Пакту.

10.2 Комитет отмечает, что обе стороны коснулись существа сообщения. Это позволяет Комитету рассмотреть как вопрос о приемлемости, так и существо дела на данной стадии в соответствии с пунктом 1 правила 94 правил процедуры. Вместе с тем в соответствии с пунктом 2 правила 94 правил процедуры Комитет не принимает решение относительно существа сообщения, не рассмотрев применимость всех критериев приемлемости, указанных в Факультативном протоколе.

10.3 Что касается утверждения автора о том, что его увольнение в 1996 году было связано с постановлением Верховного суда и тем самым является результатом ограничений его свободы слова и свободы исповедовать свою религию, то Комитет отмечает, что автор не использовал все доступные внутренние средства правовой защиты. Таким образом, эта часть жалобы автора является неприемлемой согласно пункту 2 б) статьи 5 Факультативного протокола.

10.4 Что же касается утверждений автора о том, что он является жертвой дискриминации, то Комитет считает, что его жалоба не обоснована с точки зрения приемлемости и тем самым неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

10.5 Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость остальной части сообщения по целому ряду причин. Во-первых, государство-участник ссылается на пункт 2 статьи 20 Пакта, утверждая, что публикации автора следует считать "выступлением в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющим собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию". Ссылаясь на решение Комитета в деле *Дж. Р.Т. и У. Дж. против Канады*, государство-участник заявляет, что аналогичным образом данное сообщение должно быть признано неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола как несовместимое с положениями Пакта.

10.6 Отмечая, что такой подход действительно был применен в решении по делу *Дж. Р.Т. и У. Дж. против Канады*, Комитет считает, что ограничения права на свободное выражение своего мнения, которые могут быть основаны на статье 20, должны также допускаться в соответствии с пунктом 3 статьи 19, в которой излагаются условия допустимости ограничений на свободное выражение мнений. При применении этих положений тот факт, что введение ограничения, как утверждается, необходимо согласно статье 20, несомненно, имеет отношение к делу. В данном случае допустимость ограничений представляет собой вопрос, требующий рассмотрения по существу.

10.7 Аналогичным образом, Комитет считает, что вопросы о наличии ограничений права автора высказывать свои религиозные убеждения и о допустимости таких ограничений в соответствии с пунктом 3 статьи 18, являются приемлемыми.

10.8 Государство-участник также заявляло, что сообщение следует признать неприемлемым, поскольку автор не представил достаточных доказательств для обоснования жалобы *prima facie*. Государство-участник утверждает, что автор вместо того, чтобы представить подробное сообщение Комитету, просто основывался на решениях национальных судов и на своих собственных представлениях Верховному суду. Таким образом, как утверждается, сообщение "не содержит достаточных фактов в обоснование его приемлемости". Однако Комитет считает, что автор четко изложил свои жалобы на нарушения и что прилагаемые материалы в достаточной мере обосновывают эти жалобы с точки зрения их приемлемости. Исходя из этого, Комитет изучает жалобы автора по существу в свете информации, представленной ему сторонами, как это требуется пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

Рассмотрение существа дела

11.1 В отношении жалобы автора в соответствии со статьей 19 Пакта Комитет отмечает, что согласно статье 19 Пакта любое ограничение права на свободное выражение мнений должно в совокупности отвечать ряду условий, изложенных в пункте 3. Таким образом, первый вопрос, рассматриваемый Комитетом, сводится к тому, было ли право автора на свободное выражение своих мнений ограничено постановлением Следственной комиссии от 28 августа 1991 года, подтвержденным Верховным судом Канады. В результате этого постановления автору был предоставлен отпуск без сохранения содержания сроком на одну неделю, а впоследствии он был переведен на должность, не связанную с преподаванием. Принимая к сведению довод государства-участника (см. пункт 6.8 выше) о том, что право автора на свободное выражение своих мнений не было ограничено, поскольку он мог свободно выражать свои мнения, выполняя не связанную с преподаванием работу или перейдя на другую работу, Комитет не может согласиться с тем, что отстранение автора от преподавания не было фактическим ограничением его права на свободное выражение своих мнений. Потеря должности преподавателя является значительным ущербом, даже если автор незначительно пострадал в материальном отношении или вообще не пострадал. Этот ущерб был причинен автору в связи с выражением им собственных мнений, и,

согласно Комитету, это является ограничением, которое должно быть обосновано по смыслу пункта 3 статьи 19, с точки зрения его соответствия положениям Пакта.

11.2 Следующий вопрос, рассмотренный Комитетом, сводится к тому, удовлетворяет ли ограничение права автора на свободное выражение своих мнений условиям, изложенным в пункте 3 статьи 19, в том смысле, что оно должно быть установлено законом, должно соответствовать одной из целей, указанных в пункте 3 а) и б) (уважение прав и репутации других лиц; охрана государственной безопасности или общественного порядка, или здоровья или нравственности населения) и должно быть необходимым для достижения законной цели.

11.3 В отношении требования о том, что ограничение должно быть установлено законом, Комитет отмечает, наличие законных оснований для рассмотрения дела в суде, в результате которого автор был отстранен от преподавательской работы. Следственная комиссия указала, что высказанные автором в неслужебное время комментарии порочат еврейскую веру и что это отрицательно сказалось на обстановке в школе. Следственная комиссия признала Школьный совет косвенно ответственным за дискриминационные действия его работника и что он допускал дискриминацию учащихся-евреев непосредственно в Школьном округе в нарушение статьи 5 Закона о правах человека провинции Нью-Брансуик вследствие непринятия своевременных и надлежащих дисциплинарных мер в отношении автора. В соответствии с положениями статьи 20 (6.2) того же закона Следственная комиссия предписала школьному совету принять меры для защиты от дискриминации, прибегнув к средствам, перечисленным выше в пункте 4.3. Действительно, как отмечено выше, дискриминация была устранена в результате предоставления автору отпуска без сохранения содержания сроком на одну неделю и его перевода на пост, не связанный с преподаванием.

11.4 Отмечая расплывчатые критерии положений, которые применялись в деле против Школьного совета и которые использовались для отстранения автора от преподавательской работы, Комитет должен также учитывать, что Верховный суд рассмотрел все аспекты этого дела и указал, что во внутреннем праве есть достаточно оснований для тех частей постановления, которые он восстановил. Комитет также отмечает, что автор был заслушан в ходе всего судопроизводства и что он имел возможность и воспользовался ею для обжалования решений, принятых в отношении него. В этих обстоятельствах Комитет не правомочен давать оценку заключениям Верховного суда по этому вопросу и соответственно признает, что ограничение установлено законом.

11.5 При оценке того, применялись ли ограничения права автора на свободное выражение своего мнения в целях, признанных Пактом, Комитет прежде всего отмечает⁸, что над правами или репутацией других лиц для защиты которых допустимы ограничения в соответствии со статьей 19, могут пониматься права каких-либо лиц или общины в целом. Например, как указывалось в деле *Форриссон против Франции*, применение ограничений может допускаться в отношении заявлений, способных породить или укрепить антисемитизм, с тем чтобы утвердить право еврейских общин на защиту от религиозной ненависти. Такие ограничения также вытекают из принципов, отраженных в пункте 2 статьи 20 Пакта. Комитет отмечает, что как Следственная комиссия, так и Верховный суд сочли, что заявления автора дискриминируют лиц иудейского вероисповедания и происхождения и что они порочат веру и убеждения евреев и призывают истинных христиан не только сомневаться в обоснованности установок и учения иудаизма, но и презрительно относиться к иудейской вере и родовому происхождению евреев как подрывающим свободу, демократию и христианские установления и ценности. Учитывая заключения в отношении характера и последствий публичных заявлений автора, Комитет приходит к выводу о том, что принятые в отношении него ограничения преследовали цель защиты "прав или репутации" лиц иудейского вероисповедания, включая право на обучение в системе школьного образования, свободной от необъективности, предубеждения и нетерпимости.

⁸ Как это указывается в Замечании общего порядка № 10 и в Сообщении № 550/1993, *Форриссон против Франции*, Соображения приняты 8 ноября 1996 года.

11.6 Последний вопрос, рассмотренный Комитетом, сводится к тому, было ли ограничение свободы автора выражать свои мнения необходимым для защиты прав или репутации лиц иудейского вероисповедания. В данных обстоятельствах Комитет напоминает, что осуществление права на свободное выражение мнений сопряжено с особыми обязанностями и ответственностью. Эти особые обязанности и ответственность особенно уместны в системе образования, прежде всего при обучении молодых учащихся. По мнению Комитета, влияние, оказываемое школьными учителями, может оправдывать введение ограничений с целью обеспечить, чтобы школьная система не придавала законный характер выражению мнений, являющихся дискриминационными. В данном деле Комитет отмечает тот факт, что Верховный суд счел разумным предполагать наличие причинно-следственной связи между выражением автором своих мнений и "нездоровой школьной обстановкой" для детей-евреев в школьном округе. В этом контексте отстранение автора от преподавания может считаться ограничением, необходимым для защиты права и свободы детей-евреев обучаться в системе школьного образования, свободной от необъективности, предубеждения и нетерпимости. Кроме того, Комитет отмечает, что автор был переведен на работу, не связанную с преподаванием, после минимального отпуска без сохранения содержания и что такое ограничение не выходило за пределы необходимого, с тем чтобы обеспечить защитные меры. Исходя из этого, Комитет по правам человека приходит к выводу о том, что факты не свидетельствуют о нарушении статьи 19.

11.7 По поводу жалоб автора на основании статьи 18, то Комитет отмечает, что меры, принятые в отношении автора в постановлении Следственной комиссии в августе 1991 года были направлены не против его мнений или убеждений как таковых, а против их выражения в особом контексте. Свобода выражать религиозные убеждения может подвергаться ограничениям, установленным законом и необходимым для защиты основных прав и свобод других лиц, и в настоящем деле вопросы, подпадающие под действие пункта 3 статьи 18, являются, таким образом, по существу такими же, как и вопросы, подпадающие под действие статьи 19. В связи с этим Комитет считает, что статья 18 не была нарушена.

12. В соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты не обнаруживают нарушения какой-либо из статей Международного пакта о гражданских и политических правах.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета Иполито Солари Иригойена (несовпадающее)

По моему мнению, пункты 11.1 и 11.2 соображений Комитета должны читаться следующим образом:

В отношении жалобы автора на нарушение права, защищаемого статьей 19 Пакта, Комитет отмечает, что осуществление права на свободное выражение своего мнения, предусмотренного пунктом 2 этой статьи, влечет за собой особые обязанности и особую ответственность, упомянутые в пункте 3. Таким образом, он не может принять жалобу относительно того, что право автора на свободное выражение своего мнения было ограничено постановлением Следственной комиссии от 28 августа 1991 года, подтвержденным Верховным судом Канады, поскольку это постановление согласуется с пунктом 3 статьи 19 Пакта. Следует также указать, что осуществление права на свободное выражение своего мнения нельзя рассматривать в отрыве от требований, изложенных в статье 20 Пакта, и что именно на эту статью ссылается государство-участник в обоснование мер, принятых в отношении автора, как указано выше в пункте 6.3.

Сообщение № 747/1997

Представлено: Карелом де Фур Вальдеродом и другими [представлены адвокатом]

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство-участник: Чешская Республика

Объявлено приемлемым: 30 июля 1999 года (шестьдесят пятая сессия)

Дата принятия Сообщений: 30 октября 2001 года (семьдесят третья сессия)

Тема сообщения: Отказ в реституции конфискованного имущества бывшим гражданам государства-участника

Процедурные вопросы: Исчерпание внутренних средств правовой защиты - Эффективность средств правовой защиты - Необоснованно затянутое применение средств правовой защиты

Вопросы существа: Право на определение прав лица в ходе судебного процесса независимым и беспристрастным судом - Право на равенство перед законом - Равная защита закона и недискриминация

Статьи Пакта: 2, пункт 1 статьи 14 и статья 26

Статьи Факультативного протокола: пункт 2 статьи 4 и пункт 2 b) статьи 5

Вывод: Наличие нарушения

1. Автором сообщения первоначально был гражданин Чешской Республики и Австрии д-р Карел де Фур Вальдерод, проживающий в Праге, Чешская Республика. Его представляла в качестве адвоката его супруга д-р Йоханна Каммерландер. Он утверждал, что стал жертвой нарушений Чешской Республикой пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Пакт был ратифицирован Чехословакией в декабре 1975 года, а Факультативный протокол - в марте 1991 года¹. Автор скончался 6 февраля 2000 года, и его пережившая супруга продолжает представлять сообщение в Комитете.

Факты в изложении автора

2.1 Д-р де Фур Вальдерод родился 4 мая 1904 года в Вене от смешанного французско-германского брака, обретя по рождению гражданство Австро-Венгерской империи. Его семья обосновалась в Богемии с XVIII века. В 1918 году, в конце Первой мировой войны, он проживал в Богемии - королевстве в составе бывшей империи, и он стал гражданином вновь созданного чехословацкого государства. В 1939 году, поскольку его родным языком был немецкий, он автоматически стал гражданином Германии в силу декрета Гитлера от 16 марта 1939 года об учреждении Протектората Богемия и Моравия. 5 марта 1941 года умер отец автора, и он унаследовал поместье Груби Рогожец.

2.2 В конце Второй мировой войны, 6 августа 1945 года, его поместье было конфисковано по декрету Бенеша № 12/1945, согласно которому земельная собственность частных лиц немецкой и венгерской национальности подлежала конфискации безо всякой компенсации. Однако в силу его доказанной лояльности по отношению к Чехословакии в период нацистской оккупации он сохранил свое чехословацкое гражданство согласно пункту 2 Конституционного декрета № 33/1945. Впоследствии, после прихода к власти коммунистов в 1948 году, он был вынужден покинуть в 1949 году Чехословакию по политическим и экономическим причинам. В 1991 году, после "бархатной" революции 1989 года, он вновь избрал Прагу в качестве постоянного места жительства. 16 апреля 1991 года чешское министерство внутренних дел информировало его о том, что он все еще

¹ Чехословацкая Федеративная Республика прекратила свое существование 31 декабря 1992 года. 22 февраля 1993 года новая Чешская Республика уведомила о своем присоединении к Пакту и Факультативному протоколу в порядке правопреемства.

является чешским гражданином. Тем не менее 20 августа 1992 года министерство вновь предоставило ему чешское гражданство, по-видимому, после того, как был обнаружен документ, свидетельствующий об утрате им гражданства в 1949 году, когда он покинул страну.

2.3 15 апреля 1992 года вступил в силу Закон 243/1992. Закон предусматривает реституцию сельскохозяйственной и лесной собственности, конфискованной по Декрету № 12/1945. Чтобы иметь право на реституцию, истец должен был иметь чешское гражданство по Декрету 33/1945 (или по Закону 245/1948, 194/1949 или 34/1953), постоянно проживать в Чешской Республике, быть лояльным по отношению к Чехословацкой Республике в период германской оккупации и иметь чешское гражданство в момент представления ходатайства о реституции. Автор подал в установленные сроки ходатайство о реституции поместья Груби Рогожец, и 24 ноября 1992 года он заключил с тогдашними владельцами договор о реституции, который был утвержден Земельной службой 10 марта 1993 года (PU-R 806/93). Апелляция, поданная городом Турновым, была отклонена Центральной земельной службой решением 1391/93-50 от 30 июля 1993 года. Соответственно, 29 сентября 1993 года автор вновь вступил во владение своими землями.

2.4 Автор заявляет о вмешательстве государства в работу судебных органов и об оказании постоянного давления на административные власти и в подтверждение цитирует письмо от 29 апреля 1993 года, которое тогдашний чешский премьер-министр Вацлав Клаус направил партийным органам в Семили и соответствующим министерствам, приложив к нему юридическое заключение о том, что возвращение собственности, конфискованной до 25 февраля 1948 года, носит "законный", но тем не менее "неприемлемый характер". По заявлению автора, это политическое заявление было потом использовано в ходе судебных разбирательств. Далее автор заявляет, что из-за возрастающего политического нажима в конце 1993 года министерство внутренних дел вновь подняло вопрос о его гражданстве. Кроме того, бывших владельцев земель убедили отозвать свое согласие на реституцию, на что они ранее согласились.

2.5 22 декабря 1994 года прокуратура Семильского округа обратилась в Окружной суд с заявлением в соответствии с пунктом 42 Закона 283/1993 о признании недействительным решения Земельной службы от 10 марта 1993 года. 29 декабря 1994 года Окружной суд отклонил это заявление. После обжалования дело было вновь передано в орган первой инстанции.

2.6 7 августа 1995 года общество "гражданская инициатива" подало петицию о пересмотре решения Земельной службы Семили от 10 марта 1993 года. 17 октября 1995 года Центральная земельная служба рассмотрела вопрос о законности решения и отклонила петицию о пересмотре. Тем не менее 2 ноября 1995 года Центральная земельная служба сообщила автору, что она все-таки приступает к пересмотру решения. 23 ноября 1995 года министр сельского хозяйства отменил решение Земельной службы Семили от 10 марта 1993 года якобы по причине сомнений на этот счет, удовлетворял ли автор требованию о постоянном местожительстве. И вернул дело. 22 января 1996 года автор обжаловал решение министра в Высоком суде в Праге.

2.7 9 февраля 1996 года были внесены поправки в Закон 243/1992. Было снято условие о постоянном проживании (после заключения Конституционного суда от 12 декабря 1995 года о неконституционности этого условия), но было добавлено новое условие о непрерывном наличии чехословацкого/чешского гражданства с конца войны до 1 января 1990 года. Автор утверждает, что этот Закон был направлен конкретно против него, и приводит доказательства использования термина "Закон Вальдерода" чешскими средствами массовой информации и органами власти. 3 марта 1996 года Земельная служба Семили применила пересмотренный закон к его делу, с тем чтобы признать недействительным соглашение о реституции от 24 ноября 1992 года, поскольку д-р Де Фур не удовлетворяет с точки зрения правообладания новому требованию в отношении непрерывности гражданства. 4 апреля 1996 года автор подал апелляцию на решение Земельной службы в Пражский городской суд.

2.8 Что касается исчерпанности внутренних средств правовой защиты, то покойный автор утверждал, что разбирательство сознательно затягивалось по причине его возраста и что, более того,

был предсказуем негативный исход. Поэтому он просил Комитет признать его сообщение приемлемым по причине затяжки разбирательства и маловероятной эффективности внутренних средств правовой защиты.

Жалоба

3.1 Покойный автор и его пережившая супруга утверждают, что соответствующее решение о реституции было аннулировано по политическим и экономическим мотивам и что законодательство было изменено для того, чтобы лишить его возможности добиться удовлетворения в связи с конфискацией его собственности. Как утверждается, это является нарушением статьи 26 Пакта, а также пункта 1 статьи 14 Пакта в силу политического вмешательства в юридическую процедуру (например, решение министра от 23 ноября 1995 года). В этом отношении автор также ссылается на продолжительные затяжки в слушании его дела.

3.2 Далее он утверждает, что требование о непрерывности гражданства для целей реституции является нарушением статьи 26 Пакта, и ссылается на юриспруденцию Комитета на этот счет. Автор также утверждает, что применяемые к нему условия в отношении реституции носят дискриминационный характер по сравнению с теми условиями, которые применяются к случаям конфискации, имевшим место после 1948 года.

Замечания государства-участника

4.1 Представлением от 13 июня 1997 года государство-участник отметило, что автор подал жалобу в Пражский городской суд в связи с решением Земельной службы в городе Семили от 8 марта 1996 года. По состоянию на июнь 1997 года разбирательство не было закончено, поскольку Земельная служба не могла направить документы по этому делу в городской суд, так как они все еще находились в Высоком суде.

4.2 С учетом того, что автор возбудил в январе 1996 года разбирательство в Высоком суде против решения министра сельского хозяйства об отмене реституции и к декабрю 1996 года была завершена подготовительная стадия сбора всех необходимых документальных свидетельств, государство-участник утверждает, что никакой ненадлежащей затяжки не произошло.

4.3 Государство-участник отметило, что имеются средства правовой защиты на тот случай, когда автор считает, что разбирательство преднамеренно затягивается. Автор мог бы пожаловаться председателю суда, после чего имеется возможность проверки в порядке надзора со стороны министерства юстиции. Еще одним средством правовой защиты, имеющимся в распоряжении у автора, является конституционная жалоба, которая может быть принята даже в том случае, если он не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты, если применение средств правовой защиты необоснованно задерживается, и в результате он несет серьезный ущерб.

4.4 По мнению государства-участника, автор ссылается на права, которые могут быть подтверждены за счет конституционной жалобы, поскольку международные договоры по правам человека получают прямое применение и имеют примат над внутренним правом.

4.5 Государство-участник отвергает тезис автора о бесполезности всяких попыток подтвердить свои права в судебном порядке по причине политического вмешательства в судебный процесс. Что касается письма премьер-министра относительно толкования Закона № 243/1992, то государство-участник отрицает, что это письмо представляло собой политическое наставление судам. Оно отмечает, что письмо не было адресовано тому или иному суду, а представляло собой просто ответ на информационный запрос председателя местного отделения его партии и носило по своему содержанию общий характер. Если же автор тем не менее опасается, что письмо может сказаться на беспристрастности суда, то он может просить Конституционный суд распорядиться об изъятии письма из судебного дела по причине "вмешательства публичного органа" в осуществление его права на справедливое разбирательство.

4.6 Государство-участник полагает, что различие в режиме по Закону о реституции № 243/192 и по законам, применяющимся к случаям конфискации, имевшим место после 1948 года, не представляет собой дискриминации, поскольку эти два комплекса законов служат разным целям, и их нельзя сравнивать.

4.7 Государство-участник сделало вывод о том, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты и что тем самым сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Государство-участник также полагает, что, поскольку утверждения автора не подкреплены доказательствами и/или не вскрывают признаков нарушения какого-либо из прав, предусмотренных в Пакте, вышеуказанное сообщение является неприемлемым *ratione materiae*.

Замечания автора

5.1 В своих замечаниях автор ссылается на свое первоначальное сообщение и полагает, что государство-участник в сущности не смогло опровергнуть никакое из его утверждений.

5.2 Он подчеркивает, что он сохранил свое чешское гражданство по Декрету Бенеша № 33/1945 и что тем самым, когда Земельная служба принимала решение о реституции, были соблюдены все требования первоначального Закона № 243/1992. Автор отмечает, что государство-участник продолжает хранить молчание о поправке № 30/1996, которая вносит дальнейшее условие о непрерывности чешского гражданства, которое не применялось в 1993 году, когда был одобрен его договор о реституции. По мнению автора, эта поправка позволила вновь подвергнуть его экспроприации.

5.3 По мнению автора, применение дальнейших внутренних средств правовой защиты было бы бесплодным, поскольку его дело сопряжено с политическими интересами. Кроме того, он указывает на задержки в разборе его дела, будь то преднамеренные или нет.

5.4 Автор отвергает попытки государства-участника выставить письмо министра как простое выражение мнения и утверждает, что мнение премьер-министра равносильно толкованию закона, и заявляет, что политическая подоплека его реституционной процедуры явствует из сочетания нескольких элементов.

5.5 Что касается петиции, полученной министром сельского хозяйства от местных жителей, то автор указывает, что решение Семильской земельной службы было вынесено 10 марта 1993 года, а петиция против него представлена 7 августа 1995 года, т.е. через два года и пять месяцев. Распоряжение министра сельского хозяйства об отмене предыдущего решения Семильской земельной службы последовало 23 ноября 1995 года, т.е. через три с половиной месяца после петиции. Становится очевидным, что не был соблюден 30-дневный срок, установленный в Законе № 85/1990 в отношении права на петиции.

5.6 В дальнейшем представлении автор заявляет, что его жалоба против решения министра от 23 ноября 1995 года была отклонена Высоким судом 25 августа 1997 года. Автор утверждает, что приведенные судом доводы опять-таки свидетельствуют о политическом характере процесса.

5.7 25 марта 1998 года Пражский городской суд отклонил апелляцию автора на отказ Земельной службы в 1996 году произвести реституцию его собственности, поскольку он уже не удовлетворял условиям, добавленным в Закон поправкой № 30/1996. 24 июля 1998 года автор подал жалобу на это решение в Чешский конституционный суд.

5.8 Автор далее полагает, что, даже если бы Конституционный суд высказался в его пользу, это решение было бы вновь передано в первую инстанцию (Земельная служба), что повлекло бы за собой значительные дальнейшие проволочки и открыло бы возможности для еще большего политического

вмешательства. По мнению автора, вся эта процедура вполне могла бы занять еще пять лет. Как он полагает, это было бы неоправданно долгим, тем более с учетом его возраста.

5.9 В этом контексте автор напоминает примечательные обстоятельства его дела. Заключенный им договор о реституции был одобрен Земельной службой 10 марта 1993 года, а апелляция на это решение была отклонена Центральной земельной службой 30 июля 1993 года, после чего была произведена реституция в соответствии с Законом 243/1992. И лишь 25 ноября 1995 года, т.е. спустя более двух лет после того, как он вступил во владение своими землями, министр сельского хозяйства отменил-таки решение Земельной службы на том основании, что Служба недостаточно удостоверилась в том, отвечал ли автор требованию о постоянном проживании. Как явствует из решений суда по этому делу, в момент принятия решения министра ожидалось, что Конституционный суд признает неконституционным это требование о проживании (что он и сделал впоследствии: 12 декабря 1995 года, т.е. менее чем через месяц после решения министра). После того как Законом 30/1996 от 9 февраля 1996 года к Закону 243/1992 было добавлено требование о непрерывности гражданства, Земельная служба вновь рассмотрела вопрос о законности соглашения о реституции в случае автора и, применив новый Закон, 3 марта 1996 года признала соглашение недействительным. Два судебных разбирательства, которые возбудил тогда автор, были, как признало государство-участник, отсрочены в одном случае - потому, что министерство оказалось не в состоянии предоставить суду необходимые документы, а в другом случае - из-за перегрузки суда в связи с рассмотрением дел.

Соображения относительно приемлемости

6.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о его приемлемости по Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 В ходе своей шестьдесят пятой сессии в марте 1999 года Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Он отметил, что государство-участник оспаривает приемлемость сообщения на том основании, что автор не исчерпал всех имеющихся у него внутренних средств правовой защиты. Комитет, однако, отметил, что в августе 1997 года Высокий суд отклонил жалобу автора на решение министра, а 25 марта 1998 года Пражский городской суд отклонил его апелляцию на решение Земельной службы от 1996 года. Текст этих решений свидетельствует о невозможности никаких дальнейших апелляций. А тем самым исключается и всякая дальнейшая попытка автора добиться утверждения и одобрения соглашения о реституции от 1992 года.

6.3 С тех пор автор подал конституционную жалобу на решение Пражского городского суда относительно правомерности требования о непрерывности гражданства. Комитет отметил, что в данном случае Конституционный суд уже рассматривал конституционность Закона 243/1992. По мнению Комитета и с учетом истории этого дела, конституционное ходатайство по делу автора не дало бы ему разумного шанса добиться эффективного удовлетворения и поэтому не является эффективным средством правовой защиты, которое должен был бы исчерпать автор для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.4 В этом контексте Комитет также принял к сведению доводы автора о том, что, даже если бы он выиграл конституционное ходатайство, дело тогда все равно было бы возвращено обратно, и для завершения разбирательства понадобилось бы еще пять лет. В этих обстоятельствах, учитывая задержки, которые уже произошли в разбирательстве и которые следует отнести на счет государства-участника, а также задержки, которые могли бы произойти в будущем, равно как и преклонный возраст автора, Комитет также счел, что применение внутренних средств правовой защиты носило неразумно затяжной характер.

7. 19 марта 1999 года Комитет признал сообщение приемлемым, поскольку оно могло бы вызывать проблемы по пункту 1 статьи 14 и по статье 26 Пакта.

Рассмотрение по существу

8.1 Согласно пункту 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет приступает к рассмотрению по существу в свете информации, представленной сторонами. Он отмечает, что им была получена достаточная информация от покойного автора и его пережившей супруги и что, после препровождения решения Комитета относительно приемлемости, от государства-участника, несмотря на два напоминания, не было получено никакой дальнейшей информации по существу. Комитет напоминает о том, что государство-участник несет обязанность по пункту 2 статьи 4 Факультативного протокола сотрудничать с Комитетом и представлять письменные объяснения или заявления, разъясняющие этот вопрос и любые меры, если таковые имели место, которые могли бы быть приняты.

8.2 Комитет отметил утверждения автора о том, что государство-участник нарушило пункт 1 статьи 14 Пакта в результате предположительного вмешательства исполнительной и законодательной ветвей власти в судебный процесс, в частности за счет письма премьер-министра от 29 апреля 1993 года, и в результате принятия ретроактивного законодательства с целью лишить автора прав, которые он уже обрел в силу прежнего чешского законодательства и решений Семильской земельной службы. Что касается принятия ретроактивного законодательства, то Комитет отмечает, что, хотя в этой связи выдвигается утверждение о произвольности и соответственно о нарушении статьи 26, неясно, каким образом введение Закона 30/1996 вызывает проблему по пункту 1 статьи 14. Что же касается письма премьер-министра, то Комитет отмечает, что оно входит в состав административного досье по вопросу о собственности автора и что нет никаких признаков на тот счет, использовалось ли и как именно использовалось это письмо в ходе судебных разбирательств. В отсутствие какой-либо дальнейшей информации Комитет придерживается мнения о том, что одного лишь наличия письма в материалах дела не достаточно, для того чтобы подкрепить вывод о нарушении пункта 1 статьи 14 Пакта.

8.3 Касаясь утверждения автора о нарушении статьи 26 Пакта, Комитет прежде всего отмечает, что Закон № 243/1992 уже содержит требование о наличии гражданства в качестве одного из условий реституции собственности и что Закон № 30/1996 о внесении поправок ретроактивно добавил более жесткое требование о непрерывном гражданстве. Комитет отмечает далее, что Закон о внесении поправок произвел дисквалификацию автора и любых других лиц, находящихся в аналогичной ситуации, которые в противном случае могли бы рассчитывать на реституцию. В связи с этим возникает проблема произвольности, а следовательно, и нарушения права на равенство перед законом, равную защиту закона и недискриминацию по статье 26 Пакта.

8.4 Комитет напоминает свои Соображения по делам № 516/1993 (Симумек и др.), № 586/1994 (Йозеф Адам) и № 857/1999 (Блазек и др.) на тот счет, что введение в законе ценза гражданства в качестве необходимого условия для реституции собственности, ранее конфискованной властями, проводит произвольное, а следовательно и дискриминационное различие между лицами, которые в равной мере являются жертвами предшествующих государственных конфискаций, и представляет собой нарушение статьи 26 Пакта. Это нарушение еще более усугубляется ретроактивным эффектом оспариваемого закона.

9.1 Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, приходит к заключению, что государством-участником было произведено нарушение статьи 26 в сочетании со статьей 2 Пакта.

9.2 В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник несет обязанность предоставить пережившей супруге покойного автора д-ру Йоханне Каммерландер эффективное средство правовой защиты, которое в данном случае предполагает скорейшую реституцию соответствующей собственности или выплату компенсации за нее, а вдобавок к этому и выплату надлежащей компенсации в связи с тем, что автор и его пережившая супруга были лишены пользования своей собственностью с тех пор, как в 1995 году была произведена отмена реституции. Государству-участнику надлежит пересмотреть свое законодательство и административную практику

с целью обеспечить, чтобы все лица пользовались как равенством перед законом, так и равной защитой закона.

9.3 Комитет напоминает, что, став государством - участником Факультативного протокола, Чешская Республика признала компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушения Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией, права, признаваемые в Пакте, и в случае установления нарушения обеспечивать эффективное и действенное средство правовой защиты. Кроме того, Комитет настоятельно призывает государство-участник установить процедуры для реализации Соображений по Факультативному протоколу.

9.4 В этой связи Комитет хотел бы получить от государства-участника, в течение 90 дней после препровождения настоящих Соображений государству-участнику, информацию о принятых мерах по реализации этих Соображений. Государству-участнику также предлагается опубликовать Соображения Комитета.

Сообщение № 760/1997

Представлено: Я.Г.А. Диргардтом (покойный староста общины "Рехобот бастер") и другими

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Намибия

Объявлено приемлемым: 7 июля 1998 года (шестьдесят третья сессия)

Дата принятия Соображений: 20 июля 2000 года (шестьдесят девятая сессия)

Тема сообщения: Экспроприация общинных земель

Процедурные вопросы: Обязанность государства-участника сотрудничать с Комитетом - обоснованность претензии

Вопросы существа: Право на самоопределение - Право на равенство перед судами - Право не подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в личную жизнь - Политические права - Право не подвергаться дискриминации - Право лиц, принадлежащих к меньшинству - Отказ в использовании родного языка в административных и судебных органах, учебных заведениях и общественной жизни

Статьи Пакта: 1; 14; 17; 25 а) и с); 26 и 27

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: 4 и правило 86

Вывод: Наличие нарушения

1. Авторами сообщения являются староста общины "Рехобот бастер" г-н Я.Г.А. Диргардт¹, исполняющий обязанности старосты общины "Рехобот бастер" г-н Д.Я. Изакс, члены законодательного совета общины "Рехобот бастер" г-н Виллем ван Вейк и Ян Эдвард Стумпфе, спикер общины "Рехобот бастер" г-н Андреас Якобус Бренделл и члены общины "Рехобот бастер" г-н Я. Маутон и Джон Чарльз Александр Макнаб. Они представляют сообщение от собственного имени и от имени общины "Рехобот бастер" и утверждают, что являются жертвами нарушения Намибией статей 1, 14, 17, 25 (пункты а) и с)), 26 и 27 Пакта. Их представляет их международный адвокат д-р Й.Я.Д. Петерс.

¹ 10 мая 1998 года Комитет был уведомлен о кончине старосты Диргардта и о назначении г-на Д. Изакса временной главой общины.

2.1 Члены общины "Рехобот бастер" являются потомками коренных поселенцев из числа кхои и африканеров, которые первоначально жили в районе Южной Африки, но в 1872 году переселились на занимаемую ими сейчас территорию. Община управлялась на основе "патерналистских законов", которые предусматривали выборы старосты и определенные права и обязанности граждан. В настоящее время община насчитывает примерно 35 000 человек и располагается на территории (к югу от Виндхука) площадью в 14 216 кв. км. На этой территории они создали собственное общество и развивают собственную культуру, язык и экономику, поддерживая благодаря этому функционирование соответствующих структур, включая, в частности, школы и общинные центры.

2.2 Их независимость сохранялась на протяжении всего периода колониального господства Германии в Намибии и была признана Южной Африкой, когда Юго-Западная Африка стала ее подмандатной территорией. Вместе с тем в 1924 году вследствие несогласия общины "бастеров" с заключенным с Южной Африкой соглашением по поводу административного управления районом Рехобот, южноафриканское правительство приняло постановление № 31, в соответствии с которым все полномочия старосты, судов и назначаемых советом должностных лиц передавались магистрату и магистратскому суду, что означало приостановку действия соглашения о самоуправлении. Создание в 1933 году консультативного совета, члены которого избирались общиной, ознаменовало собой начало постепенного процесса восстановления системы местного самоуправления в той или иной форме.

2.3 В соответствии с Законом № 56, принятым южноафриканским парламентом в 1976 году, населению Рехобота было предоставлено "право самоуправления в соответствии с Патерналистским законом 1872 года". Этот закон предусматривал проведение каждые пять лет выборов старосты, который назначал членов кабинета. Принимаемые кабинетом законы подлежали одобрению "Волкскрадом" (народным советом) в составе девяти членов.

2.4 Согласно представленной адвокатом информации, в 1989 году члены общины "Рехобот бастер" под жестким политическим давлением согласились временно передать свои законодательные и исполнительные полномочия лично Генеральному администратору Юго-Восточной Африки в соответствии с положениями резолюции 435 (1978) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. В постановлении Совета Рехобота от 30 июня 1989 года Генеральному администратору было предложено управлять территорией в качестве представителя старосты и не принимать никаких применимых к Рехоботу законов или нормативных актов без согласия старосты, кабинета и совета; по завершении срока действия мандата власти Рехобота возобновляют свои полномочия. Официальное заявление Генерального администратора от 30 августа 1989 года о передаче законодательных и исполнительных полномочий властей Рехобота предусматривает приостановку полномочий законодательного совета и совета старосты Рехобота "вплоть до момента обретения территорией независимости". Это означает, что действие постановления о передаче полномочий истекает за день до обретения Намибией независимости и что 20 марта 1990 года на территории Рехобота восстанавливается традиционный правопорядок и вновь вступает в силу Закон № 56 от 1976 года. Резолюция о восстановлении полномочий старосты, его совета и законодательного совета была принята на собрании жителей Рехобота 20 марта 1990 года. 21 марта 1990 года Намибия обрела статус независимого государства, и Конституция вступила в силу.

2.5 Авторы заявляют, что правительство Намибии не признало их независимость и не захотело восстановить прежний статус общины, а вместо этого экспроприировало все коммунальные земли на основании приложения 5 к Конституции, в котором, в частности, говорится следующее:

"1) Вся собственность, владение или управление которой вплоть до даты обретения независимости осуществлялось правительством территории Юго-Западной Африки или любым представительным органом власти, учрежденным в соответствии с Постановлением о представительных органах власти (постановление Генерального администратора № 8 от 1990 года) или правительством Рехобота или

каким-либо иным статутным или другим органом, учрежденным любым таким правительством или административным органом или от его имени вплоть до даты обретения независимости, или которая находилась под попечительством в интересах или от имени правительства независимой Намибии, переходит под контроль правительства Намибии...."

По мнению адвоката, вышеуказанное означает полную ликвидацию средств существования общины, поскольку община была лишена своих коммунальных земель и собственности.

2.6 22 июня 1991 года жители Рехобота провели общие выборы старосты, совета и собрания в соответствии с патерналистскими законами. На новые органы была возложена задача по защите общинной собственности любой ценой. В этой связи община "Рехобот бастерс" и ее староста возбудили в Высоком суде судебное дело в отношении правительства Намибии. 22 октября 1993 года суд признал за общиной право на обращение в судебные органы. Адвокат утверждает, что это означает косвенное признание судом общины "Рехобот бастерс" в качестве самостоятельного народа. Вместе с тем 26 мая 1995 года Высокий суд отклонил иск общины о возвращении общинной собственности. 14 мая 1996 года Верховный суд оставил без удовлетворения поданную общиной "бастеров" апелляцию. В этой связи адвокат заявляет, что все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

2.7 Международный пакт о гражданских и политических правах и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Намибии 28 февраля 1995 года.

Жалоба

3.1 Адвокат заявляет, что правительство продолжает конфискацию собственности общины "Рехобот бастерс" и что староста, а также другие руководители и организации были выселены из резиденции старосты, административных учреждений, общинного центра и лишены коммунальных земель и земель, принадлежащих ассоциации "Рехобот девелопмент корпорэйшн". Адвокат заявляет, что такая политика угрожает существованию общины в качестве традиционного коллектива, занимающегося по преимуществу скотоводством. Он поясняет, что во времена засухи (как это было, в частности, на момент представления настоящего сообщения) община нуждается в коммунальных землях, которые поочередно передаются членам общины под пастбище. Экспроприация коммунальных земель и последующая ее приватизация, а также чрезмерная ее эксплуатация неопытными переселенцами привела к банкротству многих скотоводов общины, которые были вынуждены забивать свой скот. В этой связи они не в состоянии выплачивать проценты по займам, предоставленным им ассоциацией "Девелопмент корпорэйшн" (которая ранее находилась в общинной собственности, но была конфискована правительством), их дома переходят в собственность банков, а сами они становятся бездомными. Адвокат подчеркивает, что конфискация всего имущества, находившегося в коллективной собственности общины, лишило общину ее экономической базы, на основе которой она развивала свою культурную, социальную и этническую самобытность. В этой связи адвокат утверждает, что это является нарушением статьи 27.

3.2 В этом контексте авторы утверждают, что являются жертвами нарушения правительством Намибии статьи 1 Пакта. Они отмечают, что Высокий суд Намибии признал их в качестве самобытной общины, обладающей правовым статусом. Они утверждают, что было нарушено их право на самоопределение в пределах Республики Намибии (так называемое внутреннее самоопределение), поскольку им не разрешается осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие и свободно пользоваться естественными богатствами и ресурсами общины. Принятие в 1996 году законодательства о районных административных органах поставило крест на 124-летнем существовании Рехобота в качестве цельной и упорядоченной территории. В настоящее время эта территория разделена на два района, что не позволяет членам общины "бастеров" эффективно участвовать в государственной жизни на районном уровне, поскольку в обоих новых округах они составляют меньшинство. Адвокат утверждает, что это представляет собой нарушение статьи 25 Пакта.

3.3 Авторы далее заявляют о нарушении статьи 14 Пакта, поскольку в качестве языка судопроизводства им был навязан английский язык, которым они обычно не пользуются и которым они недостаточно хорошо владеют. Кроме того, им было предложено представить заверенные переводы всех документов с изложением своих претензий (все они были составлены на языке африкаанс), что связано с крупными финансовыми затратами. В этой связи они заявляют о нарушении их права на равенство перед судами, поскольку в соответствии с судебными нормами предпочтение отдается гражданам, говорящим на английском языке.

3.4 В этой связи адвокат отмечает, что статья 3 Конституции провозглашает английский язык в качестве единственного официального языка Намибии. Пунктом 3 этой статьи разрешается использование других языков на основе законодательных актов парламента. Адвокат заявляет, что, хотя с момента провозглашения независимости прошло семь лет, такое законодательство еще не было принято, и утверждает, что это представляет собой дискриминацию в отношении граждан, не говорящих на английском языке. По мнению адвоката, попытки оппозиционных партий принять такое законодательство торпедируются правительством, которое заявляет, что оно не намеревается осуществлять какие-либо законодательные инициативы по данному вопросу. В этой связи адвокат ссылается на перепись населения 1991 года, согласно которой лишь 0,8% населения Намибии пользуются английским в качестве своего родного языка.

3.5 Вследствие вышеизложенного авторы не имеют возможности пользоваться родным языком в административной сфере², в сфере правосудия, образования и государственной жизни. Все это, как утверждается, является нарушением их прав, предусмотренных в статьях 26 и 27 Пакта.

3.6 Авторы далее заявляют о нарушении статьи 17 Пакта, поскольку они вместе с принадлежащим им скотом были выдворены с земель, которыми они владели на правах коллективной собственности.

3.7 Адвокат просит Комитет применить предварительные средства защиты в соответствии с правилом 86 правил процедуры. Он просит Комитет обеспечить, чтобы на период рассмотрения не осуществлялась экспроприация, купля-продажа коммунальных земель, чтобы с арендаторов не взималась плата и чтобы фермерам была предоставлена возможность пасти скот на коммунальных землях.

Замечания государства-участника и комментарии по ним адвоката

4. 23 июня 1997 года Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям, препроводил сообщение государству-участнику и запросил у него информацию и замечания, не сопроводив, однако, этот запрос просьбой о применении предварительных мер защиты в соответствии с правилом 86.

5. В записке от 6 ноября 1997 года государство-участник подтвердило, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. Вместе с тем государство-участник не согласилось с тем, что оно нарушило свои международные обязательства. Государство-участник заявило, что оно готово представить по просьбе Комитета любую соответствующую информацию как в устной, так и в письменной форме.

6. В своих комментариях по поводу представления государства-участника адвокат отмечал, что государство-участник признало факт исчерпания внутренних средств правовой защиты и не привело никаких других мотивов, на основании которых сообщение можно было бы объявить неприемлемым. Адвокат согласился с тем, что данное дело следует рассмотреть по существу.

² Адвокат препровождает копию циркуляра, принятого 4 марта 1992 года районным уполномоченным центрального района Рехобота, в котором категорически исключается возможность использования языка африкаанс в телефонных переговорах с представителями районной государственной власти.

Решение Комитета о приемлемости

7. На своей шестьдесят третьей сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. В соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола он удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Комитет отметил, что государство-участник признало факт исчерпания всех внутренних средств правовой защиты.

8. В силу вышеизложенного 7 июля 1998 года Комитет объявил сообщение приемлемым и постановил, что вопрос о том, нарушило ли государство-участник свои обязательства по Пакту в связи с делом авторов, следует рассмотреть по существу.

Дальнейшие события

9.1 3 августа 1998 года решение Комитета о приемлемости было препровождено государству-участнику вместе с просьбой представить письменные пояснения или заявления по поводу существа претензий авторов. Хотя государству-участнику были направлены два письменных напоминания, никакой информации от него получено не было.

9.2 28 января 1999 года адвокат, выступая от имени авторов, проинформировал Комитет о том, что старостой общины "Рехобот" был избран г-н Джон Макнаб. В своем следующем письме от 25 апреля 1999 года адвокат сообщил Комитету, что власти прекратили водоснабжение общины. Он вновь повторил свою просьбу о применении предварительных мер защиты.

Рассмотрение дела по существу

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей письменной информации, представленной ему сторонами, как это предусматривается в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитет с сожалением отмечает, что государство-участник не представило никакой информации по существу претензий авторов. Комитет напоминает, что из положений Факультативного протокола косвенным образом вытекает, что государства-участники должны представлять Комитету всю имеющуюся в их распоряжении информацию. За отсутствием ответа от государства-участника должное значение будет придаваться утверждениям авторов с учетом степени их обоснованности.

10.3 Авторы утверждают, что ликвидация созданной ими системы самоуправления является нарушением статьи 1 Пакта. Комитет напоминает, что, хотя все народы имеют право на самоопределение и право свободно устанавливать свой политический статус, обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие и распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами, как это предусматривается в статье 1 Пакта, вопрос о том, является ли община, из которой происходят авторы, "народом", не относится к числу вопросов, которые Комитет уполномочен рассматривать в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту. Факультативный протокол предусматривает процедуру, в соответствии с которой отдельные лица могут предъявлять претензии о нарушении их индивидуальных прав. Эти права перечислены в части III Пакта в статьях 6-27 включительно³. Из предыдущих решений Комитета явствует, что не существует никаких препятствий к тому, чтобы группа лиц, заявляющих о нарушении их общих прав, представила бы сообщение о предполагаемых нарушениях этих прав. Кроме того, положения статьи 1 могут оказаться уместными в контексте толкования других гарантируемых Пактом прав, включая, в частности, статьи 25, 26 и 27.

³ См. Соображения Комитета по делу 167/1984 (Оминьяк против Канады), приняты 26 марта 1990 года.

10.4 Авторы доводят до сведения Комитета решение, вынесенное Верховным судом 14 мая 1996 года по апелляции на решение Высокого суда относительно претензии общины "бастеров" в связи с их общинной собственностью. Эти суды вынесли ряд заключений по фактам в свете рассмотренных ими доказательств и дали ряд толкований норм применимого внутригосударственного права. Авторы утверждают, что принадлежащие их общине земли были конфискованы и что вследствие этого нарушаются их права как меньшинства, поскольку их культура связана с использованием коммунальных земель исключительно членами общины. В этой связи они заявляют о нарушении статьи 27 Пакта.

10.5 Авторы заявляют, что, хотя эти земли были переданы властям Рехобота в период до 20 марта 1976 года, они были возвращены общине в силу закона, принятого после этой даты. Согласно тексту решения суда, первоначально "бастеры" приобрели для общины и от имени общины земли племени вартбуи, однако затем вошел в практику обычай оформлять документы (papieren), подтверждающие факт передачи земель частным владельцам, вследствие чего большая часть земли получила статус частных владений. Однако остальные земли по-прежнему сохраняли статус коммунальных до принятия Закона № 56 от 1976 года об органах самоуправления Рехобота, в силу которого эти земли выводились из владения или управления общиной и передавались администрации Рехобота. Об этом попросила сама община "бастеров". Самоуправление общине было предоставлено на основе предложений, подготовленных консультативным советом общины "Рехобот бастер". В соответствии с вышеупомянутым Законом были проведены выборы, и управление в районе Рехобота осуществлялось на основе этого Закона до 1989 года, когда предусмотренные им полномочия были переданы согласно закону Генеральному администратору Намибии в преддверии и в процессе к подготовке независимости Намибии, которая была провозглашена 21 марта 1990 года. Кроме того, согласно положениям Конституции Намибии, вся собственность или контроль над собственностью, находившиеся в руках различных государственных учреждений, включая правительство Юго-Западной Африки, передавались во владение или под управление правительства Намибии. Суд далее отмечал:

"В 1976 году община "бастеров", действуя через своих руководителей, высказалась в пользу самоуправления. Община добровольно постановила передать свои коммунальные земли новому административному органу. Община полагала это выгодным. Кроме того, в 1989 году, община, действуя через политическую партию, членами которой являлись ее руководители, признала Конституцию независимой Намибии. В данном случае община вновь полагала, что это дает ей определенные преимущества. Община хотела стать частью новой объединенной нации, создаваемой на основе Конституции. ... Одна из целей Конституции заключалась в сплочении нации, до этого разобщенной режимом апартеида. В новой конституционной схеме не нашлось места раздробленным органам самоуправления. Времена, когда господствовал принцип "разделяй и властвуй", канули в прошлое".

10.6 Завершая рассмотрение данного аспекта жалобы, Комитет отмечает, что отбор фактов в контексте и в соответствии с толкованием внутригосударственных законов является прерогативой национальных судов. Что касается отобранных фактов, то если "экспроприация" и осуществлялась, то происходило это в 1976 году, или, в любом случае, до того, как 28 февраля 1995 года Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Намибии. Что касается сопутствующего вопроса об использовании земель, то авторы заявляли о нарушении статьи 27, поскольку часть земель, традиционно использовавшихся членами рехоботской общины для выпаса скота, де-факто уже не находится в исключительном пользовании членов этой общины. Утверждается, что скотоводство относится к числу основных элементов культуры общины. Из предыдущих решений Комитета следует, что право членов меньшинства пользоваться своей культурой в соответствии со статьей 27 включает защиту особого образа жизни, связанного с использованием земельных ресурсов в рамках экономической деятельности, включая, в частности, охоту и рыболовство, особенно в том случае, если речь идет о коренных народах⁴. Вместе с тем в настоящем случае Комитет не вправе заключить,

⁴ См. Киток против Швеции (197/1985), Оминак против Канады (167/1984), И. Лянсман и другие против Финляндии (511/1992), Я. Лянсман и другие против Финляндии (671/1995), а также пункт 7 Замечания общего порядка № 23 [50].

что авторы могут ссылаться на статью 27 в обоснование своей претензии об исключительном использовании соответствующих пастбищных земель. Это заключение базируется на оценке Комитетом взаимосвязи между образом жизни авторов и охватываемыми их претензиями землями. Хотя связь рехоботской общины с соответствующими землями насчитывает примерно 125 лет, она не является следствием системы взаимоотношений, позволяющей говорить о какой-то особой культуре. Кроме того, хотя рехоботской общине свойственны характерные особенности в форме исторически сложившихся элементов системы самоуправления, авторы не сумели показать, каким образом эти факторы можно было бы соотнести с применяемыми ими методами скотоводства. В силу этого Комитет констатирует отсутствие нарушения статьи 27 Пакта в контексте настоящего дела.

10.7 Комитет далее полагает, что в контексте статьи 17 авторы не сумели обосновать какие-либо претензии, которые позволяли бы ставить вопросы в дополнение к их претензии по статье 27 в связи с лишением общины земель, которыми она традиционно владела.

10.8 Авторы также утверждали, что ликвидация системы самоуправления общины и разделение территории на два округа, которые в свою очередь вошли в более крупные административно-территориальные образования, расколола общину "бастеров" и превратила ее в меньшинство в нарушение прав, предусмотренных в пунктах а) и с) статьи 25 Пакта. Право, предусмотренное в пункте а) статьи 25 – это право принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей, а право, предусмотренное в пункте с) статьи 25, – это право допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе. Указанные права относятся к категории индивидуальных прав. Хотя слияние района проживания общины с другими районами после обретения Намибией независимости действительно может оказать негативное влияние на общественную жизнь общины "бастеров" как сообщества, претензия, согласно которой следствием всего этого является ущемление права отдельных членов общины принимать участие в ведении государственных дел или допускаться к государственной службе в своей стране на общих условиях равенства, представляется необоснованной. В этой связи Комитет заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о том, что в этом отношении была нарушена статья 25 Пакта.

10.9 Автор утверждает, что их заставляют использовать английский язык в судебных процедурах, хотя этот язык не является их родным. В настоящем случае Комитет считает, что авторы не показали, каким образом использование английского языка в ходе судебных процедур ущемляет их право на справедливое судебное разбирательство. В этой связи Комитет заключает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 14.

10.10 Кроме того, авторы утверждают, что вследствие отсутствия языкового законодательства в Намибии они лишаются права использовать свой родной язык в административной сфере, в сфере отправления правосудия, образования и государственной жизни. Комитет отмечает, что авторы показали, что государство-участник предписало чиновникам не вступать в письменные или устные сношения с авторами на языке африкаанс, даже если чиновники прекрасно этот язык знают. Эти инструкции, запрещающие использование африкаанса, касаются не только оформления официальных документов, но и телефонных переговоров. За отсутствием какого бы то ни было ответа со стороны государства-участника Комитет уделяет должное значение утверждению авторов о том, что целью соответствующего циркуляра является преднамеренное лишение возможности использования африкаанса в процессе контактов с государственными властями. В силу вышеизложенного Комитет заключает, что авторы как лица, говорящие на языке африкаанс, являются жертвами нарушения статьи 26 Пакта.

11. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, указывают на нарушение статьи 26 Пакта.

12. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить авторам и другим членам их общины эффективное средство правовой защиты в форме

дачи указания своим чиновникам отвечать без какой бы то ни было дискриминации на ходатайства, представляемые не только на официальном языке. Государство-участник обязано не допускать аналогичных нарушений в будущем.

13. С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и гарантировать действенное и подкрепленное надлежащими процедурами средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет заявляет, что он хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых им мерах по практической реализации сформулированных Комитетом соображений.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несогласное) мнение члена Комитета Абдельфаттаха Амора

Я не могу подписаться под заключением Комитета о нарушении статьи 26 Пакта по приводимым ниже причинам:

1. В статье 3 Конституции Намибии, провозгласившей свою независимость 21 марта 1991 года, английский язык определяется в качестве официального языка страны с учетом законных опасений, обусловленных необходимостью создания благоприятных условий для интеграции. Предполагалось, что предоставление какой-либо привилегии или особого статуса какому-либо из многих других языков населяющих страну меньшинств или племен может способствовать возникновению дискриминации и служить препятствием для сплочения нации. В этой связи ко всем языкам, помимо английского, в Конституции применялся единый принцип: никаких привилегий и никакой дискриминации. Все это касается всех языков, включая африкаанс, появление которого в Намибии было связано с историей колонизации и который в любом случае утратил статус официального языка 21 марта 1991 года.

2. Статьей 3 (3) Конституции Намибии разрешается использование других языков в соответствии с законодательством, принимаемым парламентом. Такое законодательство, которое никоим образом не может повлиять на использование английского языка в качестве официального, пока еще не было принято. Гарантии или ограничения, которые может предусматривать такое законодательство, пока еще не были определены, и, поскольку ситуация для всех остается прежней, нельзя проводить в этой связи никаких законодательных различий позитивного или негативного характера. Естественно, это относится и к языку африкаанс.

3. Использование языков меньшинств как таковых не ограничивается и тем более не ставится под сомнение на любом уровне помимо официального. В системе личных и межличностных взаимоотношений люди, говорящие на одном и том же языке, могут использовать этот язык без каких бы то ни было ограничений со стороны властей (такие ограничения вообще весьма трудно себе представить). Иными словами, не существует никаких препятствий, ограничивающих выбор использования африкаанса в качестве языка "бастеров" в их лучших или межличностных взаимоотношениях с людьми, которые знают этот язык и согласны общаться с ними на этом языке.

4. Независимо от любых существующих законодательных лакун право пользоваться родным языком в сношениях с представителями официальных учреждений не может быть поставлено выше официального языка страны, который является или призван быть языком всех граждан и общим знаменателем языковой культуры. Государство может настаивать на использовании общего языка всеми гражданами; оно вправе запрещать малым группам устанавливать собственные законы. Иными словами, государство обеспечивает равенство каждого человека по отношению к официальному языку, и любые языковые привилегии, - если только они не применяются ко всем

гражданам, утрачивая таким образом характер привилегий, - представляются необоснованными и дискриминационными. Члены общины "бастеров" жалуются, что они не могут пользоваться своим родным языком в административной сфере и в судах. Вместе с тем не только они одни находятся в этой ситуации. В точно такой же ситуации находятся все те, кто говорит на других языках меньшинств. В обоснование своей жалобы "бастеры" представляют копию циркуляра районного уполномоченного центрального района Рехобота от 4 марта 1992 года, в котором, по словам их адвоката, "категорически запрещается использование языка африкаанс в телефонных переговорах с представителями районных государственных органов". В этом циркуляре, пусть и не очень грамотно составленном, на самом деле говорится не только об этом и не совсем это. Этот циркуляр заслуживал более пристального внимания со стороны Комитета, поскольку позволял избежать опасности не увидеть за деревьями леса и за конкретной проблемой - общего механизма ее решения. В этой связи представляется важным напомнить структуру этого циркуляра, который включает констатацию факта, напоминание, запрещение и предписание:

- Констатация факта заключается в том, что чиновники в ходе выполнения своих служебных обязанностей продолжают вести официальные телефонные разговоры и составлять официальные письма на африкаансе.
- Напоминание состоит в том, что 21 марта 1992 года африкаанс утратил статус официального языка и что с этого момента официальным языком Намибии является английский. Таким образом, язык африкаанс имеет такой же официальный статус, как и другие языки племен, которых в стране существует огромное множество.
- Запрещение касается продолжающегося использования государственными чиновниками языка африкаанс при ответах, в ходе осуществления своих служебных обязанностей, на телефонные звонки и письма.
- Предписание заключается в том, что все телефонные переговоры и официальная переписка должны вестись исключительно на английском языке как официальном языке Намибии.

Иными словами, государственные службы должны использовать английский и только английский язык и воздерживаться от предоставления привилегированного статуса какому-либо неофициальному языку. С этой точки зрения африкаанс ничем не отличается от других языков племен. Это означает, что в отношении языков меньшинств не должно быть никакой дискриминации. В силу этого представляется необоснованным, если только при этом не ставится целью дискриминация других языков меньшинств и несоблюдение статьи 3 Конституции Намибии, сохранение избирательного подхода к языковой проблеме путем создания предпочтительных условий для одного конкретного языка, а именно языка африкаанс, за счет других языков. В этой связи циркуляр районного уполномоченного не свидетельствует о каких-либо нарушениях принципа равенства и, соответственно, положений статьи 26 Пакта.

5. С учетом всех рассмотренных факторов представляется сомнительным факт какого-либо нарушения статьи 26 Пакта в контексте указанного дела, а Комитет, полагаящий, что он вскрывает случай дискриминации, на самом деле скорее создает привилегию, которая, если говорить кратко, подрывает принцип равенства, закрепленный в статье 26 Пакта. С учетом вышеприведенных фактов мотивы для данного особого мнения представляются очевидными.

Особое (несогласное) мнение члена Комитета Нисуке Андо

Я не могу согласиться с принятыми Комитетом соображениями относительно того, что в контексте данного дела авторы являются жертвами нарушения статьи 26 Пакта, поскольку государство-участник проинструктировало своих чиновников не отвечать на языке африкаанс на представляемые властям письменные или устные ходатайства. Статья 26 предусматривает право каждого человека на равенство перед законом, а также на равную защиту закона без всякой дискриминации. Кроме того, в этой статье говорится, что "всякого рода дискриминация должна быть

запрещена законом и закон должен гарантировать всем лицам и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как то: расы, цвета кожи, пола, языка" и т.д.

Ясно, что эта инструкция тяжким бременем ляжет на лиц, говорящих на африкаансе, в их официальной переписке с властями. Вместе с тем, согласно циркуляру, в котором излагается эта инструкция, говорится, что "все телефонные переговоры и вся переписка должны вестись исключительно на английском языке, который является официальным языком Республики Намибия", и что африкаанс, который "в течение длительного времени являлся официальным языком,...в настоящее время имеет такой же официальный статус, как и другие языки племен". Иными словами, после того, как английский язык стал официальным языком государства-участника, государственные служащие должны "воздерживаться от использования африкаанс, отвечая на телефонные звонки и...письма".

Вместе с тем представляется вполне очевидным, что эта инструкция ставит язык африканеров в точно такие же условия, в которых находятся любые другие местные языки Намибии, и таким образом африкаансу гарантируется право на равный режим применения без всякой дискриминации. Разумеется, для английского языка применяется иной режим по сравнению со всеми местными языками, включая африкаанс, однако с учетом того, что каждое суверенное государство может выбирать свой собственный официальный язык, режим применения которого может отличаться от режима применения других неофициальных языков, я прихожу к выводу, что такое различие носит объективный и разумный характер и не противоречит положениям статьи 26.

Мои опасения по поводу этой инструкции заключаются в следующем: не свидетельствует ли оно о наличии неправомерных ограничений на сношения между намибийским населением и властями в силу явного запрещения не только письменных, но и устных контактов на любом местном языке. Такой подход может повлечь за собой постановку вопросов в контексте статьи 19, однако в данном конкретном случае я хотел бы воздержаться от изложения своей позиции по этому вопросу.

Особое (несогласное) мнение членов Комитета П.Н. Бхагвати, лорда Колвилла и Максвелла Ялдена

Мы считаем для себя невозможным согласиться с соображениями ряда наших коллег по поводу применимости пункта 2 статьи 19 и статьи 26 Пакта, однако мы соглашаемся с ними в части статей 17, 25 и 27. Ниже излагаются причины, по которым мы занимаем отличную от других наших коллег точку зрения:

По пункту 2 статьи 19

1. В связи с предполагаемым нарушением пункта 2 статьи 19 следует отметить, что, когда 7 июля 1998 года Комитет принимал решение о приемлемости, он объявил сообщение приемлемым, не указав, какие конкретные статьи Пакта он считает нарушенными. Единственный вопрос, который ставился в решении о приемлемости, заключался в следующем: нарушило ли государство-участник свои обязательства по Пакту. Вместе с тем претензия, содержащаяся в сообщении, которое было направлено государству-участнику, касалась только нарушения статей 17, 25, 26 и 27 Пакта. В сообщении не было никаких ссылок на нарушения пункта 2 статьи 19, и в этой связи государству-участнику не предлагалось оспорить претензии по статье пункта 2 статьи 19. В силу вышеизложенного мы считаем неправомерным, чтобы Комитет констатировал в данном случае факт нарушения пункта 2 статьи 19, поскольку в представленном авторами сообщении речь об этом не шла. Мы исходим из того, что, если бы авторы не выдвигали претензий по поводу нарушения любых конкретных положений Пакта, а представили бы общую жалобу о нарушениях государством-участником своих обязательств по Пакту в контексте приведенных в сообщении фактов, то Комитет мог бы вполне оправданно вынести на основе представленных ему фактов решение о нарушении какой-либо конкретной статьи или статей Пакта. Однако, поскольку авторы сообщения, полагаясь, в частности, на мнение их адвоката, ссылаются на конкретные статьи Пакта, то мы считаем, что Комитету не следовало бы возбуждать от имени авторов новую претензию.

2. Кроме того, мы полагаем, что единственная претензия авторов содержится в пунктах 3.4 и 3.5 сообщения, в которых говорится о том, что авторы были лишены возможности "использовать свой родной язык в административной сфере, сфере правосудия, образования и государственной жизни". По нашему мнению, эта претензия не может служить основанием для утверждений о нарушении пункта 2 статьи 19. Что касается административной сферы, то, поскольку английский язык является официальным языком государства-участника, именно по этой причине другие языки, естественно, не могут использоваться в административной системе или в судах или в государственной жизни. Авторы не имеют законных оснований претендовать на то, чтобы им разрешили использование их родного языка в административной сфере, в судах или в государственной жизни, при том что предпринимаемые государством-участником настойчивые усилия, направленные на использование одного только официального языка, нельзя расценивать как нарушение их права по пункту 2 статьи 19. Что касается использования африкаанса, который является родным языком авторов, в сфере образования, то в сообщении отсутствуют какие-либо факты, которые указывали бы на то, что авторам не разрешается использовать африкаанс в находящихся в их ведении школах или колледжах, вследствие чего их утверждение о нарушении пункта 2 статьи 19 Пакта также оказывается неподкрепленным.

3. Конечно, авторы могли бы заявить о нарушении их прав по статье 27, после чего Комитет мог бы рассмотреть это утверждение; однако это предположение относится к области гипотез, поскольку в действительности в посвященной статье 27 разделах сообщения идет речь исключительно о землепользовании (пункты 10.4 и 10.6), а вовсе не о языке. С учетом того же подхода, который только что был предложен в отношении пункта 2 статьи 19, Комитет не вправе возбуждать претензию по данному основанию в соответствии со статьей 27 за отсутствием жалобы со стороны авторов.

4. Большинство членов Комитета опирались на циркуляр районного уполномоченного, однако мы не считаем, что этот циркуляр позволяет делать какие-либо выводы в поддержку претензии о нарушении пункта 2 статьи 19. В этом циркуляре говорится следующее:

"1. До сведения канцелярии районного уполномоченного была доведена информация о том, что некоторые государственные служащие ведут официальные телефонные переговоры и переписку (отвечают на телефонные звонки и письма) на языке африкаанс в нарушение конституционного положения о том, что африкаанс утратил статус официального языка в нашей стране 21 марта 1990 года.

2. Признавая тот факт, что африкаанс в течение длительного времени являлся официальным языком, следует отметить, что в настоящее время он имеет такой же официальный статус, как и другие языки племен.

3. В этой связи всем государственным служащим предписывается в будущем воздерживаться от использования языка африкаанс, отвечая на телефонные звонки и письма.

4. Все телефонные переговоры и переписка должны вестись исключительно на английском языке, который является официальным языком Республики Намибии".

Из первого пункта циркуляра явствует, что сфера его применения ограничивается "официальными телефонными переговорами и перепиской" государственных служащих. В циркуляре отмечается, что ведение официальных телефонных переговоров и переписки на африкаансе было нормальной практикой, когда африкаанс являлся официальным языком государства, однако после того, как официальным языком страны стал английский, африкаанс был приравнен к другим языкам племен, вследствие чего государственные служащие обязаны отвечать на официальные звонки и письма не на африкаансе, а только на английском языке, который имеет статус официального языка.

5. Мы не понимаем, каким образом этот циркуляр можно истолковывать в контексте введения каких-либо ограничений на право свободного выражения мнений и права получать и распространять информацию. Если английский язык является официальным языком государства, то государство

обладает законным правом настаивать на том, чтобы государственные служащие отвечали на все официальные телефонные звонки и письма не на африкаансе, а на официальном языке, каковым является английский. Правительственное предписание должностным лицам относительно того, чтобы они не использовали африкаанс, который утратил статус официального языка, а использовали только английский, который стал теперь официальным языком, ограничивается только официальными телефонными переговорами и официальной перепиской и не запрещает любому государственному служащему говорить или переписываться на этом языке в частном и неофициальном порядке. Если придерживаться какой-либо иной точки зрения, а именно, что каждый человек на территории государства имеет право вести любые официальные переговоры или переписку с государственным служащим не только на официальном языке государства, а на любом другом языке, и что государственный служащий вправе использовать этот язык в ходе таких переговоров или переписки, то в результате мы получаем просто хаос, поскольку это предполагает сосуществование огромного множества языков в официальной системе делопроизводства. В такой ситуации была бы лишена смысла сама цель придания какому-либо одному языку статуса официального государственного языка. В силу вышеизложенного мы считаем, что указанный циркуляр не свидетельствует о каких-либо нарушениях пункта 2 статьи 19 Пакта.

6. Имплицитное предположение, содержащееся в аргументе авторов, изложенном в пунктах 3.4 и 3.5 сообщения, заключается в том, что государство-участник должно использовать такие языки, как африкаанс в административной сфере, судах, системе образования и государственной жизни и что отсутствие такого законодательства в условиях использования английского языка в качестве официального является нарушением Пакта. Однако такое предположение игнорирует тот факт, что именно государство-участник решает, какой язык должен быть его официальным языком, а Комитет не правомочен предписывать государству-участнику признание какого-либо другого языка или каких-либо других языков в качестве официального языка или языков государства. После того как государство-участник принимает какой-либо конкретный язык или конкретные языки в качестве своего официального языка или официальных языков, то оно получает законное право запрещать использование любого другого языка в официальных целях, и, если государство-участник делает это, его действия не могут быть квалифицированы как нарушение пункта 2 статьи 19.

По статье 26

7. Кроме того, мы считаем, что циркуляр нельзя рассматривать как нарушение статьи 26. Статья 26 представляет собой самостоятельную гарантию равенства и предусматривает запрещение дискриминации. Единственный аргумент, который, как представляется, выдвинули авторы в пунктах 3.4 и 3.5 сообщения в обоснование своей претензии относительно нарушения статьи 26, заключается в том, что по причине провозглашения английского языка в качестве единственного официального языка государства и неспособности государства принять законодательство об использовании других языков, авторы лишились возможности использовать свой родной язык в административной сфере, сфере правосудия, образования и государственной жизни. Этот аргумент уже был отклонен нами при рассмотрении спорного вопроса в контексте пункта 2 статьи 19, и то же самое обоснование можно применить в связи с претензией по статье 26. Представляется важным отметить, что в сообщении нигде нет ссылок на то, что объявление государством английского языка в качестве официального и непринятие мер, предусматривающих возможность использования других языков, были направлены только против африкаанса, допуская при этом возможность использования каких-либо других языков. Объявление государством английского языка в качестве официального и неосуществление мер, предусматривающих возможность использования других языков через принятие соответствующего законодательства, однозначно не является нарушением статьи 26, поскольку все остальные языки, помимо английского, применяются на равной основе и не могут использоваться в официальных целях, вследствие чего дискриминация африкаанса по отношению к другим языкам отсутствует.

8. Ссылки на вышеупомянутый циркуляр также не позволяют авторам обосновать свою претензию по статье 26. Цель, которую преследует циркуляр, ясна: обеспечить, чтобы все официальные телефонные переговоры и переписка велись исключительно на английском языке,

который является официальным языком государства. Именно этот посыл заложен в основу циркуляра и является его основным предметом и целью. В силу этого циркуляр предписывает государственным служащим воздерживаться от использования африкаанса при ответах на официальные телефонные звонки и письма. В циркуляре затрагивается конкретно только африкаанс и ставится задача запретить его использование государственными служащими при ведении официальных телефонных переговоров и переписки, поскольку эта проблема касается только африкаанса, который в свое время, до замены его английским языком, являлся официальным языком и который по-прежнему используется государственными служащими в ходе официальных телефонных переговоров и переписки, хотя он и утратил статус официального языка государства. Как представляется, с языками племен такой проблемы не возникает, поскольку они никогда не использовались в административной сфере или в сфере официальных деловых отношений. Вместе с тем африкаанс использовался ранее в официальных целях, вследствие чего государство посчитало необходимым выпустить циркуляр, запрещающий использование африкаанса в ходе официальных телефонных переговоров и переписки. Именно поэтому в циркуляре речь идет именно об африкаансе и не упоминаются какие-либо другие языки. Кроме того, из текста циркуляра явствует, что в настоящее время язык африкаанс имеет такой же статус, как и другие языки племен. В этой связи представляется неправомерным утверждать, что в этом циркуляре для африкаанса предусматривается неблагоприятный режим по сравнению с другими языками по причине злонамеренной дискриминации в отношении африкаанса. В силу вышеизложенного мы констатируем отсутствие нарушения закрепленного в статье 26 принципа равенства и недискриминации.

9. Кроме того, в отличие от ряда наших коллег, которые пришли к иному заключению, мы заявляем, что государство-участник не нарушало положений пункта 2 статьи 19 или статьи 26 Пакта.

Особое (согласное) мнение членов Комитета Элизабет Эватт, Экарта Кляйна, Дэвида Крецмера и Сесилии Медины Кирогви

Мы соглашаемся с соображениями Комитета по данному вопросу. Вместе с тем мы считаем, что в инструкции, в соответствии с которой государство-участник предписывает государственным служащим не поддерживать контакты на языке африканеров, даже если они хорошо его знают, ограничивает свободу авторов получать и распространять информацию на этом языке (пункт 2 статьи 19 Пакта). За отсутствием обоснования этого ограничения в соответствии с критериями, изложенными в пункте 3 статьи 19, мы считаем, что в данном случае имеет место нарушение права авторов на свободу выражения мнений согласно статье 19.

Особое (согласное) мнение членов Комитета Элизабет Эватт и Сесилии Медины Кирогви

Из фактов по делу и из решения Высокого суда 1996 года явствует, что переход коммунальных земель общины во владение правительства Намибии был осуществлен до того, как Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Намибии, и что авторы не вправе обосновывать свою претензию любыми актами экспроприации. Вместе с тем существенный аспект претензии авторов по статье 27 заключается в том, что с этой даты они лишены возможности использовать земли и некоторые административные здания, которые до этого находились под их управлением в качестве объектов, предназначенных для исключительного использования членами общины и в их интересах. По их словам, приватизация земли и чрезмерное ее использование другими лицами лишило их возможности использовать традиционные методы выпаса скота. Они утверждают, что утрата этой экономической базы лишила их права пользоваться своей культурой сообща с другими. Эта претензия влечет за собой постановку ряда сложных вопросов: какое определение следует давать охраняемой Пактом культуре меньшинства и какую роль имеет в этой культуре экономическая деятельность. Эти вопросы проще решаются в связи с общинами коренных народов, которые нередко могут показать, что их особый жизненный или культурный уклад в течение длительного времени тесно увязывается с конкретными землями в контексте как экономической, так и иной культурной и духовной деятельности, вследствие чего лишение доступа к землям или возможности ими пользования лишает их права в полном объеме пользоваться своей культурой. В настоящем случае авторы определили свою культуру почти исключительно в терминах экономической

деятельности выпаса скота. Они не показали, что пользуются особой культурой, которая самым непосредственным образом связана или зависит от использования этих конкретных земель, на которые они переместились чуть более века тому назад, или что ограничение их доступа к этим землям подрывает какие-либо основы такой культуры. По существу их претензия носит экономический, а не культурный характер и потому не подпадает под сферу применения охранных положений, предусмотренных в статье 27.

Особое (несогласное) мнение члена Комитета Раджсумера Лаллаха

1. Я не могу согласиться с заключением Комитета (пункт 10.10), который констатирует факт нарушения статьи 26 Пакта.
2. Я признаю, что, поскольку государство-участник не представило никаких пояснений по существу жалобы, Комитет обязан придавать должное значение утверждениям авторов. Вместе с тем выводы на основе представленных авторами материалов должны быть четко обоснованными и укладываться в контекст представленных жалоб.
3. Существо претензии авторов в рамках этой конкретной жалобы излагается в пунктах 3.4 и 3.5 сообщения. Авторы заявляют о нарушении статей 26 и 27. Кроме того, они представили Комитету копию циркуляра, в котором государственным служащим предписывается не отвечать на официальные телефонные звонки и письма на африкаансе, а делать это только на официальном языке. В этой связи, возможно, было бы целесообразным привести текст этого циркуляра, что облегчило бы процесс его рассмотрения под необходимым углом зрения:

"Канцелярия районного уполномоченного
Центральный район

4 марта 1992 года

ЦИРКУЛЯР

1. До сведения канцелярии районного уполномоченного была доведена информация о том, что некоторые государственные служащие ведут официальные телефонные переговоры и переписку (отвечают на телефонные звонки и письма на языке африкаанс в нарушение конституционного положения о том, что африкаанс утратил статус официального языка в нашей стране 21 марта 1990 года.
2. Признавая тот факт, что африкаанс в течение длительного времени являлся официальным языком, следует отметить, что в настоящее время он имеет такой же официальный статус, как и другие языки племен.
3. В этой связи всем государственным служащим предписывается в будущем воздерживаться от использования языка африкаанс, отвечая на телефонные звонки и на письма.
4. Все телефонные переговоры и переписка должны вестись исключительно на английском языке, который является официальным языком Республики Намибия.

Надеюсь на ваше сотрудничество

Н. Ангермунд
Районный уполномоченный Центрального района"

4. Следует отметить, что циркуляр был издан 4 марта 1992 года, тогда как Пакт и Факультативный протокол вступили в силу для Намибии 28 февраля 1995 года. За отсутствием каких-либо пояснений со стороны государства-участника я исхожу из того, что этот циркуляр продолжает действовать.

5. Кроме того, следует обратить внимание на то, что авторы заявляют не только о нарушении статьи 26, но и нарушении статьи 27. Комитет, как представляется, не нашел нарушений статьи 27, в которой, в частности, отмечается, что языковым меньшинствам не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться родным языком. Вместе с тем было бы большой натяжкой предлагать на основании статьи 27, - хотя возникает ощущение, что Комитет, возможно, именно это и сделал, - чтобы государственные власти обеспечили возможность использования неофициального языка (африкаанс) в сфере официальных деловых отношений, при том что официальным является другой язык. В этой связи следует отметить, что в пункте 10.9 Комитет сам заявляет, что авторы не показали, каким образом использование английского языка в ходе судебных процедур ущемило их право на справедливое судебное разбирательство. Вместе с тем справедливое судебное разбирательство требует, чтобы соответствующее лицо понимало, что происходит в суде, с тем чтобы иметь возможность давать своему юридическому представителю надлежащие указания в ходе разбирательства по его делу.

6. Вместе с тем есть все основания заявлять, что суть обоснования в соответствующей части вывода Комитета заключается в том, что циркуляр "призван" исключить возможность использования африкаанса в официальной деловой сфере. Я не могу поддержать это обоснование.

7. Во-первых, слово "призван" означает нацеленность на какой-либо объект среди других объектов: в настоящем случае речь идет о выделении африкаанса из других неофициальных языков с целью применения к нему дискриминационного режима. Можно также отметить, что, приравнивая африкаанс к одному из "племенных" языков, авторы циркуляра, возможно, непреднамеренно ущемляют его статус. Однако из логики циркуляра следует, что по существу различие проводится между официальным языком и всеми неофициальными языками.

8. Во-вторых, в циркуляре, естественно, конкретно упоминается африкаанс. Причина этого упоминания разъясняется в первом пункте циркуляра. Вместе с тем важный момент заключается в том, что ни из жалобы авторов, ни из положений циркуляра не вытекает, что другим неофициальным языкам обеспечивается более благоприятный режим. Более того, положения циркуляра указывают как раз на обратное. В силу вышеизложенного я полагаю, что в данной ситуации нет оснований констатировать факт дискриминационного обращения в нарушение статьи 26.

9. Из реальной жалобы авторов по статье 26, рассматриваемой в контексте других их жалоб, следует, что они по-прежнему мечтают о возвращении привилегированного и эксклюзивного статуса, который они раньше имели в вопросах владения землями, самоуправления и использования языка в рамках допускавшейся апартеидом системы фрагментарного самоуправления. Однако в рамках объединенной нации, провозглашенной в Конституции страны, такая система больше не существует.

Особое (согласное) мнение члена Комитета Мартина Шейнина

Я разделяю выводы Комитета по всем аспектам дела. Вместе с тем я хотел бы отметить, что обоснование Комитета по одному конкретному элементу не полностью соответствует общей линии его аргументации. Мне представляется, что в пункте 10.8 Комитет неоправданно подчеркивает индивидуальный характер предусмотренных в статье 25 прав на участие. Я считаю, что есть ситуации, когда статья 25 требует специальных мер для целей обеспечения прав на участие членов меньшинств и, в частности, коренных народов. При возникновении таких ситуаций недостаточно, чтобы в соответствии со статьей 25 отдельным членам таких общин было предоставлено индивидуальное право голосовать на общих выборах. Для целей соблюдения требования об эффективном осуществлении прав на участие может потребоваться обеспечение местной, районной или культурной автономии в той или иной форме. Как подчеркивается в заключительной части пункта 10.3 соображений, право на самоопределение, предусмотренное в статье 1, влияет на толкование статьи 25. По моему мнению, это попутное высказывание представляет собой надлежащее признание взаимозависимости между различными правами, гарантируемыми Пактом, включая статью 1, которая, с учетом предыдущих решений Комитета, не может сама по себе служить

основанием для представления отдельными лицами сообщений в соответствии с положениями Факультативного протокола.

Независимо от вышеизложенных соображений я присоединяюсь к сформулированному Комитетом заключению об отсутствии нарушения статьи 25. Я полагаю, что авторы не сумели обосновать, каким образом принятое в 1996 году законодательство о районных органах власти ущемляет их права по статье 25, и в частности в том, что касается функционирования и полномочий местных или традиционных органов власти. Материалы, представленные авторами Комитету, не позволяют ему усмотреть нарушение статьи 25 Пакта.

Сообщение № 765/1997

Представлено: Элишкой Фабриовой

Предполагаемые жертвы: автор сообщения

Государство-участник: Чешская Республика

Объявлено приемлемым: 9 июля 1999 года (шестидесят шестая сессия)

Дата принятия Сообщений: 30 октября 2001 года (семьдесят третья сессия)

Тема сообщения: Отказ в реституции конфискованного имущества бывшим гражданам государства-участника

Процедурные вопросы: Исчерпание внутренних средств правовой защиты - Обязанность сотрудничать с Комитетом

Вопросы существа: Право на равенство перед законом - Равная защита закона и недискриминация

Статьи Пакта: 2, пункт 1 статьи 14 и статья 26

Статьи Факультативного протокола: пункт 2 статьи 4 и пункт 2 b) статьи 5

Вывод: Наличие нарушения

1. Автором сообщения является гражданка Чехии Элишка Фабриова, урожденная Фишманн, родившаяся 6 мая 1916 года. Она утверждает, что стала жертвой дискриминации со стороны Чешской Республики. Факультативный протокол вступил в силу для Чешской Республики 12 июня 1991 года¹.

Факты в изложении автора

2.1 Отец автора Рихард Фишманн владел поместьем в Пуклице в районе Йиглава, Чехословакия. В 1930 году, во время общенациональной переписи населения, он и его семья были зарегистрированы как евреи. В 1939 году, после вторжения нацистов в страну, его имение было обращено в "арийское достояние"² и был назначен немецкий управляющий. Рихард Фишманн погиб в Аусшвитце в 1942 году. Автор не представлена адвокатом.

¹ Чешская и Словацкая Федеративная Республика ратифицировала Факультативный протокол в марте 1991 года, но 31 декабря 1992 года она прекратила свое существование. 22 февраля 1993 года Чешская Республика уведомила о своем присоединении к Пакту и Факультативному протоколу в порядке правопреемства.

² То есть собственность была изъята у евреев как "неарийцев" и передана германскому государству или германским физическим или юридическим лицам.

2.2 Остальные члены семьи были интернированы в концентрационные лагеря и лишь автор и ее брат Витеслав выжили. В 1945 года имение Рихарда Фишманна было конфисковано в соответствии с принятым при Бенеше Декретом № 12/1945, поскольку районный комитет постановил, что он был немцем, а также предателем Чешской Республики³. Утверждение, что Рихард Фишманн был немцем, было основано на том, что он жил "как немец".

2.3 Апелляция автора на решение о конфискации была отклонена. 3 декабря 1951 года Высший административный суд в Братиславе постановил оставить решение районного комитета в силе.

2.4 18 декабря 1990 года, после крушения коммунистического режима в Чехословакии, автор направила Генеральному прокурору жалобу на отказ в правосудии в связи с ее ходатайством о возвращении имения. 21 августа 1991 года ее жалоба была отклонена как поданная с опозданием, т.е. более чем через пять лет после конфискации. Автор заявляет, что при коммунистическом режиме представить жалобу в предписанный законом пятилетний срок не представлялось возможным.

2.5 По словам автора, 17 июня 1992 года она подала ходатайство о возвращении имения в соответствии с Законом № 243/1992⁴. 14 октября 1994 года Земельное управление Йиглавы отклонило ее ходатайство.

Жалоба

3. Автор утверждает, что она стала жертвой дискриминации, поскольку в соответствии с Законом № 243/1992 она не вправе получить назад собственность ее отца.

Замечания государства-участника

4.1 В представлении от 20 октября 1997 года государство-участник заявило, что 14 октября 1994 года ходатайство автора о возвращении собственности ее отца было отклонено Земельным управлением Йиглавы вследствие несоответствия требованиям законодательства. Оно пояснило, что конфискованная собственность лиц, которые в 1945 году были лишены гражданства Чехословакии на основании принятых при Бенеше декретов, может быть возвращена в случае, если истец восстановил свое гражданство в соответствии с определенными законом процедурами. В законодательстве, однако, конкретно не рассматривается положение лиц, которые никогда не утрачивали своего гражданства и собственность которых была конфискована в нарушение действовавших в тот период законов. Поскольку отец автора никогда не утрачивал гражданства Чехословакии, ему не может быть предоставлено право на реституцию.

4.2 Государство-участник также пояснило, что апелляция автора была отклонена как поданная с опозданием. Впоследствии адвокат автора возразил, что решение Земельного управления не было препровождено заинтересованным сторонам надлежащим образом, поскольку оно было вручено не непосредственно адвокату, а одному из его помощников, который не имел полномочий получать его. Земельное управление согласилось с этим возражением и повторно препроводило свое решение. Затем автор вновь обжаловала это решение. Городской суд отклонил ее апелляцию своим постановлением от 6 августа 1996 года на том основании, что решение Земельного управления было препровождено в первый раз надлежащим образом и не подлежало повторному препровождению.

³ Автор утверждает, что в соответствии с постановлением № А 4600 9/11 45 VI/2 министерства внутренних дел от 13 ноября 1945 года районные комитеты были уполномочены рассматривать вопрос о благонадежности лиц, которые в 1930 году были зарегистрированы как евреи.

⁴ Закон № 243/1992 предусматривает возвращение собственности, которая была конфискована на основании принятых при Бенеше Декретах № 12/1945 и 108/1945. Одно из условий получения права на реституцию заключается в том, что истец должен был получить чешское гражданство в соответствии с Декретом 33/1945, Законами № 245/1948, 194/1949 или 34/1953.

11 октября 1996 года автор подала в Конституционный суд жалобу, которая была отклонена как неприемлемая *ratione temporis*.

4.3 На основании всех изложенных причин государство-участник заявило, что сообщение автора является неприемлемым, поскольку она не исчерпала внутренние средства правовой защиты, нарушив сроки подачи апелляции.

4.4 Государство-участник также отметило, что после того, как рассматриваемое сообщение было представлено в Комитет, Конституционный суд постановил, что в случаях, аналогичных случаю отца автора, истцы, никогда не терявшие гражданства, также имеют право на реституцию в соответствии с Законом № 243/1992. Как следствие Центральное земельное управление, которое рассматривало материалы по делу автора, постановило, что решение Земельного управления по делу автора следует пересмотреть, поскольку оно противоречит постановлению Конституционного суда. 27 августа 1997 года Центральное земельное управление возбудило административную процедуру, а 9 октября 1997 года отменило решение Земельного управления от 14 октября 1994 года, постановив, что автору надлежит подать новое ходатайство о реституции *ab initio*. Автор располагала бы в этом случае обычными возможностями для обжалования, если бы она не была удовлетворена результатами разбирательства. По этой причине государство-участник заявило, что данное сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

Замечания автора

5.1 В письме от 21 января 1998 года автор отвергла аргумент государства-участника о том, что ее сообщение является неприемлемым, поскольку она уже подавала апелляцию в Конституционный суд и никаких последующих средств обжалования не существует. Вместе с тем, автор утверждала, что после того, как ее сообщение было принято к рассмотрению Комитетом по правам человека, было инициировано новое разбирательство.

5.2 В последующем представлении автор препроводила копию письма от 25 мая 1998 года, в котором министерство сельского хозяйства информировало ее о том, что постановление Центрального земельного управления от 9 октября 1997 года об отмене решения Земельного управления от 14 октября 1994 года было препровождено другим заинтересованным сторонам спустя три года после принятия этого решения и что оно, следовательно, не имеет юридической силы.

5.3 Автор заявляет, что проявленный в ее случае произвол является вопиющим нарушением прав человека, так как ей было отказано в средствах защиты от нарушений, совершенных против нее и ее семьи в прошлом.

6. Никаких новых замечаний от государства-участника получено не было, хотя замечания автора были ему переданы.

Решение о приемлемости

7. В ходе своей шестьдесят шестой сессии, 9 июля 1999 года, Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Убедившись в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола в том, что автор исчерпала все доступные внутренние средства правовой защиты и что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования, Комитет также отметил, что государство-участник инициировало повторное рассмотрение дела автора в соответствии с постановлением Центрального земельного управления от 9 октября 1997 года и что в результате ошибок, допущенных, по всей видимости, властями государства-участника, постановление об отмене первоначального решения Земельного управления так и не вступило в силу. С учетом этих обстоятельств Комитет признал данное сообщение приемлемым.

Замечания сторон по существу сообщения

8.1 Государство-участник не представило никаких замечаний или комментариев по существу дела несмотря на предложение сделать это, изложенное в решении Комитета от 9 июля 1999 года и в напоминании от 19 сентября 2000 года.

8.2 В письмах от 25 января 2000 года, 29 августа 2000 года и 25 июня 2001 года автор обратила внимание Комитета на то, что несмотря на принятие парламентом государства-участника новых законодательных мер, регулирующих возвращение собственности, конфискованной в результате Холокоста (Закон № 212/2000), власти не желают применять это законодательство и не предоставили ей никакой компенсации.

8.3 Государство-участник не представило никаких дополнительных замечаний, хотя ему была препровождена изложенная выше информация письмом от 24 июля 2001 года.

Вопросы и процедура их рассмотрения Комитетом

9.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола. Кроме того, в отсутствие каких-либо представлений, направленных государством-участником после принятия Комитетом решения о приемлемости, Комитет полагается на подробные представления автора в той мере, в какой они затрагивают вопросы в отношении Закона № 243/1992 с внесенными в него поправками. В этой связи Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола государство-участник обязано сотрудничать с Комитетом и представить письменные объяснения или заявления, разъясняющие рассматриваемый вопрос и любые средства правовой защиты, которые могли быть предоставлены этим государством. В связи с жалобой автора возникают вопросы по статье 26 Пакта.

9.2 Комитет отмечает, что государство-участник допускает, что в соответствии с Законом № 243/1992 лица, находящиеся в ситуации, аналогичной ситуации автора, имеют право на реституцию благодаря последующему толкованию, данному Конституционным судом (пункт 4.4). Государство-участник также допускает, что решение Земельного управления Йиглавы от 14 октября 1994 года было ошибочным и что автору следовало предоставить возможность обратиться с новым ходатайством в Земельное управление Йиглавы. Однако новая попытка автора добиться сатисфакции была сведена на нет самим государством-участником, которое, через посредство письма министерства сельского хозяйства от 25 мая 1998 года, проинформировало автора о том, что решение Земельного управления Йиглавы от 14 октября 1994 года стало окончательным на том основании, что постановление Центрального земельного управления об отмене решения Земельного управления Йиглавы не было препровождено заинтересованным сторонам в установленный срок.

9.3 Исходя из изложенных выше фактов, Комитет делает вывод о том, что несвоевременное препровождение постановления Центрального земельного управления об отмене решения Земельного управления Йиглавы обусловлено административным недосмотром властей. Как следствие, в нарушение ее прав по статье 26 Пакта автор была лишена такого же обращения, которым пользуются лица, имеющие аналогичное право на возвращение их ранее конфискованной собственности.

10. Действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека, соответственно, полагает, что доведенные до его сведения факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

11. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, включая возможность подать новое ходатайство о реституции или компенсации. Государству-участнику надлежит пересмотреть свои законодательство

и административную практику для обеспечения того, чтобы всем лицам обеспечивались как равенство перед законом, так и равная защита закона.

12. Комитет напоминает о том, что, став государством-участником Факультативного протокола, Чешская Республика признала компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять им эффективное и действенное средство правовой защиты в случае установления нарушения.

13. Комитет хотел бы получить от государства-участника, не позднее чем через 90 дней после препровождения ему настоящих Сообщений, информацию о принятых мерах по реализации этих Сообщений.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета г-жи Кристины Шане

Государство-участник не сочло необходимым представлять какие-либо разъяснения по существу данного дела, поскольку, по его мнению, внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были.

В пунктах 10.2 и 10.3 своего решения Комитет констатирует факт нарушения Пакта в решениях административного органа, не принимая, однако, во внимание замечания государства-участника о том, что эти решения можно было обжаловать в судах и что автор сообщения пыталась воспользоваться этим средством правовой защиты, но сделала это с опозданием.

Поэтому я полагаю, что настоящее сообщение следовало признать неприемлемым.

Сообщение № 770/1997

Представлено: Дмитрием Л. Гридиным

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Российская Федерация

Дата принятия сообщений: 20 июля 2000 года (шестьдесят девятая сессия)

Тема сообщения: Произвольное задержание, жестокое обращение и несправедливое судебное разбирательство в отношении лица, приговоренного к смертной казни

Процедурный вопрос: Необоснованность жалобы

Вопросы существа: Произвольное задержание - Право на гуманное обращение - Право быть судимым беспристрастным судом - Право на презумпцию невиновности - Право на доступ к юридической помощи

Статьи Пакта: 9; 10; и пункты 1, 2 и 3 b) статьи 14

Статьи Факультативного протокола: 1 и 2

Вывод: Наличие нарушения

1. Автором сообщения является Дмитрий Леонидович Гридин, российский студент, родившийся 4 марта 1968 года. Он утверждает, что является жертвой нарушения Россией пунктов 1, 2, 3 b), e) и g)

статьи 14 Пакта. В связи с этим делом, как представляется, возникают также вопросы по статьям 9 и 10 Пакта. Его представляет г-н А. Манов из Центра содействия международной защите.

Факты в изложении автора

2. Автор сообщения был арестован 25 ноября 1989 года по обвинениям в покушении на изнасилование и убийство гражданки Зыкиной. Во время содержания под стражей ему были также предъявлены обвинения в еще шести нападениях. 3 октября 1990 года Челябинский областной суд признал его виновным в совершении преступлений по предъявленным обвинениям и приговорил его к смертной казни. Его кассационная жалоба в Верховный суд была оставлена без удовлетворения 21 июня 1991 года. Последующие жалобы были отклонены 21 октября 1991 года и 1 июля 1992 года. Жалобы в прокуратуру также были отклонены соответственно 12 декабря 1991 года, 16 января и 11 марта 1992 года. 3 декабря 1993 года назначенное автору наказание в виде смертной казни было заменено пожизненным лишением свободы.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что ордер на его арест был выдан 29 ноября 1989 года, т.е. более чем через трое суток после его задержания. Он также заявляет, что возможность встретиться с адвокатом, несмотря на его просьбы, ему не предоставлялась до 6 декабря 1989 года.

3.2 Он утверждает, что его допрашивали в течение 48 часов, причем в это время его не кормили и не давали спать. У него также были изъяты очки, и в силу близорукости он мало что мог видеть. В ходе допроса его избивали¹. Он заявляет, что ему было сказано, что его семья от него отказывается и что единственный для него способ избежать смертной казни - это дать признательные показания. После этого он признал свою вину по шести предъявленным обвинениям, а также по трем другим обвинениям.

3.3 Утверждается, что адвокат автора не ставился следователем в известность о планируемых следственных действиях. В частности, в январе 1990 года автор был направлен на медицинскую экспертизу, а его адвокат не был об этом поставлен в известность.

3.4 Автор заявляет, что при использовании вещественных доказательств были допущены нарушения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Утверждается, что одежда автора доставлялась в лабораторию в том же мешке, что и одежда потерпевших и что поэтому не может иметь доказательственной силы вывод экспертизы о том, что ворсинки или волокна ткани, из которой была изготовлена его одежда, были обнаружены на одежде потерпевших. Утверждается также, что были допущены нарушения в ходе опознания. Автор утверждает, что в день опознания его провели через помещение, в котором находились потерпевшие. Когда одна из потерпевших не смогла указать на него как на лицо, совершившее преступление, следователь будто бы взял ее за руку и указал на автора. Утверждается также, что описание нападавшего, данное потерпевшими, совершенно не соответствует внешнему виду автора.

3.5 Автор заявляет, что было нарушено его право на презумпцию невиновности. В период с 26 по 30 ноября 1989 года по радио и в газетах было объявлено, что автор является тем самым внушающим страх убийцей – "лифтером", который изнасиловал нескольких девушек и убил трех из них. Кроме того, 9 декабря 1989 года начальник милиции объявил, что он уверен в том, что именно автор является убийцей, и это заявление было передано по телевидению. Автор утверждает также, что следователь объявил его виновным на собраниях общественности до слушания дела в суде и призвал общественность выделить общественных обвинителей. Автор заявляет, что в результате этого на слушании его дела присутствовали десять общественных обвинителей, в то время как защищал его

¹ Указывается, что это подтверждается заключениями медицинских экспертов от 18 января и 30 августа.

один общественный защитник², которого позднее заставили покинуть зал заседания суда³. По словам автора, зал суда был заполнен людьми, кричавшими, что автора следует приговорить к смертной казни. Он также заявляет, что общественные обвинители и потерпевшие угрожали свидетелям и защите и что судья не сделал ничего, чтобы пресечь это. В силу этих обстоятельств отсутствовала надлежащая возможность допросить в суде главных свидетелей.

3.6 В первый день слушания дела автор не признал себя виновным⁴. После этого его поместили в карцер. Он жалуется на то, что ему так и не предоставили возможность встретиться для беседы со своим защитником наедине.

3.7 Он также жалуется на то, что свидетели, которые могли бы подтвердить его алиби, не были заслушаны на суде. Кроме того, некоторые показания, данные в ходе предварительного следствия, исчезли из протокола.

3.8 Утверждается также, что в нарушение российского законодательства протокол судебного заседания был составлен и подписан 25 февраля 1991 года, в то время как слушание дела закончилось 3 октября 1990 года. Три свидетеля обратились с жалобами в Верховный суд из-за наличия расхождений между тем, что было отражено в протоколе, и их действительными показаниями.

3.9. По утверждению автора, вышеизложенное представляет собой нарушение пунктов 1, 2, 3 b), e) и g) статьи 14.

Представление государства-участника и комментарии автора сообщения

4.1 В своем сообщении от 16 февраля 1998 года государство-участник заявляет, что сообщение автора должно быть признано неприемлемым, поскольку оно представлено не самим автором, а адвокатом от его имени.

4.2 В дальнейшем сообщении от 26 февраля 1999 года государство-участник рассматривает сообщение автора по существу. В этом отношении оно сообщает, что по приведенным в сообщении автора фактам по просьбе Комитета Генеральной прокуратурой Российской Федерации была проведена проверка уголовного дела автора. Проверке были подвергнуты показания потерпевших и свидетелей, протоколы осмотра места происшествий и условия, в которых происходило опознание автора. В этом отношении государство-участник утверждает, что доводы о невиновности автора, незаконных методах ведения следствия, нарушающих его право на защиту, и организации давления общественности проверялись Верховным судом в качестве кассационной инстанции и не подтвердились.

4.3. Государство-участник утверждает, что заявлений о применении физического воздействия работниками милиции от автора и его адвоката в судебном заседании не поступало. Государство-участник утверждает далее, что на протяжении всего предварительного следствия, в том числе и в присутствии адвоката, автор давал подробные показания об обстоятельствах совершенных преступлений. По утверждению государства-участника, автор изменил свои показания лишь в суде под давлением, которое на него оказывали его родственники.

² Автор имеет в виду допускаемых к участию в российском уголовном судопроизводстве общественных обвинителей и общественных защитников, которые действуют наряду с прокурором и адвокатом.

³ Из дела явствует, что на стороне автора выступали два общественных защитника и что одного из них заставили покинуть зал заседания суда.

⁴ Как явствует из дела, автор отказался признать себя виновным по всем пунктам обвинения, за исключением нападения на г-жу Зыкину.

4.4 В отношении довода о том, что автор не имел возможности читать протоколы допросов, поскольку не имел очков, государство-участник отмечает, что из протокола судебного заседания следует, что на суде он пояснил, что может читать и писать без очков на расстоянии 10-15 см и что, кроме того, следователь предоставлял ему очки. В связи с этим государство-участник отвергает какие бы то ни было нарушения Пакта в этом отношении.

4.5 Наконец, государство-участник заявляет, что г-н Гридин допрашивался в присутствии защитника, который ему был предоставлен в соответствии с требованиями закона. Государство-участник отмечает, что г-н Гридин был арестован 25 ноября 1989 года и что 1 декабря 1989 года его мать, В.В. Гридина, написала заявление о желании пригласить защитника для участия в расследовании. 5 декабря 1989 года родственниками Гридина был заключен договор с адвокатом, который с этого времени был допущен к участию в деле.

5. Адвокат автора в письме от 14 сентября 1999 года подтверждает жалобы, изложенные в первоначальном сообщении, и отмечает, что по собственному признанию государства-участника автор не имел защитника с 25 ноября по 1 декабря 1989 года.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принимает решение о том, является ли оно приемлемым на основании Факультативного протокола к Пакту.

6.2 В соответствии с пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет отмечает, что государство-участник высказалось против приемлемости сообщения, поскольку это сообщение было направлено адвокатом, а не самим автором. Комитет подчеркивает, что, согласно его правилам процедуры и практике, автор может быть представлен адвокатом и поэтому это не исключает для него возможности рассмотрения сообщения по существу. Комитет не соглашается с утверждением государства-участника о том, что в этом отношении сообщение должно быть признано неприемлемым.

6.4 В том что касается утверждений о грубом обращении и о физическом воздействии со стороны работников милиции во время следствия, включая отказ автору в возможности пользоваться очками, то из представленных Комитету материалов явствует, что в большинстве своем эти жалобы не высказывались на суде. Все эти доводы приводились в кассационной жалобе, но Верховный суд нашел их необоснованными. В этих условиях Комитет находит, что автор не обосновал заявление по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

6.5 По поводу утверждения о том, что адвокат автора не был поставлен в известность о датах проведения следственных действий в связи с медицинскими освидетельствованиями, Комитет отмечает, что этот вопрос стал предметом проверки со стороны Верховного суда, который не обнаружил никаких нарушений закона, и исходя из этого считает, что это заявление остается недостаточно обоснованным для целей признания его приемлемым.

7. Комитет объявляет остальные заявления приемлемыми и приступает к рассмотрению по существу всех приемлемых заявлений в свете данных, предоставленных ему сторонами, как это требуется пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.1 В отношении утверждения о том, что автор был арестован без соответствующей санкции и что такая санкция была дана спустя более чем трое суток после ареста в нарушение национального законодательства, которое предусматривает, что санкция должна даваться в течение 72 часов после ареста, Комитет отмечает, что этот вопрос не был затронут государством-участником. В этой связи

Комитет считает, что с учетом обстоятельств данного дела автор был лишен свободы с нарушением процессуальных норм, установленных законом, и, следовательно, делает вывод о том, что представленные на его рассмотрение факты обнаруживают нарушение пункта 1 статьи 9.

8.2 В том что касается заявления автора о том, что ему было отказано в праве на справедливое судебное разбирательство в нарушение пункта 1 статьи 14, в особенности в силу того, что суд не принял мер к нейтрализации враждебной обстановки и давления, оказываемого публикой, находившейся в зале суда, вследствие чего защитник оказался не в состоянии надлежащим образом провести допрос свидетелей обвинения и изложить доводы защиты, Комитет отмечает, что в ходе рассмотрения жалобы автора Верховный суд останавливался на этом вопросе, но не принял по нему никакого конкретного решения. Комитет считает, что ведение судебного процесса в том виде, в каком оно изложено выше, дает основания говорить о нарушении права автора на справедливое судебное разбирательство по смыслу пункта 1 статьи 14.

8.3 Относительно утверждения о нарушении презумпции невиновности, включая публичные заявления высокопоставленных руководителей правоохранительных органов, в которых автор упоминался как виновное лицо и которые получили широкое освещение в средствах массовой информации, Комитет отмечает, что во время рассмотрения жалобы автора Верховный суд останавливался на этом вопросе, но не принял по нему конкретного решения. Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 13 по статье 14, в котором говорится, в частности, следующее: "Поэтому все государственные власти обязаны воздерживаться от предопределения исхода судебного процесса". В данном случае Комитет считает, что власти не проявили сдержанности, которой требует от них пункт 2 статьи 14, и что тем самым права автора были нарушены.

8.4 По поводу остальных заявлений, содержащихся в пунктах 3.4 и 3.7 выше, Комитет отмечает, что Верховный суд рассматривал конкретные заявления автора, согласно которым имело место манипулирование вещественными доказательствами, не была соблюдена процедура опознания автора свидетелями и имели место расхождения между показаниями на суде и показаниями, зафиксированными в протоколах. Однако отказ суда признать подтвердившимися эти конкретные утверждения не затронул вопроса о справедливости судебного разбирательства в целом и поэтому не имеет последствий для вывода Комитета о том, что пункт 1 статьи 14 Пакта был нарушен.

8.5 В отношении же утверждения о том, что автор не мог получить доступа к адвокату в течение первых пяти дней после ареста, Комитет отмечает, что государство-участник в своем ответе указало, что автор пользовался помощью адвоката в соответствии с законом. Вместе с тем государство-участник не опровергло утверждения автора о том, что он просил предоставить ему возможность встретиться с адвокатом вскоре после его задержания и что это требование было оставлено без последствий. Не опровергло государство-участник и утверждение автора о том, что его допрашивали в условиях отсутствия возможности проконсультироваться с адвокатом, после того как он неоднократно требовал предоставить ему такую возможность. Комитет считает, что отказ автору в праве воспользоваться помощью адвоката, хотя он заявлял такое требование, и проведение допроса автора в этот период представляют собой нарушение прав автора по пункту 3 b) статьи 14. Кроме того, Комитет считает, что тот факт отсутствия у автора возможности проконсультироваться со своим адвокатом наедине – утверждение, которое не было опровергнуто государством-участником, – также является нарушением пункта 3 b) статьи 14 Пакта.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах заключает, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении пунктов 2 и 3 b) статьи 14 Пакта.

10. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-ну Гридину эффективное средство правовой защиты, влекущее за собой компенсацию и его немедленное освобождение. Государство-участник обязано также принять меры для предупреждения подобных нарушений в будущем.

11. Принимая во внимание тот факт, что, став государством - участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечить всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять обеспеченное правовой санкцией эффективное средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых для осуществления содержащихся в Соображениях Комитета выводов.

Сообщение № 774/1997

Представлено: Робертом Броком и другими [адвокатом не представлены]

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство-участник: Чешская Республика

Дата принятия Соображений: 31 октября 2001 года (семьдесят третья сессия)

Тема сообщения: Отказ в реституции конфискованного имущества бывшим гражданам государства-участника

Процедурные вопросы: Компетенция Комитета *ratione temporis* - Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа: Право на равенство перед законом - Равная защита закона и недискриминация

Статья Пакта: 26

Статья Факультативного протокола: Пункт 2 b) статьи 5

Вывод: Наличие нарушения

1. Первоначальным автором сообщения от 23 декабря 1996 года был чешский гражданин Роберт Брок, родившийся в сентябре 1916 года. После его кончины 17 сентября 1997 года представлять сообщение продолжала его супруга Дагмара Брокова. Он утверждал, что Чешская Республика нарушила статьи 6, 9, 14 (1), 26 и 27 Пакта. Для Чешской Республики Факультативный протокол вступил в силу 12 июня 1991 года¹. Автор не представлен адвокатом.

Представленные факты

2.1 Родители Роберта Брока владели домом в центре Праги с 1927 года (далее в тексте "собственность"). В течение 1940 и 1941 годов германские власти конфисковали их собственность с ретроактивным эффектом по состоянию на 16 марта 1939 года, поскольку владельцы были евреями. Собственность затем была продана компании "Матадор" 7 января 1942 года. Сам автор был депортирован нацистами и вернулся в Прагу 16 мая 1945 года после освобождения из концентрационного лагеря. Затем он был госпитализирован до октября 1945 года.

2.2 После окончания войны, 19 мая 1945 года, Декрет президента Бенеша № 5/1945, а позднее и Закон 128/1946 признали ничтожными все имущественные сделки, произведенные под нажимом

¹ Чешская и Словацкая Республика ратифицировала Факультативный протокол в марте 1991 года, но 31 декабря 1992 года Чешская и Словацкая Федеративная Республика прекратила свое существование. 22 февраля 1993 года Чешская Республика уведомила о своем присоединении к Пакту и Факультативному протоколу в порядке правопреемства.

оккупационного режима в порядке расовых или политических преследований. Все вражеское имущество было передано в ведение национальной администрации. Согласно решению, принятому министерством промышленности 2 августа 1945 года, сюда была отнесена и собственность родителей автора. Однако в феврале 1946 года министерство промышленности аннулировало это решение. Оно также аннулировало предыдущие имущественные конфискации и передачи, и родители автора были восстановлены в качестве законных владельцев в соответствии с Декретом Бенеша № 5/1945.

2.3 Однако компания "Матадор", которая была национализирована 27 октября 1945 года, обжаловала это решение. 7 августа 1946 года Пражский земельный суд аннулировал возвращение собственности родителям автора и признал компанию "Матадор" законным владельцем. 31 января 1947 года Верховный суд подтвердил это решение. Суд счел, что, поскольку компания и все ее владения были национализированы в соответствии с Декретом Бенеша № 100/1945 от 24 октября 1945 года и поскольку национальная собственность была изъята из сферы применения декрета Бенеша № 5/1945, министерство неправомерно восстановило родителей автора в качестве законных владельцев. Тем самым собственность осталась во владении компании "Матадор", а позднее - в 1954 году - была передана государственной компании "Техномат".

2.4 После перехода к демократическому правлению и принятия законодательства о реституции автор подал ходатайство о реституции в соответствии с Законом № 87/1991 с поправками, внесенными Законом № 116/1994. Этот Закон предусматривает реституцию или компенсацию жертвам незаконных конфискаций, произведенных по политическим соображениям в период коммунистического режима (25 февраля 1948 года - 1 января 1990 года). Закон также предусматривает реституцию или компенсацию жертвам расовых преследований во время Второй мировой войны, которые наделены таким правомочием в силу Декрета № 5/1945. Суды (решение Окружного суда 26 С 49/95 от 20 ноября 1995 года и решение Пражского городского суда 13 Со 34/94-29 от 28 февраля 1996 года) тем не менее отклонили притязание автора. Окружной суд в своем решении указал, что Закон с поправками распространяет право на реституцию на лиц, которые утратили свою собственность в период германской оккупации и которые не смогли добиться реституции своей собственности в связи с политическими преследованиями, или на лиц, которые подверглись юридическому разбирательству, нарушавшему их права человека, вследствие событий 25 февраля 1948 года, при условии, что такие лица отвечают условиям, изложенным в Законе № 87/1991. Тем не менее Суд пришел к мнению, что автор не имел права на реституцию, поскольку собственность была национализирована до 25 февраля 1948 года, что представляет собой ретроактивный предельный срок для подачи претензий по пункту 1 статьи 1 и по статье 6 Закона № 87/1991. Это решение было подтверждено Пражским городским судом.

2.5 Согласно статье 72 Закона № 182/1993, автор подал в Конституционный суд жалобу о нарушении его права на собственность. Это положение позволяет частному лицу подавать жалобу в Конституционный суд в том случае, если государственный орган нарушил основные права истца, которые гарантируются конституционным законом или международным договором, в особенности право на собственность.

2.6 Конституционный суд пришел к заключению, что, поскольку суды первой и второй инстанции постановили, что автор не является владельцем собственности, в данном случае отсутствуют какие-либо имущественные права, которые могли бы быть нарушены. В своем решении Конституционный суд по собственной инициативе затронул вопрос о справедливом судебном разбирательстве и констатировал, что *"юридическое разбирательство было проведено правильно и все юридические предписания были соблюдены"*. Соответственно, 12 сентября 1996 года Конституционный суд отклонил конституционную жалобу автора.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что решения судов по этому делу являются дискриминационными и что негативная интерпретация фактов судами носит откровенно произвольный и противозаконный характер.

3.2 Вдова автора утверждает, что Закон № 87/1991 с поправками, внесенными Законом № 116/1994, не применяется ко всем чешским гражданам на равной основе. Она уверена, что Роберт Брок отвечал всем условиям, изложенным в законе, но утверждает, что чешские суды не желали применить те же критерии к его делу в нарушение пункта 1 статьи 14 и статьи 26 Пакта.

3.3 Вдова автора утверждает, что принятое в 1947 году решение Верховного суда противоречило законодательству, и в особенности Декрету Бенеша № 5/1945 и Закону № 128/1946, которые аннулировали имущественные трансферты, произведенные после 29 сентября 1938 года в порядке национальных, расовых или политических преследований. Она указывает, что в то время, когда был опубликован Декрет Бенеша № 5/1945 (10 мая 1945 года), компания "Матадор" еще не была национализирована, и поэтому изъятие в отношении реституции было в данном случае неприменимо.

3.4 Вдова автора заявляет, что Закон № 87/1991 с поправками, внесенными на основании пункта 2 статьи 3 Закона № 116/1994, содержит исключение в отношении срока давности и позволяет автору требовать реституции в качестве правообладателя по Декрету Бенеша № 5/1945. По мнению вдовы автора, смысл этого исключения состоит в том, чтобы разрешить реституцию собственности, которая была конфискована до 25 февраля 1948 года по мотивам расовых преследований, и особенно разрешить реституцию еврейской собственности.

3.5 Вдова автора далее утверждает, что, поскольку первоначальные экспроприации происходили в рамках геноцида, восстановление прав собственности должно быть произведено вне зависимости от позитивного права Чешской Республики. Автор ссылается на другие европейские страны, где конфискованная собственность была возвращена законным владельцам, а если владельцев не удавалось установить, то - еврейским организациям. Статья 6 Пакта касается обязательств, возникающих вследствие геноцида. По мнению автора, это положение не следует сводить к обязательствам, возникающим по отношению к тем истцам, которые были истреблены во время геноцида; его следует распространять и на тех, кто, подобно Роберту Броку, пережил геноцид. И поэтому отказ в реституции собственности представляет собой нарушение пункта 3 статьи 6 Пакта.

3.6 По мнению вдовы автора, Чешская Республика систематически отказывается возвращать еврейскую собственность. Она утверждает, что, поскольку нацистская экспроприация была обращена против еврейской общины в целом, политика Чешской Республики в плане отказа в реституции также затрагивает всю эту группу. В результате этого и по причине отсутствия экономических средств еврейская община не располагает теми же возможностями, что и другие общины, чтобы поддерживать свою культурную жизнь; таким образом, Чешская Республика нарушает их право по статье 27 Пакта.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 Вербальной нотой от 16 октября 2000 года государство-участник возражает против приемлемости этого сообщения. Возражения государства-участника продиктованы следующими мотивами:

1) оно утверждает, что автор ссылался только на право владения собственностью в контексте внутреннего законодательства, а не на права, охватываемые Пактом. Таким образом, речь идет о неостребованности внутренних средств правовой защиты применительно к правам по Пакту;

2) государство-участник указывает, что обжалуемые события произошли до вступления в силу Факультативного протокола для Чешской Республики, когда собственность подлежала конфискации в 40-х годах, и поэтому сообщение является неприемлемым *ratione temporis*; и

3) государство-участник отмечает, что сообщение касается права на владение собственностью, которое не охватывается Пактом, и поэтому данное сообщение является неприемлемым *ratione materiae*.

4.2 Государство-участник утверждает, что автор добился реституции своей собственности 19 февраля 1946 года на основании решения министерства промышленности № П/2-7540/46, а не основании решения Национального комитета, уполномоченного на этот счет Декретом № 5/1945. Оно далее утверждает, что процедура, избранная автором, была несовместима со специальным законодательством, регламентировавшим изъятия из ведения национальной администрации. Кроме того, отец автора не воспользовался Декретом № 108/1945, который регулировал вопросы конфискации вражеского имущества и создания фондов национальной администрации. Тем самым он отказался от использования широких возможностей для подачи в министерство внутренних дел апелляций в связи с отклонением ходатайств на предмет изъятий из ведения национальной администрации.

4.3. Кроме того, государство-участник утверждает, что автор в своем ходатайстве в суды в 1995/1996 годах не жаловался на дискриминацию и не оспаривал разбирательство дела судами в 1946 и 1947 годах.

4.4 Государство-участник указывает, что в сообщении 670/1995 *Шлоссер против Чешской Республики* и в сообщении 669/1995 *Малик против Чешской Республики* Комитет пришел к заключению, что вышеуказанное законодательство, примененное в этих случаях, не было *prima facie* дискриминационным по смыслу статьи 26 Пакта только лишь потому, что оно не предусматривало компенсации жертвам несправедливостей, совершенных в период до установления коммунистического режима.

4.5 Государство-участник утверждает, что все процедуры официального восстановления титулов в соответствии с Декретом № 5/1945 были завершены до 25 февраля 1948 года, тогда как Закон № 87/1991 с поправками охватывает только реституцию собственности, которая была конфискована в период с 25 февраля 1948 года по 1 января 1990 года.

Комментарии автора по представлению государства-участника

5.1 Письмом от 29 января 2001 года вдова автора утверждает, что государство-участник не рассмотрело ее доводов относительно поправки, внесенной в Закон № 87/1991 Законом № 116/1994, что, по ее мнению, имеет ключевое значение для оценки дела.

5.2 Она далее заявляет, что собственность никогда не стала бы предметом национализации, если бы до этого не произошло передачи имущества Германскому рейху, что имело расовую подоплеку, и поэтому решения, допускающие национализацию, носили дискриминационный характер. Вдова автора допускает, что сообщение касается права на собственность, но разъясняет, что суть нарушения состоит в элементе дискриминации и в отказе в равенстве в нарушение статей 6, 14, 26 и 27 Пакта.

5.3 Вдова автора далее утверждает, что жалоба отвечает условию *ratione temporis*, поскольку она касается решений, принятых чешскими судами в 1995 и 1996 годах.

5.4 Что касается утверждения государства-участника о том, будто отец автора мог притязать на собственность согласно Закону № 128/1946 до 31 декабря 1949 года, то вдова автора говорит, что отец автора имел веские основания опасаться политического преследования со стороны коммунистического режима после 25 февраля 1948 года. Более того, на рассмотрении Комитета находятся не нарушения, совершенные коммунистическим режимом, а подтверждение и продолжение этих нарушений вследствие произвольного отказа в удовлетворении претензии после принятого в 90-х годах законодательства о реституции. Комментарии автора были переданы государству-участнику 7 февраля 2001 года. Государство-участник, тем не менее, не отреагировало на комментарии автора.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о его приемлемости согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Как это требуется пунктом 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принял к сведению возражения государства-участника относительно приемлемости сообщения и комментарии по ним автора. Он считает, что утверждения государства-участника о том, что автор не отвечает условию *ratione temporis* в отношении приемлемости, не имеет отношения к делу ввиду замечания автора конкретно о том, что его жалоба относится к решениям чешских судов, принятым в 1945 и 1946 годах.

6.4 Что касается возражений государства-участника по поводу *ratione materiae*, то Комитет отмечает, что в сообщении автора не говорится о нарушении права собственности как такового, а указывается, что ему дискриминационным образом было отказано в удовлетворении претензии.

6.5 Кроме того, в связи с возражениями государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты, Комитет отмечает, что факты, приводимые в сообщении, были доведены до сведения внутренних судов государства-участника в нескольких заявлениях со стороны автора и рассматривались высшим судебным ведомством государства-участника. Между тем вопросы, имеющие отношение к статьям 6, 9 и 27, как представляется, не были рассмотрены в чешских судах. Комитет считает, что это не возбраняет ему рассматривать остающиеся претензии, фигурирующие в сообщении, в соответствии с требованиями пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6.6 В своих решениях о неприемлемости сообщений 669/1995 *Малик против Чешской Республики* и 670/1995 *Шлоссер против Чешской Республики* Комитет исходил из того, что в контексте вопроса о приемлемости автор не сумел доказать, что закон № 87/1991 носил *prima facie* дискриминационный характер по смыслу статьи 26. Комитет отмечает, что в данном случае покойный автор и его вдова представили обширные материалы и доводы, которые отличаются более полным обоснованием, вследствие чего это дело перекрывает порог приемлемости, и поэтому соответствующие проблемы должны быть рассмотрены по существу. Кроме того, данный случай отличается от вышеуказанных дел в том смысле, что поправка, внесенная в Закон № 116/1994, предусматривает распространение притязания на реституцию на тех, кто получил такое правомочие по Декрету Бенеша № 5/1945. Неприменение этого положения к делу автора вызывает проблемы по статье 26, которые должны быть рассмотрены по существу.

6.7 Комитет считает, что автор не смог обосновать для целей приемлемости свои претензии по пункту 1 статьи 14 Пакта. Таким образом, эта часть жалобы является неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

Рассмотрение дела по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Перед Комитетом встает вопрос: не сопряжено ли применение Закона № 87/1991 с поправками, внесенными Законом № 116/1994, к делу автора с нарушением его права на равенство перед законом и равную защиту закона.

7.3 Эти законы предусматривают реституцию или компенсацию жертвам незаконной конфискации, произведенной по политическим соображениям в период коммунистического режима. Закон также предусматривает реституцию или компенсацию жертвам расовых преследований во время второй мировой войны, которые получают соответствующие правомочия по Декрету Бенеша № 5/1945. Комитет отмечает, что законодательство не должно быть дискриминационным по отношению к жертвам предшествующей конфискации, к которой оно применяется, ибо право на удовлетворение имеют все жертвы безо всяких разграничений.

7.4 Комитет отмечает, что Закон № 87/1991 с поправками, внесенными Законом № 116/1994, позволил автору ходатайствовать о реституции; однако это ходатайство было отклонено на том основании, что национализация, которая была произведена в 1946-1947 годах на основании Декрета Бенеша № 100/1945, выходит за рамки сферы применения законов 1991 и 1994 годов. Таким образом, автор был лишен возможности воспользоваться преимуществами закона о реституции, хотя чешская национализация в 1946-1947 годах могла быть произведена только потому, что собственность автора была конфискована нацистскими властями во время германской оккупации. По мнению Комитета, это свидетельствует о дискриминационном отношении к автору по сравнению с теми лицами, собственность которых была конфискована нацистскими властями, но не стала предметом чешской национализации сразу же после войны и которые поэтому смогли воспользоваться законами 1991-1994 годов. Вне зависимости от того, присуща ли произвольность в данном вопросе самому законодательству или же она проистекает из применения этого законодательства судами государства-участника, Комитет полагает, что автору было отказано в праве на равную защиту закона в нарушение статьи 26 Пакта.

8. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, пришел к выводу, что имеющиеся в его распоряжении факты подтверждают факт нарушения статьи 26 в сочетании со статьей 2 Пакта.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Такая правовая защита должна включать реституцию собственности или компенсацию, а также надлежащую компенсацию за период, в течение которого автор и его вдова были лишены собственности, начиная с даты судебного решения от 20 ноября 1995 года и кончая датой осуществления реституции. Государству-участнику следует пересмотреть соответствующее законодательство и административную практику с целью гарантировать, чтобы ни закон, ни его применение не были сопряжены с дискриминацией в нарушение статьи 26 Пакта.

10. С учетом того, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечивать эффективное средство правовой защиты в случае установления нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых для претворения в жизнь Соображений Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета Мартина Шейнина (частично согласное, частично несогласное)

Хотя я согласен с основным разделом Соображений Комитета, я не согласен с предлагаемым средством правовой защиты. Как установлено Комитетом, автор стал жертвой нарушения статьи 26 в связи с произвольным отказом в удовлетворении его притязания на реституцию имущества. Это представляет собой нарушение прав человека, от которого пострадал автор после вступления в силу Пакта и Факультативного протокола к нему.

Вопрос о наличии у автора правомочия на реституцию собственности его родителей представляет собой проблему внутреннего права. Что же касается Пакта, то он требует, чтобы внутреннее право и его применение были свободны от дискриминации и обеспечивали удовлетворение любого притязания на реституцию без дискриминации и посредством справедливого судебного разбирательства. Следовательно, надлежащее средство правовой защиты в связи с установленным Комитетом нарушением состоит в том, чтобы государство-участник обеспечило вдове автора новую возможность добиться рассмотрения притязания на реституцию без дискриминации и произвольности и в сочетании со всеми гарантиями на справедливое судебное разбирательство, если это дело не может быть разрешено без судебного заключения по такому притязанию. Если государство-участник не сможет предоставить такое средство правовой защиты, например по причине нежелания его законодательства исправлять дискриминационные законы, то альтернативой служит такое средство правовой защиты, как компенсация за дискриминацию, от которой пострадал автор, должным образом принимая в расчет экономические потери и моральные страдания по причине дискриминации, которая была констатирована Комитетом.

Дело *de Фур Вальдерода*, по которому Комитет принимал решение, не следует путать с данным делом, поскольку в том деле соответствующий титул уже получил признание со стороны государства-участника, несмотря на ретроактивное и дискриминационное законодательство. И поэтому в том деле надлежащим средством правовой защиты является реституция собственности.

Особое мнение члена Комитета г-на Нисуке Андо (несогласное)

Хотя я с горячим сочувствием воспринимаю ситуацию, в которой оказался автор и в которой по-прежнему находится его вдова в отношении их собственности, я не могу согласиться с Соображениями Комитета относительно нарушения статьи 26 Пакта. Как мне представляется, обстоятельства дела состоят в следующем:

В 1940 и 1941 годах дом в Праге, принадлежавший родителям г-на Брока, был конфискован оккупировавшими тогда Чехословакию германскими властями по той причине, что владельцы были евреями. В январе 1942 года дом был продан компании "Матадор". В мае 1945 года, после окончания войны, декрет Президента Бенеша № 5/1945 признал ничтожными все имущественные сделки, произведенные под нажимом оккупантов в порядке расового или политического преследования, и все вражеское имущество было передано в ведение национальной администрации. 2 августа 1945 года министерство промышленности решило включить этот дом в состав вражеского имущества, но 19 февраля 1946 года министерство пересмотрело свое решение и восстановило родителей автора в качестве законных владельцев дома. Однако компания "Матадор", которая была национализирована со всеми ее владениями в октябре 1945 года по Декрету Бенеша № 100/1945, обжаловала решение министерства, и 7 августа 1946 года Пражский земельный суд аннулировал возвращение собственности родителям автора и признал компанию "Матадор" в качестве законного владельца по той причине, что национальная собственность была изъята из сферы применения Декрета Бенеша № 5/1945. 31 января 1947 года Верховный суд подтвердил это решение. (См. пункты 2.1 и 2.3.) Государство-участник утверждает, что отец автора не воспользовался декретом № 108/1945 (№ 126/1946), который регулировал конфискацию вражеского имущества и создание Фонда национального восстановления, отказавшись тем самым от возможностей подачи в министерство внутренних дел апелляции в связи с отклонением ходатайств об изъятиях из ведения национальной администрации (пункт 5.1). Оно также утверждает, что все процедуры по официальному восстановлению титулов согласно Декрету Бенеша № 5/1945 были завершены до 25 января 1948 года (пункт 5.4). В связи с этими утверждениями вдова автора заявляет, что отец автора имел веские основания опасаться политического преследования со стороны коммунистического режима после 25 февраля 1948 года (пункт 6.4).

После крушения коммунистических режимов в Чехословакии был принят Закон № 87/1991 с поправками, внесенными Законом № 116/1994, который предусматривал реституцию или компенсацию жертвам незаконной конфискации, произведенной по политическим соображениям в период коммунистического режима. Поправка касается жертв, затрагиваемых Декретом

Бенеша № 5/1945, но Закон применяется только "к определенным имущественным потерям и другим несправедливостям, причиненным положениями гражданского и трудового права, а также некоторыми административными актами в период между 25 февраля 1948 года и 1 января 1990 года" (часть первая, раздел первый). Автор ходатайствовал о реституции собственности по этому Закону, но несмотря на заявление вдовы автора о том, что ссылка на потерпевших лиц, затрагиваемых Декретом Бенеша № 5/1945, была рассчитана на то, чтобы разрешить реституцию собственности, которая была конфискована до 25 февраля 1948 года по мотивам расового преследования (пункт 3.3), чешские суды (Окружной суд и Пражский городской суд. См. пункт 2.4), а также Конституционный суд (пункт 2.6) отклонили притязание автора на том основании, что дом был конфискован до 25 февраля 1948 года, что представляет собой ретроактивный предельный срок для подачи заявлений по этому Закону.

Что касается этих фактов, то мне трудно усмотреть здесь какое-либо намерение подвергнуть дискриминации одну категорию граждан по отношению к другой. Закон № 87/1991 с поправками, внесенными Законом № 116/1994, в целом рассчитан на то, чтобы смягчить последствия конфискации частной собственности при коммунистическом режиме. Как таковой, он охватывает период с 25 февраля 1948 года по 1 января 1990 года. Вдова автора утверждает, что поправка была призвана разрешить реституцию собственности, конфискованной до 25 февраля 1948 года, но государство-участник утверждает, что вся официальная реституция титулов в соответствии с Декретом Бенеша № 5/1945 была завершена до 25 января 1948 года. Кроме того, ссылки на "веские основания опасаться политического преследования со стороны коммунистического режима после 25 февраля 1948 года", что, по словам автора, помешало ее отцу воспользоваться возможными средствами правовой защиты, недостаточно конкретны для того, чтобы констатировать, что он не мог реализовать их до 25 января 1948 года. К сожалению, Закон не охватывает ту собственность, которая принадлежит автору и другим лицам, находящимся в аналогичной ситуации. Тем не менее, поскольку Закон не рассчитан на то, чтобы восстановить любую собственность, конфискованную в прошлом по политическим или расовым соображениям, я считаю, что в данном деле трудно констатировать факт нарушения статьи 26 Пакта.

Особое мнение члена Комитета г-жи Кристины Шане (несогласное)

Данное решение Комитета представляет собой отход от той позиции, которую занимают все международные судебные инстанции и которую до сих пор поддерживал Комитет, а именно от принципа субсидиарности в том, что касается правила о неисчерпании внутренних средств правовой защиты.

В данном случае во внутренних судах поднимался только вопрос о праве на собственность, и автор сообщения никогда не подавал в суды жалобу на предмет дискриминации.

Как четко показывают решения внутренних судов, которые были переданы Комитету, Комитет является первой инстанцией, где выдвигается утверждение относительно наличия дискриминации.

Более того, своим решением Комитет создает тревожный прецедент, ставя внутренним судам в вину то, что они автоматически не предоставляют иски или защитные средства с целью устранить нарушение гарантируемого Пактом права.

Комитет уже в третий раз пошел вразрез со своей юрисдикцией, обратившись к оценке доказательств внутренними судами (пункт 3.1).

Наконец, Комитет подменяет интерпретацию внутреннего законодательства государства, признанную судами этого государства, своей собственной; при этом Комитет выходит за рамки своей компетенции, как она определена Пактом и Факультативным протоколом.

И поэтому хотелось бы надеяться, что это конкретное решение Комитета останется исключением.

Сообщение № 779/1997

Представлено: Анни Эреля и другими [представлены адвокатом]

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство-участник: Финляндия

Объявлено приемлемым: 24 октября 2001 года (семьдесят третья сессия)

Дата принятия Соображений: 24 октября 2001 года (семьдесят третья сессия)

Тема сообщения: Заготовка леса и строительство дорог и их негативные последствия для оленеводства

Процедурные вопросы: Неисчерпание внутренних средств правовой защиты - Обоснованность претензии

Вопросы сущности: Равенство состязательных возможностей во внутренних судебных разбирательствах - Вменение судебных издержек в нарушение требований о справедливом судебном разбирательстве - Право лиц, принадлежащих к меньшинствам, на пользование своей культурой в рамках общины совместно с другими представителями этого меньшинства

Статьи Пакта: Пункт 3 статьи 2; пункты 1 и 2 статьи 14; и статья 27

Статья Факультативного протокола: Пункт 2 b) статьи 5

Вывод: Наличие нарушения

1. Авторами сообщения от 4 ноября 1997 года являются граждане Финляндии Анни Эреля и Йоуни Няккяляйярви. Они утверждают, что стали жертвами нарушения Финляндией пункта 3 статьи 2, пунктов 1 и 2 статьи 14 и статьи 27 Пакта. Они представлены адвокатом.

Представленные факты

2.1 Авторы являются оленеводами саамского этнического происхождения и членами Салливаарского оленеводческого кооператива. Для разведения оленей кооператив располагает 286 000 га государственной земли. 23 марта 1994 года Комитет вследствие неисчерпания внутренних средств правовой защиты признал неприемлемым предшествующее сообщение, которое было представлено в том числе авторами и в котором утверждалось, что заготовка леса и строительство дорог в определенных районах оленеводства являются нарушением статьи 27 Пакта¹. Комитет, в частности, отметил, что государство-участник доказало возможность ссылки на статью 27 в рамках соответствующих национальных процедур, которые авторам надлежало возбудить перед обращением в Комитет. Затем, после безуспешных переговоров авторы подали в Лаппский окружной суд первой инстанции иск против Национальной лесной и парковой службы (Лесной службы). В соответствии, в частности, со статьей 27 Пакта этот иск был направлен на запрещение любых заготовок леса и дорожного строительства в районе Мирхаминмаа-Кариселкя, который, как утверждается, является одним из лучших участков кооператива "Салливаара" для разведения оленей в зимнее время.

2.2 Проведя по просьбе авторов инспекцию в указанном районе, Окружной суд 30 августа 1996 года принял решение о запрещении заготовок леса и дорожного строительства в районе Кариселкя на площади в 92 га, разрешив, однако, проводить эти работы в районе Мирхаминмаа². Суд

¹ "Сара и др. против Финляндии", сообщение № 431/1990.

² Государство-участник отмечает, что 92 га соответствуют приблизительно 3% от 6 900 га угодий, используемых кооперативом в целях лесохозяйственной деятельности.

руководствовался следующим критерием: "являются ли негативные последствия вырубки леса столь серьезными, что их можно квалифицировать как лишение саами возможности заниматься оленеводством, которое является частью их культуры, адаптировано к современным условиям, выгодно и рационально". Суд счел, что заготовки леса в районе Мирхаминмаа будут в долгосрочном плане содействовать развитию оленеводства в этом районе и соответствовать его интересам. Поскольку природные условия в районе Кариселкя иные, в долгосрочной перспективе могут значительно сократиться запасы лишайника. Исходя, в частности, из решений Комитета³, Суд постановил, что последствия лесозаготовительных работ с учетом того, что данный район входит в число имеющих стратегическое значение пастбищ, воспрепятствуют развитию оленеводства на этой территории. Одним из факторов, определивших такое решение, было признание одного из экспертов Лесной службы в том, что эти лесные массивы он так и не посетил. После того, как решение было принято, в районе Мирхаминмаа начались запланированные лесозаготовительные работы.

2.3 После подачи Лесной службой апелляции в Апелляционный суд Рованиеми Управление лесного хозяйства добивалось проведения, в качестве исключения, устных слушаний. Суд удовлетворил эту просьбу, отклонив предложение автора о том, чтобы сам Апелляционный суд провел инспекцию в указанном районе. Эксперт, посетивший между тем лесные массивы, подтвердил свое заключение, которое он сделал ранее в суде первой инстанции в пользу Лесной службы. Другой эксперт Лесной службы заявил, что оленеводческий кооператив авторов серьезно не пострадает от сокращения территории пастбищ вследствие заготовок леса, но Суд не был проинформирован о том, что этот эксперт уже предлагал властям сократить принадлежащее авторам поголовье на 500 оленей по причине чрезмерного стравливания пастбищ.

2.4 11 июля 1997 года Апелляционный суд, отменив принятое в первой инстанции решение, разрешил проводить лесозаготовительные работы также в районе Кариселкя и обязал авторов оплатить издержки в размере 75 000 финляндских марок⁴. Суд иначе оценил выводы эксперта. Он постановил, что предполагаемые лесозаготовки на небольшой территории (где не будут проводиться дополнительные дорожные работы) окажут минимальное воздействие на запасы древесного лишайника и, в перспективе, увеличат запасы почвенного лишайника. С учетом того факта, что данный район не является основным пастбищем в зимнее время и в последние годы в качестве вспомогательных угодий не использовался, Суд пришел к заключению, что негативное воздействие на оленеводство в долгосрочном плане доказано не было, а краткосрочные последствия будут минимальными. Ни Апелляционный суд, ни Лесная служба не сообщили авторам о том, что Лесная служба представила Суду, как считают авторы, искаженные аргументы, исходя из решения Комитета об отсутствии нарушения статьи 27 Пакта в связи с делом "Юни Лянсман и др. против Финляндии"⁵. Авторы узнали об этом, лишь получив решение Апелляционного суда, в котором отмечалось, что мнение Комитета принято во внимание, но комментарии авторов были "явно излишними". 29 октября 1997 года Верховный суд самостоятельно и без изложения каких-либо причин постановил не давать разрешения на обжалование. Затем в районе Кариселкя производились лесозаготовительные работы, но никаких дорог не строилось.

2.5 15 декабря 1997 года Омбудсмен определил, что муниципалитет Инари и его мэр противоправно оказывали давление на авторов, официально предлагая им отказаться от дальнейших процессуальных действий, но он счел, однако, действия Лесной службы противозаконными или

³ "Сара против Финляндии" (сообщение № 431/1990), "Киток против Швеции" (сообщение № 197/1985), "Оминайяк против Канады" (сообщение № 167/1984), "Илмари Лянсман против Финляндии" (сообщение № 511/1992), а также принятое Комитетом Замечание общего порядка 23 (50).

⁴ Общая сумма издержек, вмененная солидарно авторам, составляет 73 965,28 финляндских марок при 11% годовых.

⁵ Сообщение № 671/1995.

неправомерными⁶. Омбудсмен ограничился лишь тем, что довел до сведения сторон свой вывод. 1 июня 1998 года вступило в силу решение министерства сельского хозяйства и лесной промышленности (от 13 ноября 1997 года) о сокращении поголовья оленей Салливаарского кооператива на 500 оленей с 9 000 до 8 500 животных. 3 и 11 ноября 1998 года Лесная служба потребовала от авторов выплатить в совокупности более 20 000 финляндских марок для покрытия судебных издержек⁷. Эта затребованная Лесной службой сумма составляет значительную часть облагаемых налогом доходов авторов.

Жалоба

3.1 Авторы заявляют о нарушении статьи 27 Пакта, которое нашло свое выражение в том, что Апелляционный суд разрешил лесозаготовительные работы и дорожное строительство в районе Кариселкя, где находятся лучшие зимние угодья оленеводческого кооператива авторов. Авторы утверждают, что заготовка леса на пастбищных землях в сочетании с одновременным сокращением разрешенного поголовья оленей равносильны отказу им в праве пользоваться, совместно с другими саами, их культурой, для которой важнейшее значение имеет поддержание оленеводства.

3.2 Авторы заявляют о нарушении пунктов 1 и 2 статьи 14 Пакта, утверждая, что Апелляционный суд не был беспристрастным, предопределив решение по данному делу и нарушив принцип равенства состязательных возможностей: i) разрешил проведение устных слушаний, отказавшись провести инспекцию на место; и ii) принял во внимание информацию, не предоставив другой стороне возможности прокомментировать ее. Авторы также утверждают, что вменение авторам издержек на уровне апелляционного разбирательства в первой инстанции является произвольным и фактически препятствует другим саами ссылаться на закрепленные в Пакте права в целях защиты их культуры и жизненного уклада. Государство не оказывает никакой помощи неимущим сторонам судебного процесса для покрытия судебных издержек⁸.

3.3 Авторы также утверждают, что Лесная служба неправомерно оказывала влияние на ход судебного разбирательства их дела. Согласно утверждениям авторов, их притесняли, организовывали их публичное осуждение, муниципалитет официально предлагал им отозвать иск, угрожая экономическому развитию оленеводческого кооператива, а Лесная служба сделала необоснованные заявления о совершении одним из авторов уголовного преступления.

3.4 Авторы утверждают, что необоснованное решение Верховного суда об отказе дать разрешение на обжалование стало нарушением права на эффективные средства правовой защиты по смыслу пункта 3 статьи 2 Пакта. Они заявляют, что отказ дать разрешение на обжалование в Верховном суде представляет собой отказ в правосудии в нарушение статьи 14, подтверждая, что никаких эффективных средств правовой защиты в связи с этим нарушением не существует.

Представления государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 Государство-участник изложило свои соображения по данному сообщению в представлении от 10 апреля 1999 года. Государство-участник оспаривает приемлемость сообщения. Оно утверждает, что в связи с рядом утверждений не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Поскольку авторы не обжаловали положения принятого в первой инстанции решения, которые позволили проводить заготовки леса и дорожное строительство в районе Мирхаминмаа, они не

⁶ Жалоба была представлена почти тремя годами ранее.

⁷ Нет никакой информации о том, добивается ли Лесная служба оплаты оставшейся части судебных издержек (приблизительно 55 000 финляндских марок).

⁸ Авторы были также представлены pro bono в ходе всего процесса.

исчерпали имеющиеся внутренние средства правовой защиты, и жалоба в данной части является неприемлемой в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

4.2 Государство-участник утверждает, что нарушение какого бы то ни было положения Пакта доказано не было. Что касается утверждений, относящихся к статье 27, то государство-участник согласно с тем, что община саами является этническим меньшинством, защита которого гарантируется этой статьей, и что отдельные лица вправе пользоваться такой защитой. Оно также согласно с тем, что оленеводство является общепризнанной частью саамской культуры и соответственно ему гарантируется защита в соответствии со статьей 27, поскольку оно имеет важнейшее значение для саамской культуры и необходимо для ее сохранения.

4.3 В то же время, ссылаясь на дела "Лавлейс против Канады"⁹ и "Илмари Лянсман и др. против Финляндии"¹⁰, государство-участник утверждает, что не всякое вмешательство, которое каким-либо ограниченным образом изменяет сложившиеся ранее условия, можно рассматривать как отказ в правах, закрепленных в статье 27. В связи с делом Лянсмана Комитет определил критерии того, действительно ли воздействие "столь существенно, что фактически лишает авторов прав [предусмотренных в статье 27]". Государство-участник также ссылается на решения Верховного суда Норвегии и Европейской комиссии по правам человека о том, что в судебном порядке надлежит разбирать дела, связанные с серьезным и значительным посягательством на интересы коренных народов¹¹.

4.4 Государство-участник подчеркивает в рассматриваемом случае ограниченные масштабы лесозаготовительных работ в районе Кариселкя на площади в 92 га – угодья кооператива составляют в совокупности 286 000 га. Государство-участник ссылается на обстоятельства дела "Юни Лянсман и др. против Финляндии"¹², в рамках которого Комитет определил, что лесозаготовки на территории в 3 000 га из 255 000 га не свидетельствуют о нарушении статьи 27.

4.5 Государство-участник отмечает, что утверждения авторов подробно анализировались двумя судами, которые рассматривали их дело как раз в свете статьи 27 Пакта. Перед оценкой фактов эти суды заслушивали показания экспертов, изучали обширные документальные материалы и проводили инспекцию на место. Апелляционный суд установил скудность запасов лишайника, а также то, что лесозаготовки будут содействовать их восстановлению¹³. Кроме того, запланированная промежуточная вырубка является таким видом лесозаготовительных работ, который оказывает ограниченное воздействие, и его последствия были менее серьезными по сравнению с лесозаготовками, упоминавшимися в связи с делом Юни Лянсмана, когда Комитет не констатировал никакого нарушения. Кроме того, государство-участник не уверено в том, что район Кариселкя относится к "лучшим (зимним) угодьям", отмечая, что Суд установил, что этот район не является основным пастбищем в зимнее время и в последние годы не использовался даже в качестве вспомогательных угодий.

4.6 Государство-участник также подчеркивает, что в соответствии с рекомендацией, высказанной Комитетом в связи с делом Юни Лянсмана, заинтересованные лица активно участвовали в принятии

⁹ Сообщение № 24/1977.

¹⁰ Сообщение № 511/1992.

¹¹ Дело Альта, Верховный суд Норвегии, 26 февраля 1982 года и дело "Г. и Е. против Норвегии", Заявления № 9278/1981 и 9415/1981 (объединены), "Решения и доклады Европейской комиссии по правам человека", том 35.

¹² Сообщение № 671/1995.

¹³ Государство-участник отмечает, что другой кооператив предложил провести аналогичные лесозаготовительные работы на его территории в целях содействия росту запасов лишайника.

решений, затрагивающих их интересы. Планы Лесной службы были разработаны в консультации с оленеводами как с основными заинтересованными лицами. С учетом позиции Салливарского комитета был принят иной подход, чем первоначально рекомендовал Комитет по дикой природе, в целях согласования лесохозяйственной деятельности и оленеводства, включая территориальное ограничение лесохозяйственной деятельности. В этой связи государство-участник настоятельно ссылается на законодательно закрепленные обязательства Лесной службы обеспечивать устойчивое управление и защиту природных ресурсов, в том числе удовлетворение потребностей саамской оленеводческой культуры¹⁴. Поэтому государство-участник заявляет, что несовпадающие интересы лесохозяйственной деятельности и оленеводства были надлежащим образом проанализированы в процессе определения наиболее рациональных методов управления лесными ресурсами.

4.7 Государство-участник отмечает, что в связи с делом Ильмари Лянсмана Комитет одобрил подобное согласование, определив, что для обеспечения соответствия запланированной экономической деятельности положениям статьи 27, она должна осуществляться таким образом, чтобы авторы могли и впредь с пользой для себя заниматься оленеводством. Запланированные в том случае меры также способствовали оленеводству благодаря обеспечению устойчивых запасов лишайника и не препятствовали его развитию. Кроме того, многие оленеводы, включая авторов, осуществляют, помимо оленеводства, на своих землях лесохозяйственную деятельность.

4.8 Государство-участник заявляет, что, вопреки утверждению авторов, не было принято в конечном итоге никакого решения о сокращении поголовья оленей, хотя свои мнения на этот счет и высказывали комитеты оленеводов и Саамский парламент.

4.9 Касаясь настоящей жалобы в целом, государство-участник утверждает, что право авторов пользоваться саамской культурой, в том числе заниматься оленеводством, было в рассматриваемом случае надлежащим образом учтено. Хотя лесозаготовительные работы и образующиеся в этой связи отходы временно окажут определенное негативное воздействие на пастбища, не было доказано, что их воздействие будет иметь значительные и долгосрочные последствия, которые помешают авторам продолжать заниматься оленеводством в данном районе в прежних масштабах. Наоборот, отмечалось, что вследствие чрезмерного стравливания пастбищные угодья находились в плачевном состоянии и нуждались в восстановлении. Кроме того, данный район составляет весьма малую часть занимаемой кооперативом территории, и в 70-е и 80-е годы его использовали зимой главным образом в кризисные периоды.

4.10 Касаясь утверждений авторов, связанных со статьей 14, государство-участник не согласно с тем, что вменение судебных издержек или процедуры проведенного судебного разбирательства свидетельствует о нарушениях статьи 14.

4.11 В отношении вменения издержек государство-участник отмечает, что в соответствии с национальным законодательством проигравшая сторона обязана в надлежащих случаях покрыть разумные судебные издержки выигравшей стороны¹⁵. Законодательство не содержит никаких иных особых положений в тех случаях, когда сторонами являются частное физическое лицо и государственный орган или когда речь идет о правах человека. Аналогичные принципы действуют во многих иных государствах, включая Австрию, Германию, Норвегию и Швецию, и они оправданы с точки зрения предотвращения необоснованных процессуальных действий и задержек. По мнению государства-участника, такой механизм наряду с бесплатным предоставлением услуг адвокатов обеспечивает равенство в судах между истцами и ответчиками. В то же время государство-участник

¹⁴ Государство-участник ссылается на статью 2 Закона о Национальной лесной и парковой службе 1993 года; на статью 11 Постановления о Лесной и парковой службе Финляндии 1993 года, а также на документы учрежденной при министерстве сельского хозяйства и лесной промышленности рабочей группы по оленеводству.

¹⁵ Раздел 1 главы 21 Уголовно-процессуального кодекса 1993 года.

отмечает, что с 1 июня 1999 года вступит в силу поправка к законодательству, позволяющая судам *ex officio* уменьшать сумму издержек, которая в противном случае будет явно необоснованной и несправедливой с точки зрения фактов, отражающих совершенные процессуальные действия, позицию сторон и значение рассмотренного дела.

4.12 В рассматриваемом случае авторам было предложено выплатить на 10 000 финляндских марок меньше, чем сумма в 83 765,59 финляндских марок, погашения которой добивалась в действительности Лесная служба.

4.13 Касаясь процедуры разбирательства в Апелляционном суде, государство-участник утверждает, что в соответствии с национальным (действовавшим в тот период) законодательством не сторонам, а суду надлежит решать вопрос о целесообразности проведения устного разбирательства для оценки достоверности и важности устных свидетельских показаний, сделанных в Окружном суде. Что касается отказа от направления инспекции на место, то после ознакомления со всеми мнениями сторон и доказательствами, Суд счел, что такая инспекция не принесет никаких дополнительных сведений. Результаты инспекции, проведенной Окружным судом, не оспаривались и, соответственно, не было необходимости в проведении новой инспекции. Государство-участник отмечает, что любой эксперт мог пойти и осмотреть соответствующий район, и такое посещение не могло ущемить интересы правосудия. Однако в решении Суда нет указания на то, действительно ли эксперт посетил данный лесной массив и сколь важны были полученные в этой связи сведения. У авторов тоже был эксперт, хорошо знающий данный лесной массив.

4.14 Касаясь замечаний по делу Юни Лянсмана, представленных Лесной службой после истечения срока обжалования, государство-участник отмечает, что это произошло лишь потому, что Соображения Комитета были сформированы позднее. В письме Лесной службы фактически лишь излагалось решение без каких-либо конкретных комментариев¹⁶ и поэтому государство-участник сочло явно излишним запрашивать комментарии у другой стороны. Государство-участник отмечает, что в любом случае суд мог учесть Соображения Комитета *ex officio* в качестве источника права и что обе стороны могли высказать свои комментарии в отношении Соображений в ходе устного разбирательства.

4.15 Государство-участник отвергает утверждения авторов о том, что в нарушение статьи 2 не обеспечивается никакого права на эффективное средство правовой защиты. Положения Пакта непосредственно инкорпорированы в законодательство Финляндии и на них можно (как и раньше) непосредственно ссылаться в судах любого уровня. Любое решение, принятое судом первой инстанции, может быть обжаловано, а для обжалования решений апелляционных органов необходимо специальное разрешение. Такое разрешение дается лишь в тех случаях, когда необходимо обеспечить согласованность судебной практики, когда была допущена процедурная или иная ошибка, требующая отмены принятого ранее решения, или когда для этого существуют иные серьезные основания. В данном случае две компетентных судебных инстанции всесторонне рассмотрели утверждения и аргументы авторов.

4.16 Касаясь общих жалоб на притеснения и нарушения, государство-участник отмечает, что Лесная служба сообщила полиции о предполагаемом преступлении - несанкционированной рубке леса на

¹⁶ Полный текст соответствующей части письма гласит: "Решение Комитета по правам человека касается сообщения, представленного авторами, которые полагают, что их дело не было должным образом рассмотрено судами Финляндии и что итоги разбирательства их дела несправедливы. Комитет по правам человека отклонил данное сообщение, посчитав, что Верховный суд пришел к правильному заключению. В то же время, Комитет по правам человека установил, что лесозаготовительные работы, выполненные и запланированные Национальной лесной и парковой службой в районе Ангели, не представляют собой отказ авторам в праве осуществлять оленеводство, которое является элементом их культурного наследия в соответствии со статьей 27 Пакта о гражданских и политических правах. Поскольку Комитет по правам человека пришел к тому же заключению, что и Верховный суд, в решении поддерживаются замечания Национальной лесной и парковой службы".

государственной земле супругом одного из авторов. Хотя полиция еще продолжает расследование данного случая, упомянутый автор уже выплатил Лесной службе компенсацию за нанесенный ущерб и следственные издержки. Однако эти события не повлияли на позицию Лесной службы по вопросам, поднятым в сообщении.

Ответ авторов на представления государства-участника

5.1 Авторы ответили на представления государства-участника 10 октября 1999 года.

5.2 По вопросу о приемлемости сообщения авторы заявляют, что они не искали средства правовой защиты в связи с рубкой леса в районе Мирхаминмаа, сосредоточив свои усилия на отстаивании решения Окружного суда по району Кариселкя в Апелляционном суде.

5.3 Касаясь существа сообщения, авторы, однако, утверждают, что вырубка леса в районе Мирхаминмаа незамедлительно и неизбежно ущемляет их права, закрепленные в статье 27. Такая вырубка леса на лучших зимних угодьях кооператива все серьезнее угрожает оленеводству, повышая стратегическое значение района Кариселкя для оленеводства, и должна, соответственно, быть принята во внимание. Район Кариселкя становится особенно важным в кризисные периоды зимой и весной, когда оленям не хватает кормов из-за ограниченного числа пастбищ. Авторы утверждают, что значение района Кариселкя также возросло потому, что возможности для разведения оленей в этом районе ограничивает иная деятельность, в том числе широкомасштабная добыча золота и других полезных ископаемых, активный туризм и функционирование радиолокационной станции. По словам авторов, происшедшее в результате упомянутой деятельности сокращение территории, используемой для оленеводства, способствовало стравливанию оставшихся пастбищ. Авторы подчеркивают, что, несмотря на это, лесозаготовительные работы в районе Кариселкя уже ведутся.

5.4 Авторы оспаривают замечания государства-участника о том, что не принято никакого решения о снижении поголовья оленей, и в поддержку своей позиции представляют текст постановления министерства сельского хозяйства и лесной промышленности от 13 ноября 1997 года, которое вступило в силу 1 июня 1998 года и предусматривало сокращение поголовья в районе Салливаара на 500 оленей с 9 000 до 8 500 животных. Такое сокращение обусловлено недостатком пастбищ (что признает государство-участник), а Апелляционный суд, как утверждается, пришел к выводу о том, что пастбищ хватает. Авторы отвергают также вмешательство государства-участника в осуществляемую ими самостоятельно лесохозяйственную деятельность, заявляя, что такая деятельность необходима для обеспечения их выживания в тяжелых экономических условиях и в любом случае не сопоставима по ее масштабам с вырубкой леса, проводимой государством-участником.

5.5 Касаясь аргументов государства-участника по вопросам, поднимаемым в сообщении в связи со статьей 14, авторы поясняют относительно вменения судебных издержек, что новый более гибкий режим покрытия этих издержек к ним не применялся. Само изменение этого режима было отчасти результатом направления настоящего сообщения. Авторы отмечают, что, добиваясь вменения издержек, Лесная служба публично объявила о том, что она стремилась "предотвратить излишние судебные разбирательства". Однако тот факт, что авторы выиграли дело в суде первой инстанции, свидетельствует по крайней мере о том, что это судебное разбирательство нельзя считать излишним.

5.6 По вопросу об устном разбирательстве и отказе Апелляционного суда направить инспекцию на место авторы отмечают, что, хотя устное разбирательство и носило в то время исключительный характер, они возражали не против устного разбирательства как такового, а против процедуры судебного разбирательства в целом. Общая процедура судебного разбирательства была несправедливой, поскольку, несмотря на проведение устных слушаний, инспекцию на место решили не направлять. Авторы утверждают, что Суд отклонил просьбу о направлении инспекции на место еще до заслушивания показаний экспертов. Как бы то ни было, в соответствии с действующими в Финляндии процессуальными нормами инспекция на место должна быть проведена до основного разбирательства. Кроме того, авторы утверждают, что материалы инспекции (одна страница

протокола и несколько фотографий) не должны и не могут заменить собой однодневную инспекцию на место.

5.7 Касаясь представлений Лесной службы в Апелляционный суд после истечения установленного срока, авторы заявляют, что они включали Соображения Комитета по делу Юни Лянсмана и памятную записку. В начале устного разбирательства авторы хотели представить Суду соответствующее решение, но им сказали, что Лесная служба уже сделала это. Суд ни разу не упомянул памятную записку, о содержании которой авторы в ходе слушаний так и не узнали. По словам авторов, в упомянутой записке толковались Соображения Комитета, что подтверждает представленный государством-участником перевод. Эта записка не может означать, как то заявила Лесная служба, что в *рассматриваемом* случае не было никакого нарушения Пакта. Два случая являются абсолютно разными, поскольку Соображения по делу Юни Лянсмана исходили из уже занятой национальными судами позиции, а в рассматриваемом случае разбирательство еще продолжалось. По мнению авторов, упомянутая записка повлияла соответствующим образом на решение Суда и авторы не имели возможности высказать по ней свои замечания в нарушение их прав, предусмотренных в статье 14. Это нарушение не было исправлено Верховным судом, который отказался дать разрешение на обжалование. Была нарушена также статья 27, поскольку в результате процессуальных действий, осуществленных в нарушение статьи 14, были проведены лесозаготовительные работы.

5.8 7 августа 2001 года авторы представили текст еще одного постановления министерства сельского хозяйства от 17 января 2000 года о дополнительном сокращении поголовья оленей Салливарского кооператива на 1 000 голов (с 8 500 до 7 500 животных) вследствие недостатка пастбищ. Таким образом, за два с половиной года общее поголовье оленей было сокращено на 17%.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры определить, является ли данное сообщение приемлемым согласно положениям Факультативного протокола к Пакту.

6.2 Поскольку жалобы авторов не касаются района Мирхаминмаа per se, Комитету нет необходимости высказываться по тем аргументам относительно приемлемости, которые были изложены государством-участником в связи с этим районом.

6.3 В отношении утверждения авторов о противозаконном вмешательстве муниципалитета Инари Комитет полагает, что в условиях, когда процессуальные действия, ставшие объектом предполагаемого вмешательства, фактически продолжались, авторы не представили достаточные аргументы в обоснование того, что эти факты свидетельствуют о нарушении какого-либо права, закрепленного в Пакте.

6.4 Что касается утверждений авторов о том, что они подвергались притеснениям и запугиванию в ходе судебного разбирательства, поскольку Лесная служба организовала публичное осуждение авторов и голословно объявила о совершении кражи, то авторы не детализировали свои утверждения в этой связи. Отсутствие каких-либо фактов в обоснование самих этих утверждений не позволяет Комитету надлежащим образом рассмотреть их существо и влияние на процессуальные действия. Поэтому сообщение в этой части не является достаточно обоснованным для целей приемлемости и не приемлемо в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

7.1 Комитет признает остальные элементы сообщения приемлемыми и приступает к рассмотрению существа сообщения. Комитет рассматривает сообщение в свете всей информации, представленной сторонами, как то предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Что касается аргумента авторов о том, что вменение им значительных судебных издержек, связанных с процедурой обжалования, стало нарушением их предусмотренных в пункте 1 статьи 14

прав на равный доступ к судам, то Комитет полагает, что включение в законодательство жестокого правила о возложении расходов на выигравшую сторону может разубедить тех, кто утверждает, что их права, закрепленные в Пакте, были нарушены, в целесообразности поиска какого-либо средства защиты в суде. В данном конкретном случае Комитет отмечает, что авторами являются частные лица, которые возбудили судебную процедуру, заявив о нарушении прав, предусмотренных в статье 27 Пакта. В этих условиях Комитет полагает, что вменение Апелляционным судом значительных судебных издержек, без рассмотрения их последствий для конкретных авторов или их воздействия на доступ к судам для других истцов, находящихся в аналогичной ситуации, представляет собой нарушение прав авторов, предусмотренных в пункте 1 статьи 14 в сочетании со статьей 2 Пакта. Комитет отмечает, что после того, как в 1999 году в законодательство, регулирующее процедуры судопроизводства, были внесены поправки, суды государства-участника обладают впредь правом принимать во внимание такие факторы с учетом обстоятельств каждого конкретного случая.

7.3 Касаясь связанных со статьей 14 утверждений авторов о том, что процедура рассмотрения в Апелляционном суде была несправедливой, поскольку было проведено устное разбирательство, а в проведении инспекции на место было отказано, Комитет полагает, что процедуры, применяемые национальными судами, надлежит, как общее правило, определять самим судам в интересах правосудия. Именно на авторов возлагается бремя доказывания, что в результате какой-либо конкретной практики была допущена несправедливость в рамках конкретных процессуальных действий. В рассматриваемом случае было проведено устное разбирательство, поскольку Суд счел его необходимым для оценки достоверности и важности устных свидетельских показаний. Авторы не привели доказательства того, что это решение было явно произвольным или было иным образом равносильно отказу в правосудии. В отношении отказа направлять инспекцию на место Комитет считает, что авторы не доказали, что решение Апелляционного суда взять за основу проведенную Окружным судом инспекцию соответствующего района и воспользоваться ее материалами сделало разбирательство несправедливым или серьезно повлияло на результаты рассмотрения дела. Поэтому Комитет не может констатировать факт нарушения статьи 14 в рамках процедуры разбирательства в Апелляционном суде.

7.4 Касаясь заявления авторов о том, что Апелляционный суд нарушил закрепленное в пункте 1 статьи 14 право авторов на справедливое судебное разбирательство, не предоставив авторам возможности высказать замечания относительно содержащей юридические аргументы записки, представленной Лесной службой после истечения установленных сроков, Комитет отмечает, что одной из основополагающих обязанностей судов является обеспечение равенства сторон, включая предоставление им возможности оспаривать все аргументы и доказательства, изложенные другой стороной¹⁷. Апелляционный суд заявляет, что он имел "особую причину" принять во внимание эти конкретные представления, сделанные одной из сторон, и счел "явно излишним" предлагать другой стороне высказать ее замечания. Как следствие авторы были лишены возможности высказать свои замечания по представленной другой стороной записке, которую Суд учел при принятии решения в пользу стороны, направившей упомянутые материалы. Комитет полагает, что эти обстоятельства свидетельствуют о том, что Апелляционный суд не обеспечил каждой стороне в полной мере возможность оспаривать представления другой стороны, нарушив тем самым принципы равенства перед судами и справедливого судебного разбирательства, закрепленные в пункте 1 статьи 14 Пакта.

7.5 Переходя к заявлению о нарушении статьи 27, которое состояло в том, что была разрешена вырубка леса в районе Кариселкя, Комитет отмечает, что авторы - это никто не оспаривает - являются

¹⁷ В связи с делом "Янсен-Гилен против Нидерландов" (сообщение № 846/1999) Комитет отметил: "Поэтому Апелляционному суду, не ограниченному временными рамками, надлежало *обеспечить, чтобы каждая сторона могла выдвинуть свои возражения в отношении документальных доказательств, которые представила или желала представить другая сторона*, и, в случае необходимости, отложить судебное заседание. Учитывая отсутствие гарантий равенства сторон в состязательном процессе судебного разбирательства, Комитет констатирует нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта" (выделено нами).

членами меньшинства, обладающего своей культурой, и что оленеводство - один из важнейших элементов их культуры. Подход, использованный Комитетом в прошлом, основывался на определении того, является ли вмешательство государства-участника в оленеводство столь существенным, что не обеспечивается должным образом защита прав авторов на пользование их культурой. Поэтому перед Комитетом встает вопрос о том, действительно ли лесозаготовки на 92 гектарах в районе Кариселкя выходят за рамки допустимого.

7.6 Комитет отмечает, что с авторами и другими основными группами заинтересованных лиц проводились консультации в процессе планирования лесозаготовительных работ Лесной службы и что эти планы были частично изменены с учетом критических замечаний упомянутых лиц. Исходя из оценки частично противоречивого заключения экспертов и учитывая результаты инспекции на месте, окружной суд определил, что район Кариселкя необходим авторам для пользования их культурными правами, закрепленными в статье 27 Пакта. Апелляционный суд иначе расценил представленные материалы, определив то же с точки зрения статьи 27, что запланированные лесозаготовительные работы будут частично способствовать долгосрочному устойчивому развитию оленеводства, благодаря, в частности, обновлению почвенных лишайников, а также что данный район имеет второстепенное значение в плане оленеводства среди всех земельных угодий кооператива. Исходя из представлений, полученных им как от авторов, так и от государства-участника, Комитет считает, что он не располагает достаточной информацией для объективного заключения о реальном значении рассматриваемого района для оленеводства, о долгосрочном воздействии на устойчивое развитие оленеводства и о последствиях, связанных со статьей 27 Пакта. Поэтому Комитет не может сделать вывод о том, что в этих условиях лесозаготовки на 92 гектарах приводят к тому, что в нарушение статьи 27 Пакта государство-участник не обеспечивает надлежащим образом защиту права авторов пользоваться саамской культурой.

7.7 В свете изложенных выше соображений Комитета отпадает необходимость в рассмотрении других утверждений авторов, связанных со статьей 2 Пакта.

8.1 Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении Финляндией пункта 1 статьи 14 в сочетании со статьей 2 Пакта, а также о нарушении пункта 1 статьи 14 Пакта в отдельности.

8.2 В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта Комитет полагает, что авторы имеют право на эффективное средство правовой защиты. Касаясь вменения авторам судебных издержек, Комитет считает, что, поскольку такое вменение стало нарушением пункта 1 статьи 14 Пакта и, более того, последовало за процессуальными действиями, противоречащими пункту 1 статьи 14, государство-участник обязано вернуть авторам ту сумму, которая была уже выплачена, и воздержаться от взыскания каких-либо дополнительных сумм. Что касается нарушения пункта 1 статьи 14, обусловленного порядком рассмотрения Апелляционным судом памятной записки, представленной с опозданием Лесной службой (пункт 7.4), то Комитет полагает, что, поскольку на решении Апелляционного суда негативно сказалось серьезное нарушение положений о справедливом судебном разбирательстве, государству-участнику надлежит еще раз рассмотреть утверждения авторов. Кроме того, государство-участник обязано обеспечить, чтобы аналогичные нарушения не повторялись в будущем.

9. С учетом того что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действенными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом Соображений. Кроме того, государству-участнику предлагается опубликовать Соображения Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (совпадающее) мнение члена Комитета Прафулладандры Н. Бхагвати

Ознакомившись с текстом мнений, высказанных большинством членов Комитета, я выражаю согласие с этими мнениями, за исключением соображений, касающихся пункта 7.2 и, частично, пункта 8.2. Поскольку я в целом согласен с большинством членов почти по всем вопросам, не считаю необходимым повторять факты в моем изложении, и, следовательно, сразу перейду к моему не совпадающему мнению в отношении пунктов 7.2 и 8.2.

Что касается предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 14 в сочетании со статьей 2 вследствие вменения существенных судебных издержек, то большинство членов Комитета сочли, что с учетом фактов и обстоятельств данного дела такое вменение является нарушением упомянутых статей. Хотя некоторые члены и выразили иное мнение, я согласен с большинством, исходя, однако, из несколько иных соображений.

Очевидно, что в соответствии с действовавшим в рассматриваемый период законодательством Суд не мог решать по своему усмотрению вопрос о вменении судебных издержек. На Суд было возложено нормативное обязательство вменить судебные издержки выигравшей стороне. Суд был не вправе вменить издержки - или даже отказаться вообще от вменения издержек - проигравшей стороне с учетом характера судебного спора, затронутых общественных интересов и финансового положения стороны. Такое нормативное положение оказывало негативное воздействие на осуществление права доступа к органам правосудия теми истцами, которые не обладают значительными сбережениями, и особенно теми, кто использует процедуру *actio popularis*. Вменение значительных судебных издержек в соответствии с таким жестким и негибким нормативным положением в условиях рассматриваемого случая, когда два члена племени саами возбудили в общественных интересах иск для защиты своих культурных прав от того, что, по их мнению, является серьезным нарушением, представляет собой, как я полагаю, очевидное нарушение пункта 1 статьи 14 в сочетании со статьей 2. К счастью, подобная ситуация впредь не возникнет, поскольку, как нам сказали, закон, регулировавший тогда вменение судебных издержек, уже изменен. Теперь Суд вправе самостоятельно решать, целесообразно ли вообще вменить судебные издержки выигравшей стороне и, если да, то в каком размере, с учетом различных обстоятельств, которые я упомянул выше.

Что касается пункта 8.2, то я хотел бы отметить, что авторы вправе рассчитывать на помощь, упоминаемую в пункте 8.2 в связи с издержками, не только потому, что вменение судебных издержек последовало за разбирательством в Апелляционном суде, которое само по себе противоречило пункту 1 статьи 14 по изложенным в пункте 7.4 причинам, но и потому, что вменение судебных издержек было само по себе нарушением пункта 1 статьи 14 в сочетании со статьей 2 по причинам, изложенным в пункте 7.2. Я полностью согласен с остальными соображениями, которые содержатся в пункте 8.2.

Особое (частично не совпадающее) мнение членов Комитета Абдельфаттаха Амора, Нисуке Андо, Кристины Шане, Эккарта Кляйна, Ивана Ширера и Макса Ялдена

Хотя мы и поддерживаем общий подход Комитета к вопросу о вменении судебных издержек (см. также дело "Линдон против Австралии", сообщение № 646/1995), мы не можем согласиться с тем, что в рассматриваемом случае имеются ясные основания и доказательства того, что интересы авторов были столь серьезно затронуты соответствующим решением, принятым в рамках процедуры обжалования, что доступ к судам фактически был или будет для них закрыт. По нашему мнению, они не привели достаточные обоснования, подтверждающие утверждение об их своем тяжелом финансовом положении.

Что касается возможных в будущем сдерживающих последствий для данных или иных потенциальных авторов, то следует принять во внимание поправку к Судебно-процессуальному кодексу, в соответствии с которой суды вправе снижать сумму вменяемых судебных издержек,

которые явно не разумны или не справедливы, с учетом конкретных обстоятельств каждого случая (см. пункт 4.11 выше).

В то же время, поскольку мы разделяем мнение о том, что на решении Апелляционного суда негативно сказалось нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта (см. пункт 7.4 выше), это нарушение повлияло и на решение по судебным издержкам. Поэтому мы присоединяемся к выводу Комитета о том, что государство-участник обязано возместить авторам ту часть судебных издержек, которая была уже оплачена, и воздержаться от взыскания любых новых сумма (см. пункт 8.2 Соображений Комитета).

Сообщение № 788/1997

Представлено: Дженьювалом Кагасом, Уилсоном Бьютином и Хулио Астильеро
[представлены адвокатом]

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство участник: Филиппины

Дата принятия Соображений: 23 октября 2004 года

Тема сообщения: Досудебное содержание под стражей и жестокое обращение

Процедурные вопросы: Отсутствуют

Вопросы существа: Право на презумпцию невиновности, нарушенное вследствие чрезмерно продолжительного досудебного содержания под стражей - Необоснованно продолжительное досудебное содержание под стражей - Право быть судимым без неоправданной задержки

Статьи Пакта: 7, пункт 3 статьи 9; пункт 1 статьи 10; и пункты 2 и 3 с) статьи 14

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: Отсутствуют

Вывод: Наличие нарушения

1. Авторами сообщения от 17 сентября 1996 года являются г-н Дженьювал М. Кагас, г-н Уилсон Бьютин и г-н Хулио Астильеро, которые являются гражданами Филиппин и в настоящее время содержатся на Филиппинах в тюрьме "Tinangis Jail and Penal Farm". Они утверждают, что являются жертвами нарушения Филиппинами пункта 2 статьи 14 Пакта. Их представляет неправительственная организация "Крестовый поход за справедливое отправление правосудия".

Факты в изложении авторов

2.1 23 июня 1992 года полиция населенного пункта Либманан, Камаринес-Сур, Филиппины, обнаружила в доме д-ра Долорес Аревало тела шести женщин, включая тело хозяйки дома. Руки жертв были связаны, а головы разбиты.

2.2 Несмотря на отсутствие очевидцев убийства, один из соседей, г-н Публио Рили, утверждал, что видел четырех мужчин, направлявшихся к дому д-ра Аревало вечером 22 июня 1992 года. Позднее г-н Рили опознал трех авторов сообщения в качестве лиц, которых он видел в тот вечер. Спустя некоторое время после того, как четверо мужчин вошли в дом, тот же свидетель услышал, что в доме д-ра Аревало раздаются "глухие удары". Затем он увидел удалявшийся от дома автомобиль.

2.3 Той же ночью один полицейский заметил указанный автомобиль и записал его номер. Проведенное позднее расследование показало, что согласно номеру автомобиля он принадлежал г-ну Кагасу. Двое других обвиняемых и авторов сообщения являются наемными работниками г-на Кагаса.

2.4 Согласно результатам расследования, г-н Кагас поставлял медикаменты в больницу, где работала д-р Аревало, которая незадолго до инцидента была назначена главным врачом этой больницы. Кроме того, было установлено, что д-р Аревало отказалась закупать медикаменты у г-на Кагаса.

2.5 Обвинение представило в суд заверенную копию телеграммы, которая была якобы послана г-ном Кагасом мужу д-ра Аревало. В этой телеграмме мужу д-ра Аревало предлагалось сообщить своей жене, чтобы она больше не рассчитывала на скидку при поставках медикаментов.

2.6 Авторы сообщения были арестованы соответственно 26, 29 и 30 июня 1992 года в качестве подозреваемых в совершении убийства, получившего общественный резонанс в качестве "зверства в Либманане". Авторы сообщения заявляют о своей невинности.

2.7 14 августа 1992 года авторы предстали перед судом, который принял решение заключить их под стражу до суда. 11 ноября 1992 года авторы представили ходатайство об освобождении из-под стражи под залог, а 1 декабря 1992 года - ходатайство об отмене постановления об аресте. 22 октября 1993 года районный суд отказал в удовлетворении их ходатайства об освобождении из-под стражи под залог. 12 октября 1994 года Апелляционный суд Манилы подтвердил решение районного суда от 22 октября 1993 года. 20 февраля 1995 года было отклонено ходатайство о пересмотре решения Апелляционного суда. 21 августа 1995 года Верховный суд оставил без удовлетворения ходатайство авторов об отмене решения Апелляционного суда.

2.8 5 июня 1996 года г-н Кагас, действующий от имени авторов сообщения, направил письмо Судебному администратору Верховного суда, в котором сообщал дополнительные факты в подтверждение необоснованности отклонения их ходатайства об освобождении из-под стражи под залог.

2.9 26 июля 1996 года Судебный администратор известил авторов о том, что они не вправе оспаривать вопросы вне сферы рассмотрения Верховного суда.

2.10 В своем последующем представлении от 29 мая 1999 года авторы утверждают, что 24 и 25 марта 1997 года один из них, а именно г-н Хулио Астильеро, был подвергнут "пыткам или жестокому обращению с использованием алкоголя"¹ со стороны тюремных надзирателей, которые пытались заставить его стать "свидетелем обвинения". О факте предполагаемого жестокого обращения был извещен судья Мартин Бадонго, исполнявший в то время функции председателя районного суда, однако он не принял в этой связи никаких мер.

Жалоба

3.1 Авторы заявляют о нарушении пункта 2 статьи 14 Пакта. Они утверждают, что распоряжение об их предварительном заключении под стражу до суда базируется исключительно на косвенных доказательствах, наличие которых является недостаточным основанием для отказа в освобождении из-под стражи под залог, и что это распоряжение не было надлежащим образом изучено судами вышестоящих инстанций, которые отказались пересматривать факты, оцененные председательствующим судьей.

3.2 Авторы утверждают, что в своем отказе удовлетворить их ходатайство от 26 июля 1996 года Судебный администратор полагался прежде всего на соображения процедурного характера, а не на существо правовых норм, несмотря на то, что речь шла об основополагающих конституционных правах.

¹ В своем сообщении авторы не уточняют характер такого обращения.

3.3 Авторы отмечают, что, несмотря на наличие в Конституции Филиппин принципа презумпции невиновности, обвиняемые, которым отказывают в удовлетворении ходатайства об освобождении из-под стражи под залог, лишаются права на презумпцию невиновности. Кроме того, они утверждают, что отказ в удовлетворении ходатайства об освобождении из-под стражи под залог лишает их права располагать достаточным временем и возможностями для надлежащей подготовки своей защиты, что представляет собой нарушение принципа надлежащего судебного разбирательства.

3.4 Хотя сами авторы не приводят в этой связи никаких конкретных ссылок, излагаемые ими факты позволяют ставить вопросы, подпадающие под пункт 3 статьи 9 и пункт 3 статьи 14 Пакта в связи с временем, проведенным авторами в предварительном заключении, и статьи 7 и 10 Пакта в связи с предполагаемым жестоким обращением, которому якобы подвергался г-н Хулио Астильеро 24 и 25 марта 1997 года.

Замечания государства-участника

4.1 В представлении от 16 марта 1998 года государство-участник излагает свои замечания по существу дела.

4.2 Подчеркивая, что право на надлежащее судебное разбирательство является краеугольным камнем уголовного процесса в рамках национального законодательства, государство-участник отмечает, что соблюдение этого принципа обеспечивается через заслушивание обвиняемого компетентным судом, проведение судебного разбирательства в надлежащих рамках закона и наказание подсудимого только на основании судебного решения, выносимого в соответствии с конституционными нормами.

4.3 Государство-участник отмечает также, что в праве на освобождение из-под стражи под залог может быть отказано в тех случаях, когда соответствующее преступление карается "пожизненным заключением" и когда имеются веские доказательства, изобличающие обвиняемого, при том что оценка достаточности таких доказательств оставляется на усмотрение судьи.

4.4 В контексте настоящего дела государство-участник считает, что авторы, несмотря на то, что им было отказано в праве на освобождение под залог, не были лишены права на презумпцию невиновности, поскольку лишь проведение полного судебного разбирательства по существу дела позволит определить их окончательную виновность вне пределов разумных сомнений.

4.5 Государство-участник отмечает также, что, хотя условия предварительного заключения могут помешать авторам реализовать свое право на достаточное время и возможности для целей подготовки своей защиты, принцип такого задержания не противоречит сути концепции надлежащего отправления правосудия при условии соблюдения упомянутых в пункте 4.2 судебно-процессуальных норм.

4.6 Государство-участник подчеркивает, что г-н Кагас признал в своем письме от 5 июня 1996 года на имя Судебного администратора, что в "сопроводительном уведомлении, направленном в Апелляционный суд и Верховный суд, отсутствовали какие-либо упоминания об изъятии, отмеченном в постановлении от [22 октября 1993 года]", и что г-н Кагас признал также факт представления своего протеста непосредственно Судебному администратору. В этой связи государство-участник отмечает, что Канцелярия Судебного администратора находится в ведении Верховного суда и не принимает никакого участия в рассмотрении дел и соответственно не вправе пересматривать решения, выносимые Верховным судом. Государство-участник отмечает также, что авторов надлежащим образом представлял авторитетный поверенный по правам человека.

Комментарии авторов

5.1 В своем письме от 29 мая 1998 года авторы представили свои комментарии по замечаниям государства-участника.

5.2 Авторы вновь утверждают, что отказ в удовлетворении ходатайства об освобождении из-под стражи под залог представляет собой серьезное нарушение предусмотренного Конституцией права обвиняемых на презумпцию невиновности. Они заявляют, что обвиняемые, содержащиеся под стражей до суда, не располагают достаточным временем и возможностями для подготовки своей защиты, что в конечном счете существенно подрывает их права на надлежащий судебный процесс.

5.3 В качестве общего правила процедура освобождения из-под стражи под залог может применяться в рамках любых уголовных процессов. Единственным исключением из этого правила являются случаи, когда подсудимому предъявляется обвинение в совершении тяжкого преступления, влекущего за собой смертную казнь, и, что является наиболее важным, когда имеются веские доказательства, изобличающие вину подсудимого. Кроме того, любое исключение из этого правила должно сопровождаться надлежащим обоснованием в судебном решении.

5.4 С учетом обстоятельств настоящего дела авторы считают, что в постановлении районного суда от 22 октября 1993 года отсутствуют основания, оправдывающие отказ в освобождении из-под стражи под залог. Кроме того, они считают, что не было выполнено требование о наличии веских доказательств. В этой связи авторы отмечают, что сторона обвинения, базировавшаяся на косвенных доказательствах, всего лишь квалифицировала их в качестве подозреваемых, которые могли совершить соответствующее преступление. Авторы полагают, что ввиду отсутствия очевидца, который присутствовал бы на месте убийства, представленные по делу косвенные улики не являются достаточным доказательством, подтверждающим вину авторов.

5.5 Кроме того, авторы отмечают, что как Апелляционный суд, так и Верховный суд ограничились рассмотрением процедурного аспекта дела, посчитав, что оценка фактов по делу является компетенцией председательствующего судьи, и не изучили вопрос о праве на освобождение из-под стражи под залог в контексте оценки предусмотренного Конституцией требования, согласно которому основанием для отказа в освобождении из-под стражи под залог должно быть наличие веских доказательств против обвиняемого. Затем авторы расширили этот вопрос в контексте полномочий Судебного администратора, заявив о том, что Судебный администратор не только имеет право, но и обязан обращать внимание председательствующих судей на вопиющие нарушения судебно-процессуальных норм в рамках своей компетенции.

5.6 В целях содействия принятию Комитетом решения с учетом всей надлежащей информации авторы обращают также его внимание на следующие последние изменения:

- 20 мая 1998 года было оставлено без удовлетворения ходатайство о повторном рассмотрении дела.
- Оригинал телеграммы, якобы посланной г-ном Кагасом мужу г-жи Аревало и первоначально использовавшейся стороной обвинения в качестве доказательства, свидетельствующего о мотивах преступления, ни разу не фигурировал в суде и, по всей видимости, был утерян. Авторы представляют документы, свидетельствующие о том, что оригинал телеграммы не найден.

Дополнительные замечания государства-участника

6. Вышеприведенные комментарии были представлены государству-участнику 30 октября 1998 года. 20 сентября 2000 года государству-участнику было направлено еще одно письмо с просьбой представить свои замечания по существу дела. В вербальной ноте от 2 октября 2000 года государство-участник информировало Комитет о том, что оно не намеревается представлять какие-либо дополнительные замечания по делу, и ссылалось в этой связи на свое предыдущее представление от 16 марта 1998 года.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

7.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

7.2 Отмечая тот факт, что государство-участник не высказало никаких возражений в отношении приемлемости сообщения, что авторы исчерпали все доступные внутренние средства правовой защиты и что тот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования, Комитет признает сообщение приемлемым.

7.3 Касаясь утверждения о нарушении пункта 2 статьи 14 по причине отказа в освобождении из-под стражи под залог, Комитет отмечает, что такой отказ а priori не затрагивает права авторов на презумпцию невиновности. Вместе с тем Комитет считает, что чрезмерный срок содержания под стражей в режиме предварительного заключения, составляющий более девяти лет, затрагивает право авторов на презумпцию невиновности и соответственно свидетельствует о нарушении пункта 2 статьи 14 Пакта.

7.4 Касаясь вопросов, попадающих под сферу применения пункта 3 статьи 9 и пункта 3 статьи 14 Пакта, Комитет отмечает, что на момент представления сообщения авторы содержались под стражей более четырех лет, и судебное разбирательство по их делу еще не начиналось. Комитет далее отмечает, что на момент принятия Комитетом соображений авторы, как представляется, содержались под стражей без суда более девяти лет, что указывает на серьезное нарушение принципа справедливого судебного разбирательства. Ссылаясь на свое замечание общего порядка 8, согласно которому "содержание под стражей до судебного разбирательства должно рассматриваться как исключительная мера, и срок его должен быть как можно более коротким", и отмечая, что государство-участник не представило никаких пояснений в обоснование столь серьезной задержки, Комитет заявляет, что в контексте настоящего дела срок содержания под стражей до суда является неоправданно затянутым. В силу вышеизложенного Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9 Пакта. Кроме того, ссылаясь на обязательство государства-участника обеспечивать суд над обвиняемым без неоправданной задержки, Комитет заявляет, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении подпункта с) пункта 3 статьи 14 Пакта.

7.5 Касаясь утверждений о жестоком обращении с г-ном Хулио Астильеро, Комитет отмечает, что эти утверждения носят крайне общий характер и не содержат описания обращения, которому его якобы подвергали. Хотя государство-участник не откликнулось на просьбу Комитета прокомментировать представление авторов от 29 мая 1998 года, с учетом вышеизложенного обстоятельства Комитет заявляет, что авторы не представили достаточных доказательств в обоснование факта нарушения прав г-на Астильеро по статьям 7 и 10 Пакта.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 9, пункта 2 статьи 14 и пункта 3 статьи 14 Пакта.

9. В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить авторов эффективным средством правовой защиты, которое позволит им получить надлежащую компенсацию за период незаконного содержания под стражей. Кроме того, государство-участник обязано обеспечить проведение оперативного судебного разбирательства по делам авторов при соблюдении всех гарантий, предусмотренных в статье 14 Пакта, а если такая мера не представляется возможной, то освободить их из-под стражи.

10. С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия

нарушения Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и гарантировать им действенное и подкрепленное надлежащими процедурами средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет заявляет, что он хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом соображений.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несовпадающее) мнение членов Комитета г-жи Сесилии Медины Кирога и г-на Рафаэля Риваса Посады

Рассмотрев данное дело, Комитет заключил, что Филиппины нарушили права г-на Кагаса, г-на Бьютина и г-на Астильеро, предусмотренные в пункте 3 статьи 9, пункте 2 статьи 14 и пункте 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Соглашаясь в этом с мнением большинства, я голосую против этого решения, поскольку полагаю, что Комитет должен также заявить, что государство-участник нарушило пункт 1 статьи 14 Пакта. В обоснование своей позиции привожу следующие доводы:

а) Из имеющихся в распоряжении Комитета фактов никоим образом не следует, что трое авторов сообщения были осуждены, приговорены и понесли наказание в виде лишения свободы. В силу этого есть основания полагать, что в течение девяти лет эти лица содержались под стражей без суда и без обвинительного приговора, что обязывает соответствующее государство представить Комитету информацию по этому поводу, чего оно до сих пор не сделало. Такая ситуация недвусмысленно свидетельствует о нарушении пункта 3 статьи 9 и пункта 3 статьи 14 Пакта. В этой связи следует отметить, что столь длительное содержание под стражей в контексте данного дела следует однозначно квалифицировать как отбывание наказания без суда, что, на мой взгляд, может свидетельствовать о несоблюдении государством-участником пункта 1 статьи 9 Пакта, в котором запрещается произвольное содержание под стражей.

б) Столь длительная задержка с проведением судебного разбирательства является не только нарушением пункта 3 статьи 14 Пакта, но и неизбежно влияет на процесс сбора доказательств, что в свою очередь может нанести ущерб судебному разбирательству, которое может быть начато в отношении авторов сообщения. Так, например, вероятность того, что приговор будет базироваться на показаниях свидетелей, которые они будут давать спустя столько лет после рассматриваемых событий, ставит обвиняемых в уязвимое положение, не согласующееся с предусмотренными в Пакте гарантиями. Представляется маловероятным, что судебное разбирательство по делу о неумышленном или умышленном убийстве (в зависимости от его обстоятельств), проведенное спустя девять лет после рассматриваемых событий, способно быть "справедливым судебным разбирательством" по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта.

с) В заключение хотелось бы отметить, что допущенная государством-участником задержка с предоставлением обвиняемым права на надлежащее судебное разбирательство свидетельствует не только о нарушении государством пункта 1 статьи 14 Пакта вследствие непринятия мер, но и о невозможности выполнения им положений Пакта в будущем. В силу этого я не могу согласиться с пунктом 9 решения, принятого большинством голосов. Я полагаю, что с учетом обстоятельств рассматриваемого дела государство должно незамедлительно освободить из-под стражи задержанных лиц. Невзирая на заинтересованность государства в завершении процесса уголовного преследования, следует отметить, что такое преследование может осуществляться только в пределах, допустимых международным правом. В тех случаях, когда деятельность органов уголовного правосудия того или иного государства оказывается неэффективной, государство должно решать эту проблему без ущерба для гарантий обвиняемых лиц.

Особое (несовпадающее) мнение члена Комитета г-на Иполито Солари Иригойена

В обосновании моего несогласия с заявленным путем голосования мнением большинства относительно нарушения предусмотренных в статье 7 и 10 Пакта прав одного из авторов сообщения, а именно г-на Хулио Астильеро, привожу следующие соображения:

В своем сообщении от 29 мая 1998 года его авторы заявили, что один из них, а именно г-н Хулио Астильеро, дважды подвергался пыткам - 24 и 25 марта 1997 года. По поводу характера предполагаемой пытки авторы заявляют, что речь идет об "использовании алкоголя" и называют в качестве основного виновника некоего Марлона Аргарина, работавшего в то время надзирателем тюрьмы Tinangis Jail - Penal Farm, находящейся в населенном пункте Пили, район Камаринес-Сур, Филиппины, в которой содержались под стражей авторы сообщения. Авторы сообщения отмечают также, что надзиратель Аргарин впоследствии был назначен начальником оперативного отдела службы безопасности и что он практиковал применение пыток при соучастии других надзирателей вышеупомянутой тюрьмы. Кроме того, авторы сообщения заявили, что цель применения пыток к задержанному Астильеро заключалась в том, чтобы заставить его стать свидетелем обвинения.

Помимо этого авторы сообщили, что о всех этих действиях был поставлен в известность судья Мартин Бадонг, являвшийся председателем суда первой инстанции № 33, населенный пункт Пили, район Камаринес-Сур, который, как утверждается, не принял никаких мер по расследованию этого инцидента.

Хотя авторы сообщения не пояснили, в чем конкретно выразилось "использование алкоголя", применяемая в жалобе терминология однозначно совпадает с текстом статьи 7 Пакта, в котором идет речь о том, что никто не может быть жертвой пыток и жестокого и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Содержание г-на Астильеро под стражей и применение к нему пыток свидетельствовало о негуманном с ним обращении и о нарушении присущего человеку достоинства.

В жалобе о нарушении статей 7 и 10 Пакта содержались следующие конкретные сведения:

- a) дата применения пыток;
- b) место применения пыток;
- c) имя предполагаемого виновника;
- d) функции, которые исполнял предполагаемый виновник на момент применения пыток;
- e) последующие служебные функции предполагаемого виновника;
- f) данные о наличии других соучастников;
- g) функции предполагаемых соучастников;
- h) конкретное упоминание о жалобе в связи с применением пыток;
- i) имя судьи, который принял к рассмотрению жалобу;
- j) должность судьи;
- k) точное название суда, в который была представлена жалоба.

Все эти комментарии авторов вместе с текстом жалобы на применение пыток и рядом других документов были доведены до сведения государства-участника 30 октября 1998 года. Государство-участник не откликнулось на это представление. В других случаях Комитет квалифицировал такую позицию государства-участника как неоказание ему содействия и несоблюдение им предусмотренного в пункте 2 статьи 4 Факультативного протокола обязательства представлять в Комитет письменные объяснения или заявления, разъясняющие соответствующий вопрос или любые меры, если таковые имели место, которые могли быть приняты этим государством.

Такая позиция государства участника вновь обозначилась тогда, когда в своем новом представлении Комитету от 20 сентября 2000 года в форме вербальной ноты оно вновь заявило, что не намеревается представлять какие-либо дополнительные комментарии по этому вопросу, сославшись на первоначальное сообщение от 16 марта 1998 года. Содержащиеся в этом сообщении

замечания государства-участника никоим образом не способствуют прояснению обстоятельств предполагаемого инцидента с применением пыток, поскольку этот инцидент имел место уже после того, как эти замечания были сделаны.

В силу вышеизложенного Комитет должен принять к сведению утверждения авторов и с учетом всех имеющихся в его распоряжении данных констатировать факт нарушения предусмотренных в статьях 7 и 10 Пакта прав заключенного Хулио Астильеро.

Сообщение № 806/1998

Представлено: Эверсли Томпсоном [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Сент-Винсент и Гренадины

Дата принятия Сообщений: 18 октября 2000 года

Тема сообщения: Допустимость обязательного к исполнению смертного приговора

Процедурные вопросы: Отсутствуют

Вопросы существа: Право на жизнь - Обязательные к исполнению смертные приговоры за некоторые категории преступлений - Право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности

Статьи Пакта: Пункты 1 и 4 статьи 6; статьи 4; 7; пункт 1 статьи 10; пункт 1 статьи 14; и статья 26

Статья Факультативного протокола и Правила процедуры: Отсутствуют

Вывод: Наличие нарушения

1. Автор сообщения является Эверсли Томпсон, сент-винсентский гражданин, родившийся 7 июля 1962 года. Он представлен Солом Лерфрейндом из конторы Симонс, Мьюрхед и Бертон, Лондон. Адвокат утверждает, что автор является жертвой нарушений статей 6 (1) и (4), 7, 10 (1), 14 (1) и 26 Пакта.

Представленные факты

2.1 Автор сообщения был арестован 19 декабря 1993 года по обвинению в умышленном убийстве четырехлетней девочки Д'Андре Оливьер, которая исчезла днем ранее. Высокий суд (Отделение по уголовным делам) 21 июня 1995 года признал его виновным в предъявленном обвинении и приговорил его к смертной казни. Его апелляция была отклонена 15 января 1996 года. В своей петиции о специальном разрешении на апелляцию, поданной в Судебный комитет Тайного совета, адвокат привел пять оснований для апелляции, касающихся приемлемости признательных показаний автора и инструкций, которые судья дал жюри присяжных. 6 февраля 1997 года Судебный комитет Тайного совета дал разрешение на апелляцию, а 16 февраля 1998 года, после передачи дела в связи с одним спорным вопросом в местный Апелляционный суд - отклонил апелляцию. На этом, как утверждается, были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты.

2.2 На судебном процессе обвинение представило следующие доказательства: девочка исчезла 18 декабря 1993 года, а автор был замечен прятавшимся под деревом неподалеку от ее дома. На пляже поблизости от дома семьи были обнаружены остатки крови, испражнений и штанишки девочки. Тело девочки так и не было найдено.

2.3 По данным обвинения, сотрудники полиции задержали автора у него в доме рано утром 19 декабря 1993 года. После того, как они предъявили ему обнаруженные накануне вечером красные трусы, он заявил, что они принадлежат ему. После доставки автора в полицейский участок он сознался в том, что совершил сексуальное надругательство над девочкой, а затем бросил девочку с пляжа в море. Он пошел с полицейскими и показал место происшествия. По возвращении он дал признательные показания.

2.4 В ходе судебного разбирательства вышеупомянутые показания полицейских были подвергнуты непосредственному заслушиванию. Автор оспаривал факт своих признаний. Он показал, что сотрудники полиции избили его дома и в полицейском участке, пропускали через него электроток и били его пистолетом и лопатой. По показаниям его родителей, 20 декабря 1993 года они увидели, что у него у него сильно распухли руки и лицо. После непосредственного заслушивания свидетельских показаний судья постановил, что признание носило добровольный характер, и принял его в качестве доказательства. Представ перед жюри присяжных, автор дал показания под присягой и вновь оспорил признание.

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что вынесение смертного приговора по делу автора представляет собой жестокое и необычное наказание, поскольку по закону Сент-Винсента смертный приговор предусматривается в качестве обязательной меры наказания за умышленное убийство. Он также указывает, что не существует никаких критериев для осуществления права на помилование и что осужденный не имеет возможности представить какие-либо замечания по любой информации, которую мог получить Генерал-губернатор в этом отношении¹. В этой связи адвокат полагает, что смертные приговоры следует зарезервировать только за особо тяжкими преступлениями и что такого приговор, применяемый огульно к каждой категории тяжкого убийства, не обеспечивает соразмерности между фактическими обстоятельствами преступления, личностью правонарушителя и наказанием. Поэтому такой приговор становится жестокой и необычной мерой наказания. Исходя из этого, он полагает, что это является нарушением статьи 7 Пакта.

3.2 Утверждается также, что это представляет собой нарушение статьи 26 Пакта, ибо обязательный характер смертного приговора не позволяет судье вынести менее строгий приговор с учетом любых смягчающих обстоятельств. Кроме того, учитывая, что такой приговор носит обязательный характер, дискреционное усмотрение на этапе осуществления прерогативы помилования является нарушением принципа равенства перед законом.

3.3 Далее адвокат утверждает, что обязательный характер смертного приговора нарушает права автора по пунктам 1 и 4 статьи 6.

3.4 Адвокат также утверждает, что был нарушен пункт 1 статьи 14, поскольку Конституция Сент-Винсента не позволяет ходатайствующему ссылаться на то, что его казнь носит неконституционный характер, будучи бесчеловечной или унижающей достоинство или жестокой или необычной мерой

¹ По статье 65 Конституции Генерал-губернатор может осуществлять право помилования по представлению министра, выступающего в качестве Председателя Консультативного комитета по помилованиям. В состав Консультативного комитета входят Председатель (один из министров кабинета), Генеральный прокурор и еще три-четыре члена, назначаемых Генерал-губернатором по представлению премьер-министра. В число этих трех-четырех членов Комитета должен входить по крайней мере один министр и один практикующий врач. Прежде чем принять решение об осуществлении права помилования по любому делу, в связи с которым был вынесен смертный приговор, Комитет должен получить письменный отчет о деле от судьи, который производил разбирательство дела (или Главного судьи, если отчет не может быть получен от судьи, производившего судебное разбирательство), а также любую другую необходимую информацию из протокола судебного разбирательства или из какого-либо иного источника.

наказания. Далее, она не дает права на проведение заслушивания или судебного разбирательства по вопросу о том, следует ли назначать или приводить в исполнение такую меру наказания.

3.5 Согласно представлению адвоката, описанные ниже условия в тюрьме Кингстауна равносильны нарушениям статей 7 и 10 (1) применительно к автору. Он содержится в камере размером 8 на 6 футов; у него в камере круглосуточно горит свет; у него в камере нет ни мебели, ни постельных принадлежностей; в камере у него есть лишь одеяло, параша и кружка; его камера недостаточно проветривается, ибо там нет окна; санитарно-гигиенические условия крайне скудны и неадекватны; питание является низкокачественным и безвкусным, так как ежедневный рацион состоит из риса; заключенному разрешено трижды в неделю по полчаса заниматься физическими упражнениями в спальном блоке. Адвокат также утверждает, что условия в тюрьме нарушают внутренний тюремный устав Сент-Винсента и Гренадин. Адвокат также утверждает, что эти условия еще больше усугубляют то наказание, которому был подвергнут автор.

3.6 Далее адвокат утверждает, что содержание автора в этих условиях делает незаконным приведение в исполнение вынесенного ему смертного приговора.

3.7 Кроме того, адвокат утверждает, что имеет место нарушение пункта 1 статьи 14, поскольку отсутствует какая бы то ни была правовая помощь в том, что касается конституционных ходатайств, и поэтому автор, будучи нуждающимся, лишен права доступа к суду, гарантируемого разделом 16 (1) Конституции.

Просьба Комитета в отношении временных мер защиты

4.1 19 февраля 1998 года в соответствии с пунктом 2 правила 91 правил процедуры Комитета государству-участнику было представлено сообщение с просьбой предоставить информацию и замечания как в отношении приемлемости, так и в отношении существа утверждений. По правилу 86 правил процедуры Комитета государству-участнику было также предложено не приводить в исполнение смертный приговор в отношении автора, пока его дело находится на рассмотрении Комитета.

4.2 16 сентября 1999 года Комитет получил информацию о том, что был отдан приказ об исполнении смертного приговора в отношении автора. После направления государству-участнику срочного послания с напоминанием о просьбе по правилу 86 в связи с этим делом государство-участник известило Комитет, что ему неизвестно ни о получении соответствующей просьбы, ни о получении соответствующего сообщения. После переписки между Специальным докладчиком по вопросу о новых сообщениях и представителями государства-участника и после внесения в Высокий суд Сент-Винсента и Гренадин конституционного ходатайства государство-участник согласилось предоставить автору отсрочку приведения в исполнение смертной казни, с тем чтобы позволить Комитету рассмотреть его сообщение.

Представление государства-участника

5.1 В своем представлении от 16 ноября 1999 года государство-участник отмечает, что автор добивался удовлетворения своих жалоб в порядке конституционного ходатайства, которое было отклонено Высоким судом 24 сентября 1999 года. Суд отверг заявления адвоката о том, что суд над автором происходил в отсутствие надлежащего судебного разбирательства и защиты со стороны закона, что осуществление смертного приговора носит неконституционный характер, ибо оно является бесчеловечной или унижающей достоинство мерой наказания, что условия содержания в тюрьме были равносильны бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и что автор имеет юридическое право на рассмотрение его петиции Комитетом по правам человека Организации Объединенных Наций. Государство-участник заявляет, что с целью ускорить рассмотрение дела Комитетом оно не будет выдвигать возражений в отношении приемлемости сообщения по причинам неисчерпанности внутренних средств правовой защиты.

5.2 Государство-участник утверждает, что обязательный характер вынесения смертного приговора по международному праву. Оно разъясняет, что в уголовном праве Сент-Винсента и Гренадин проводится разграничение между различными видами незаконного лишения жизни. В случаях лишения жизни, равнозначного простому убийству, смертный приговор не подлежит назначению в обязательном порядке. Смертный приговор назначается в обязательном порядке только за такое преступление, как умышленное убийство. Умышленное убийство расценивается законом как особо тяжкое преступление. По этим соображениям государство-участник утверждает, что смертный приговор по настоящему делу был вынесен в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Пакта. Государство-участник также отрицает, что в этой связи имело место нарушение статьи 7, поскольку установление смертного приговора за преступления, рассматриваемые законом в качестве особо тяжкого преступления, обеспечивает соразмерность между обстоятельствами преступления и наказанием. Аналогичным образом, государство-участник отвергает утверждение адвоката о том, что имела место дискриминация по смыслу статьи 26 Пакта.

5.3 Государство-участник также отмечает, что дело автора рассматривалось в ходе справедливого судебного разбирательства и что его осуждение было рассмотрено и поддержано Апелляционным судом и Тайным советом. Соответственно, приведение в исполнение смертного приговора в отношении автора не представляет собой произвольное лишение жизни по смыслу пункта 1 статьи 6 Пакта.

5.4 Что касается предполагаемого нарушения пункта 4 статьи 6 Пакта, то государство-участник отмечает, что автор имеет право добиваться помилования или смягчения приговора и что Генерал-губернатор может осуществить прерогативу помилования согласно разделам 65 и 66 Конституции в свете консультативного заключения, представляемого Консультативным комитетом.

5.5 Что касается условий содержания в тюрьме и тюремного режима, то государство-участник отмечает, что автор не проводит никаких свидетельств на тот счет, что условия его содержания под стражей равнозначны пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Нет и никаких свидетельств на тот счет, что обращение с ним производилось в нарушение пункта 1 статьи 10 Пакта. По мнению государства-участника, общие заявления, приводимые в сообщении, не свидетельствуют о каком-либо конкретном нарушении соответствующих статей. Кроме того, государство-участник отмечает, что это дело было рассмотрено Высоким судом при разборе конституционного ходатайства и что Суд отклонил его. Государство-участник ссылается на постоянную практику Комитета в том плане, что Комитет не компетентен производить переоценку фактов и доказательств, рассмотренных судом, и делает вывод, что ходатайство автора следует отклонить. Далее государство-участник ссылается на юриспруденцию Комитета в том плане, что продолжительные периоды заключения не могут рассматриваться в качестве жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в том случае, если осужденный просто-напросто прибегает к апелляционным средствам правовой защиты.

5.6 Государство-участник также полагает, что, даже если бы имело место нарушение прав автора в связи с тюремным режимом, это не делало бы приведение смертного приговора в исполнение незаконным и нарушающим статьи 6 и 7 Пакта. В этой связи государство-участник ссылается на решение Тайного совета по делу *Томас и Хилэр против Генерального прокурора Тринидада и Тобаго*, в котором Тайный совет счел, что, даже если тюремный режим представляет собой нарушение конституционных прав ходатайствующих, смягчение приговора не было бы надлежащим средством правовой защиты, и ущемление конституционных прав осужденного вследствие условий его содержания под стражей перед приведением в исполнение смертного приговора не придает законному приговору неконституционный характер.

5.7 Поскольку адвокат утверждает, что было нарушено право автора на доступ к конституционному суду, государство-участник отмечает, что автор действительно представил и реализовал конституционное ходатайство в Высокий суд, причем на этом этапе он был представлен опытным местным адвокатом. После отклонения его ходатайства автор представил уведомление об

апелляции. 13 октября 1999 года он отозвал свою апелляцию. В ходе этих процессуальных действий его вновь представлял тот же самый адвокат. Как полагает государство-участник, это свидетельствует о том, что со стороны государства отсутствовало поведение, которое имело своим практическим последствием лишение автора доступа к суду.

Комментарии адвоката

6.1 В своих комментариях адвокат настаивает, что вынесение автору смертного приговора нарушает различные положения Пакта, поскольку судья, выносивший приговор, приговорил автора к смертной казни без рассмотрения и учета его личности, его личных обстоятельств и обстоятельств преступления. В этой связи адвокат ссылается на доклад Межамериканской комиссии по правам человека по делу *Хилэр против Тринидада и Тобаго*².

6.2 Что касается прерогативы помилования, то, как полагает адвокат, государство-участник не отдает себе отчета в том, что право ходатайства о помиловании должно быть действительным правом. В случае же автора он не может эффективно представить его дело на предмет помилования, и поэтому право ходатайства о помиловании носит теоретический и иллюзорный характер. Автор не может участвовать в самой процедуре - его лишь уведомляют об ее исходе. По мнению адвоката, это означает, что решения относительно помилования принимаются на произвольной основе. В этой связи адвокат отмечает, что Консультативный комитет не беседует с заключенным или с его семьей. Кроме того, осужденному не было предоставлено шанса отреагировать на возможную отягчающую информацию, которую может иметь в своем распоряжении Консультативный комитет.

6.3 Что касается тюремного режима, то адвокат представляет письменное заявление автора под присягой от 30 декабря 1999 года. Он заявляет, что размеры его камеры в кингстаунской тюрьме, где он содержался с 21 июня 1995 года по 10 сентября 1999 года, составляли 8 на 6 футов и что единственными предметами, которые ему были предоставлены в его камере, были одеяло, параша, маленькая кружка и библия. Спал он на полу. В камере не было электрического освещения, но рядом с камерой, в коридоре, имелась электрическая лампочка, которая горела днем и ночью. Он заявляет, что из-за плохого освещения он не мог читать. Физическую разминку ему разрешали делать по крайней мере три раза в неделю в коридоре рядом с его камерой. Физической разминкой на открытом воздухе он не занимался и не получал солнечного света. Постоянно присутствовали охранники. Питание было безвкусным и не отличалось большим разнообразием (в основном рис). Во время пожара 29 июля 1999 года, возникшего вследствие тюремного бунта, он находился в запертой камере, и спастись ему удалось только тогда, когда другие заключенные проломили крышу. Носить ему разрешают только тюремную одежду, которая натирает кожу. 10 сентября 1999 года его поместили в камеру в форте Шарлотт, который является тюрьмой XVIII века. Камера, где он содержится, сейчас переувлажнена и имеет мокрый пол. Ему выдали небольшой матрас. И днем, и ночью в камере темно, потому что в нее не проникает свет от электрической лампочки в коридоре. Ему ежедневно дают возможность сделать физическую разминку, но - внутри здания, так что солнечного света он не видит. От переувлажненности у него стали опухать ноги, о чем он сообщил властям, которые 29 декабря 1999 года доставили его в больницу на обследование. Он добавляет, что его повешение было назначено на 13 сентября 1999 года, и его уже привели из камеры к виселице, но адвокату удалось всего лишь за 15 минут до намеченной казни добиться отсрочки исполнения. Он заявляет, что пережил психологическое потрясение и утратил способность к ориентации.

6.4 Относительно права автора на доступ к суду, то, как полагает адвокат, тот факт, что автор безуспешно пытался убедить адвоката воспринять pro bono его недавнее конституционное ходатайство, не снимает с государства-участника его обязанности обеспечивать юридическую помощь в отношении конституционных ходатайств.

² Доклад Комиссии № 66/99, дело № 11.816, одобренный Комиссией 21 апреля 1999 года; не публиковался.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, принять решение о его приемлемости по Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 Комитет отмечает, что, как явствует из представленных ему фактов, автор подал конституционное ходатайство в Высокий суд Сент-Винсента и Гренадин. Поэтому Комитет считает, что автор не обосновал, для целей приемлемости, свое утверждение по пункту 1 статьи 14 Пакта о том, что государство-участник отказало автору в праве на доступ к суду в этом отношении.

7.3 Комитет считает, что для целей приемлемости автор достаточно веско обосновал, что остальные утверждения могут вызывать проблемы по статьям 6, 7, 10 и 26 Пакта. Поэтому Комитет безотлагательно приступает к рассмотрению этих утверждений по существу.

Рассмотрение дела по существу

8.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей письменной информации, предоставленной ему сторонами, как предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Адвокат утверждает, что обязательный характер смертного приговора и его применение в случае автора представляет собой нарушение пункта 1 статьи 6, а также статей 7 и 26 Пакта. В ответ государство-участник отмечает, что смертный приговор является обязательной мерой наказания только за умышленное убийство, которое является по закону особо тяжким преступлением, и что это само по себе подразумевает соразмерность приговора. Комитет отмечает, что обязательное вынесение смертного приговора по законам государства-участника основывается исключительно на категории преступления, в котором был признан виновным преступник, безотносительно к личным обстоятельствам обвиняемого или обстоятельствам конкретного преступления. Смертный приговор носит обязательный характер по всем делам об "умышленном убийстве" (умышленные акты насилия, повлекшие за собой смерть человека). Комитет считает, что такая система обязательного вынесения смертного приговора лишала бы автора самого фундаментального из прав - права на жизнь - без учета того, уместна ли такая исключительная форма наказания исходя из обстоятельств дела того или иного лица. Существование права ходатайствовать о помиловании или смягчении приговора, как это требуется пунктом 4 статьи 6 Пакта, не обеспечивает адекватной защиты права на жизнь, поскольку эти дискреционные меры исполнительной власти, сопряжены с широким комплексом иных соображений в сопоставлении с надлежащим судебным разбором всех аспектов уголовного дела. Комитет считает, что исполнение смертного приговора по делу автора представляло бы собой произвольное лишение его жизни в нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта.

8.3 По мнению Комитета, доводы адвоката в отношении обязательного характера вынесения смертного приговора, исходя из статей 6 (2), 7, 14 (5) и 26 Пакта, не вызывают проблем, которые носили бы обособленный характер от вышеупомянутого вывода о нарушении пункта 1 статьи 6.

8.4 Автор утверждает, что условия его заключения являются нарушением статей 7 и 10 (1) Пакта, а государство-участник отрицает это утверждение в общих формулировках и ссылается на решение Высокого суда, который отклонил ходатайство автора. Комитет считает, что, хотя в принципе оценивать факты и доказательства по тому или иному делу надлежит внутренним судам государства-участника, Комитету надлежит изучать вопрос о том, являются ли нарушением Пакта факты, установленные судом. В этом отношении Комитет отмечает, что автор, обращаясь в Высокий суд, жалуется на то, что он был заточен в маленькой камере, что ему выдали только одеяло и парашу, что спит он на полу, что круглосуточно горит электрический свет, а также что его выпускали из камеры во двор на один час в день. Далее автор утверждает, что он не видит солнечного света и что в настоящее время он содержится в сырой и темной камере. Государство-участник не оспаривает этих утверждений. Комитет заключает, что условия заключения автора представляют собой нарушение

пункта 1 статьи 10 Пакта. Что же касается сетований автора, будто тот факт, что он был приведен к виселице после отдачи приказа о его казни и увезен всего лишь за 15 минут до назначенной казни, представляет собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, то Комитет отмечает, что никакая информация, имеющаяся в распоряжении Комитета, не указывает на то, что автор не был уведен от виселицы сразу же после предоставления отсрочки смертной казни. Поэтому Комитет полагает, что имеющиеся у него факты не вскрывают нарушения статьи 7 Пакта в этой части.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, приходит к заключению, что имеющиеся у него факты вскрывают нарушение пункта 1 статьи 6 и пункта 1 статьи 10 Пакта.

10. По пункту 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник несет обязанность обеспечить г-ну Томпсону эффективное и соответствующее средство правовой защиты, включая смягчение приговора. Государство-участник несет обязанность принять меры к тому, чтобы предотвратить аналогичные нарушения в будущем.

11. Принимая во внимание тот факт, что, став государством-участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имеет ли место нарушение Пакта, и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязывается обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и обеспеченные правовой санкцией средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах по реализации Соображений Комитета. Государству также предлагается опубликовать Соображения Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несогласное) мнение члена Комитета лорда Колвилла

Решение большинства основано исключительно на том, что закон предусматривает назначение в обязательном порядке смертного приговора за преступление такой категории, как умышленное убийство, в котором был признан виновным преступник, без учета личных обстоятельств обвиняемого или обстоятельств конкретного преступления. Этот вывод был сделан безо всякой оценки любого из этих комплексов обстоятельств, что в любом случае выходило бы за рамки компетенции Комитета. Поэтому большинство основывало свое мнение на несоответствии между определением умышленного убийства по общему праву, которое применяется в государстве, и градацией категорий убийства в рамках гражданско-правовых юрисдикций и в статутных системах некоторых государств, где уголовное право проистекает из общего права. Таким образом, решение большинства не увязано конкретно с данным автором, а имеет широкое применение на генерализированной основе. В данном случае этот постулат впервые используется в связи с настоящим сообщением, несмотря на соображения по многочисленным предыдущим сообщениям, касавшимся (среди прочего) обязательного вынесения смертного приговора за умышленное убийство; в тех случаях такая позиция не избиралась.

При вынесении в связи с настоящим сообщением заключения о том, что приведение в исполнение смертного приговора по делу автора представляло бы собой произвольное лишение его жизни в нарушение статьи 6.1 Пакта, был избран неверный отправной пункт. В формулировках пункта 8.2 решения большинства не анализируются тщательно сконструированные положения статьи 6 в целом. Эта статья начинается с положения, в котором, несмотря на призыв, содержащийся в пункте 6 той же статьи, допускается, что назначение смертного приговора остается наличной мерой наказания. Затем она указывает гарантии, которые комментируются следующим образом:

а) неотъемлемое право на жизнь исключает произвольное лишение жизни. В последующих положениях статьи содержатся требования относительно предупреждения произвольности, однако они не рассматриваются большинством, за исключением положений пункта 4 статьи 6, по которым в настоящее время имеется юриспруденция, что, по-видимому, было проигнорировано (см. ниже);

б) статья 6.2 подчеркивает основной порок аргументации большинства. Умышленное убийство, бесспорно, является особо тяжким преступлением; однако, исходя из мнения большинства, определение умышленного убийства по общему праву может охватывать преступления, которые не надлежит характеризовать в качестве "особо тяжких". И хотя это не отражено в их решении в таких формулировках, неизбежное следствие состоит в том, что надо пересмотреть определение "умышленного убийства".

Во втором положении пункта 2 статьи 6 подчеркивается, что наказание в виде смертной казни может осуществляться только согласно окончательному решению компетентного суда. А отсюда неизбежно вытекает, что реальный закон, который предписывает судье, проводящему судебное разбирательство, вынести смертный приговор в случае осуждения подсудимого за умышленное убийство, сам по себе не нарушает и не может нарушать пункт 1 статьи 6, и уж, конечно, не потому, что игнорируются фактические и личные обстоятельства: если по делу о простом убийстве прокуратура решит предъявить обвинение в умышленном убийстве, у адвоката тотчас же возникает ряд возможностей отвести это обвинение в судебном порядке. В их число входит следующее:

- автоматическая защита: если только обвинение не сумеет убедить суд в том, что действия обвиняемого, которые повлекли за собой летальный исход, превышали, по его собственной оценке обстоятельств, соразмерную реакцию на ту угрозу, с которой он сталкивался, то обвиняемый должен быть полностью оправдан в том, что касается всякого преступления;

- другие обстоятельства, связанные с преступлением и касающиеся сугубо сложившейся ситуации или психического состояния обвиняемого, позволяют суду, рассматривающему дело по существу, прийти к заключению, что если эти возражения защиты не будут опровергнуты обвинением (бремя доказывания никогда не лежит на обвиняемом), то обвинение в умышленном убийстве может быть сведено к обвинению в простом убийстве, которое не влечет за собой обязательное вынесение смертного приговора. Исходя из позиции, занятой защитой, и доказательств, предъявленных сторонами, судья обязан разъяснить эти проблемы; если этого не будет сделано в соответствии с юридическим прецедентом, то такое упущение приведет к отмене любого обвинительного приговора;

- необходимо лишь привести примеры проблем, которые могут быть подняты таким образом защитой: одна из них связана с уменьшенной ответственностью обвиняемого за свои действия (не достигающей степени такого психического расстройства, которое повлекло бы за собой не осуждение, а принудительное помещение на лечение в психиатрическую больницу); или провокация, квалификация которой была распространена судебным решением на так называемый "синдром избитого партнера", - провокация как следствие будь то спонтанного либо кумулятивного усугубления ситуации со стороны потерпевшего;

- в итоге в вердикте указывается, является ли умышленное убийство единственно возможным преступлением, за которое может быть осужден обвиняемый. Вопросы права, которые могут поколебать осуждение за умышленное убийство, могут быть поставлены перед высшим апелляционным судом. И именно вследствие такого обжалования закон признал в качестве "провокации" продолжительное бытовое насилие или надругательство, сведя тем самым в соответствующих случаях умышленное убийство к простому убийству.

По пунктам 3 или 5 статьи 6 в данном случае каких-либо замечаний не возникает. Что же касается пункта 4 статьи 6, то недавно он приобрел важное значение, которое, пожалуй, было проигнорировано в решении большинства. Всегда имела место такая практика, когда глава государства должен получить заключение соответствующего министра или консультативного органа,

такого, как Тайный совет, относительно того, действительно ли надлежит приводить в исполнение смертный приговор. Необходимость такой системы возникает в связи с пунктом 4 статьи 6, а она предполагает ряд предварительных шагов: как гласит мнение большинства в пункте 8.2, эти дискреционные меры исполнительной власти сопряжены с широким комплексом иных соображений в сопоставлении с надлежащим судебным разбором всех аспектов уголовного дела. Это является не только правильной констатацией, но и представляет собой существо и достоинство пункта 4 статьи 6; именно этот процесс и действует в государстве.

Вместе с тем Судебный комитет Тайного совета 12 сентября 2000 года вынес свое консультативное заключение по делу *Льюис и др. против Генерального прокурора Ямайки и др.* Хотя мнение лорда Слинна, отражающее мнение большинства, не имеет обязательной юридической силы для какой-либо судебной инстанции, действующей в рамках общего права, оно обладает столь убедительным авторитетом, что наверняка будет введено в действие. Он указывает, что в Ямайке по ее Конституции да, аналогичным образом, и по другим нормам:

- лицу или органу, выносящему консультативное заключение относительно помилования или смягчения приговора, предоставляется письменный отчет судьи, который проводил разбирательство дела. (В порядке толкования этой практики следует сказать, что судья, проводивший разбирательство дела, непосредственно наблюдал обвиняемого и свидетелей в ходе судебного разбирательства, а также имел доступ к другому материалу, касавшемуся обстоятельств дела и личности обвиняемого, который никак не был использован в ходе самого судебного разбирательства. Например, немало симптоматичной информации могут содержать доказательства, неприемлемые для предъявления суду, разбирающему дело по существу);

- "любая другая информация, почерпнутая из протокола судебного разбирательства или из какого-либо иного источника", должна быть препровождена органу, уполномоченному производить помилование;

- на практике осужденному подсудимому никогда не отказывают в возможности представить свои доводы, которые будут рассмотрены этим органом.

Новшество по делу *Льюиса* состоит в рекомендации о том, чтобы процедуры, реализуемые в процессе рассмотрения петиции лица, были открыты для судебного надзора. Необходимо, чтобы осужденный был уведомлен о дате, когда орган по помилованиям будет рассматривать его дело. Это уведомление должно быть достаточно заблаговременным для того, чтобы он или его консультанты могли подготовить свои представления до принятия решения. Таким образом, практика по делу *Льюиса* формализует право обвиняемого производить свои представления и закрепляет требование об их рассмотрении.

Этот анализ статьи 6 в целом, в сочетании с судебным постановлением, которое, по всей видимости, будет введено в действие во всех юрисдикциях, функционирующих в рамках системы общего права, включая Сент-Винсент и Гренадины, неизбежно подводит к выводу о том, что вопросы произвольности не зависят от судебного разбирательства и приговора по первой инстанции, не говоря уж об обязательном характере вынесения приговора по осуждению за умышленное убийство. И ничто не позволяет предположить, что в ходе апелляционных процедур проявлялась какая-то произвольность. Поэтому мнение большинства должно опираться на решение о том, что положения пункта 4 статьи 6, как они применяются в юрисдикции по общему праву, должны предусматривать произвольное решение "без учета того, уместна ли такая исключительная форма наказания в обстоятельствах" конкретного дела (пункт 8.2). Явно некорректно это и в ракурсе давнишней практики, а теперь уже - и убедительного заключения Тайного совета: речь уже идет не просто о добросовестном рассмотрении со стороны соответствующей инстанции, но и о судебной поднадзорности ее решения.

Любое толкование, усматривающее произвольность в свете существующих процедур в рамках общего права, может лишь подразумевать, что полное соблюдение пункта 4 статьи 6 не может не

ассоциироваться с произвольностью по пункту 1 статьи 6. Такую внутреннюю нестыковку не следует применять к толкованию Пакта, и она не может не проистекать из ложной натяжки в том, что касается интерпретации формулировок статьи 6.

Исходя из фактической стороны этого дела и развертывания любой процедуры помилования, которое, быть может, еще последует, я не могу согласиться с наличием какого-то нарушения пункта 1 статьи 6 Пакта.

Особое (несогласное) мнение члена Комитета г-на Давида Крецмера, к которому присоединились г-н Абдельфаттах Амор, г-н Максвелл Ялден и г-н Абдалла Захья

А. Предыдущая правовая практика

1. Как и многие из моих коллег, я нахожу прискорбным, что Пакт не запрещает смертную казнь. Однако я не усматриваю в этом основание для отхода от принятых правил толкования, когда речь идет о положениях Пакта, касающихся смертной казни. Поэтому я не могу согласиться с соображением Комитета, будто в силу того, что смертный приговор был вынесен автору в обязательном порядке, государство-участник, приведя приговор в исполнение, нарушило бы защищаемое по пункту 1 статьи 6 право автора не подвергаться произвольному лишению жизни.

2. Назначение в обязательном порядке смертных приговоров за умышленное убийство не является для Комитета новым вопросом. Комитет годами занимается сообщениями от лиц, приговоренных к смертной казни по законодательству, которое предусматривает обязательность вынесения смертного приговора за умышленное убийство³. Ни в одном из этих случаев Комитет не заявлял, что обязательность вынесения такого приговора сопряжена с нарушением статьи 6 (или любой другой статьи) Пакта. Кроме того, выполняя свои полномочия по статье 40 Пакта, Комитет изучил и прокомментировал многочисленные доклады государств-участников, в которых законодательство предусматривает обязательное вынесение смертного приговора за умышленное убийство. Если, занимаясь индивидуальными сообщениями, Комитет обычно ограничивается доводами, выдвигаемыми авторами, то при изучении докладов государств-участников инициатива выдвижения аргументов, касающихся совместимости внутреннего законодательства с Пактом, принадлежит самому Комитету. Тем не менее в заключительных замечаниях Комитет никогда не выражал мнения о том, что обязательность вынесения смертного приговора за умышленное убийство несовместима с положениями Пакта. (См., например, Заключительные замечания Комитета от 19 января 1997 года по второму периодическому докладу Ямайки, в которых нет никаких упоминаний об обязательности вынесения смертного приговора.)

Следует также напомнить, что вопрос о смертной казни обсуждался Комитетом в своем Замечании общего порядка, касающемся статьи 6 Пакта. И он не дал никаких указаний на тот счет, что смертные приговоры, назначаемые в обязательном порядке, несовместимы со статьей 6.

Комитет не скован своей прежней юриспруденцией. Он волен отступать от такой юриспруденции, да ему и следует поступать именно так, если он убежден, что его подход в прошлом был ошибочен. Однако, как мне представляется, если Комитет желает, чтобы государства-участники всерьез воспринимали его юриспруденцию и руководствовались ею при осуществлении Пакта, при изменении своего курса его долг перед государствами-участниками и всеми другими заинтересованными лицами и состоит в том, чтобы разъяснить, почему именно он решил так поступить. И мне жаль, что в своих соображениях по настоящему делу Комитет не разъяснил, почему он решил отступить от своей прежней позиции относительно смертных приговоров, выносимых в обязательном порядке.

³ См., например, сообщение № 719/1996, *Конрой Леви против Ямайки*; сообщение № 750/1996, *Сильберт Дейли против Ямайки*; сообщение № 775/1997, *Кристофер Браун против Ямайки*.

В. *Статья 6 и обязательные к исполнению смертные приговоры*

3. При обсуждении статьи 6 Пакта важно очень четко проводить разграничение между обязательностью вынесения смертного приговора и обязательностью исполнения смертной казни. В самом Пакте проводится четкое разграничение между вынесением смертного *приговора* и *приведением* приговора в исполнение. Вынесение смертного приговора судом после судебного разбирательства, которое удовлетворяет всем требованиям статьи 14 Пакта, является *необходимым*, но *недостаточным* условием для приведения в исполнение смертной казни. Пункт 4 статьи 6 дает каждому лицу, приговоренному к смертной казни, право просить о помиловании или о смягчении приговора. И поэтому ясно, что Пакт прямо запрещает обязательную смертную казнь. Однако вопрос, возникающий в данном деле, имеет отношение не к обязательному исполнению высшей меры наказания, не к обязательному исполнению смертной казни, а к обязательному вынесению смертного *приговора*. И тут речь идет не о семантических вариациях. К сожалению, говоря об обязательной смертной казни, Комитет неразумно произвел ложное впечатление. Ну а это, на мой взгляд, привело его еще и к неверной трактовке встающей проблемы. Проблема состоит не в том, может ли государство-участник производить смертную казнь без учета субъективных обязательств преступления или личности подсудимого, а в том, требует ли Пакт наделить суды дискреционным правом определять целесообразность вынесения смертного приговора за умышленное убийство.

4. Пункт 1 статьи 6 защищает неотъемлемое право каждого человека на жизнь. Он гласит, что никто не может быть произвольно лишен жизни. Существует этот пункт сам по себе, можно было бы выдвинуть весьма вескую аргументацию на тот счет, что сама по себе смертная казнь является нарушением права на жизнь. И именно такой подход как раз и был избран конституционными судами двух государств при толковании ими своих конституций⁴. К сожалению, Пакт возбраняет этот подход, поскольку статья 6 позволяет смертную казнь в странах, которые не отменили ее, при соблюдении жестких условий, изложенных в пунктах 2, 4 и 5 и других положениях Пакта. При рассмотрении статьи 6 Пакта в целом неизбежно вытекает вывод о том, что применение наказания в виде смертной казни не может рассматриваться как нарушение пункта 1 статьи 6, *при соблюдении всех этих жестких условий*. Поэтому при оценке того, является ли исполнение смертного приговора нарушением статьи 6, кардинальное значение имеет вопрос о том, действительно ли государство-участник соблюдает эти условия.

5. Первое условие, которое должно быть соблюдено, состоит в том, что смертный приговор может выноситься только за особо тяжкие преступления в соответствии с законом, действовавшим во время совершения преступления. В настоящем случае Комитет прямо не основывает свой вывод о наличии нарушения на несоблюдении этого условия. Однако Комитет упоминает, что "обязательное вынесение смертного приговора по законам государства-участника основывается исключительно на категории преступления, в котором был признан виновным преступник" и что "смертный приговор носит обязательный характер по всем делам об умышленном убийстве". Хотя Комитет не упоминает пункт 2 статьи 6, в отсутствие любого другого объяснения могло бы показаться, что Комитет испытывает сомнения относительно совместимости с Пактом вынесения смертного приговора за умышленное убийство (категория преступлений, за которые по закону государства-участника обязательно выносится смертный приговор). Можно лишь допустить, что в основе этих сомнений лежит опасение на тот счет, что категория умышленных убийств может включать преступления, которые не относятся к числу особо тяжких. И я нахожу весьма тревожным, что Комитет готов декларировать, что умышленное убийство может и не быть особо тяжким преступлением. Комитет ведь сам утверждает, что право на жизнь является высшим правом (см. Замечание общего порядка 6). И поэтому умышленное лишение жизни другого человека в обстоятельствах, которые влекут за собой уголовную ответственность, должно уже по самой своей природе рассматриваться как особо тяжкое преступление. Как явствует из материалов, представленных Комитету в этом сообщении, по закону государства-участника лицо, причинившее смерть другому человеку с заранее обдуманном злым умыслом, является виновным в умышленном убийстве. Государство-участник разъяснило (и это не

⁴ См. решение южноафриканского Конституционного суда по делу *Государство против Макваньяна* [1995] 1 LRC 269; решение № 23/1990 (X.31) АВ венгерского Конституционного суда.

было оспорено), что такое преступление, как умышленное убийство, не включает "лишение жизни, равнозначное простому убийству (например, по причине провокации или уменьшенной ответственности)". В этих обстоятельствах каждый случай умышленного убийства, за которое лицо несет уголовную ответственность, должен рассматриваться как особо тяжкое преступление. Это, разумеется, не означает, что следует назначать смертную казнь, равно как это и не означает, что в случае вынесения смертного приговора его следует привести в исполнение. Но зато это означает, что само по себе вынесение смертного приговора не может рассматриваться как несовместимое с Пактом.

6. При решении вопроса о том, подлежит ли уголовной ответственности подсудимый, который обвиняется в умышленном убийстве, суд должен рассмотреть различные личные обстоятельства обвиняемого, а также обстоятельства конкретного деяния, которое образует состав преступления. Как было продемонстрировано в мнении моего коллеги лорда Колвилла, эти обстоятельства будут иметь значение при установлении как *mens rea*, так и *actus reus*, что входит в круг требований на предмет уголовной ответственности, а также наличия потенциальных средств защиты от уголовной ответственности, таких, как автоматическая защита. Эти обстоятельства будут иметь значение и при решении вопроса о наличии провокации или уменьшенной ответственности, что по закону государства-участника выводит акт преднамеренного лишения жизни из категории умышленного убийства. Поскольку все эти вопросы входят в состав разбирательства по уголовному обвинению против обвиняемого, согласно пункту 1 статьи 14 Пакта, они должны решаться компетентным, независимым и беспристрастным судом. Если бы судам было отказано в праве принимать решения по любому из этих вопросов, то не были бы соблюдены требования статьи 14. Согласно юриспруденции Комитета по делу о смертной казни, это означало бы, что приведение смертного приговора в исполнение представляло бы собой нарушение статьи 6. Каких-либо аргументов на тот счет, что в настоящем деле не были соблюдены вышеупомянутые условия, приведено не было. И тем не менее Комитет заявляет, что если государство-участник приведет в исполнение смертный приговор "безотносительно к личным обстоятельствам обвиняемого или обстоятельствам конкретного преступления" (см. пункт 8.2 соображений Комитета), то это представляло бы собой нарушение права автора не подвергаться произвольному лишению жизни. А поскольку не было выдвинуто никаких утверждений на тот счет, что судами не были приняты во внимание субъективные обстоятельства конкретного преступления, имеющие отношение к уголовной ответственности автора за умышленное убийство, очевидно, что Комитет ссылается на другие обстоятельства, которые не имеют отношения к ответственности автора за умышленное убийство. В пункте 4 статьи 6 Пакта действительно приводится требование о том, чтобы государство-участник учитывало такие обстоятельства перед приведением в исполнение смертного приговора. Но в Пакте нет никаких требований о том, чтобы именно *суды* государства-участника были теми внутренними органами, которые учитывают эти обстоятельства, которые, как заявляется, не имеют отношения к разбору уголовного обвинения.

7. Во многих обществах закон указывает максимальное наказание за данное преступление, а суды наделяются дискреционным правом определять надлежащий приговор по конкретному делу. Вполне может статься, что в этом состоит наилучшая система вынесения приговоров (хотя многие критики утверждают, что она неизбежно оборачивается неравными или дискриминационными приговорами). Однако при рассмотрении проблемы вынесения приговора, как и всех других проблем, касающихся толкования Пакта, Комитету надо задаваться вопросом не о том, какая именно система представляется наилучшей, а о том, отвечает ли такая система требованиям Пакта. Тут очень уж легко склониться к допущению, что требованиям Пакта отвечает как раз та система, которая лучше всего знакома членам Комитета. Но это есть неприемлемый подход к толкованию Пакта, который в настоящее время применяется к 144 государствам-участникам с разными правовыми режимами, культурами и традициями.

8. В связи с этим делом встает существенный вопрос: *требует ли Пакт*, чтобы именно *суды* были наделены дискреционным правом определять надлежащий приговор по каждому делу. В Пакте нет положений, которые позволяли бы предположить, что на этот вопрос следует дать утвердительный ответ. Кроме того, утвердительный ответ, пожалуй, предполагал бы, что с Пактом несовместимы минимальные приговоры за определенные преступления, такие, как изнасилование и

наркобизнес (что допускается во многих правовых системах). Лично мне трудно принять такой вывод.

Обязательные приговоры (или минимальные приговоры, которые, по сути дела, носят обязательный характер) действительно могут вызывать серьезные проблемы по Пакту. Если такие приговоры несоразмерны с преступлениями, за которые они выносятся, то их вынесение может быть сопряжено с нарушением статьи 7 Пакта. Если обязательный смертный приговор выносится за преступления, которые не относятся к числу особо тяжких преступлений, то нарушается пункт 2 статьи 6 Пакта. Однако, невзирая на целесообразность или нецелесообразность таких приговоров, если уважать все положения Пакта относительно наказаний, то сам по себе тот факт, что минимальная или абсолютно определенная мера наказания за преступление устанавливается не судом, а законодательством, вовсе не сопряжен с нарушением Пакта. Приведение в исполнение приговора, который был вынесен компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным по закону, после судебного разбирательства, отвечающего всем требованиям статьи 14, нельзя расценивать как произвольный акт.

Мне хорошо известно, что в настоящем случае в качестве обязательного приговора выступает смертный приговор. И к смертному приговору действительно применяются особые правила. Он может выноситься только за самые тяжкие преступления. Кроме того, Пакт прямо требует, чтобы лицам, приговоренным к смерти, было дано право просить о помиловании или смягчении приговора до приведения его в исполнение. Аналогичного права не предоставляется лицам, приговоренным к любым другим мерам наказания. Однако в Пакте нет положений с требованием о том, чтобы суды были наделены дискреционным правом в отношении вынесения приговоров по делам, связанным с применением смертной казни, тогда как по другим делам наделять их таким правом не следует.

Одним словом, в Пакте нет положений, которые требовали бы наделить суды дискреционным правом определять точный приговор по уголовному делу. Если сам приговор не нарушает Пакта, то тот факт, что он предусмотрен в качестве обязательного по законодательству, а не определен судом, не меняет его природы. Если при рассмотрении дел, связанных с применением смертной казни, такой приговор выносится за особо тяжкое преступление (а любой случай умышленного убийства является, по определению, особо тяжким преступлением), то его нельзя рассматривать как не совместимый с Пактом. И я не могу согласиться, что исполнение смертного приговора, вынесенного судом в соответствии со статьей 6 Пакта после судебного разбирательства, отвечающего всем требованиям статьи 14, может рассматриваться как *произвольное* лишение жизни.

9. Уже отмечалось выше, что в Пакте нет ничего такого, что требовало бы наделить суды дискреционным правом в отношении вынесения приговоров по уголовным делам. Нет там и никакого положения на тот счет, чтобы как-то иначе практиковать вынесение *приговоров* по делам о преступлениях, влекущих за собой применение смертной казни. Однако это не означает, что на государства-участники не возлагается обязанность рассматривать индивидуальные обстоятельства подсудимого или обстоятельства конкретного преступления до приведения в исполнение смертного приговора. Но зато отличие смертного приговора от других приговоров проявляется в том, что пункт 4 статьи 6 прямо требует, чтобы каждый, кто приговорен к смертной казни, имел право просить о помиловании или о смягчении приговора и чтобы амнистия, помилование или замена смертного приговора могли быть дарованы во всех случаях. Надо отметить, что в пункте 4 статьи 6 признается *право*. Как и в случае всех других прав, признание этого права Пактом налагает на государства-участники юридическую обязанность соблюдать и обеспечивать его. Поэтому государства-участники юридически обязаны добросовестно рассматривать все просьбы о помиловании или о смягчении приговора со стороны лиц, приговоренных к смертной казни. Государство-участник, не делающее этого, нарушает право осужденного по пункту 4 статьи 6 со всеми теми последствиями, которые вытекают из нарушения того или иного права по Пакту, включая право потерпевшего на эффективное средство правовой защиты.

Комитет заявляет, что "существование права ходатайствовать о помиловании или смягчении приговора не обеспечивает адекватной защиты права на жизнь, поскольку эти дискреционные меры

исполнительной власти сопряжены с широким комплексом иных соображений в сопоставлении с разбором всех аспектов уголовного дела". Это заявление не способствует последовательности подхода Комитета. Для соблюдения требований пункта 4 статьи 6 государство-участник обязано добросовестно рассматривать все индивидуальные обстоятельства и обстоятельства конкретного преступления, которые желает представить осужденный. Верно, конечно, что орган государства-участника, принимающий решение по этому вопросу, может принимать в расчет другие факторы, которые могут быть сочтены в качестве имеющих значение для предоставления помилования или для смягчения приговора. Однако и суд, наделенный дискреционными полномочиями по вынесению приговоров, также может принимать в расчет целую массу факторов, помимо индивидуальных обстоятельств обвиняемого или обстоятельств преступления.

10. Ну а теперь я могу резюмировать свое понимание юридической ситуации в связи с обязательным вынесением смертного приговора за умышленное убийство:

а) Вопрос о совместимости смертного приговора с положениями Пакта зависит от того, соблюдены ли условия, изложенные в статье 6 и других статьях Пакта, особенно в статье 14.

б) Приведение в исполнение смертного приговора, вынесенного в соответствии с требованиями статьи 6 и других статей Пакта, нельзя рассматривать как произвольное лишение жизни.

в) В Пакте нет ничего такого, что требовало бы наделять суды дискреционными полномочиями в плане вынесения приговоров. Нет в нем и какого-то особого положения, в силу которого практика вынесения приговоров по делам, связанным с применением смертной казни, имела бы отличия от других дел.

г) Пакт содержит прямое требование на тот счет, чтобы государства-участники до приведения в исполнение смертного приговора учитывали конкретные обстоятельства подсудимого или конкретного преступления. Государство-участник несет юридическое обязательство принимать в расчет такие обстоятельства при рассмотрении ходатайств о помиловании или смягчении приговора. Такое рассмотрение надо производить добросовестно и согласно справедливой процедуре.

С. Нарушение прав автора в настоящем деле

11. Даже если бы я был согласен с Комитетом в том, что касается юридической стороны дела, мне было бы трудно согласиться с тем, что в данном деле были нарушены права автора.

В контексте индивидуального сообщения по Факультативному протоколу вопрос состоит не в совместимости законодательства с Пактом, а в том, были ли нарушены права автора. (См., например, дело *Фориссон против Франции*, в котором Комитет подчеркнул, что он рассматривает не вопрос о том, совместимо ли со статьей 19 Пакта законодательство, на основании которого был осужден автор, а вопрос о том, было ли нарушено право автора на свободу выражения мнения при осуждении автора исходя из конкретных фактических обстоятельств его дела.) В настоящем деле автор был осужден за конкретное преступление: умышленное убийство маленькой девочки. И даже если по закону государства-участника категория умышленного убийства может включать кое-какие преступления, не относящиеся к числу особо тяжких, ясно, что в их число не входит то преступление, за которое был осужден автор. Не указывает автор и никаких личных обстоятельств или обстоятельств преступления, которые следовало бы рассматривать в качестве смягчающих обстоятельств, но которые могли бы быть не рассмотрены в судах.

12. Наконец, я хотел бы подчеркнуть, что Пакт накладывает строгие ограничения на применение смертной казни, включая ограничения по пункту 4 статьи 6. В данном случае нет спора о том, что автор имеет право ходатайствовать о помиловании или о смягчении его приговора. Консультативный комитет должен изучить ходатайство и представить рекомендации Генерал-губернатору по любому

такому ходатайству. По правилам, изложенным Тайным советом в последнем деле *Невилл Люис и др. против Ямайки*, государство-участник должно позволить заявителю представить подробную петицию с изложением обстоятельств, на которых он основывает свое ходатайство; ему надо разрешить доступ к информации, имеющейся у комитета; а решение о помиловании или смягчении приговора должно подлежать судебному надзору.

Хотя автор высказал определенные общие замечания относительно процедур помилования или смягчения приговора в государстве-участнике, он не утверждает, что он представил ходатайство о помиловании или о смягчении приговора, которое было отклонено. Поэтому он не может претендовать на то, что он является жертвой нарушения его прав по пункту 4 статьи 6 Пакта. Разумеется, предоставь автор ходатайство о помиловании или смягчении приговора, которое не было бы подвергнуто надлежащему рассмотрению, как это требуется Пактом и внутригосударственной правовой системой, он был бы вправе рассчитывать на эффективное средство правовой защиты. Будь ему отказано в таком средстве, перед ним оставались бы открытыми двери Комитета для рассмотрения дальнейшего сообщения.

Сообщение № 818/1998

Представлено: Сэнди Секстусом [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Тринидад и Тобаго

Дата принятия Сообщений: 16 июля 2001 года

Тема сообщения: Досудебное содержание под стражей и плохие условия содержания

Процедурные вопросы: Отсутствуют

Вопросы существа: Необоснованно продолжительное досудебное содержание под стражей - Право быть судимым без неоправданной задержки - Право на пересмотр решения в суде без задержки - Право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности

Статьи Пакта: Пункт 3 статьи 2; статья 7; пункт 3 статьи 9; пункт 1 статьи 10; и пункты 1, 3 с) и 5 статьи 14

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: Отсутствуют

Вывод: Наличие нарушения

1. Автором сообщения от 23 апреля 1997 года является гражданин Тринидада и Тобаго г-н Сэнди Секстус, который в настоящее время находится в государственной тюрьме Тринидада. Он утверждает, что является жертвой нарушений Тринидадом и Тобаго статей 2 (пункт 3), 7, 9 (пункт 3), 10 (пункт 1), 14 (пункты 1, 3 с)) и 5 Международного пакта о гражданских и политических правах. Он представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 21 сентября 1988 года автор был арестован по подозрению в совершении убийства своей тещи в этот же день. До суда в июле 1990 года автор находился в предварительном заключении в тюрьме "Голден Гроув", Арука, где его содержали в камере размером 9 на 6 футов вместе с еще 7-11 другими заключенными. У него не было кровати, и он был вынужден спать на бетонном полу или на старом картоне и газетах.

2.2 Через более чем 22 месяца после ареста 23 июля 1990 года автор предстал перед Высоким судом. 25 июля 1990 года суд присяжных единогласно признал его виновным и приговорил к смертной казни по обвинению в совершении убийства. С этого момента (до смягчения его наказания) автор находился в государственной тюрьме в Порт-оф-Спейне (Фредерик-стрит) в одиночной камере размером 9 на 6 футов, в которой была железная кровать, матрац, скамья и стол¹. Ввиду отсутствия встроенной сантехники туалетом служило пластмассовое ведро. Единственным отверстием в камере, не обеспечивающим должной вентиляции, было небольшое вентиляционное отверстие размером 8 на 8 дюймов. Ввиду отсутствия какого-либо естественного освещения свет поступал лишь благодаря лампе дневного света (включенной круглые сутки и находящейся над дверью снаружи камеры). Из-за своего артрита автор выходил из своей камеры только для того, чтобы взять еду и опорожнить туалетное ведро. Из-за проблем с желудком автору была предписана овощная диета, а когда овощей не было, он оставался без еды. Автор не получил ответа от омбудсмана на письменную жалобу, связанную с последней проблемой.

2.3 14 марта 1995 года - через более чем 4 года и 7 месяцев - апелляционный суд отклонил заявление автора о получении разрешения на обжалование². 10 октября 1996 года Судебный комитет Тайного совета в Лондоне отклонил заявление автора о специальном разрешении на обжалование осуждения и приговора. В январе 1997 года смертный приговор автору был заменен 75 годами тюремного заключения.

2.4 С этого времени автор находился под стражей в тюрьме Порт-оф-Спейна, где был помещен в камеру размером 9 на 6 футов вместе с другими 9-12 заключенными, между которыми происходили жестокие столкновения, вызванные переполненностью помещения. На всю камеру приходится одна кровать, из-за чего автор спит на полу. Отхожим местом служит пластиковый бачок, который опорожняется один раз в день, из-за чего бывает иногда переполненным. Окно с решеткой размером 2 на 2 фута не обеспечивает необходимой вентиляции. Заключенный находится в его камере в среднем 23 часа в сутки, при этом отсутствуют какие-либо возможности для образования, работы или чтения. Явная опасность для здоровья связана с расположением секции тюрьмы, предназначенной для приготовления пищи, которая находится на расстоянии около 2 метров от того места, где заключенные опорожняют ведра с нечистотами. Повторяется утверждение о том, что получаемая автором пища не удовлетворяет его потребности в питании.

Жалоба

3.1 Центральным элементом жалобы автора являются якобы имевшие место чрезмерные задержки в судебном процессе по его делу, а также условия содержания под стражей, в которых ему приходилось находиться на различных этапах этого процесса.

3.2 В отношении заявления о задержке автор утверждает, что его права были нарушены согласно пункту 3 статьи 9 и пункту 3 с) статьи 14 в том смысле, что его дело было передано в суд с задержкой в 22 месяца. Это был период времени с даты его ареста 21 сентября 1988 года - день совершения правонарушения, за которое он был осужден, - до начала суда над ним 23 июля 1990 года. Автор утверждает, что полиция очень мало занималась расследованием его дела.

3.3 Автор приводит соображения Комитета по делам *Селиберти де Касарьего против Уругвая*, *Миллан Сикейра против Уругвая* и *Пинкни против Канады*³, по которым сопоставимые периоды

¹ Описание адвокатом этих условий дается на основе переписки автора и личного посещения адвокатом автора во время его нахождения под стражей в июле 1996 года.

² В этот день после рассмотрения представленного аргумента Суд отказался предоставить возможность апелляции и подтвердил осуждение и приговор. Вскоре после этого 10 апреля 1995 года были представлены основания данного судебного решения (20 страниц).

³ Сообщения 56/1979, 6/1977 и 27/1978, соответственно.

задержки были признаны нарушением Пакта. Ссылаясь на дело *Пратт Морган против Генерального прокурора Ямайки*⁴, автор утверждает, что государство-участник несет ответственность за действия без учета подобных периодов задержки в рамках его системы уголовного правосудия, и что в связи с этим оно является виновным в данном случае. Автор утверждает, что данную задержку усугубил тот факт, что полиция, которая должна была провести расследование, мало занималась этим делом, при этом прямое показание дал один очевидец, а три других представили косвенные доказательства. Единственным свидетельством судебного эксперта, приведенным на суде, были отчет о посмертном обследовании и справка об анализе крови.

3.4 Автор заявляет также о нарушениях пунктов 1 и 3 с) и 5 статьи 14, которые выразились в необоснованно длительной задержке более чем на четыре года и семь месяцев, которые истекли перед тем, как апелляционный суд рассмотрел и отклонил обжалование осуждения автором. Автор приводит целый ряд дел, по которым Комитет принял решение о том, что сопоставимые задержки (а также менее длительные) являются нарушением Пакта⁵. Автор заявляет о том, что делались многочисленные обращения к регистратору апелляционного суда, генеральному прокурору и министру национальной безопасности, а также омбудсмену. Он заявляет, что ко времени рассмотрения апелляции он все еще не получил копии запрошенных им доказательств обвинения, приобщенных к материалам дела, замечаний на представленные доказательства и резюме ведущего данное дело судьи. Автор утверждает, что при оценке обоснованности задержки необходимо иметь в виду, что ему было определено наказание в виде смертной казни, и все это время он находился в заключении в неприемлемых условиях.

3.5 Во второй части жалобы дается описание различных изложенных выше условий содержания автора под стражей, в которых ему пришлось находиться до суда после осуждения и в которых он находится в настоящее время после смягчения приговора. Эти условия, как утверждает, неоднократно были предметом осуждения со стороны международных организаций по правам человека, поскольку они являются нарушением международно принятых стандартов минимальной защиты⁶. Автор заявляет, что после смягчения его наказания он по-прежнему находится в условиях заключения, которые являются явным нарушением, в частности, целого ряда как национальных стандартных правил тюремного заключения, так и Минимальных стандартных правил обращения с заключенными Организации Объединенных Наций⁷.

3.6 Ссылаясь на Замечания общего порядка 7 и 9 Комитета по статьям 7 и 10⁸, соответственно, а также ряд сообщений, в которых делался вывод о том, что условия содержания под стражей являются

⁴ [1994] 2 AC 1 (Тайный совет).

⁵ Автор ссылается на дела *Пинкни против Канады* (сообщение 27/1978), *Литтл против Ямайки* (сообщение 283/1998), *Пратт и Морган против Ямайки* (сообщения 210/1986 и 226/1987), *Келли против Ямайки* (сообщение 253/1987) и *Нептун против Тринидада и Тобаго* (сообщение 523/1992).

⁶ Автор ссылается на общий анализ условий содержания в тюрьме Порт-оф-Спейн, описанных Вивиан Штерн в "Deprived of their Liberty" (1990).

⁷ Автор ссылается также, с точки зрения описания общей ситуации, на приведенное в средствах массовой информации 5 марта 1995 года высказывание Генерального секретаря Ассоциации сотрудников тюремных учреждений, в соответствии с которым санитарные условия являются "весьма прискорбными, неприемлемыми и создают опасность для здоровья". Он также заявил о том, что ограниченные ресурсы и распространение тяжелых инфекционных заболеваний делают работу сотрудников тюремных учреждений еще более ужасной.

⁸ Эти Замечания общего порядка были затем заменены Замечаниями общего порядка 20 и 21, соответственно.

нарушением Пакта⁹, автор утверждает, что те условия, в которых ему пришлось находиться на каждом этапе судопроизводства, являются нарушением минимального не подлежащего нарушению стандарта условий заключения (который должен соблюдаться независимо от уровня развития государства-участника) и соответственно нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10. В частности, автор делает ссылку на дело *Эстрелья против Уругвая*¹⁰, в котором Комитет при определении существования практики негуманного отношения в тюрьме "Либертад" исходил в определенной мере из "рассмотрения им других сообщений...", которые подтверждают существование практики негуманного отношения в тюрьме "Либертад". При рассмотрении дела *Нентун против Тринидада и Тобаго*¹¹ Комитет пришел к выводу о наличии весьма схожих обстоятельств в данном деле, не совместимых с пунктом 1 статьи 10, и призвал государство-участник улучшить общие условия заключения, с тем чтобы не допустить аналогичных нарушений в будущем. В качестве обоснования своего заявления о нарушении статьи 7 и пункта 1 статьи 10 автор ссылается на целый ряд примеров из международной судебной практики, в соответствии с которой необоснованно суровые условия тюремного заключения представляют собой негуманное обращение¹².

3.7 В заключение автор заявляет о нарушении пункта 1 статьи 14 совместно с пунктом 3 статьи 2, суть которого заключается в том, что его лишают права на доступ в суд. Автор утверждает, что право на представление конституционного ходатайства не действует в условиях, связанных с настоящим делом, из-за недоступной стоимости судебного разбирательства в Высоком суде для обеспечения конституционной защиты, отсутствия правовой помощи при подаче конституционных ходатайств, а также нехватки местных адвокатов, готовых бесплатно представлять заявителей. Автор приводит в качестве примера дело *Шампани и другие против Ямайки*¹³, с тем чтобы показать, что при отсутствии правовой помощи конституционное ходатайство в данном случае не является эффективным средством судебной защиты для неимущего автора. Автор приводит в качестве примера судебную практику Европейского суда по правам человека¹⁴ как аргумент в отношении того, что эффективное право на доступ в суд может потребовать обеспечения правовой помощи неимущим заявителем. Автор утверждает, что это в первую очередь связано со случаем смертной казни, и утверждает, что, таким образом, отсутствие правовой помощи с целью подачи конституционных ходатайств само по себе является нарушением Пакта.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своем ответе от 6 сентября 1999 года государство-участник оспорило приемлемость и существо сообщения. В отношении заявлений о задержках, связанных с досудебным производством

⁹ *Валентини де Баззано против Уругвая* (сообщение № 5/1997), *Буффо Карбальял против Уругвая* (сообщение № 33/1978), *Сендик Антонаксио против Уругвая* (сообщение № 63/1979), *Гомес де Войтурет против Уругвая* (сообщение № 109/1981), *Уайт против Мадагаскара* (сообщение № 115/1982), *Пинто против Тринидада и Тобаго* (сообщение № 232/1987), *Муконг против Камеруна* (сообщение № 458/1991).

¹⁰ Сообщение № 27/1980.

¹¹ Сообщение № 523/1992. Описанные условия (и не оспоренные государством-участником) включали камеру размером 6 x 9 футов, в которой находилось от 6 до 9 других заключенных, с тремя кроватями, недостаточным освещением, полчаса упражнений через каждые две-три недели и несъедобное питание.

¹² В Европейском суде: *Greek Case 12 YB 1* (1969) и *Cyprus v. Turkey* (Appln. No. 6780/74 and 6950/75); в Верховном суде Зимбабве: *Conjwayo v. Minister of Justice, Legal and Parliamentary Affairs et. al.* (1992) 2 SA 56, Gubbay CJ for the Court.

¹³ Сообщение № 445/1991, объявленное приемлемым 18 марта 1993 года.

¹⁴ *Golder v. United Kingdom* [1975] 1 EHRR 524 и *Airey v. Ireland* [1979] 2 EHRR 305. Автор приводит также мнения Комитета по делу *Карри против Ямайки* (сообщение № 377/1989) в связи с тем, что в тех случаях, когда этого требуют интересы правосудия, осужденному заявителю должна предоставляться юридическая помощь для подачи конституционного ходатайства относительно нарушений уголовного судопроизводства.

и рассмотрением апелляции, вопреки пункту 3 статьи 9 и пункта 3 с) и 5 статьи 14, государство-участник утверждает, что до направления сообщения автор не пытался протестовать против тех задержек, которые возникли с передачей данного дела в суд. Суть данного нарушения заключается в том, что автору было известно о возможном нарушении самое позднее в день суда, однако этот вопрос не поднимался или не являлся предметом обжалования. Государство-участник утверждает, что авторам не следует давать возможность "спать на" своих правах в течение длительного периода времени и лишь годы спустя подавать заявления о нарушении в Комитет. Соответственно разумно ожидать, что авторы будут пытаться получить сатисфакцию посредством конституционного ходатайства или подачи заявления в Комитет непосредственно после совершения предполагаемого нарушения, а не через многие годы, и эту часть сообщения следует объявить неприемлемой.

4.2 В отношении существа заявлений о задержке государство-участник утверждает, что ни один из соответствующих периодов не является неоправданным в той ситуации, которая преобладала в государстве-участнике в годы сразу после предпринятой попытки переворота. Рост преступности создал значительную нагрузку для судов в тот период, в результате которой накопилось большое количество нерассмотренных дел. Трудности, возникшие с своевременной подготовкой полных и точных судебных материалов, вызвали задержки в представлении дел в суд и рассмотрении апелляций. Государство-участник заявляет, что оно осуществило реформы процедурного характера, с тем чтобы предотвратить подобные задержки, включая назначение новых судей для рассмотрения дел в суде и апелляций. Благодаря увеличению финансовых и других ресурсов, в том числе для ведения судебных протоколов при помощи компьютеров, апелляции рассматриваются в настоящее время в течение одного года после осуждения. Следует учитывать произошедшие улучшения.

4.3 В отношении заявлений о ненадлежащих условиях заключения в нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10 государство-участник отрицает, что те условия, в которых заявитель содержался после вынесения ему приговора о смертной казни и содержится в настоящее время, являются нарушением Пакта¹⁵. Государство-участник ссылается на аналогичные утверждения, которые были сделаны другими лицами в отношении условий в той же самой тюрьме, которые были сочтены приемлемыми судами государства-участника и которые, согласно имеющейся информации, по мнению самого Комитета, не представляли собой нарушения, когда он рассматривал вопросы, связанные с указанными условиями¹⁶. Тайный совет постановил по делу *Томас против Бантиста*¹⁷, что неприемлемые условия тюремного заключения в этом случае, которые являлись нарушением тюремных правил, необязательно доходят до уровня негуманного обращения, и согласился в этой связи с решением Апелляционного суда. Государство-участник утверждает, что эти различные выводы, сделанные судами в государстве-участнике, Тайным советом и Комитетом, должны иметь преимущество перед необоснованными и общими утверждениями автора.

4.4 В отношении заявления о нарушении права на обращение в суды в соответствии с пунктом 1 статьи 14 государство-участник отрицает любое решение возможности обращения в суды посредством конституционных ходатайств с целью получения сатисфакции за нарушения основных прав. В настоящее время судами рассматриваются конституционные ходатайства, представленные 19 осужденными заключенными, и поэтому утверждение о каком-либо нарушении пункта 1 статьи 14 является неправильным и вводящим в заблуждение.

Комментарии автора по представлениям государства-участника

5.1 В представлении от 19 ноября 1999 года автор ответил на утверждения государства-участника. В отношении аргументов, касающихся задержки, автор указывает на наличие противоречия в доводах

¹⁵ Государство-участник никоим образом не упоминает условия досудебного содержания под стражей.

¹⁶ См. мнение большинства по делу *Чади против Тринидада и Тобаго* (сообщение № 813/1998).

¹⁷ [1999] 3 W.L.R. 249.

государства-участника, связанного с отрицанием того, что произошла необоснованная задержка, однако указанием при этом на то, что в течение соответствующего периода отправление уголовного правосудия характеризовалось общими проблемами. Автор считает, что государством-участником допускалась возможность того, что различные задержки не имели под собой оснований, ибо в противном случае не было бы никакой необходимости улучшать ситуацию, с тем чтобы предотвращать подобные задержки. Автор указывает также на решение Комитета по делу *Смарт против Тринидада и Тобаго*¹⁸, в котором признавалось, что в период времени более двух лет с момента ареста до суда представляет собой нарушение пункта 3 статьи 9 и пункта 3 с) статьи 14.

5.2 Автор утверждает, что вопросы задержки не могли быть представлены на рассмотрение Комитета на более раннем этапе, поскольку лишь после отказа Тайного совета 10 октября 1996 года дать разрешение на обжалование были исчерпаны все имеющиеся внутренние средства судебной защиты. Автор заявляет также, что в любом случае не существует каких-либо конституционных средств судебной защиты, поскольку Тайным советом было определено по делу *DPP против Tokai*¹⁹, что, хотя Конституцией Тринидада и Тобаго предусматривается право на справедливое судебное разбирательство, в ней не предусматривается право на быстрое судебное разбирательство или судебное разбирательство в течение разумного срока.

5.3 В отношении заявлений о ненадлежащих условиях тюремного заключения, противоречащих статье 7 и пункту 1 статьи 10 автор указывает, что в решении Тайного совета по делу *Томас против Бантуиста*, на которое ссылается государство-участник, признавалось, что заявители по данному делу содержались в переполненных и зловонных камерах и были лишены в течение длительных периодов времени возможности физических упражнений или доступа к свежему воздуху. Во время физических упражнений на свежем воздухе на них надевались наручники. Большинство голосов Тайный совет вынес решение о том, что подобные условия являются нарушением правил тюремного заключения и незаконными, но необязательно представляют собой жестокое и негуманное обращение, заявив при этом, что оценочное решение зависит от местных условий как внутри тюрьмы, так и за ее пределами. По мнению Совета, хотя подобные условия являются "совершенно неприемлемыми в цивилизованном обществе", дело прав человека не выигрывает от того, что будут установлены такие высокие стандарты, при которых нарушения станут обычным явлением.

5.4 Автор указывает, что, хотя Тайный совет большинством голосов принял более низкие стандарты на основании того, что в странах третьего мира "нередко, к сожалению, не достигается тот минимум, который будет приемлемым в более богатых странах", Комитет настаивал на том, чтобы всегда соблюдались определенные минимальные стандарты тюремного заключения независимо от уровня развития страны²⁰. В этой связи автор настаивает на том, что грубое нарушение не подлежащих изменению минимальных стандартов обращения, признанных среди цивилизованных стран, все же является жестоким и негуманным обращением.

5.5 В отношении заявления о праве на доступ в суды автор ссылается на решение Комитета о приемлемости по делу *Смарт против Тринидада и Тобаго*²¹, в соответствии с которым в случае отсутствия правовой помощи для обеспечения возможности использования конституционного средства судебной защиты это средство не может считаться эффективным. Автор задает вопрос о том, по скольким из 19 конституционных случаев, на которые делает ссылку государство-участник,

¹⁸ Сообщение № 672/1995.

¹⁹ [1996] 3 WLR 149.

²⁰ *Муконг против Камеруна* (сообщение № 458/1991). Особое мнение лорда Стейна по делу *Thomas & Hilaire* имеет аналогичное значение.

²¹ Op. cit.

была оказана правовая помощь, заявляя при этом о том, что, насколько он понимает, большинство из них было представлено *pro bono* (дела, которые обычно не ведут местные адвокаты)²².

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии со статьей 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 В отношении заявлений автора о предполагаемой задержке Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, поскольку i) на суде и при обжаловании не ставились никакие вопросы по поводу задержки и ii) автором не было подано конституционное ходатайство. Государством-участником не было показано, что постановка вопросов о задержке при рассмотрении дела в суде или при обжаловании могла бы обеспечить эффективное средство судебной защиты. В отношении довода государства-участника о том, что конституционное ходатайство было и является возможным для автора, Комитет напоминает о своей практике, в соответствии с которой, для того чтобы данное средство судебной защиты считалось доступным для неимущего заявителя, должна существовать возможность получения правовой помощи. Хотя государство-участник предоставило цифры, подтверждающие, что этим средством правовой защиты пользуются другие заключенные, оно не сумело показать, что это средство будет доступно данному конкретному автору в том бедственном положении, в котором он находится. В любом случае в отношении заявления о неоправданной задержке Комитет отмечает, что в соответствии с толкованием Тайным советом соответствующих конституционных положений полностью отсутствуют конституционные средства судебной защиты, при помощи которых эти заявления могут быть сделаны. Комитет считает в этой связи, что в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола нет оснований для того, чтобы не рассматривать данное сообщение.

6.3 В отношении заявления относительно ненадлежащих условий заключения в нарушение статей 7 и 10 Комитет отмечает, что автор представил конкретные и подробные заявления относительно тех условий, в которых ему пришлось находиться во время тюремного заключения. Вместо того, чтобы отвечать на отдельные заявления, государство-участник просто констатирует, что автор не дал обоснований своим заявлениям. В подобных обстоятельствах Комитет считает, что автор в достаточной степени обосновал свои утверждения для целей приемлемости.

7.1 Комитет считает, соответственно, что данное сообщение является приемлемым, и переходит к рассмотрению существа этих утверждений в свете всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 В отношении утверждения о необоснованной досудебной задержке Комитет напоминает о своей практике, в соответствии с которой "в делах, связанных с серьезными обвинениями, таких, как убийство или тяжкое убийство, а также когда суд отказывает обвиняемому в освобождении под залог, обвиняемый должен привлекаться к суду как можно быстрее"²³. В данном случае, когда автора арестовали в день совершения преступления, обвинили в убийстве и содержали под стражей до суда и когда практическое доказательство было очевидным и явно требовало незначительного полицейского расследования, Комитет считает, что необходимо привести существенные причины для оправдания задержки с судом на 22 месяца. Государство-участник указывает лишь на проблемы общего характера и нестабильность в период после попытки переворота и признает связанные с ними

²² Автор заявляет, что при зачитании приказа о приведении в исполнение приговора к смертной казни обеспечивается бесплатное юридическое представительство.

²³ *Барросо против Панамы* (сообщение № 473/1991, пункт 8.5).

задержки. В подобных обстоятельствах Комитет делает вывод о нарушении прав автора согласно пункту 3 статьи 9 и пункту 3 с) статьи 14.

7.3 В отношении утверждения о периоде задержки более четырех лет и семи месяцев между осуждением и судебным решением по апелляции Комитет также ссылается на свою судебную практику, в соответствии с которой права, предусмотренные в пунктах 3 с) и 5 статьи 14, в совокупности составляют право на безотлагательный пересмотр решения судом²⁴. По делу *Джонсон против Ямайки*²⁵ Комитет постановил, что при отсутствии исключительных обстоятельств задержка на четыре года и три месяца является необоснованно длительной. В настоящем случае государство-участник также лишь указало на общую ситуацию и косвенным образом признало чрезмерность задержки в виде объяснения о том, что в настоящее время меры, принятые с целью обеспечения судебных средств защиты, гарантируют рассмотрение апелляции в течение года. Комитет делает вывод, соответственно, о нарушении пунктов 3 с) и 5 статьи 14.

7.4 В отношении утверждений автора о том, что условия содержания под стражей на различных этапах его тюремного заключения являлись нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10, Комитет отмечает общий довод государства-участника о том, что условия содержания в его тюрьмах соответствуют положениям Пакта. В то же время ввиду отсутствия конкретных ответов государства-участника, касающихся условий содержания под стражей, изложенных автором²⁶, Комитет должен верить соответственно заявлениям автора, поскольку они не были опровергнуты должным образом. В отношении вопроса о том, являются ли изложенные условия нарушением положений Пакта, Комитет отмечает доводы государства-участника в отношении того, что в других случаях его суды признали условия тюремного заключения по другим делам в качестве удовлетворительных²⁷. Комитет не может рассматривать выводы судов по другим делам в качестве ответа на конкретные жалобы, с которыми автор обратился в данном случае. В соответствии с неоднократно сделанными выводами в отношении аналогичных обоснованных заявлений Комитет считает²⁸, что изложенные условия содержания автора под стражей являются нарушением его права на гуманное обращение с соблюдением неотъемлемого достоинства человеческой личности и в этой связи противоречат пункту 1 статьи 10. В свете этого вывода, касающегося статьи 10 - нормы Пакта, конкретно предусматривающей положение лиц, лишенных свободы, и содержащей элементы, касающиеся подобных лиц, которые обычно предусматриваются статьей 7, нет необходимости отдельно рассматривать утверждения, связанные со статьей 7.

8. Действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что представленные ему факты свидетельствуют о наличии нарушения положений пункта 3 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пунктов 3 с) и 5 статьи 14 Пакта.

²⁴ *Лубуто против Замбии* (сообщение № 390/1990) и *Нептун против Тринидада и Тобаго* (сообщение № 523/1992).

²⁵ Сообщение № 588/1994.

²⁶ По делу *Чади против Тринидада и Тобаго* (сообщение № 813/1998), на которое ссылается государство-участник, государством-участником не были сообщены подробности данного факта, и Комитет большинством голосов решил в конечном итоге, что он не в состоянии принять решение о нарушении статьи 10.

²⁷ Эти случаи были истолкованы в качестве конституционного положения, аналогичного по своему содержанию статье 7 Пакта, и в этой связи они могут, вероятно, иметь последствия только для оценки заявлений, которые делаются в настоящее время согласно статье 7, но не в отношении иной нормы, содержащейся в статье 10.

²⁸ См., например, дело *Келли против Ямайки* (сообщение № 253/1987) и *Тейлор против Ямайки* (сообщение № 707/1996).

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить г-на Секстуса эффективным средством правовой защиты, включая выплату надлежащей компенсации. Государство-участник также обязано улучшить нынешние условия заключения автора или освободить его.

10. Став государством - участником Факультативного протокола, Тринидад и Тобаго признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушения Пакта. Данное дело было представлено на рассмотрение до того, как 27 июня 2000 года вступила в силу денонсация Тринидадом и Тобаго Факультативного протокола; в соответствии с пунктом 2 статьи 12 Факультативного протокола оно по-прежнему подпадает под действие Факультативного протокола. Согласно статье 2 Пакта государство-участник обязуется обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечить эффективное и применимое средство правовой защиты в случае установления наличия нарушения. Комитет желает получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о мерах, принятых по осуществлению Соображений Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета г-на Иполито Солари Иригойена

Выражаю свое особое мнение по пункту 9, согласно которому я считаю следующее:

"В соответствии с пунктом 3 с) статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах государство-участник обязано обеспечить г-на Сэнди Секстуса надлежащим средством судебной защиты, включая выплату ему надлежащей компенсации. Государство-участник обязано также освободить автора".

Сообщение № 819/1998

Представлено: Джозефом Каванахом [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Ирландия

Дата принятия Соображений: 4 апреля 2001 года

Тема сообщения: Чрезвычайное судебное разбирательство в Специальном уголовном суде

Процедурные вопросы: Отсутствуют

Вопросы существа: Справедливое судебное разбирательство - Равенство перед законом и равная защита закона

Статьи Пакта: Пункты 1 и 3 а) статьи 2; пункты 1 и 3 статьи 4; пункты 1, 2 и 3 статьи 14; и статья 26

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: Отсутствуют

Вывод: Наличие нарушения

1. Автором сообщения от 27 августа 1998 года является г-н Джозеф Каванах, гражданин Ирландии, родившийся 27 ноября 1957 года. Автор заявляет о нарушении Республикой Ирландией статьи 2 (пункты 1 и 3 а)), статьи 4 (пункты 1 и 3), статьи 14 (пункты 1, 2 и 3) и статьи 26 Пакта. Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Ирландии 8 марта 1990 года. Автора представляет адвокат.

Исходная информация

2.1 Статья 38 (3) Конституции Ирландии предусматривает создание в законном порядке специальных судов для проведения судебного разбирательства в случаях, когда в соответствии с таким законом установлено, что обычные суды "не в состоянии обеспечить эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка". 26 мая 1972 года правительство, воспользовавшись своими полномочиями в соответствии со статьей 35(2) *Закона о государственных преступлениях от 1939 года* издало постановление, предусматривающее создание специального уголовного суда для проведения судебного разбирательства в связи с определенными категориями преступлений. В пунктах 4 и 5 статьи 35 этого закона отмечается, что если правительство или парламент вновь заявят в какой-либо момент, что обычные суды в состоянии обеспечивать эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка, то деятельность специального уголовного суда прекращается на основе соответствующего постановления или решения. До настоящего времени власти не издавали никаких постановлений или решений о прекращении полномочий такого суда.

2.2 В силу статьи 47(1) Закона специальный уголовный суд вправе рассматривать "предписанные преступления" (т.е. преступления, перечисленные в соответствующем списке) в тех случаях, когда Генеральный прокурор "считает целесообразным" проводить разбирательство по делу обвиняемого лица не в обычных судах, а в специальном уголовном суде. Понятие "предписанное преступление" раскрывается в Постановлении 1972 года о государственных преступлениях (предписанные преступления) в качестве противоправных деяний, подпадающих под сферу действия Закона 1861 года об умышленном причинении вреда, Закона 1883 года о взрывчатых веществах, законов 1925-1971 годов об огнестрельном оружии и Закона 1939 года о государственных преступлениях. В том же году к разряду "предписанных преступлений" были добавлены преступления, предусмотренные статьей 7 Закона 1875 года о посягательстве на собственность и защите собственности. Кроме того, специальный уголовный суд может рассматривать и "непредписанные" преступления, если Генеральный прокурор, руководствуясь статьей 47(2) соответствующего закона, постановляет, что обычные суды "не в состоянии обеспечить эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка в контексте судебного разбирательства по соответствующему делу". В этой связи Генеральному прокурору передаются полномочия Государственного обвинителя (ГО).

2.3 В отличие от судов общеуголовной юрисдикции, в составе которых действует жюри присяжных, специальные уголовные суды состоят из трех судей, которые выносят решения большинством голосов. Кроме того, в специальном уголовном суде используется ряд процедур, не предусмотренных для обычных уголовных судов, включая, в частности, правило, согласно которому обвиняемый не имеет доступа к предварительным следственным процедурам, касающимся дачи показаний некоторыми свидетелями.

Представленные факты

3.1 2 ноября 1993 года имел место серьезный и по всей видимости тщательно спланированный инцидент, в результате которого банда в составе семи человек подвергла задержанию и физическому насилию руководителя одного ирландского банковского учреждения, его жену, трех его детей и приходящую няню непосредственно в доме, принадлежащем этой семье. Затем руководителя этого банковского учреждения заставили под угрозой применения насилия выкрасть в соответствующем банке крупную сумму денег. Автор признает свое участие в вышеуказанных событиях, однако утверждает, что он сам стал жертвой киднэппинга непосредственно перед инцидентом и был вынужден принять участие в этом налете под угрозой насилия в отношении него самого и членов его семьи.

3.2 19 июля 1994 года автор был арестован в связи с вышеописанным инцидентом, и ему были предъявлены следующие семь обвинений: неправомерное задержание, ограбление, вымогательство

денег путем угроз, вступление в сговор с целью вымогательства денег путем угроз, хранение огнестрельного оружия с целью совершения противоправного деяния в форме неправомерного задержания. Шесть из этих обвинений касались преступлений, не относящихся к категории предписанных, и только седьмое обвинение (хранение огнестрельного оружия с целью совершения противоправного деяния в форме неправомерного задержания) было связано с совершением "предписанного преступления".

3.3 20 июля 1994 года на основании постановления Государственного обвинителя (ГО) от 15 июля 1994 года, принятого в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 47 Закона, автор предстал перед специальным уголовным судом, где ему были предъявлены все семь обвинений в связи с совершением как "предписанных", так и непредписанных преступлений.

3.4 14 ноября 1994 года автор направил в Высокий суд ходатайство о предоставлении ему разрешения на пересмотр в судебном порядке постановления ГО. В тот же день Высокий суд дал ему такое разрешение, и представленное автором ходатайство было заслушано в июне 1995 года. Автор утверждал, что преступления, в совершении которых он обвинялся, не имели отношения к подрывной деятельности или деятельности военизированной группы и что обычные суды были в состоянии рассматривать его дело. Автор оспорил применимость постановления 1972 года, мотивируя это отсутствием разумных фактических оснований, лежащих в основе этого постановления, и сделал в этой связи соответствующее заявление. Кроме того, автор потребовал аннулировать квалификационное решение ГО по поводу соответствующих "непредписанных" преступлений на том основании, что ГО не вправе решать вопрос о правомочности рассмотрения непредписанных преступлений специальным уголовным судом в тех случаях, когда они не имеют отношения к подрывной деятельности. В этой связи он отмечал, что прозвучавшее на сорок восьмой сессии Комитета по правам человека заявление Генерального прокурора о том, что существование специального уголовного суда обусловлено характером проводящейся кампании в связи с Северной Ирландией, представляется достаточным основанием для предположения о том, что в специальном уголовном суде следует рассматривать только те преступления, которые имеют отношение к Северной Ирландии. В дополнение к этому он заявил, что решение о передаче его дела в специальный уголовный суд можно расценить как акт его неправомерной дискриминации.

3.5 6 октября 1995 года Высокий суд отклонил все представленные автором аргументы. Поддержав действия нижестоящих инстанций, суд постановил, что решения ГО не подлежат пересмотру за отсутствием доказательств недобросовестности ГО или того, что в своих действиях он руководствовался неправомерными мотивами или соображениями. Суд не усмотрел никаких нарушений в решении о правомочности рассмотрения непредписанных противоправных действий, не связанных с подрывной деятельностью или деятельностью военизированных групп. Суд подтвердил возможность обоснованного вынесения надлежащего и имеющего юридическую силу решения и поддержал квалификационное решение ГО. Коснувшись связанной с этим попытки оспорить применимость самого постановления 1972 года Высокий суд отметил, что его полномочия ограничиваются рассмотрением конституционности действий правительства в 1972 году и что он не вправе высказывать мнение относительно предусмотренной в пункте 4 статьи 35 обязанности правительства прекращать применение этого специального режима. По мнению Высокого суда, сама возможность отмены им соответствующего постановления была бы равносильной узурпации им законодательных полномочий в области, которая находится вне пределов компетенции судебных органов.

3.6 Коснувшись утверждения о том, что режим судебного разбирательства по конкретному делу отличался от режима судебного разбирательства по делам лиц, обвиняемых в совершении аналогичных преступлений, не попадающих тем не менее в категорию преступлений, подлежащих рассмотрению специальным уголовным судом, Высокий суд заявил, что автор не сумел обосновать злонамеренность такого различия в обращении. В заключение Высокий суд подчеркнул, что никакие заявления представителя государства в том или ином международном комитете не могут влечь за собой изменения действующего закона или увязываться с дискреционными полномочиями, осуществляемыми ГО в соответствии с таким законом.

3.7 24 октября 1995 года автор направил апелляцию в Верховный суд. Автор, в частности, утверждал, что постановление 1972 года касалось преступлений, связанных с подрывной деятельностью, и что сфера компетенции специального уголовного суда никогда не распространялась на "обычные уголовные преступления". Далее автор утверждал, что правительство обязано пересмотреть и отменить это постановление, как только оно удостоверится в том, что обычные суды в состоянии обеспечивать эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка.

3.8 18 декабря 1996 года Верховный суд отклонил апелляцию автора на решение Высокого суда. Верховный суд заявил, что принятое правительством в 1972 году решение о принятии такого постановления носило сугубо политический характер и базировалось на принципе презумпции конституционности, который не был оспорен. Верховный суд отметил, что как правительство, так и парламент обязаны в соответствии со статьей 35 Закона отменить специальный режим, как только они удостоверятся в том, что обычные суды могут адекватно выполнять свои функции. Хотя сам факт существования специального уголовного суда в принципе может быть пересмотрен в судебном порядке, Верховный суд не усмотрел в факте сохранения специального режима посягательство на конституционные права в свете доказательств того, что ситуация находится под контролем и что правительство по-прежнему считает оправданным его существование.

3.9 Опираясь на свое предыдущее решение по делу *Государство (Государственный) обвинитель против Гиллигэна* [1986] I.R. 495, Верховный суд посчитал допустимым рассмотрение "преступлений неподрывного характера" специальным уголовным судом с учетом мнения ГО о нецелесообразности направления дела в обычные суды. Автор заявляет, что с учетом отклонения этой его апелляции он исчерпал все возможные внутренние средства правовой защиты, предусмотренные ирландской правовой системой в связи с такими вопросами.

3.10 После отклонения ряда ходатайств о поручительстве 14 октября 1997 года в специальном уголовном суде начался процесс по делу автора. 29 октября 1997 года автор был осужден за грабеж, хранение огнестрельного оружия, а именно пистолета, с целью совершения преследуемого по обвинительному акту преступления в форме неправомерного лишения свободы и вымогательство денег с применением угроз с целью последующего их присвоения. Автор был приговорен к лишению свободы соответственно на 12, 12 и 5 лет с начала исполнения приговора с 20 июля 1994 года (т.е. с момента взятия автора под стражу). 18 мая 1999 года апелляционный суд по уголовным делам отклонил ходатайство автора о предоставлении разрешения на обжалование вынесенного ему приговора.

Жалоба

4.1 Автор утверждает, что постановление ГО о передаче его дела на рассмотрение специального уголовного суда противоречит принципам справедливости и равенства состязательных возможностей, которые предусматриваются в пунктах 1 и 3 статьи 14 Пакта. Автор утверждает, что он находился в крайне неблагоприятном положении по сравнению с другими лицами, обвиняемыми в совершении аналогичных или таких же уголовных преступлений, дела которых в отличие от его собственного дела рассматривались обычными судами, вследствие чего обвиняемые могли пользоваться всеми предусмотренными в этой связи гарантиями. Автор подчеркивает, что в контексте его дела проведение судебного разбирательства с использованием присяжных и предоставление возможности допроса свидетелей в рамках предварительного расследования имеет особо важное значение. Оценка достоверности показаний некоторых ключевых свидетелей также могла бы иметь крайне важное значение для его дела. В силу вышеизложенного автор заявляет, что его процессуальные права были произвольным образом ограничены и с точки зрения соблюдения этих прав его подвергли несправедливому обращению, поскольку ГО не привел никаких доводов или аргументов в обоснование принятого им решения.

4.2 Автор признает, что право на суд в составе жюри присяжных и на допрос свидетелей в рамках предварительного расследования не относится к числу прав, однозначно предусмотренных пунктом 3 статьи 14, однако заявляет при этом, что в пункте 3 статьи 14 излагается только часть требований, соблюдение которых позволяет обеспечить справедливое судебное разбирательство. Он утверждает, что в широком плане цель указанной статьи заключается в том, чтобы предоставить всем людям возможность равноправного пользования этими важными гарантиями. В этой связи автор заявляет, что указанные права, которые он относит к категории ключевых гарантий в рамках юрисдикции государства-участника, также охраняются статьей 14 Пакта.

4.3 Автор далее утверждает, что основанное на статье 47 Закона решение ГО было принято без предъявления каких-либо доводов или аргументов в его обоснование, что свидетельствует о нарушении предусмотренной в пункте 1 статьи 14 гарантии публичного разбирательства. Высший суд государства-участника, а именно Верховный суд, постановил по делу *X. против Государственного обвинителя* [1994] 2 I.R. 589, что ГО не может принуждаться к даче пояснений по поводу принимаемого им решения, кроме как в исключительных случаях, включая, в частности, наличие в его действиях явной недобросовестности. Автор заявляет, что одно из ключевых решений по его делу, а именно решение о выборе процедуры и суда, принималось тайно и на основе соображений, которые не были доведены ни до него самого, ни до публики и которые в силу этого фактора не могут быть обжалованы.

4.4 Кроме того, автор утверждает, что решение ГО нарушает принцип презумпции невиновности, предусмотренный в пункте 2 статьи 14 Пакта. Он считает, что восстановление ирландским правительством в 1972 году специального уголовного суда было обусловлено ростом насилия в Северной Ирландии и имело целью обеспечение более эффективной защиты жюри присяжных от неправомерного воздействия и давления со стороны. Автор утверждает, что принятое ГО решение предполагает его членство или связь с какой-либо военизированной или подрывной группой, вовлеченной в конфликт в Северной Ирландии, или возможность того, что он сам или связанные с ним лица могут попытаться оказать давление или иное воздействие на жюри присяжных в том случае, если разбирательство дела будет проводиться обычным судом. Кроме того, автор заявляет, что содержание под стражей до суда с учетом этих обстоятельств означает также, что его уже отчасти заранее квалифицируют как виновное лицо.

4.5 Автор отрицает, что он является или когда-либо являлся сторонником какой-либо военизированной или подрывной группы. В силу этого он утверждает, что решение ГО по его делу косвенным образом предполагает наличие у него связей с преступной группой, несущей ответственность за случай незаконного задержания людей 2 ноября 1993 года, члены которой способны оказать давление или какое-либо иное воздействие на процесс вынесения решения присяжными. Автор отрицает свою причастность к этой преступной группе и заявляет, что этот важный вопрос должен был обсуждаться в процессе судебного разбирательства, а не решаться заранее Государственным обвинителем.

4.6 Автор утверждает, что государство-участник не обеспечило его эффективными средствами правовой защиты, как того требует статья 2 Пакта. В ходе рассмотрения его дела было вынесено решение, однозначно дающее основания ссылаться на положения Пакта и не подлежащее обжалованию в рамках эффективных средств правовой защиты. Можно ли говорить о наличии эффективных средств правовой защиты в обстоятельствах, когда суды сами связывают себя по рукам и ногам и ограничивают применение процедуры судебного пересмотра исключительными обстоятельствами и когда практически невозможно доказать недобросовестность действий и неправомерность доводов или соображений ГО. Поскольку автор полагает, что никаких исключительных обстоятельств в данном случае не существует, то в его распоряжении не остается никаких средств правовой защиты.

4.7 Кроме того, автор заявляет о нарушении предусмотренного в статье 26 принципа недискриминации, поскольку он был лишен без объективной на то причины важных правовых гарантий, предоставляемых другим лицам, обвиняемым в совершении аналогичных преступлений.

В этой связи автор утверждает, что постановление ирландского правительства от 1972 года о восстановлении специального уголовного суда является по смыслу пункта 1 статьи 4 Пакта отступлением от некоторых прав, закрепленных в статье 14 Пакта. Он заявляет, что в настоящее время в Северной Ирландии отсутствует фактор роста насилия, который побудил правительство принять соответствующее решение, и что сложившуюся там ситуацию более не следует квалифицировать как чрезвычайную и угрожающую жизни нации. В силу этого автор считает нецелесообразным сохранение отступлений от части положений Пакта. В этой связи сохранение в Ирландии специального уголовного суда представляется ему нарушением обязательств Ирландии по пункту 1 статьи 4 Пакта.

4.8 В заключение автор заявляет, что Ирландия нарушила также свое обязательство по пункту 3 статьи 4 Пакта. Он утверждает, что нежелание Ирландии аннулировать свое постановление 1972 года, по меньшей мере на данный момент, означает де-факто или неформально отступление от статьи 14 Пакта без уведомления об этом других государств - участников Пакта, как этого требуют его положения.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 Государство-участник заявляет, что сообщение следует считать неприемлемым по смыслу пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, поскольку внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были. На момент представления сообщения автор еще не начинал процедуру обжалования вынесенного ему приговора в апелляционном суде по уголовным делам. Кроме того, государство-участник заявляет, что элементы настоящей жалобы вообще не доводились до сведения национальных судов. Государство-участник утверждает, что автор ни разу не ставил в национальных судах вопрос о том, что ему было отказано в праве на публичное разбирательство дела или что было нарушено его конституционное право на презумпцию невиновности. В силу этого государство считает данные элементы жалобы неприемлемыми. К своему представлению государство-участник прилагает текст одного из постановлений, принятых высшей судебной инстанцией страны, а именно Верховным судом, в 1995 году, в котором отмечается, что решение ГО не нарушает принципа презумпции невиновности¹. (В последующих представлениях государство-участник признает, что вопрос о презумпции невиновности поднимался в обеих судебных инстанциях в рамках процедур судебного пересмотра.)

5.2 Кроме того, государство-участник утверждает, приводя в подтверждение своего утверждения подробную информацию, что автор в полной мере пользовался предусмотренными в Пакте гарантиями в связи с арестом, задержанием, предъявленными ему обвинениями и судебным разбирательством по его делу. Государство-участник заявляет далее о неприменимости тех или иных положений Пакта в контексте предъявляемых автором претензий, о несовместимости этих претензий с Пактом и об их недостаточной обоснованности.

Замечания автора по представлениям государства-участника относительно приемлемости

6.1 В дополнение к информации по поводу выдвинутых государством-участником аргументов относительно обоснованности претензий и применимости Пакта автор рассматривает также вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты. Он отмечает, что пытался обжаловать вынесенный ему приговор и что такое обжалование касалось только предъявленных в суде доказательств и сделанных на их основе заключений. Он утверждает, что вопросы, касающиеся вынесенного ГО квалификационного решения и неравноправного и несправедливого с ним обращения, в полной мере оспаривались еще до начала судебного разбирательства в различных судебных инстанциях вплоть до Верховного суда. Касаясь утверждений государства-участника о том, что автором не поднимался в национальных судах вопрос о "публичном" слушании и о

¹ О'Лири против Генерального прокурора [1995] 1 I.R. 254.

нарушении принципа презумпции невиновности, автор сообщает, что содержание этих претензий в полной мере учитывалось в ходе процедур судебного пересмотра.

Замечания государства-участника по существу сообщения

7.1 Государство-участник заявляет, что Конституция страны однозначно предусматривает возможность создания специальных судов в соответствии с законом. Государство-участник отмечает, что, после того как 14 января 1997 года была введена в действие правительственная процедура пересмотра и оценки, 11 февраля 1997 года, 24 марта 1998 года и 14 апреля 1999 года правительством проводился такой пересмотр с учетом мнений соответствующих государственных учреждений. Пересмотр показал необходимость сохранения специального суда не только по причине сохраняющейся угрозы для государственной безопасности в форме актов насилия, но и с учетом конкретной угрозы для системы отправления правосудия, включая запугивание суда присяжных со стороны организованных и отличающихся крайней жестокостью преступных групп, которые продолжают активизировать свою деятельность и занимаются главным образом наркобизнесом и совершением тяжких преступлений.

7.2 Государство-участник заявляет, что режим специального уголовного суда отвечает всем предусмотренным в статье Пакта критериям. Государство-участник отмечает, что ни в статье 14 Пакта, ни в Замечании общего порядка Комитета по статье 14, ни в каких-либо других международных нормах не предусматривается требование, предписывающее проведение судебного разбирательства с участием присяжных или предварительного расследования с возможностью допроса свидетелей под присягой. В вышеупомянутых документах предусматривается лишь необходимость обеспечения справедливого судебного разбирательства. Таким образом, отсутствие какого-либо из этих двух элементов само по себе не является основанием для того, чтобы считать процедуру разбирательства несправедливой. В разных государствах могут существовать разные судебные системы, и одно лишь существование несхожих механизмов не может само по себе рассматриваться как нарушение.

7.3 Касаясь утверждения автора о том, что отсутствие у него возможности допрашивать свидетелей под присягой в ходе предварительного расследования является нарушением статьи 14 Пакта, в которой гарантируется право на справедливое судебное разбирательство, государство-участник подчеркивает, что поскольку стороны находились в одинаковом положении, то это означает, что в ходе разбирательства обеспечивалось соблюдение принципа равенства состязательных возможностей. В любом случае процедура предварительного расследования служит всего лишь средством для формулировки возможных вопросов для целей перекрестного допроса в ходе судебного разбирательства и никоим образом не сказывается на самом судебном разбирательстве.

7.4 Касаясь выдвинутого автором аргумента о том, что его права были нарушены, поскольку, несмотря на предъявленные ему "обычные" уголовные обвинения, его дело рассматривалось специальным уголовным судом, государство-участник указывает на необходимость надлежащей защиты системы отправления правосудия от разного рода посягательств, включая, в частности, угрозы со стороны антисоциальных подрывных групп и представителей организованной преступности и опасность запугивания присяжных. При наличии угрозы для нормального хода судебной процедуры с участием жюри присяжных, что было подтверждено в данном случае соответствующим решением ГО, наличие трех независимых судей, менее уязвимых для неправомерного внешнего воздействия по сравнению с жюри присяжных, позволяет обеспечить более эффективное соблюдение прав обвиняемого. Государство-участник отмечает, что неадекватность обычного суда, в чем должен удостовериться ГО для целей последующей передачи дела в специальный уголовный суд, может касаться не только преступлений "политического" или "подрывного" характера или преступлений, совершаемых военизированными группами, но и "обычного бандитизма или хорошо отлаженного с финансовой и организационной точки зрения наркобизнеса или других ситуаций, которые дают основания полагать, что присяжные по тем или иным неправомерным причинам или в силу угроз или незаконного давления не смогут надлежащим

образом вершить правосудие"². Из вышеизложенного следует, что утверждение автора о том, что совершенное им преступление не является "политическим", вовсе не означает, что его дело не может быть передано на рассмотрение специального уголовного суда.

7.5 Государство-участник заявляет, что автору были предоставлены все права, предусмотренные в пункте 3 статьи 14 Пакта. В соответствии со статьей 47 Закона 1939 года этими правами могут пользоваться не только все лица, дела которых рассматриваются обычными уголовными судами, но и все лица, предстающие перед специальным уголовным судом.

7.6 Касаясь утверждения автора о том, что по его делу не проводилось "публичное" разбирательство, как того требует пункт 1 статьи 14, поскольку ГО не обязан обосновывать свое решение о нецелесообразности рассмотрения дела в обычных судах и не сделал этого, государство-участник отмечает, что право на публичное разбирательство охватывает и судебные процедуры, которые являются открытыми и публичными на всех этапах и на всех уровнях рассмотрения дела в специальном уголовном суде. Право на публичное разбирательство не распространяется на досудебные решения ГО. Равным образом представляется нецелесообразным требовать обоснования или пояснения принимаемого ГО решения, поскольку это могло бы повлечь за собой обсуждение конфиденциальной информации, затрагивающей вопросы безопасности, лишало бы всякого смысла саму цель создания специального уголовного суда и не отвечало бы общественным интересам.

7.7 Касаясь утверждения автора о нарушении его права на презумпцию невиновности, которое предусматривается в пункте 2 статьи 14 Пакта, государство-участник заявляет, что презумпция невиновности относится к числу основополагающих принципов ирландского законодательства, вследствие чего в специальном уголовном суде должно обеспечиваться и обеспечивается его неукоснительное соблюдение. В специальных уголовных судах и обычных уголовных судах в равной мере применяется принцип распределения бремени доказывания, в соответствии с которым любые самые разумные сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого. Если этот принцип не соблюдается, то автор вправе требовать освобождения от судебной ответственности.

7.8 Государство-участник отмечает, что обвиняемый успешно оспорил в начале судебного разбирательства одно из предъявленных ему обвинений, был оправдан по трем другим обвинениям и осужден в соответствии с тремя другими. В более общем плане государство-участник отмечает, что из 152 лиц, представавших перед специальным уголовным судом в период 1992-1998 годов, 48 были признаны виновными, 72 - осуждены, 15 - оправданы и 17 - освобождены от судебной ответственности в силу принципа *nolle prosequi*. Что касается рассмотрения дела автора, то этот вопрос затрагивался в апелляционном суде по уголовным делам, который постановил с учетом всей совокупности доказательств, что принцип презумпции невиновности в данном случае не нарушался.

7.9 Государство-участник утверждает, что совокупность вышеприведенных элементов указывает на то, что применяемые в специальном уголовном суде процедуры являются справедливыми и соответствуют статье 14 Пакта и что решение ГО о передаче дела автора в этот суд не является нарушением статьи 14 Пакта.

7.10 Касаясь утверждения автора о неравноправном и произвольном обращении в нарушение статьи 26 Пакта, государство-участник заявляет, что в соответствии с предусмотренным законом статутным режимом все лица подлежат равному обращению. Равным образом все лица находятся в одинаковых условиях в отношении возможности вынесения ГО решения о том, что обычные суды не в состоянии обеспечивать эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка. Кроме того, режим обращения с автором соответствует режиму обращения с любым лицом, по делу которого ГО выносит аналогичное решение. Даже если Комитет усмотрит наличие различий в положении между автором и другими лицами, обвиняемыми в совершении аналогичных или в равной степени тяжких преступлениях, во всех этих случаях применяются разумные и объективные

² Верховный суд, Государство (*Государственный обвинитель*) против *Киллигэна* [1986] 1.R.495, 510.

критерии, на основе которых и было принято решение о нецелесообразности использования обычных судов для рассмотрения данного дела.

7.11 Вопреки утверждениям автора государство-участник заявляет, что, по мнению полиции, автор являлся членом организованной преступной группы, и обращает внимание на тяжесть совершенных преступлений, наличие детального плана проведения этой преступной операции и ее бесчеловечный характер. Несмотря на содержание автора под стражей до суда в порядке предварительного задержания, нельзя было исключить опасности запугивания членов жюри присяжных другими членами преступной группы. В этой связи нет никаких оснований предполагать, что в процессе принятия решения ГО проявил недобросовестность, руководствовался неправомерными мотивами или принципами или какими-либо иными произвольными соображениями.

7.12 Касаясь в заключение утверждения автора о том, что государство-участник не обеспечило его эффективными средствами правовой защиты в связи с нарушением его прав, как того требует статья 2 Пакта, государство-участник отмечает, что Конституция страны гарантирует гражданам широкие права и что соответствующие нарушения оспаривались автором в судах вплоть до суда высшей инстанции. Суды досконально рассмотрели представленные автором факты, признав обоснованными одни утверждения автора и отклонив другие.

7.13 Кроме того, государство-участник отвергает как неуместный выдвинутый автором аргумент относительно совершенного государством-участником фактического или неформального отступления от Пакта в силу статьи 4. Государство-участник отмечает, что статьей 4 допускаются отступления от положений Пакта в определенных обстоятельствах, однако заявляет, что в данной ситуации оно не ссылается на это право и в силу этого считает эту норму неприменимой.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника относительно существования сообщения

8.1 Касаясь выдвинутого государством-участником аргумента о том, что решение ГО о передаче дела автора в специальный уголовный суд мотивировалось наличием риска запугивания присяжных или свидетелей другими членами преступной группы, автор заявляет, что государство-участник нигде не сообщает о мотивах принятия ГО такого решения. Кроме того, при рассмотрении ходатайств о поручительстве ГО ни разу не обращал внимания на то, что от автора может исходить такая угроза. В любом случае принятие ГО решения о том, что от автора или других членов преступной группы исходит такая угроза - даже при наличии оснований для такого решения - означало бы, что ГО предрешает исход судебного разбирательства. Кроме того, автор был лишен какой бы то ни было возможности опротестовать это решение ГО.

8.2 Касаясь утверждения государства-участника о том, что автор действительно являлся членом организованной преступной группы, автор решительно против этого возражает, отмечая, что государство-участник впервые выдвигает такой аргумент. Действительно, в ходе рассмотрения в суде ходатайства о поручительстве полиция однозначно отклонила такую версию, а в ходе судебного разбирательства суду не было предъявлено в этой связи никаких иных доказательств, кроме тех, которые подтверждают участие автора в совершении соответствующих противоправных деяний. В любом случае государство-участник не утверждает, что именно это обстоятельство лежало в основе решения ГО, поскольку это означало бы, что данным решением заранее предопределяется вопрос, подлежащий рассмотрению в ходе судебного разбирательства.

8.3 Касаясь конкретных ссылок государства-участника на статью 14 Пакта, автор обращает внимание на содержащееся в принятом Комитетом Замечании общего порядка № 13 соображение, согласно которому требования пункта 3 статьи 14 Пакта следует рассматривать в качестве минимальных гарантий, соблюдение которых не во всех случаях является достаточным для целей обеспечения гарантируемого пунктом 1 принципа справедливого разбирательства.

8.4 Касаясь замечания о том, что в феврале 1997 года, в марте 1998 года и в апреле 1999 года правительство возвращалось к вопросу о целесообразности сохранения специального уголовного

суда, автор отмечает, что о ходе осуществления этих процедур пересмотра ничего не сообщалось, что к их проведению не привлекались ни общественные или неправительственные организации, ни специализированные органы и что никому не известно, кто именно проводил такой пересмотр и какими конкретно мотивами руководствовалось правительство в процессе принятия решения о необходимости сохранения специального уголовного суда. В силу вышеизложенного автор утверждает, что такой пересмотр носил явно закрытый характер, не был независимым и потому не имеет реального веса в качестве процессуальной гарантии.

8.5 Касаясь утверждения государства-участника о том, что сохранение суда представляется необходимым, в частности, в силу активизации деятельности организованных преступных групп, в основном замешанных в наркобизнесе и совершении особо тяжких преступных деяний, автор отмечает, что постановление 1972 года однозначно принималось в контексте "политически мотивированного насилия" и что это обстоятельство подтверждается последующими заявлениями правительства, включая ряд заявлений в Европейском суде по правам человека в 1980 году и в Комитете по правам человека в 1993 году. В ходе рассмотрения первоначального периодического доклада государства-участника Генеральный прокурор государства-участника заявил Комитету, что существование специального уголовного суда "обусловлено необходимостью обеспечения основных прав граждан и защиты демократии и законности с учетом продолжающейся кампании, связанной с проблемой Северной Ирландии". Государство-участник высказывало аналогичную точку зрения в своих представлениях по делу *Голландия против Ирландии*³. Никаких других причин для создания такого суда не существовало. Любая угроза со стороны сегодняшних преступных групп выходит за рамки постановления 1972 года, и для целей учета такой угрозы следовало бы принять новое соответствующее постановление. В любом случае многие дела, связанные с наркобизнесом и актами насилия со стороны преступных групп, рассматриваются обычными судами, и, кроме того, нет никаких особых причин, по которым к делу автора следовало бы применять особый режим рассмотрения.

8.6 Автор считает неправомерным утверждение государства-участника о том, что лишение автора права на проведение предварительного опроса не ставило его в невыгодное положение, поскольку сторона обвинения находилась в такой же позиции. Автор заявляет, что обвинение имело возможность лишить автора этого права, и оно это сделало, предварительно заслушав и опросив ряд соответствующих свидетелей, при том что автор со своей стороны не имел возможности лишить обвинение права на проведение предварительного опроса. В силу вышеизложенных соображений автор заявляет о нарушении принципа равенства состязательных возможностей.

8.7 Касаясь утверждения государства-участника о том, что по делу автора было проведено "справедливое и публичное разбирательство", автор заявляет, что он оспаривает не публичный характер самого судебного разбирательства, а непубличный характер решения ГО, являющегося неотъемлемым и важным элементом определения суда по существу предъявленных обвинений. Справедливое слушание по принятому решению проведено не было, равным образом не были оглашены соображения и мотивы, обусловившие его принятие, и не была обеспечена возможность его обжалования. Ссылаясь на различные решения Европейского суда по правам человека⁴, из которых следует, что в праве на эффективный пересмотр судебных решений не может быть отказано лишь по соображениям, связанным с обеспечением безопасности, автор заявляет, что в рамках разбирательства по его делу у него отсутствовали реальные возможности для эффективного и независимого пересмотра принимаемых решений. Суды жестко ограничивали свою компетенцию в отношении рассмотрения принимаемых ГО решений.

³ Сообщение 593/1994, объявленное неприемлемым 25 октября 1996 года.

⁴ *Тиннелли против Соединенного Королевства* (дело 62/1997/846/1052-3), *Чahal против Соединенного Королевства* (дело 70/1995/576/662) и *Фитт против Соединенного Королевства* (ходатайство № 29777/96, решение от 16 февраля 2000 года).

8.8 Что касается права на презумпцию невиновности, то автор утверждает, что решение ГО направить его дело на рассмотрение специального уголовного суда можно отнести к числу элементов определения по существу предъявленных обвинений и что ГО также обязан соблюдать этот принцип. Автор полагает, что принятое ГО решение фактически означает, что автор принимал участие в деятельности подрывной организации или являлся членом преступной группы, которая занимается киднэппингом. Автор утверждает, что направление его дела на рассмотрение специального уголовного суда являлось для этого суда своего рода сигналом того, что автор является членом опасной преступной группы. С учетом приведенных соображений трудно поверить в то, что этот фактор не оказал никакого воздействия на исход судебного разбирательства.

8.9 Касаясь аргументов государства-участника относительно равенства перед законом, автор заявляет, что утверждение государства-участника о том, что обращение с автором соответствовало обращению, которому подвергаются другие лица, предстающие перед специальными уголовными судами, всего-навсего означает, что обращение с ним соответствовало тому обращению, которому подвергается меньшинство, предстающее перед специальными уголовными судами, а отнюдь не большинство лиц, обвиняемых в совершении аналогичных преступлений и предстающих перед обычными судами. В любом случае почти все из остальных 18 лиц, дела которых рассматривались специальными судами, обвинялись в совершении преступлений, связанных с подрывной деятельностью. Таким образом, его включили в состав этой маленькой группы, не объяснив мотивов такого решения и не обеспечив его эффективными средствами для целей его оспаривания.

8.10 Касаясь вопроса об объективности и целесообразности проведения таких различий в контексте законного соблюдения предусмотренных в Пакте целей, автор ставит вопрос о целесообразности сохранения такого суда с учетом резкого сокращения актов насилия со стороны военизированных групп. Даже если применение указанных процедур и является соразмерной реакцией на подрывную деятельность, при том, что сам автор так не считает, можно ли считать правомерным применение этих процедур к действиям, не имеющим никакого отношения к подрывной деятельности. Автор считает невозможным определить целесообразность применения таких разграничений, поскольку критерии, которыми руководствовался ГО, по-прежнему неизвестны и поскольку именно ГО несет ответственность за процесс уголовного обвинения.

8.11 Касаясь аргумента государства-участника о том, что оно не ссылается на свое право отступить от положений Пакта в соответствии со статьей 4, автор заявляет, что, хотя государство-участник не объявляло никакого чрезвычайного положения, принятие постановления 1972 года о создании специального уголовного суда можно приравнять к действиям, правомерным только в условиях чрезвычайного положения. Автор утверждает, что в 1972 году не существовало условий, оправдывавших применение такой меры, а именно условий, в которых жизни нации угрожала бы опасность; равным образом такие условия отсутствуют и сейчас. В любом случае следует отметить, что если государство-участник отказывается обосновать свои действия ссылкой на статью 4, то оно, соответственно, не вправе оправдывать свои действия ссылкой на предусмотренные в этой статье исключения.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

9.1 До рассмотрения любой претензии, содержащейся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен решить в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры вопрос о том, является ли эта претензия приемлемой согласно Факультативному протоколу к Пакту.

9.2 Во исполнение требования, содержащегося в пункте 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

9.3 Касаясь утверждения государства-участника о том, что доступные внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, Комитет отмечает, что рассмотрение досудебной тяжбы по поводу решения ГО завершилось в Верховном суде. Кроме того, представленная автором апелляция

на вынесенный ему приговор, которая мотивировалась тем, что решение ГО повлияло на ход судебного разбирательства, была отклонена апелляционным судом по уголовным делам. Истец, представляющий соответствующие вопросы на рассмотрение национальных судов, не обязан использовать точные формулировки Пакта по причине несхожести средств правовой защиты в различных государствах. Вопрос, который предстоит в этой связи решить, имеет несколько иной характер и заключается в следующем: затрагивались ли в ходе соответствующих процессуальных действий с учетом всей их совокупности факты и вопросы, представленные на рассмотрение Комитета. С учетом этих процессуальных действий, мнение другого контрольного органа в рамках судебной системы государства-участника и отсутствия каких-либо оснований предполагать наличие дополнительных средств правовой защиты Комитет заключает, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению Комитетом настоящего сообщения.

9.4 Касаясь претензии автора по статье 2, Комитет отмечает, что утверждения автора в этой связи не влекут за собой постановки каких-либо новых вопросов в дополнение к вопросам со ссылкой на другие статьи, которые рассматриваются ниже. Касаясь предполагаемого нарушения статьи 4, Комитет отмечает, что государство-участник не намеревалось сослаться на эту статью.

9.5 Касаясь остальных аргументов государства-участника в контексте вопроса о приемлемости сообщения, Комитет отмечает, что эти аргументы неразрывно связаны с вопросами существа и потому не могут быть должным образом оценены в отрыве от полного рассмотрения представленных фактов и аргументов. В силу вышеизложенного Комитет признает сообщение приемлемым, поскольку в нем затрагиваются вопросы, которые могут иметь отношение к статьям 14 и 26 Пакта.

Рассмотрение дела по существу

10.1 Автор утверждает, что он является жертвой нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта, поскольку передача его дела на рассмотрение специального уголовного суда, процедура которого не предусматривает использование жюри присяжных и права на допрос свидетелей на этапе предварительного рассмотрения дела, можно рассматривать как отказ ему в праве на справедливое судебное разбирательство. Автор признает, что ни наличие суда присяжных, ни процедура предварительного расследования не относятся к числу предписываемых Пактом требований и что отсутствие какого-либо одного или сразу двух этих элементов не обязательно означает, что соответствующее судебное разбирательство было несправедливым, однако при этом утверждает, что вся совокупность факторов, связанных с рассмотрением его дела в специальном уголовном суде, свидетельствует о несправедливом характере судебного разбирательства. Комитет считает, что проведение судебного разбирательства не обычными, а какими-либо другими судами само по себе не обязательно означает нарушения права на справедливое слушание дела и что факты по настоящему делу не свидетельствуют о том, что такое нарушение действительно имело место.

10.2 Утверждение автора о нарушении принципа равенства перед судами и трибуналами, предусмотренного в пункте 1 статьи 14 Пакта, перекликается с его утверждением о нарушении его права на равенство перед законом и на равную защиту закона, которое предусматривается в статье 26 Пакта. В результате принятого ГО решения о передаче дела автора на рассмотрение специального уголовного суда автор предстал перед судом, который был создан в соответствии с чрезвычайным законом и в котором применяются чрезвычайные судебные процедуры. Применение к автору такого подхода лишило его права доступа к некоторым предусмотренным национальным законодательством процедурам и поставило его в невыгодное положение по сравнению с другими лицами, обвиняемыми в совершении аналогичных преступлений в обычных судах. В рамках юрисдикции государства-участника использование суда присяжных рассматривается как важное средство правовой защиты, как правило, доступное обвиняемым. В силу этого в соответствии со статьей 26 Пакта государство-участник обязано показать, что в основе решения об осуждении лица в соответствии с отличной от обычной процедуры лежат разумные и объективные мотивы. В этой связи Комитет отмечает, что в законодательстве государства-участника, а именно в Законе о государственных преступлениях, перечисляются конкретные преступления, которые могут рассматриваться специальным уголовным судом по усмотрению ГО. Кроме того, в этом законе

отмечается, что специальным уголовным судом могут рассматриваться любые другие преступления, если ГО считает, что обычные суды "не в состоянии обеспечить эффективное отправление правосудия". Даже исходя из приемлемости упрощенного уголовного процесса для целей проведения разбирательства по некоторым тяжким преступлениям при условии соблюдения принципа справедливости такого разбирательства, Комитет считает спорной ситуацию, когда в принятом парламентом законодательстве перечисляются конкретные тяжкие преступления, подпадающие под юрисдикцию специального уголовного суда по ничем не ограничиваемому усмотрению ГО ("если он считает это целесообразным"), и допускается, как это имело место в деле автора, возможность рассмотрения в таком специальном суде любых других преступлений, если ГО находит неадекватным использование для этих целей обычных судов. При этом не требуется дачи каких-либо объяснений по поводу "целесообразности" использования процедур специального уголовного суда или "неадекватности" обычных судов. В данном случае Комитет также не был поставлен в известность о мотивах, лежащих в основе соответствующего решения. Кроме того, возможность судебного пересмотра решений ГО на практике ограничивается исключительными и по существу недоказуемыми обстоятельствами.

10.3 Комитет считает, что государство-участник не показало, что в основе решения о передаче дела автора на рассмотрение специального уголовного суда лежали разумные и объективные мотивы. В силу этого Комитет констатирует факт нарушения предусмотренного в статье 26 Пакта права автора на равенство перед законом и на равную защиту закона. С учетом этого заключения по поводу статьи 26 в контексте данного случая представляется излишним рассматривать вопрос о нарушении принципа равенства "перед судами и трибуналами", который предусматривается в пункте 1 статьи 14 Пакта.

10.4 Автор утверждает о нарушении его права на публичное разбирательство, которое предусматривается в пункте 1 статьи 14 Пакта, поскольку он не был заслушан Государственным обвинителем в связи с решением ГО о передаче дела на рассмотрение специального уголовного суда. Комитет считает, что право на публичное разбирательство касается судебного процесса и не применяется к досудебным решениям, принимаемым обвинителями и государственными властями. Поскольку автор не оспаривает открытый и публичный характер судебного разбирательства и процедур обжалования, Комитет заключает, что право на публичное разбирательство нарушено не было. Кроме того, Комитет отмечает, что решение о передаче дела автора на рассмотрение специального уголовного суда само по себе не является нарушением принципа презумпции невиновности, который предусматривается в пункте 2 статьи 14 Пакта.

11. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. Кроме того, государство обязано также не допускать повторения аналогичных нарушений в будущем: в этой связи ему следует обеспечить, чтобы решения о передаче дел на рассмотрение специального уголовного суда принимались исключительно на основе разумных и объективных критериев.

13. С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действенными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом соображений. Кроме того, государству-участнику предлагается обеспечить максимально широкое распространение в обществе текста принятых Комитетом соображений.

Сообщения № 839-841/1998

Представлены: Энтони Б. Мансараджем и др.; Гборье Тамбой и др.; Абдулом Каримом Сесаем и др. [представлены адвокатом]

Предполагаемые жертвы: авторы сообщений

Государство-участник: Сьерра-Леоне

Дата принятия Соображений: 16 июля 2001 года

Тема сообщения: Казнь заявителей после судебного разбирательства дела военным трибуналом без права на обжалование

Процедурные вопросы: Объединение сообщений в ходе их рассмотрения - Временные меры защиты

Вопросы существа: Право на жизнь - Право на пересмотр осуждения и приговора вышестоящей судебной инстанцией

Статьи Пакта: 6; и пункт 5 статьи 14

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: Грубое нарушение Факультативного протокола государством-участником вследствие казни авторов до рассмотрения сообщения и после получения просьбы согласно правилу 86

Вывод: Наличие нарушения

1.1 Авторами сообщений являются гг. Энтони Мансарадж, Джилберт Самут Канду-Бо и Кемалай Идрисса Кейта (сообщение № 839/1998), Тамба Гборье, Альфред Абу Санкох (он же Загало), Хассан Карим Контех, Даниэль Кобина Андерсон, Альфа Саба Камара, Джон Амаду Соника Контех, Абу Бакарр Камара (сообщение № 840/1998), Абдул Карим Сесай, Кула Самба, Нельсон Уильямс, Бересфорд Р. Харльстон, Баширу Контех, Виктор Л. Кинг, Джим Келли Джаллох и Арнольд Х. Бангура (сообщение № 841/1998). Авторы представлены адвокатом.

1.2 16 июля 2001 года Комитет принял решение объединить рассмотрение этих сообщений.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы сообщения (представлены 12 и 13 октября 1998 года) на момент представления их сообщений ожидали смертной казни в одной из тюрем Фритауна. 19 октября 1998 года были расстреляны следующие 12 из 18 авторов: Джилберт Самут Канду-Бо, Кемалай Идрисса Кейта, Тамба Гборье, Альфред Абу Санкох (он же Загало), Хассан Карим Контех, Даниэль Кобина Андерсон, Джон Амаду Соника Контех, Абу Бакарр Камара, Абдул Карим Сесай, Кула Самба, Виктор Л. Кинг и Джим Келли Джаллох.

2.2 Все авторы являются или являлись военнослужащими вооруженных сил Республики Сьерра-Леоне. Им было предъявлено обвинение, в частности, в измене и неспособности подавить мятеж, и 12 октября 1998 года военный трибунал Фритауна приговорил их к смертной казни¹. Вынесенный приговор обжалованию не подлежал.

2.3 13 и 14 октября 1998 года Специальный докладчик Комитета по новым сообщениям обратился к правительству Сьерра-Леоне с просьбой на основании правила 86 правил процедуры отложить приведение приговора в исполнение в отношении всех авторов, пока их сообщения будут рассматриваться Комитетом.

¹ Это - единственная информация, представленная адвокатом о вынесенных приговорах.

2.4 4 ноября 1998 года Комитет рассмотрел отказ государства-участника, которое не выполнило просьбу, направленную в соответствии с правилом 86, и привело смертный приговор в исполнение в отношении 12 авторов. Комитет выразил сожаление в связи с отказом государства-участника выполнить его просьбу и принял решение продолжить рассмотрение указанных сообщений в соответствии с Факультативным протоколом².

Жалоба

3.1 Адвокат указывает, что, поскольку осужденные военным трибуналом не имеют права на обжалование приговора, государство-участник нарушило пункт 5 статьи 14 Пакта.

3.2 Адвокат утверждает, что право на обжалование приговора первоначально предусматривалось частью IV Указа 1961 года о королевских вооруженных силах Сьерра-Леоне, но в 1971 году было отменено.

Представление государства-участника

4. Несмотря на повторную просьбу Комитета, государство-участник не представило какой-либо информации по этим сообщениям.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

5.1 Будучи участником Факультативного протокола, государство - участник Пакта признает компетенцию Комитета по правам человека получать и рассматривать сообщения отдельных лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушений любого из прав, предусмотренных в Пакте (преамбула и статья 1). Из факта присоединения государства к Протоколу вытекает, что оно принимает на себя обязательство добросовестно сотрудничать с Комитетом, с тем чтобы позволить ему и дать возможность рассматривать такие сообщения и после рассмотрения направлять свои соображения государству-участнику и соответствующему лицу (пункты 1 и 4 статьи 5). Любые предпринимаемые государством-участником действия, препятствующие Комитету в рассмотрении и обсуждении сообщений, а также в изложении своих соображений или делающие эти действия Комитета тщетными, являются несовместимыми с данными обязательствами.

5.2 Независимо от любого обвинения в нарушении прав по Пакту, выдвинутого против государства-участника в каком-либо сообщении, государство-участник совершает серьезные нарушения своих обязательств по Факультативному протоколу, если оно какими-либо действиями затрудняет или сводит на нет рассмотрение Комитетом сообщения о нарушении Пакта или же делает его рассмотрение Комитетом небесспорным, а изложение им своих соображений - недействительным и тщетным. Что касается настоящего сообщения, то адвокат утверждает, что его авторам было отказано в праве, предусмотренном в пункте 5 статьи 14 Пакта. Будучи уведомлено о сообщении, государство-участник нарушило свои обязательства по Протоколу, поскольку следующие предполагаемые жертвы Джилберт Самут Канду-Бо, Кемалай Идрисса Кейта, Тамба Гборье, Альфред Абу Санкох (он же Загало), Хассан Карим Контех, Даниэль Кобина Андерсон, Джон Амаду Соника Контех, Абу Бакарр Камара, Абдул Карим Сесай, Кула Самба, Виктор Л. Кинг и Джин Келли Джаллох были казнены до завершения Комитетом рассмотрения их сообщений и изложения своих соображений. Принятие государством таких мер представляется в особенности нетерпимым после того, как Комитет в соответствии с правилом 86 правил процедуры принял решение просить государство-участник воздержаться от принятия таких мер.

5.3 Предварительные меры по правилу 86 правил процедуры Комитета, принятые в соответствии со статьей 39 Пакта, имеют важнейшее значение для выполнения Комитетом своих функций по Факультативному протоколу. Пренебрежение указанным правилом, особенно путем принятия столь

² Том 1, А/54/40, глава 6, пункт 420, приложение X.

необратимых по последствиям мер, как казнь предполагаемой жертвы или ее высылка из страны, подрывает основы защиты предусмотренных в Пакте прав при помощи Факультативного протокола.

5.4 Комитет рассмотрел данные сообщения с учетом всей представленной сторонами информации в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола. Комитет с озабоченностью отмечает, что государство-участник не представило какой-либо информации для разъяснения вопросов, затронутых в этих сообщениях. Комитет напоминает, что из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола следует, что государство-участник должно добросовестно изучать все выдвинутые против него утверждения и представлять в Комитет всю имеющуюся у него информацию. В свете того, что государство-участник не сотрудничало с Комитетом в этом вопросе, Комитет обязан придать должный вес утверждениям авторов в той мере, в какой они были обоснованы.

5.5 В соответствии с требованием пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается согласно другой процедуре международного разбирательства или урегулирования. Комитет отмечает, что государство-участник не заявило о наличии каких-либо внутренних средств защиты, еще не исчерпанных авторами, и не представило каких-либо других возражений относительно приемлемости жалобы. На основании имеющейся у него информации Комитет признает это сообщение приемлемым и немедленно приступает к рассмотрению существа дела.

5.6 Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что государство-участник нарушило пункт 5 статьи 14 Пакта, лишив их права на обжалование приговора военного трибунала, тем более что речь идет о смертной казни. Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло и не подтвердило это утверждение авторов, но указывает, что 12 из них были казнены всего лишь через несколько дней после вынесения приговора. Таким образом, Комитет считает, что в отношении всех 18 авторов сообщения государство-участник нарушило пункт 5 статьи 14 Пакта и, следовательно, статью 6, защищающую право на жизнь. Из предыдущей практики Комитета четко следует, что в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Пакта смертный приговор может быть приведен в исполнение, в частности, только тогда, когда были обеспечены все гарантии справедливого судебного разбирательства, включая право на обжалование приговора.

6.1 Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что рассмотренные Комитетом факты свидетельствуют о нарушении Сьерра-Леоне статьи 6 и пункта 5 статьи 14 Пакта.

6.2 Комитет подтверждает свой вывод о том, что государство-участник совершило серьезное нарушение своих обязательств по Факультативному протоколу, приведя смертный приговор в исполнение в отношении 12 авторов, прежде чем Комитет завершил рассмотрение их сообщения³.

6.3 В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить эффективное средство защиты Энтони Мансараджу, Альфа Саба Камара, Нельсону Уильямсу, Бересфорду Р. Харльстону, Баширу Контеху и Арнольду Х. Бангура. Эти авторы были осуждены в результате судебного разбирательства, которое не обеспечило основных гарантий, характерных для справедливого разбирательства. Таким образом, Комитет считает, что они должны быть освобождены, если законодательством Сьерра-Леоне не предусмотрена возможность повторного разбирательства, обеспечивающего все гарантии, предусмотренные статьей 14 Пакта. Комитет также считает, что ближайшим родственникам Джилберта Самута Канду-Бо, Кемалая Идрисса Кейты, Тамба Гборье, Альфреда Абу Санкоха (он же Загало), Хассана Карима Контеха, Даниэля Кобина Андерсона, Джона Амаду Соника Контеха, Абу Бакарра Камара, Абдула Карима Сесая, Кула Самба, Витора Л. Кинга и Джима Келли Джаллоха должно быть предоставлено надлежащее средство защиты, обеспечивающее им компенсацию.

³ *Пиандионг, Моральос и Булан против Филиппин* (869/1999).

6.4 С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и обеспечивать их действенными и имеющими исковую силу средствами правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом соображений.

Сообщение № 845/1998

Представлено: Роле Кеннеди [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Тринидад и Тобаго

Объявлено приемлемым: 2 ноября 1999 года

Дата принятия Соображений: 26 марта 2002 года

Тема сообщения: Вынесение обязательного к исполнению смертного приговора в отношении автора

Процедурные вопросы: Совместимость оговорки с Факультативным протоколом

Вопросы существа: Право на жизнь - Право просить о помиловании или смягчении приговора - Необоснованно продолжительное досудебное содержание под стражей - Право быть судимым без неоправданной задержки - Право быть своевременно информированным о предъявляемых обвинениях - Право быть своевременно доставленным к судье - Свобода от пыток или жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения - Право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности - Право на справедливое судебное разбирательство

Статьи Пакта: пункт 3 статьи 2; пункты 1, 2 и 4 статьи 6; статья 7; пункты 2 и 3 статьи 9; пункт 1 статьи 10; пункты 1, 3 с) и 5 статьи 14; и статья 26

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: пункт 2 статьи 4 Факультативного протокола и пункт 3 правила 93

Вывод: Наличие нарушения

1. Автором сообщения является г-н Роле Кеннеди, гражданин Тринидада и Тобаго, ожидавший во время представления сообщения приведения в исполнение смертного приговора, который впоследствии был смягчен. В настоящее время он отбывает 75-летний срок тюремного заключения¹ в государственной тюрьме города Порт-оф-Спейн. Он утверждает, что является жертвой нарушения Тринидадом и Тобаго пункта 3 статьи 2; пунктов 1, 2 и 4 статьи 6; пунктов 2 и 3 статьи 9; пункта 1 статьи 10; пунктов 1, 3 с) и 5 статьи 14; и статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Его представляет адвокат.

Факты в изложении автора

2.1 3 февраля 1987 года во время ограбления авторемонтной станции владелец станции, Норрис Йорк, был тяжело ранен. На следующий день он скончался от полученных ран. Автор сообщения

¹ Примечание. В неуказанный конкретно день по истечении пятилетнего срока, установленного Тайным советом в качестве предельного срока для смягчения смертных приговоров, смертный приговор автору был заменен на 75 лет тюремного заключения. Автор был информирован об этом 8 февраля 2000 года.

был арестован 4 февраля 1987 года. Ему и еще одному человеку по имени Уэйн Мэтьюс 9 февраля 1987 года были предъявлены обвинения в убийстве, а 10 февраля 1987 года его впервые доставили к магистрату. Суд, состоявшийся 14-16 ноября 1988 года, признал его виновным. 21 января 1992 года Апелляционный суд назначил новое судебное разбирательство, состоявшееся 15-29 октября 1993 года, где автор был вновь признан виновным и приговорен к смертной казни. Автор подал еще одну апелляцию, однако 26 января 1996 года Апелляционный суд отказался выдать разрешение на обжалование, препроводив мотивы такого своего решения 24 марта 1998 года. 26 ноября 1998 года Судебный комитет Тайного совета отклонил ходатайство автора на получение специального разрешения на подачу апелляции в качестве малоимущего.

2.2 Согласно стороне обвинения, вечером 3 февраля 1987 года потерпевший, Норрис Йорк, вместе с продавцом, некоей г-жой Шанхи, находился в магазине при автозаправочной станции. Уже после закрытия, когда г-н Йорк занимался подсчетом дневной выручки, в магазин вошли двое: автор сообщения и г-н Мэтьюс. По утверждению стороны обвинения, автор потребовал у г-жи Шанхи кварту масла, но когда та, сходя за банкой, вернулась, то она увидела, как автор сообщения, схватив г-на Йорка, приставил ему пистолет ко лбу. В этот момент г-н Мэтьюс, якобы крикнув автору, что г-н Йорк пытается достать пистолет, несколько раз с размаху ударил г-на Йорка по голове деревянным предметом, а затем выбежал из помещения. Г-н Йорк предложил нападавшим забрать выручку. После этого г-жа Шанхи по сигналу г-на Йорка метнула стакан в г-на Мэтьюса. Тогда автор перевел пистолет на нее, приказав ей не двигаться. Г-н Мэтьюс подбежал и ударил г-на Йорка по голове, отчего тот потерял сознание. Двое нападавших забрали деньги и скрылись на машине, принадлежавшей г-ну Йорку. На следующий день г-н Йорк скончался от полученных травм головы.

2.3 Утверждается, что для целей пункта 2 б) статьи 5 Факультативного протокола все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. Хотя теоретически автор мог бы воспользоваться конституционным ходатайством, на практике такая возможность отсутствует из-за нежелания или неспособности государства-участника обеспечивать юридическую помощь для таких ходатайств, а также из-за того, что было бы очень сложно найти тринидадского адвоката, который был бы готов добросовестно представлять интересы заявителя конституционного ходатайства.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что были нарушены пункты 2 и 3 статьи 9, поскольку он был проинформирован о предъявленных ему обвинениях только через пять суток после ареста и доставлен к магистрату через шесть суток после ареста. Адвокат ссылается на Пакт, согласно которому такого рода действия должны осуществляться "в срочном порядке", и утверждает, что в данном случае промежуток времени между арестом и предъявлением обвинений не отвечает этому критерию.

3.2 Автор считает себя жертвой нарушения пунктов 3 с) и 5 статьи 14 на основании неоправданных задержек в судебном разбирательстве по его делу. Он указывает, что 1) с момента предъявления ему обвинения до начала первого судебного разбирательства по его делу прошел 21 месяц; 2) с момента вынесения обвинительного приговора до заслушивания апелляции прошло 38 месяцев; 3) со времени принятия Апелляционным судом решения о принятии к производству апелляции до начала повторного судебного разбирательства прошел 21 месяц; 4) с момента вынесения второго обвинительного приговора до заслушивания второй апелляции прошло 27 месяцев; и 5) со времени заслушивания второй апелляции до принятия мотивированного постановления Апелляционного суда прошло 26 месяцев. По мнению адвоката, нет разумных объяснений тому, почему повторное судебное разбирательство было проведено через шесть лет после совершения преступления и почему Апелляционному суду понадобилось еще четыре года и четыре месяца для решения данного вопроса. Он утверждает, что государство-участник должно нести ответственность за эту задержку.

3.3 Автор заявляет, что были нарушены статьи 6, 7 и пункта 1 статьи 14 ввиду обязательного характера смертного приговора за тяжкое убийство в Тринидаде и Тобаго. Он утверждает, что

проводящееся в законодательстве многих других стран общего права² различие между убийством, караемым и не караемым смертной казнью, никогда не применялось в Тринидаде и Тобаго³. Утверждается, что строгость такого обязательного смертного наказания за убийство усугубляется существованием в Тринидаде и Тобаго так называемого Положения, касающегося убийства/фелонии, согласно которому лицо, совершающее фелонию с насильственными действиями, делает это на свой собственный риск и виновно в убийстве, если такое насилие, пусть даже непредумышленно, приводит к смерти потерпевшего. Применение Положения об убийстве/фелонии, как утверждается, является дополнительной и тяжкой мерой для второстепенных сторон, которые могли участвовать в преступлении, не предполагая, что данный акт грабежа может привести к причинению тяжких телесных повреждений или смерти.

3.4 Утверждается, что ввиду широкого разнообразия обстоятельств, при которых может быть совершено убийство, вынесение одного и того же приговора за каждую категорию убийства без учета таких различий не удовлетворяет критерию соразмерности фактических обстоятельств преступления и наказания и становится, таким образом, жестоким и необычным наказанием в нарушение статьи 7 Пакта. Аналогичным образом утверждается, что была нарушена статья 6, поскольку назначение смертного приговора вне зависимости от обстоятельств преступления является жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство, равно как и произвольным и несоразмерным наказанием, которое не может оправдывать лишение кого бы то ни было права на жизнь. Утверждается также, что был нарушен пункт 1 статьи 14, поскольку Конституция Тринидада и Тобаго не разрешает автору ссылаться на то, что приведение в исполнение назначенной ему смертной казни является неконституционным, будучи бесчеловечным или унижающим достоинство и жестоким обращением, и поскольку она не допускает права на судебное слушание или проведение судебного разбирательства по вопросу о том, должна ли смертная казнь назначаться или приводиться в исполнение за конкретное совершенное убийство.

3.5 Утверждается, что назначение смертной казни без учета смягчающих вину обстоятельств и без предоставления возможности ссылаться на такие обстоятельства имеет особенно тяжкие последствия для дела автора, поскольку обстоятельства его преступления таковы, что он являлся второстепенным участником убийства и, таким образом, считался бы менее виновным. Адвокат ссылается на законопроект о правонарушениях против личности, который рассматривался, но так и не был принят тринидадским парламентом. По словам адвоката, правонарушение автора явно подпадало бы под категорию преступлений, не караемых смертной казнью, если бы этот законопроект был принят.

3.6 Автор считает себя жертвой нарушения пунктов 2 и 4 статьи 6 на том основании, что государство-участник не предоставило ему возможность для справедливого рассмотрения прошения о помиловании. В Тринидаде и Тобаго президент вправе отменить любой смертный приговор на основании статьи 87 Конституции, но он должен действовать на основе представления назначаемого им же самим министра, который, в свою очередь, должен действовать по представлению премьер-министра. В соответствии со статьей 88 Конституции должен быть создан Консультативный комитет по помилованиям под председательством назначенного министра. В соответствии со статьей 89 Конституции Консультативный комитет должен принимать во внимание определенные материалы, такие, как отчет судьи по делу, прежде чем выносить свои рекомендации. Адвокат утверждает, что на практике именно Консультативный комитет в Тринидаде и Тобаго является органом, который уполномочен смягчать смертный приговор, и что он вправе устанавливать свою собственную

² В этой связи делается ссылка на Закон Соединенного Королевства о наказании за убийство 1957 года, которая ограничивает применение смертной казни преступлением тяжкого убийства (убийство из огнестрельного оружия или путем взрыва, убийство при ограблении, убийство с целью избежания ареста или совершения побега, а также убийство полицейского или сотрудника тюрьмы при исполнении служебных обязанностей) на основании статьи 5 и совершением более чем одного убийства на основании статьи 6.

³ В законодательстве Тринидада и Тобаго содержится положение о переквалификации преступления убийства на преступление непредумышленного убийства в случаях убийства, совершенного в ситуациях, предполагающих ограниченную ответственность, или при спровоцированности.

процедуру, но при этом он не обязан обеспечивать справедливое слушание для осужденного или учитывать любые другие процессуальные меры защиты просителя, такие, как право обращаться с письменными или устными ходатайствами или право знакомиться с материалами, на основании которых Консультативный комитет будет принимать свое решение⁴.

3.7 Адвокат утверждает, что право просить о помиловании, предусмотренное пунктом 4 статьи 6 Пакта, необходимо толковать в качестве эффективного права, т.е. оно должно истолковываться как реально действующее и эффективное право, а не как теоретическое или умозрительное, а посему оно должно предусматривать следующие процессуальные гарантии для лица, просящего о помиловании:

- право быть уведомленным о дате рассмотрения дела Консультативным комитетом;
- право получить материалы, которые будут рассматриваться Консультативным комитетом на слушании;
- право обращаться до проведения слушания с ходатайствами как общего порядка, так и по поводу материала, находящегося на рассмотрении Консультативного комитета;
- право на устное слушание в Консультативном комитете;
- право передавать в Консультативный комитет заключения и рекомендации любого международного органа, такого, как Комитет Организации Объединенных Наций по правам человека, и рассчитывать на то, что они будут им рассмотрены.

3.8 Что касается конкретного дела автора, то адвокат отмечает, что Консультативный комитет, возможно, собирался несколько раз для рассмотрения ходатайства автора без его ведома и вполне может решить собраться вновь, не уведомляя его об этом, не давая ему возможности делать представления и не предоставляя ему материалов, которые будут при этом рассматриваться. По мнению адвоката, это составляет нарушение пункта 4 статьи 6, а также пункта 2 статьи 6, ибо Консультативный комитет не может принять обоснованное решение по вопросу о том, какие преступления являются "наиболее тяжкими" без предоставления заключенному возможности всесторонне участвовать в процессе принятия решения.

3.9 Автор считает себя жертвой нарушения статьи 7 и пункта 1 статьи 10, поскольку после его ареста перед предъявлением ему обвинений и его доставкой к магистрату полицейские пытали и избивали его. Утверждается, что его неоднократно били и пытали, чтобы принудить признаться в совершении преступления. Автор указывает, что его ударили по голове дорожным знаком, били по ребрам прикладом винтовки, пинали его ногами, а один полицейский ударил его кулаком по лицу, угрожал посадить на тело скорпиона, грозился утопить и морил голодом. Автор заявляет о том, что он жаловался на побои и показал кровоподтеки магистрату в суде 10 февраля 1987 года, после чего судья распорядился о том, чтобы после слушания его отвезли в больницу.

3.10 Автор считает себя жертвой нарушений статьи 7 и пункта 1 статьи 10 на том основании, что условия его содержания под стражей как до суда, так и в камере смертников были крайне неблагоприятными. Во время пребывания под стражей до суда (21 месяц до первого судебного разбирательства и 21 месяц до второго судебного разбирательства) автор содержался в камере размером 6 x 9 футов вместе с 5-10 другими заключенными. Что же касается почти восьмилетнего пребывания в камере смертников, то, как утверждается, автор содержался в одиночной камере размером 6 x 9 футов, единственной обстановкой которой были металлическая кровать, стол и скамья. В камере нет ни естественного освещения, ни канализации, а туалетом служит пластиковое ведро. Автор указывает, что его выводят из камеры на прогулку лишь раз в неделю, плохо и

⁴ Адвокат ссылается на принципы, изложенные Судебным комитетом по делам *Reckley v. Minister of Public Safety* (No. 2) (1996) 2WLR 281 и *De Freitas v. Benny* (1976) A.C.

недостаточно кормят без учета необходимости для него специальной диеты. Несмотря на просьбы, его редко показывают врачу или дантисту.

3.11 С учетом изложенного в пункте 3.10 выше автор утверждает, что приведение в исполнение вынесенного ему смертного приговора составляло бы нарушение его прав на основании статей 6 и 7. В этой связи сделана ссылка на решение Судебного комитета по делу *Пратт и Морган*, в котором тот постановил, что продолжительное содержание в камере смертников нарушило бы в указанном случае существующий в Ямайке конституционный запрет на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Адвокат заявляет, что такая же аргументация может быть приведена и в данном деле.

3.12 Наконец, автор считает себя жертвой нарушения пункта 3 статьи 2 и пункта 1 статьи 14 на том основании, что из-за отсутствия юридической помощи он де-факто лишен права обратиться в Высокий суд с ходатайством о защите от нарушения его основных прав. Он утверждает, что расходы, связанные с возбуждением разбирательства в Высоком суде непомерно высоки по сравнению с финансовыми средствами автора, как, впрочем, и большинства лиц, обвиненных в совершении преступлений, караемых смертной казнью.

3.13 Касаясь оговорки государства-участника, заявленной при его повторном присоединении к Факультативному протоколу 26 мая 1998 года, автор утверждает что Комитет компетентен рассматривать данное сообщение, несмотря на то, что оно касается "заключенного, которому вынесен смертный приговор, в отношении [...вопросов], относящихся к его судебному преследованию, его задержанию, суду над ним, его осуждению, приговору ему или приведения в исполнение назначенного ему смертного приговора".

Представление государства-участника и комментарии по нему автора

4.1 В своем представлении от 8 апреля 1999 года государство-участник ссылается на документ о своем присоединении к Факультативному протоколу от 26 мая 1998 года, который содержит следующую оговорку:

"...Тринидад и Тобаго вновь присоединяется к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах с оговоркой по статье 1, в соответствии с которой Комитет по правам человека не будет компетентен получать и рассматривать сообщения, касающиеся любого заключенного, которому назначен смертный приговор, в отношении любого вопроса, относящегося к его судебному преследованию, его задержанию, суду над ним, его осуждению, приговору ему или приведению в исполнение вынесенного ему смертного приговора, и любого связанного с этим вопроса".

4.2 Государство-участник утверждает, что с учетом этой оговорки и того обстоятельства, что автор сообщения является заключенным, которому вынесен смертный приговор, Комитет некомпетентен рассматривать данное сообщение. Утверждается, что, зарегистрировав сообщение и потребовав принятия предварительных мер защиты в соответствии с пунктом 86 Правил процедуры Комитета, Комитет превысил свою компетенцию, на основании чего государство-участник считает действия Комитета в отношении данного сообщения недействительными и не имеющими обязательной силы.

5. В своих комментариях от 23 апреля 1999 года автор утверждает, что заявление государства-участника относительно того, что Комитет по правам человека превысил свою компетенцию, зарегистрировав данное сообщение, является неправомерным с точки зрения международного права. Утверждается, что в соответствии с общим принципом, согласно которому орган, юрисдикцию которого затрагивает заявленная оговорка, сам решает вопрос о силе и действии такой оговорки, именно Комитет, а не государство-участник должен решать вопрос о действительности заявленной оговорки. В этой связи сделана ссылка на пункт 18⁵ Замечания общего порядка № 24 Комитета и на постановление Международного Суда от 4 декабря 1998 года по делу *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*.

⁵ I/GENHR/1/Rev.3, 15 августа 1997 года, стр. 59.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости

6. Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения на своей шестьдесят седьмой сессии. Он постановил, что данная оговорка не может считаться совместимой с предметом и целью Факультативного протокола и что, соответственно, ничто не мешает Комитету рассматривать это сообщение на основании Факультативного протокола. Комитет отметил, что государство-участник не оспаривает приемлемости каких-либо утверждений автора по каким-либо иным основаниям, кроме своей оговорки, и считает, что эти утверждения в достаточной мере обоснованы, для того чтобы рассматривать их по существу. 2 ноября 1999 года Комитет по правам человека объявил на этом основании сообщение приемлемым⁶.

Рассмотрение дела по существу

7.1 Срок представления информации государством-участником по существу утверждений автора истек 3 июля 2000 года. Несмотря на два напоминания, направленных государству-участнику 28 февраля 2001 года и 13 августа 2001 года, никакой соответствующей информации от него получено не было.

7.2 Комитет рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.3 Адвокат утверждает, что обязательный характер смертного приговора и его вынесение по делу г-на Кеннеди представляет собой нарушение пункта 1 статьи 6, статьи 7 и пункта 1 статьи 14 Пакта. Государство-участник не комментирует это утверждение. Комитет отмечает, что обязательное вынесение смертного приговора по законам Тринидада и Тобаго основывается исключительно на конкретной категории преступления, в совершении которого обвиняемый признан виновным. Как только применимость этой категории установлена, исчезает возможность учета личных обстоятельств обвиняемого или конкретных обстоятельств преступления. Применительно к Тринидаду и Тобаго Комитет отмечает, что вынесение смертного приговора является обязательным за умышленное убийство и что такой приговор может и фактически должен выноситься в тех случаях, когда человек совершает фелонию с насильственными действиями в отношении личности и когда это насилие имеет своим даже непредумышленным результатом смерть жертвы. Комитет считает, что такая система обязательного определения высшей меры наказания лишала бы автора его права на жизнь независимо от того, является ли определение этой исключительной меры наказания при конкретных обстоятельствах данного дела совместимым с положениями Пакта⁷. Поэтому Комитет считает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта.

7.4 Комитет принял к сведению утверждение адвоката о том, что, поскольку ни на одном из этапов разбирательства г-на Кеннеди не заслушивали в связи с его просьбой о помиловании и не информировали о состоянии дел с рассмотрением этой просьбы, было нарушено его право, предусмотренное пунктом 4 статьи 6. Иными словами, адвокат утверждает, что осуществление права просить о помиловании или смягчении приговора должно регулироваться процедурными гарантиями, предусмотренными в статье 14 (см. пункт 3.8 выше). Комитет отмечает, однако, что формулировка пункта 4 статьи 6 не предписывает какой-либо конкретной процедуры, в том что касается порядка осуществления прерогативы на помилование. Следовательно, государства-участники сохраняют дискреционное право определять порядок осуществления прав в соответствии с пунктом 4 статьи 6. Отнюдь не очевидно, что существующие в Тринидаде и Тобаго процедура и предписанный разделами 87-89 Конституции порядок фактически отрицают право, закрепленное в пункте 4

⁶ Текст решения см. в Ежегодном докладе Комитета по правам человека за 2000 год, А/55/40, том II, приложение XI.A.

⁷ Соображения относительно сообщения 806/1998 (Томпсон против Сент-Винсента и Гренадин) приняты 18 октября 2000 года, пункт 8,2 (А/56/40, том II, Приложение X.H.)

статьи 6. В данных обстоятельствах Комитет не усматривает какого-либо нарушения этого положения.

7.5 В связи с утверждением адвоката о том, что длительность судебного разбирательства по данному делу составляет нарушение пунктов 3 с) и 5 статьи 14, Комитет отмечает, что со времени судебного разбирательства по делу автора до даты отказа Судебного комитета Тайного совета в его ходатайстве о специальном разрешении на обжалование прошло более 10 лет. Он считает, что задержки, на которые ссылается адвокат (см. пункт 3.2 выше), в частности задержки в судебном разбирательстве после вынесения постановления о повторном судебном разбирательстве, т.е. более шести лет со времени вынесения в начале 1992 года постановления о повторном судебном разбирательстве до отказа во второй апелляции в марте 1998 года, были "неразумными" по смыслу пунктов 3 с) и 5 статьи 14 в совокупности. Поэтому Комитет делает вывод о нарушении этих положений.

7.6 Автор утверждает, что были нарушены пункты 2 и 3 статьи 9, поскольку обвинение ему было предъявлено только через пять дней после ареста и перед судьей он предстал только через шесть дней после ареста. Тот факт, что автору не было предъявлено официального обвинения до 9 февраля 1987 года и что он предстал перед магистратом лишь 10 февраля 1987 года, не оспаривается. Хотя значение понятия "в срочном порядке" в пунктах 2 и 3 статьи 9 должно определяться в каждом конкретном случае, Комитет ссылается на практику своих решений в связи с Факультативным протоколом, согласно которым задержки не должны быть больше нескольких дней. Представленная Комитету информация не позволяет ему установить, был ли г-н Кеннеди "в срочном порядке" информирован о выдвинутых против него обвинениях, однако Комитет считает, что в любом случае в нарушение пункта 3 статьи 9 он не был "в срочном порядке" доставлен к судье.

7.7 Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что его избивали после ареста, когда он находился под стражей в полиции. Он принимает к сведению, что государство-участник не оспаривает этих утверждений; что автор представил подробное описание того, как с ним обращались, и конкретно указал сотрудников полиции, которые, как он утверждает, участвовали в этом; а также, что магистрат, к которому он был доставлен 10 февраля 1987 года, распорядился направить его на лечение в больницу. Комитет считает, что обращение, которому г-н Кеннеди подвергся во время содержания под стражей в полиции, является нарушением статьи 7 Пакта.

7.8 Автор утверждает, что условия его содержания под стражей являются нарушением статьи 7 и пункта 1 статьи 10. Государство-участник не отреагировало на это утверждение. Комитет отмечает, что автор содержался под стражей в общей сложности 42 месяца и что вместе с ним в камере размером 6 x 9 футов находилось как минимум 5-10 других заключенных; что на протяжении почти восьми лет пребывания в камере смертников он содержался в условиях одиночного заключения в маленькой камере без канализации, если не считать ведра для нечистот, без естественного освещения, что его выводили из камеры лишь раз в неделю и что его недостаточно кормили без учета его конкретных требований о соблюдении диеты. Комитет считает, что эти неоспариваемые условия содержания под стражей являются нарушением пункта 1 статьи 10 Пакта.

7.9 Комитет принял к сведению утверждение (см. пункт 3.11 выше) о том, что казнь автора явилась бы нарушением статей 6 и 7 Пакта. Однако он считает, что данное конкретное утверждение утратило актуальность после отмены смертного приговора автору.

7.10 И наконец, автор утверждает, что отсутствие правовой помощи в целях подачи предусмотренной Конституцией апелляции является нарушением пункта 1 статьи 14 в совокупности с пунктом 3 статьи 2. Комитет отмечает, что в Пакте не содержится какого-либо конкретного положения, обязывающего какое-либо государство-участник предоставлять правовую помощь лицам не во всех случаях, а лишь в случаях предъявления уголовного обвинения, когда этого требуют интересы правосудия (пункт 3 d) статьи 14). Комитет понимает также, что роль Конституционного суда заключается не в том, чтобы предъявлять уголовное обвинение, а в том чтобы обеспечить справедливое судебное разбирательство по делам заявителей. В соответствии с пунктом 3 статьи 2

Пакта государство-участник обязано обеспечивать доступную и эффективную защиту в Конституционном суде в связи с жалобами на нарушения предусмотренных Пактом прав. Поскольку в Конституционном суде автору не было предоставлено правовой помощи в связи с его жалобой на нарушение его права на справедливое судебное разбирательство, Комитет считает, что отказ в юридической помощи является нарушением пункта 1 статьи 14 в совокупности с пунктом 3 статьи 2.

8. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, полагает, что находящиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении Тринидадом и Тобаго пункта 1 статьи 6, статьи 7, пункта 3 статьи 9, пункта 1 статьи 10, пунктов 3 с) и 5 статьи 14 и пунктов 1 и 3 d) статьи 14, причем в последнем случае в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

9. Согласно пункту 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-ну Роле Кеннеди эффективное средство защиты, включая компенсацию и рассмотрение вопроса о досрочном освобождении. Государство-участник обязано принять меры по предотвращению подобных нарушений в будущем.

10. Комитету известно, что Тринидад и Тобаго денонсировал Факультативный протокол. Однако данное дело было представлено на рассмотрение до того, как денонсация Тринидадом и Тобаго Факультативного протокола вступила в силу 27 июня 2000 года; в соответствии с пунктом 2 статьи 12 Факультативного протокола на него по-прежнему распространяется действие Факультативного протокола. В соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам, находящимся на его территории и под его юрисдикцией, права, признанные в Пакте, и предоставлять эффективную и обеспеченную правовой санкцией защиту в случае установления факта нарушения. Комитет хотел бы получить в течение 90 дней от государства-участника информацию о принятых мерах по выполнению рекомендаций, изложенных в Соображениях Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

*Особое мнение членов Комитета г-на Нисуке Андо, г-на Эккарта Кляйна
и г-на Давида Крецмера*

В ходе обсуждения Комитетом приемлемости этого сообщения мы указывали, что с учетом оговорки государства-участника, о которой говорится в пункте 4.1 соображений Комитета, Комитет не компетентен рассматривать это сообщение, и поэтому его следовало бы объявить неприемлемым. Наша точка зрения не была принята Комитетом, который посчитал, что он компетентен рассматривать это сообщение. Мы уважаем мнение Комитета относительно его компетенции и поэтому приняли участие в рассмотрении сообщения по существу.

*Особое (согласное) мнение членов Комитета г-на Давида Крецмера и
г-на Максвелла Ялдена*

При рассмотрении сообщения № 806/1998 (Томпсон против Сент-Винсента и Гренадин) я не согласился с точкой зрения Комитета, что обязательность вынесения смертного приговора за преднамеренное убийство согласно законодательству государства-участника по необходимости означает, что вынесением автору смертного приговора государство-участник нарушило пункт 1 статьи 6 Пакта. Одним из основных факторов, на которых основывается мое мнение, заключается в том, что, согласно законодательству государства-участника, вынесение смертного приговора является обязательным лишь в случае преднамеренного убийства другого человека - наказание, которое, хотя и вызывает чувство отвращения у нижеподписавшихся, не является, как мы считаем, нарушением Пакта. Однако в данном деле, по которому был вынесен обязательный смертный приговор, было показано, что определение преднамеренного убийства может охватывать участие в преступлении с

применением насилия, непреднамеренным результатом которого является смерть другого лица. При этом обвинение не утверждает, что автор преднамеренно убил Норриса Йорке.

В данных обстоятельствах само собой не разумеется, что автор был признан виновным в совершении одного из самых тяжких преступлений, что является условием для вынесения смертного приговора согласно пункту 2 статьи 6 Пакта. Кроме того, обязательность этого приговора лишила суд возможности рассмотреть вопрос о том, действительно ли конкретное преступление автора является одним из наиболее тяжких преступлений по смыслу пункта 2 статьи 6. Поэтому я считаю, что вынесением смертного приговора государство-участник нарушило право автора на жизнь, охраняемое пунктом 2 статьи 6 Пакта.

Сообщение № 869/1999

Представлено: Александром Падильей и Рикардо Ш Сунгой [представлены адвокатом]

Предполагаемые жертвы: Данте Пиандионг, Хесус Моральос и Арчи Булан

Государство-участник: Филиппины

Дата принятия Сообщений: 19 октября 2000 года

Тема сообщения: Казнь заявителей, несмотря на просьбу о временных мерах защиты

Процедурные вопросы: Временные меры защиты

Вопросы существа: "Самое тяжкое преступление" и повторное введение смертной казни - Свобода от пыток, жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания - Справедливое судебное разбирательство

Статьи Пакта: пункты 1 и 2 статьи 6 и статьи 6, 7, 14

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: Нарушение государством-участником положений Факультативного протокола вследствие казни авторов после получения просьбы в соответствии с правилом 8б

Вывод: Отсутствие нарушения

1.1 Авторами сообщения являются Александр Падилья и Рикардо Ш Сунга. Они представляют данное сообщение в качестве адвокатов г-на Данте Пиандионга, г-на Хесуса Моральоса и г-на Арчи Булана, которые, по утверждению первых, являются жертвами нарушения Филиппинами статей 6, 7 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Факты в изложении авторов

1.2 7 ноября 1994 года региональный суд первой инстанции города Калоокан признал г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-на Булана виновными в грабеже при отягчающих обстоятельствах в виде убийства и приговорил их к смертной казни. Верховный суд в своем решении от 19 февраля 1997 года отклонил апелляционную жалобу и утвердил как обвинительный приговор, так и назначенное наказание. Последующие ходатайства о пересмотре были отклонены 3 марта 1998 года. После того, как приведение в исполнение смертной казни было назначено на 6 апреля 1999 года, канцелярия президента 5 апреля 1999 года приняла решение об отсрочке исполнения приговора на три месяца. Вместе с тем вопрос о помиловании не был решен положительно, и 15 июня 1999 года адвокаты, действуя в соответствии с положениями Факультативного протокола, направили сообщение в Комитет.

1.3 Действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям, 23 июня 1999 года Комитет препроводил данное сообщение государству-участнику с просьбой представить

предусмотренные положениями пункта 2 правила 91 правил процедуры Комитета информацию и замечания в отношении приемлемости жалоб и их существа. Государству-участнику было предложено также, исходя из правила 86 правил процедуры Комитета, не приводить в исполнение смертный приговор в отношении г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-на Булана, пока их дело находится на рассмотрении Комитета.

1.4 7 июля 1999 года адвокаты сообщили Комитету, что было отдано распоряжение о приведении в исполнение смертного приговора г-ну Пиандионгу, г-ну Моральосу и г-ну Булану 8 июля 1999 года. Комитет связался с представителем государства-участника при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве, и Комитету было сообщено, что казни будут приведены в исполнение в соответствии с назначенными сроками, несмотря на направленную в соответствии с правилом 86 правил процедуры просьбу Комитета, поскольку, по мнению государства-участника, судебный процесс г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-на Булана был проведен с соблюдением всех предусмотренных законом процессуальных гарантий.

1.5 Адвокаты г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-на Булана обратились с ходатайством в Верховный суд, с тем чтобы добиться судебного запроса намеченного исполнения приговора, в чем им судом было отказано 8 июля 1999 года. Адвокаты встретились также лично с министром юстиции правительства Филиппин и ходатайствовали о неприведении в исполнение смертного приговора, учитывая наличие соответствующей просьбы со стороны Комитета. Тем не менее во второй половине дня 8 июля 1999 года г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан были казнены с помощью инъекции причиняющего смерть вещества.

1.6 Своим решением от 14 июля 1999 года Комитет запросил у государства-участника разъяснения относительно обстоятельств приведения в исполнение смертного приговора. 21 июля 1999 года Специальный докладчик по новым сообщениям и заместитель председателя Комитета встретились с представителем государства-участника.

Жалоба

2.1 Адвокаты утверждают, что г-н Пиандионг и г-н Моральос были арестованы 27 февраля 1994 года по подозрению в участии 21 февраля 1994 года в ограблении пассажиров маршрутного такси в городе Калоокан, в ходе которого был убит один из пассажиров такси - полицейский. По доставке в полицейский участок г-н Пиандионг и г-н Моральос подверглись избиениям, в ходе которых им наносились удары в живот, с целью вынудить их признаться в совершении преступления, однако они не сделали этого. В ходе предъявления их для опознания группе лиц свидетели не смогли идентифицировать их как лиц, принимавших участие в грабеже. После этого полицейские удалили из помещения других участников процедуры опознания, оставив там лишь вышеназванных лиц, и дали свидетелям указание опознать именно их. Адвокатов, которые могли бы оказать помощь обвиняемым в этот момент, на процедуре опознания не присутствовало. Во время рассмотрения дела в суде г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан дали свои показания под присягой, однако судья счел возможным не придавать значения их показаниям из-за отсутствия подтверждающих их правоту показаний независимых свидетелей.

2.2 Адвокаты далее утверждают, что наказание в виде смертной казни было назначено им неправомерно, поскольку судья сделал вывод о наличии отягчающих обстоятельств, так как преступление было совершено более чем тремя вооруженными лицами. Однако, по утверждению адвокатов, наличие этого обстоятельства не было доказано так, чтобы это не вызвало разумных сомнений. Кроме того, адвокаты утверждают, что судье следовало бы принять во внимание смягчающие обстоятельства в виде добровольной явки обвиняемых в полицию, поскольку они прибыли туда, не оказывая никакого сопротивления.

2.3 Адвокаты далее утверждают, что свидетельские показания очевидцев происшествия не заслуживают доверия, поскольку эти очевидцы были близкими друзьями погибшего, и сообщенные ими описания предполагаемых преступников не совпадали с тем, как в действительности выглядели

г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан. Адвокаты заявляют также, что судья ошибся, не признав состоятельными доказательства наличия алиби у обвиняемых.

2.4 Наконец, адвокаты утверждают, что смертная казнь является неконституционной мерой наказания и что ее следует назначать только за наиболее тяжкие преступления.

Замечания государства-участника

3.1 В своем представлении от 13 октября 1999 года государство-участник разъясняет, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны решением Верховного суда от 3 марта 1998 года, которым были отклонены дополнительные ходатайства о пересмотре. По состоянию на этот день осужденные и их адвокаты могли обратиться с сообщением в Комитет по правам человека. Однако они не сделали этого и направили на имя президента прошение о помиловании. 6 апреля 1999 года президент отсрочил на 90 дней дату исполнения приговора, с тем чтобы рассмотреть ходатайство о помиловании. Это ходатайство было рассмотрено президентским комитетом по рассмотрению прошений о помиловании в составе министра юстиции, исполнительного секретаря и главного юрисконсульта президента. После всестороннего изучения дела комитет не нашел убедительных оснований для вынесения президенту рекомендации об осуществлении им своей президентской прерогативы. Государство-участник объясняет, что предоставленные президенту полномочия по помилованию не колеблют и не меняют каким-либо образом решения Верховного суда. Акт помилования предполагает, что решение Верховного суда остается в силе и что президент лишь исходит из стремления проявить милосердие. По мнению государства-участника, вверив свою судьбу в руки президента с предоставленными ему полномочиями, осужденные согласились с решением Верховного суда. Государство-участник утверждает также, что, поскольку они поступили таким образом, представляется крайне неуместным, что после этого они могли бы обратиться в Комитет по правам человека с ходатайством о восстановлении их нарушенных прав.

3.2 Государство-участник объясняет, что президент осуществляет свои конституционные полномочия по помилованию осужденных, если доказано, что на совершение преступления осужденных толкнула нищета. По мнению государства-участника, судя по обстоятельствам дела, возбужденного в связи с совершением г-ном Пиандионгом, г-ном Моральосом и г-ном Буланом преступления, о бедности как о побудительной причине совершения преступления говорить не приходится. В этой связи государство-участник ссылается на решение Верховного суда, который установил, что выстрел в полицейского, находившегося в маршрутном такси, последующее ограбление раненого полицейского и, наконец, повторный выстрел в него в тот момент, когда он умолял их отвезти его в больницу, свидетельствуют о жестокости и отсутствии у них чувства жалости и требуют назначения им смертной казни.

3.3 В том что касается утверждения о применении пытки, то государство-участник отмечает, что это обстоятельство не фигурировало в качестве оснований для обжалования приговора в Верховном суде, и в силу этого Верховный суд не рассматривал этот вопрос. По утверждению государства-участника, Верховный суд воспринимает обвинения в пытках и жестоком обращении весьма серьезно и отменил бы приговор суда низшей инстанции, если бы было доказано, что эти обвинения соответствуют действительности.

3.4 Что же касается утверждения об отсутствии правовой помощи, то государство-участник отмечает, что юридическая помощь предоставлялась обвиняемым на всем протяжении разбирательства дела в суде низшей инстанции и в апелляционном суде. В отношении права на жизнь государство-участник отмечает, что Верховный суд вынес постановление о конституционности смертной казни, а также методов казни и признал их соответствующими положениям Конституции.

3.5 В отношении же обращенной адвокатами Комитету просьбы о принятии предварительных мер защиты в безотлагательном порядке государство-участник отмечает, что адвокаты не сочли необходимым обратиться в Комитет в течение года после того, как их клиентам был вынесен смертный приговор, после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты.

Даже после предоставления президентом отсрочки исполнения приговора, адвокаты дожидались истечения этого срока, прежде чем направить сообщение в Комитет. Государство-участник утверждает, что, поступая таким образом, адвокаты выставляют на посмешище юридическую систему и конституционный процесс Филиппин.

3.6 Государство-участник заверяет Комитет в своей приверженности Пакту и заявляет, что его действия не ставят целью лишить смысла принимаемые Комитетом меры. В этой связи государство-участник сообщает Комитету, что в целях дальнейшего совершенствования системы пересмотра приговоров, направляемых президенту на предмет объявления помилования осужденным, создан новый орган под названием Президентский комитет по пересмотру приговоров осужденных к смертной казни. В этот комитет, в котором председательствует исполнительный секретарь, входят следующие члены: один представитель научных кругов, занимающийся социальными вопросами, один представитель НПО, действующих в области борьбы с преступностью, и два представителя церковных организаций. Комитет выполняет двойную функцию, а именно, он рассматривает случаи вынесения смертных приговоров, принимая во внимание как гуманитарные аспекты, так и требования социальной справедливости, и делает президенту рекомендации относительно возможного осуществления предоставленных ему полномочий в отношении отсрочки исполнения приговоров, изменения назначенного наказания в сторону его смягчения и помилования.

Замечания адвокатов

4.1 Адвокаты утверждают, что г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан считали обращение к президенту внутренним средством правовой защиты, которое им необходимо было исчерпать, прежде чем направить свое сообщение в Комитет по правам человека. Поэтому адвокаты утверждают, что не было ничего не надлежащего в том, чтобы они дожидались момента, когда станет ясно, что решения о помиловании не будет. Что же касается довода государства-участника, согласно которому помилование не могло быть предоставлено, поскольку преступление не было сочтено мотивированным неблагоприятным материальным положением осужденных, адвокаты отмечают, что г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан оспаривали сам факт признания их предполагаемыми субъектами преступления.

4.2 В том что касается довода государства-участника о том, что пытки не фигурировали в качестве одного из оснований обжалования приговора, адвокаты утверждают, что на суде г-н Пиандионг, г-н Моральос и г-н Булан под присягой показали, что они были подвергнуты жестокому обращению и что на этот вопрос было обращено внимание Верховного суда в дополнительном ходатайстве о пересмотре. По мнению адвокатов, факт жестокого обращения говорит о слабости собранных обвинением доказательств, поскольку, если бы доказательства были убедительными, применения жестокого обращения не потребовалось бы. В ответ на утверждение государства-участника о том, что Верховный суд серьезным образом подходит к обвинениям в применении пыток, адвокаты заявляют, что в действительности дело, по всей видимости, обстоит иным образом, поскольку Верховный суд не принял никаких решений при рассмотрении данного дела.

4.3 В том что касается заявления государства-участника о том, что обвиняемым была предоставлена возможность пользоваться юридической помощью, адвокаты отмечают, что такая возможность появилась у них только с начала рассмотрения дела в суде. В период же, предшествовавший судебному разбирательству в имеющий важнейшее значение момент предъявления задержанных для опознания в полиции, адвокаты не присутствовали.

4.4 В том что касается довода государства-участника о том, что в своем решении Верховный суд постановил, что назначение смертной казни и метод приведения ее в исполнение являются конституционными, адвокаты утверждают, что решение Верховного суда заслуживает пересмотра.

4.5 В отношении ходатайства перед Комитетом по поводу принятия предварительных мер адвокаты вновь заявляют, что они медлили с представлением сообщения в Комитет до тех пор, пока не будут исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, включая обращение с петицией о

помиловании. Адвокаты утверждают также, что трудно серьезно воспринимать выраженную государством-участником приверженность Пакту в свете такого вопиющего нарушения, как приведение в исполнение казни г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-н Булана, несмотря на обращенную к государству-участнику просьбу Комитета не делать этого.

Отказ государства-участника удовлетворить просьбу Комитета о принятии временных мер защиты в соответствии с правилом 86

5.1 Будучи участником Факультативного протокола, государство-участник Пакта признает компетенцию Комитета по правам человека получать и рассматривать сообщения отдельных лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушений любого из прав, установленных в Пакте (преамбула и статья 1). Из факта присоединения государства к Протоколу вытекает, что государство принимает на себя обязательство добросовестно сотрудничать с Комитетом, с тем чтобы позволить ему и дать возможность рассматривать такие сообщения и после рассмотрения направлять свои соображения государству-участнику и соответствующему лицу (пункты 1 и 4 статьи 5). Любые предпринимаемые государством-участником действия, мешающие Комитету в рассмотрении и обсуждении сообщений, а также в сообщении своих соображений или делающие эти действия Комитета тщетными, являются несовместимыми с данными обязательствами.

5.2 Таким образом, причем безотносительно к любому нарушению Пакта, вменяемому государству-участнику в каком-либо сообщении, государство-участник совершает серьезные нарушения своих обязательств по Факультативному протоколу, если оно действует таким образом, что это препятствует рассмотрению Комитетом или лишает всякого смысла рассмотрение Комитетом сообщения о нарушении Пакта или же делает рассмотрение дела Комитетом небесспорным, а сообщение им своих соображений недействительным и тщетным. Что касается настоящего сообщения, то его авторы утверждают, что предполагаемым жертвам было отказано в соблюдении их прав, предусмотренных статьями 6 и 14 Пакта. Будучи уведомлено о получении сообщения, государство-участник нарушает свои обязательства по Протоколу, если приводит в исполнение смертную казнь предполагаемых жертв до того, как Комитет завершит рассмотрение сообщения и сформулирует и сообщит свои соображения. Принятие государством таких мер представляется в особенности нетерпимым после того, как Комитет в соответствии с правилом 86 правил процедуры принял решение просить государство-участник воздержаться от принятия этих мер.

5.3 Комитет выражает также свою серьезную обеспокоенность представленным государством-участником объяснением своих действий. Комитет не может согласиться с доводом государства-участника о том, что адвокатам не надлежало направлять сообщение в Комитет по правам человека, после того как адвокат и подзащитные обратились с петицией о помиловании президентом и это ходатайство было отклонено. В Факультативном протоколе нет ничего, что ограничивало бы право предполагаемой жертвы нарушения его или ее прав по Пакту направить сообщение после того, как ходатайство о помиловании было отклонено, и государство-участник не может в одностороннем порядке устанавливать такие условия, которые ограничивали бы одновременно компетенцию Комитета и право предполагаемых жертв на направление сообщений. Кроме того, государству-участнику не удалось доказать, что, если бы оно прислушалось к требованию Комитета о принятии временных мер, тем самым было бы затруднено отправление правосудия.

5.4 Предварительные меры по правилу 86 Правил процедуры Комитета, принятых в соответствии со статьей 39 Пакта, имеют важнейшее значение для выполнения Комитетом своих функций по Протоколу. Пренебрежение положениями указанного правила, в особенности посредством принятия таких необратимых по последствиям мер, как казнь предполагаемой жертвы или ее высылка из страны, подрывает основы защиты предусмотренных в Пакте прав при помощи Факультативного протокола.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые жалобы, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен, исходя из статьи 87 своих Правил процедуры, решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник не выдвинуло никаких возражений против приемлемости сообщения. Комитету неизвестно о каких бы то ни было препятствиях к признанию сообщения приемлемым, и поэтому он объявляет сообщение приемлемым и сразу же приступает к рассмотрению сообщения по существу.

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всех представленных ему сторонами письменных данных, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Адвокаты утверждают, что опознание г-на Пиандионга и г-на Моральоса свидетелями во время предъявления их к опознанию в полиции было произведено с нарушениями, поскольку в первый раз никто из свидетелей не опознал их, после чего задержанные были выведены в другое помещение и полицейские научили свидетелей указать на задержанных. Суд отклонил жалобу защиты в этом отношении, поскольку утверждение защиты не было подтверждено какими-либо объективными и заслуживающими доверия свидетельскими показаниями. Кроме того, суд посчитал, что обвиняемые были опознаны свидетелями в суде и что такого опознания достаточно. Комитет напоминает о принятых им решениях, согласно которым по общему правилу именно судам государств-членов, а не Комитету надлежит оценивать факты и доказательства в том или ином конкретном деле. Это правило применяется также и к вопросам о том, насколько законным и заслуживающим доверия был процесс опознания. Кроме того, рассматривая довод о том, что процесс предъявления к опознанию не был свободен от нарушений, апелляционный суд признал, что опознание обвиняемых на суде основывалось на опознании их свидетелями в ходе судебного процесса и что предъявление их к опознанию в полиции значения для рассмотрения дела не имело. Исходя из этого Комитет делает вывод о том, что оснований для утверждения о несовместимости судебного опознания обвиняемых с их правами по статье 14 Пакта не имеется.

7.3 В том что касается других мотивов обжалования, в частности предполагаемого жестокого обращения после задержания, отсутствия доказательств против обвиняемых и степени доверия, внушаемого свидетелями, Комитет отмечает, что все эти вопросы рассматривались национальными судами, которые их отклонили. Комитет вновь заявляет, что оценка фактов и доказательств по конкретному делу, а также толкование соответствующих положений внутреннего законодательства находятся в компетенции судов государств-участников, а не Комитета. В распоряжении Комитета нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что решения судов были произвольными или что они могли быть уподоблены отказу в правосудии. В этих условиях Комитет делает вывод о том, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении Пакта в этом отношении.

7.4 Комитет отметил, что в предъявленной от имени г-на Пиандионга, г-на Моральоса и г-на Булана жалобе в национальные суды говорилось о том, что вынесение смертного приговора является нарушением Конституции Филиппин. Хотя в компетенцию Комитета и не входит рассмотрение вопросов конституционности, существо жалобы, по-видимому, вызывает важные вопросы, касающиеся назначения смертной казни г-ну Пиандионгу, г-ну Моральосу и г-ну Булану, в частности в том, что касается решения вопроса о том, является ли вмененное им преступление самым тяжким преступлением по смыслу пункта 2 статьи 6, а также вопроса о том, соответствует ли введение заново смертной казни в Филиппинах обязательствам государства-участника по пунктам 1, 2 и 6 статьи 6 Пакта. Однако в данном конкретном случае Комитет не считает возможным рассматривать эти вопросы, поскольку ни адвокаты, ни государство-участник не сделали никаких представлений в этом отношении.

8. Руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека делает вывод о том, что он не может установить наличие каких бы то ни было нарушений любой из статей Международного пакта о гражданских и политических правах. Комитет вновь указывает на свой вывод о том, что государство совершило серьезное нарушение своих обязательств по Протоколу, приведя в исполнение назначенную предполагаемым жертвам смертную казнь до завершения Комитетом рассмотрения сообщения.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое мнение члена Комитета г-жи Кристины Шане (частично несовпадающее)

Я не согласна с мнением Комитета в отношении единственного фигурирующего в его решении вопроса об отсутствии нарушений статьи 14 Пакта.

По моему мнению, в делах о совершении уголовных преступлений, наказуемых смертной казнью, присутствие адвоката должно считаться необходимым на всех этапах производства, независимо от того, требует ли присутствия адвоката обвиняемый и признаются ли рассматривающим дело судом в качестве имеющих доказательственное значение процессуальные действия, осуществляемые в ходе расследования.

Поскольку государство-участник не обеспечило обвиняемым присутствие адвоката во время предъявления их для опознания, по моему мнению, следовало бы сделать вывод о наличии нарушений пунктов 3 b) и 3 d) статьи 14 и статьи 6 Пакта.

Особое мнение членов Комитета г-жи Элизабет Эватт и г-жи Сесилии Медины Кироги (частично несовпадающее)

Мы не согласны с выводами Комитета относительно предполагаемых нарушений процедуры предъявления для опознания. Авторы выступили с утверждениями, которые вызывают сомнения относительно добросовестности проведенной процедуры, особенно если учесть, что опознание проводилось в отсутствие защитника. Суд останавливался на этих утверждениях, но отклонил их на том основании, что от него не требуется полагаться на результаты предъявления к опознанию и что любые связанные с этим проблемы были преодолены в силу опознания обвиняемых свидетелями на судебном процессе. Однако опознание обвиняемых в суде свидетелями, которые принимали участие в предположительно не свободной от нарушений процедуре предъявления к опознанию, само по себе не опровергает наличия процессуальных нарушений, имевших место в ходе предшествующего опознания обвиняемых указанными свидетелями. Суд не привел никаких других оснований для признания этих утверждений недействительными, и, таким образом, возникающие в связи с утверждениями авторов сомнения остаются неразрешенными, и поэтому они должны быть приняты во внимание. В этих обстоятельствах сохраняются серьезные вопросы относительно справедливости судебного разбирательства, что, по нашему мнению, составляет нарушение пункта 1 статьи 14.

Особое мнение члена Комитета г-на Мартина Шейнина (частично несовпадающее)

Я полностью разделяю основной вывод Комитета по данному делу, а именно, что государство-участник нарушило свои обязательства по Факультативному протоколу, приведя в исполнение смертный приговор трем лицам, от имени которых было представлено сообщение, в то время, когда их дело находилось на рассмотрении Комитета, в условиях игнорирования государством-участником должным образом сообщенной ему просьбы в соответствии с правилом 86 правил процедуры. Кроме того, я согласен с тем, что вопрос, связанный с введением заново смертной казни после ее отмены, а также вопрос о том, являются ли данные преступления "самыми тяжкими преступлениями" по смыслу пункта 2 статьи 6, не были сопровождаемы достаточным объемом доказательственных материалов, с тем чтобы Комитет мог установить факт нарушения статьи 6 на этих основаниях.

Отличное от мнения Комитета представление складывается у меня в отношении вопроса об отказе в помощи адвоката. По моему мнению, в сообщении содержалось достаточным образом подкрепленное доказательствами утверждение, согласно которому тот факт, что все три обвиняемых лица были лишены помощи адвоката в период до начала фактического слушания дела в суде, представляет собой нарушение статьи 14, а следовательно, и статьи 6 Пакта. Хотя это утверждение фигурирует отдельно от утверждения, связанного с вопросом об опознании двух из обвиняемых, важность помощи со стороны адвоката на более ранних стадиях производства со всей очевидностью проистекает из того, каким образом суды рассматривали проблему опознания, когда она наконец была действительно поставлена перед ними.

Как уже подчеркивалось Комитетом в ряде предшествующих дел, представляется аксиомой то обстоятельство, что, согласно Пакту, лица, которым грозит наказание в виде смертной казни, должны иметь возможность пользоваться услугами адвоката на всех стадиях производства (см., например, дело "Конрой Леви против Ямайки", сообщение № 179/1996, и дело "Кларенс Маршалл против Ямайки", сообщение № 730/1996). Предполагаемые жертвы до начала слушания дела в суде провели в заключении от шести до восьми месяцев. Независимо от отнесения стадий разбирательства, проводившегося до начала рассмотрения дела в суде, к судебным или несудебным и независимо от того, обращались ли обвиняемые с прямыми ходатайствами о предоставлении им защитника, государство-участник было обязано обеспечить им помощь защитника в течение этого периода времени. Факт необеспечения государством-участником помощи адвоката обвиняемым по делу, в результате рассмотрения которого было определено наказание в виде смертной казни, представляет собой нарушение пунктов 3 b) и 3 d) статьи 14, а следовательно, и статьи 6.

Сообщение № 884/1999

Представлено: Антониной Игнатане [представлена адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Латвия

Дата принятия Сообщений: 26 июля 2001 года

Тема сообщения: Отказ властей государства-участника разрешить автору выставить свою кандидатуру на местных выборах на основе аттестационного экзамена на знание ею национального языка

Процедурные вопросы: Отсутствуют

Вопросы существа: Право принимать участие в ведении государственных дел

Статьи Пакта: 2 и 25

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: Отсутствуют

Вывод: Наличие нарушения

1.1 Автором сообщения является г-жа Антонина Игнатане, гражданка Латвии русского происхождения, родившаяся в Риге 21 февраля 1943 года, по профессии - учительница. Она считает себя жертвой нарушения Латвией статей 2 и 25 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автора представляет адвокат.

1.2 Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в силу для Латвии 14 июля 1992 года, а Факультативный протокол - 22 сентября 1994 года.

Факты в изложении автора

2.1 Во время описанных ниже событий г-жа Игнатане работала учительницей в Риге. В 1993 году она сдала аттестационной комиссии экзамен по латышскому языку и впоследствии получила аттестат о знании языка, по которому ей присвоена третья категория профпригодности (высшая категория).

2.2 В 1997 году автор сообщения выставила свою кандидатуру для участия в местных выборах, намеченных на 9 марта 1997 года, по списку Движения за социальную справедливость и равноправие в Латвии. 11 февраля 1997 года ее вычеркнули из этого списка по решению Рижской избирательной комиссии на основании заключения Центра государственного языка (ЦГЯ) о том, что знание ею официального языка не соответствует требуемой категории.

2.3 17 февраля 1997 года автор обратилась в Центральный районный суд с жалобой на незаконное, по ее мнению, решение Избирательной комиссии. Этот суд автоматически передал дело в Рижский окружной суд, который 25 февраля отклонил жалобу своим решением, которое немедленно вступило в силу.

2.4 Г-жа Игнатане 4 марта 1997 года обратилась с ходатайством об отмене решения от 25 февраля к Председателю Палаты гражданских дел Верховного суда Латвии. В письме от 8 апреля 1997 года Верховный суд отказал в удовлетворении этого ходатайства.

2.5 Автор сообщения 4 марта 1997 года также обратилась с заявлением в прокуратуру. Рассмотрев это заявление, прокуратура 22 апреля 1997 года уведомила ее о том, что основания для принятия мер по жалобе отсутствуют и что соответствующее решение было принято с должным соблюдением законодательства и не противоречит Международному пакту о гражданских и политических правах.

2.6 Автор представила в Комитет перевод статей 9, 17 и 22 Закона о выборах в городские думы и волостные советы Латвии от 13 января 1994 года. В статье 9 этого Закона перечислены категории лиц, которые не могут баллотироваться на местных выборах. Согласно пункту 7 статьи 9 к участию в выборах допускаются только кандидаты, имеющие третью (высшую) категорию профпригодности по государственному языку. Согласно статье 17, кандидат не являющийся выпускником школы с преподаванием на латышском языке, обязан приложить к своей просьбе о регистрации в качестве кандидата копию аттестата о знании языка на высшую (третью) категорию профпригодности. Как пояснила адвокат автора, копия этого аттестата требуется для того, чтобы ЦГЯ мог проверить его подлинность, а не соответствие действительному положению дел.

2.7 Согласно статье 22 только Избирательная комиссия, осуществляющая регистрацию списка кандидатов, уполномочена вносить изменения в этот список и лишь только:

- 1) путем вычеркивания кандидата из списка, если: ...
- б) условия, упомянутые в статье 9 настоящего Закона, применимы к кандидату, ... и в случаях, охватываемых пунктом 1 а), б) и с) настоящей статьи, кандидат может быть вычеркнут из списка на основе заключения соответствующего учреждения или по решению суда.

В случае если кандидат: ...

- 8) не отвечает требованиям, предъявляемым к высшей (третьей) категории профпригодности по государственному языку, этот факт должен подтверждаться заключением ЦГЯ.

2.8 В заключение г-жа Игнатане сообщает о том, что, как заявили представители ЦГЯ во время слушания дела, аттестационная комиссия министерства просвещения получила жалобы по поводу знания ею латышского языка. Автор отмечает, что по странному стечению обстоятельств именно это министерство в 1996 году было замешано в громком скандале вокруг закрытия средней школы № 9 в

Риге, где она работала завучем. Школа была русскоязычной, и ее закрытие оказало сильное отрицательное воздействие на положение русскоязычного меньшинства в Латвии.

Жалоба

3. Автор утверждает, что, лишив ее возможности участвовать в местных выборах, Латвия нарушила статьи 2 и 25 Пакта.

Замечания государства-участника

4.1 В своих замечаниях от 28 апреля 2000 года государство-участник оспаривает приемлемость сообщения. Оно утверждает, что автор не исчерпала доступных внутренних средств защиты.

4.2 Государство-участник также отмечает, что автор сообщения не оспаривает выводов Центра государственного языка, согласно которым она не владеет латышским языком в объеме, требующемся для участия в выборах (третья категория), но протестует лишь против решения Избирательной комиссии вычеркнуть ее кандидатуру из списка. Государство-участник считает судебные постановления законными и правомерными и полностью соответствующим латышскому законодательству, в частности пункту 7 статьи 9 и пункту 8 статьи 22 Закона о выборах в городские думы и волостные советы.

4.3 Государство-участник придерживается мнения о том, что положения вышеупомянутого Закона соответствуют требованиям Международного пакта о гражданских и политических правах, как они раскрыты в Замечании общего порядка 25 Комитета по правам человека по поводу статьи 25, где сказано, что "любые обстоятельства, которыми обусловлено осуществление прав, закрепленных в статье 25, должны основываться на объективных и обоснованных критериях". Согласно государству-участнику, для участия в ведении государственных дел требуется высокий уровень профпригодности по государственному языку и подобное предварительное условие разумно и основано на объективных критериях, которые перечислены в правилах проведения аттестации на знание государственного языка. Государство-участник заявляет, что в соответствии с этими правилами третья категория профпригодности по государственному языку является обязательной для нескольких категорий лиц, включая выборных представителей. Наивысшая категория (третья категория) подразумевает способность свободно изъясняться на официальном языке, понимать произвольно отобранные тексты и составлять на официальном языке тексты, связанные с выполнением кандидатом своих официальных функций.

4.4 Что касается реального знания автором сообщения государственного языка, то государство-участник ссылается на подробную информацию на этот счет в судебном постановлении, где сказано, что при поступлении жалоб по поводу знания государственного языка проводится экзамен для проверки соответствия действительных знаний категории, присвоенной по аттестату. В данном конкретном случае, как утверждает государство-участник, в министерство просвещения и науки поступили жалобы по поводу знания латышского языка истцом, но при этом никаких дальнейших сведений на этот счет или доказательств не представляется. 5 февраля 1997 года был проведен экзамен, который показал, что она не знает языка в объеме, соответствующем третьей категории. Впоследствии суд сослался на материалы (копию экзаменационной работы с исправлениями), которые ЦГЯ представил в обоснование результатов экзамена на знание латышского языка г-жой Игнатане.

4.5 Результаты этого экзамена послужили основанием для исключения истца из списка кандидатов на выборах в соответствии с законодательством. Законность этого решения была впоследствии подтверждена Верховным судом и Прокуратурой.

4.6 В отношении предположительного противоречия между удостоверением автора и заключениями ЦГЯ государство-участник отмечает, что заключения ЦГЯ сугубо касаются права кандидата участвовать в выборах и никоим образом не предполагают автоматической отмены

аттестата и не могут быть использованы в качестве основания для его пересмотра, если этого не пожелает сам держатель такого аттестата.

4.7 Государство-участник утверждает, что автор могла бы предпринять еще два шага. Во-первых, г-жа Игнатане могла бы просить о проведении еще одного экзамена по языку, как это отмечали представители ЦГЯ во время слушаний. Цель такого экзамена заключалась бы в проверке правильности выданного г-же Игнатане аттестата. Во-вторых, автор могла бы возбудить иск на основании несоответствия между ее аттестатом и заключениями ЦГЯ по поводу ее права участвовать в выборах, в результате чего суд был бы обязан назначить еще один экзамен для проверки правильности удостоверения.

4.8 Поскольку автор не воспользовалась ни одной из этих возможностей, государство-участник утверждает, что не все внутренние средства защиты были исчерпаны. Государство-участник также опровергает утверждение о дискриминации автора на основе ее политических убеждений, поскольку все другие участники того же самого списка были зарегистрированы в качестве кандидатов на выборах.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях от 22 сентября 2000 года адвокат рассматривает довод государства-участника о том, что г-жа Игнатане не оспаривает выводов Центра государственного языка, согласно которым ее знания не соответствуют наивысшей категории профпригодности по латышскому языку, а оспаривает законность решения Избирательной комиссии вычеркнуть ее из списка кандидатов. Адвокат признает, что г-жа Игнатане, разумеется, оспаривает законность решения Избирательной комиссии, но при этом отмечает, что единственным основанием для этого решения было заключение ЦГЯ о том, что знание ею латышского не соответствует требованиям наивысшей категории профпригодности. Таким образом, по словам адвоката, автор оспаривает законность решения Избирательной комиссии вычеркнуть ее фамилию из списка кандидатов, которое было принято на основании заключения ЦГЯ.

5.2 Адвокат отмечает, что используемая государством-участником формулировка "требуемая третья (высшая) категория для участия в выборах" может быть неправильно истолкована. Согласно адвокату, латышские законы о выборах не содержат требования о наличии какой-либо конкретной категории профпригодности по государственному языку исключительно для участия в выборах; положения о трех категориях профпригодности для различных постов и профессий предусматриваются лишь правилами аттестации профпригодности по государственному языку для трудоустройства, а аттестат о знании языка на первую, вторую или третью категорию профпригодности сам по себе является общим по характеру.

5.3 Что касается утверждения государства-участника, что это законодательство о выборах соответствует требованиям Международного пакта о гражданских и политических правах, как они раскрыты в Замечании общего порядка по статье 25, то адвокат заявляет, что условия, содержащиеся в пункте 7 статьи 9 и пункте 8 статьи 22 Закона, не основаны на объективных и обоснованных критериях, как того требует Замечание общего порядка Комитета по правам человека в отношении недискриминации.

5.4 Согласно пункту 7 статьи 9 Закона лица, не имеющие наивысшей (третьей) категории профпригодности, не могут выдвигаться в качестве кандидатов на выборах местных советов и не могут избираться в эти советы. Согласно пункту 8 статьи 22 кандидат может быть вычеркнут из списка, если, по мнению Центра государственного языка, знание им языка не отвечает требованиям третьей категории профпригодности по государственному языку. Согласно адвокату, на практике это положение может толковаться как угодно и дает повод для произвольных и ничем не обоснованных решений.

5.5 Затем адвокат переходит к рассмотрению утверждения государства-участника, что экзамен по языку назначается кандидату в случае поступления жалоб. Если жалоб не было получено, ЦГЯ представляет заключения по каждому кандидату в форме подтверждения подлинности копии его аттестата о владении латышским языком. Адвокат считает, что неподтвержденное заявление о получении жалоб на кандидата и результаты последующего экзамена, который был проведен одним единственным экзаменатором - старшим инспектором Инспекции государственного языка - нельзя назвать объективными критериями. Тот объем полномочий, который предоставлен старшему инспектору, несоизмерим с последствиями, которые при этом наступают, то есть запрещением кандидату участвовать в выборах. Подобный подход к проверке профпригодности по государственному языку при желании позволяет заблокировать всех кандидатов, представляющих меньшинство.

5.6 Далее адвокат характеризует условия, при которых проводился экзамен. Г-жа Игнатане была в школе, когда урок немецкого языка, который она вела, был прерван и ей предложили выполнить письменное задание по латышскому языку. Экзамен проводился инспектором в присутствии двух свидетелей - преподавателей той же школы. В этих обстоятельствах, как утверждает адвокат, ошибки в правописании и другие погрешности, которые были использованы как основание для вывода о недостаточном знании латышского языка, не могут быть приняты во внимание.

5.7 В-третьих, со ссылкой на утверждение государства-участника о том, что для работы в органах государственного управления требуется высокая степень профпригодности по государственному языку и что подобное предварительное условие является разумным и основывается на объективных критериях, содержащихся в правилах аттестации профпригодности по государственному языку, адвокат утверждает, что такое предварительное условие для участия в местных выборах не является разумным. Для кандидатов в целом не предусмотрено никаких других предварительных условий, например в отношении уровня образования или профессиональной квалификации. Тот факт, что единственное предварительное условие касается знания латышского, означает, по мнению адвоката, что право голосовать и быть избранным не уважается и не гарантируется всем без какого-либо различия по признаку языкового статуса. Заявитель утверждает, что для порядка 40% населения Латвии латышский не является родным языком.

5.8 Согласно адвокату, такое предварительное условие о высокой категории профпригодности по латышскому языку для участия в местных выборах не основывается на объективных критериях. Однако это не означает, что автор считает, будто бы критерии правил аттестации профпригодности по государственному языку необъективны. Речь идет только о том, что данные критерии не применяются в связи с положением (пункт 8 статьи 22 Закона), согласно которому любой кандидат может быть вычеркнут из списка, если он не удовлетворяет требованиям высшей (третьей) категории профпригодности по латышскому языку, и этот факт должен быть удостоверен заключением ЦГЯ. Адвокат утверждает, что, согласно правилам аттестации профпригодности по государственному языку, таковая удостоверяется специальной аттестационной комиссией в составе не менее пяти специалистов по языку. Правилами подробно предписано проведение экзамена и аттестации, обеспечивая тем самым объективность и достоверность. Аттестаты по первой, второй и третьей категориям действительны без ограничений по времени. В соответствии со статьей 17 Закона кандидаты, которые получили аттестат об окончании средней школы, обучение в которой велось не на латышском языке, обязаны представить в избирательную комиссию копию аттестата на третью категорию. Автор представила копию этого документа в Избирательную комиссию Риги. Адвокат утверждает, что заключение ЦГЯ, выданное на основе внепланового экзамена, проведенного одним единственным инспектором Инспекции государственного языка ввиду жалоб, якобы полученных министерством просвещения, не соответствовало требованиям правил аттестации профпригодности по государственному языку. Кроме того, государство-участник само признает, что заключение ЦГЯ касается лишь только вопроса участия в выборах и отнюдь не подразумевает автоматического аннулирования этого аттестата и не может быть использовано в качестве основания для пересмотра его правильности.

5.9 Наконец, в-четвертых, адвокат рассматривает утверждение государства-участника о неисчерпании всех внутренних средств правовой защиты. Адвокат напоминает, что судебное постановление от 25 февраля 1997 года, подтверждавшее решение Рижской избирательной комиссии от 11 февраля 1997 года, было окончательным и вступило в силу немедленно. Специальная процедура обжалования таких решений - это именно та процедура, которой воспользовалась автор сообщения.

5.10 Адвокат далее отмечает, что средства правовой защиты должны быть не просто адекватными и достаточными, но они должны практически позволять восстановить то положение, которое является предметом жалобы. Средство защиты, которым воспользовалась автор, а именно специальная процедура обжалования решения Избирательной комиссии, была единственным способом достичь цели жалобы, т.е. получить возможность участвовать в выборах в Рижскую городскую думу в 1997 году после восстановления автора в списке кандидатов.

5.11 Адвокат утверждает, что государство-участник само себе противоречит, когда оно, с одной стороны, заявляет, что не может согласиться с тем, что были исчерпаны внутренние средства защиты, поскольку ни один из двух упомянутых им способов проверки правильности аттестата автора не был использован, а с другой стороны, говорит, что, согласно сообщению, автор оспаривает законность вычеркивания ее кандидатуры из списка, а не заключение ЦГЯ о несоответствии знания ею латышского языка требуемой третьей категории. В любом случае каждый из упомянутых государством-участником способов проверки правильности аттестата автора занимает по меньшей мере несколько месяцев и поэтому не позволил бы автору участвовать в выборах 1997 года. В этой связи автор напоминает о том, что решение запретить автору участвовать в выборах было принято за 26 дней до выборов. В этот ограниченный срок автор не мог воспользоваться любыми другими средствами правовой защиты.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, обязан принять решение о том, является ли оно приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает приемлемость сообщения по мотивам неисчерпания внутренних средств правовой защиты на том основании, что автор не протестует против заключения ЦГЯ, согласно которому она не знает языка в необходимом объеме, а оспаривает решение Избирательной комиссии вычеркнуть ее фамилию из списка. Комитет не может согласиться с доводом государства-участника, что это служит свидетельством неисчерпания автором доступных средств правовой защиты, поскольку в то время автор располагала действительным, выданным на законных основаниях аттестатом, удостоверяющим, что знание ею официального языка соответствует требуемому стандарту, причем это обстоятельство не оспаривается самим государством-участником.

6.3 Комитет также отмечает доводы адвоката по поводу того, что средства защиты, упомянутые государством-участником, не являются эффективными средствами и что государство-участник не доказало их эффективности и не оспорило доводов адвоката. Комитет также принимает к сведению замечания адвоката о том, что пользование указанными государством-участником средствами защиты в любом случае занимает несколько месяцев и что их задействование все равно означало бы, что автор не сможет участвовать в выборах. Комитет отмечает, что эти замечания адвоката были доведены до сведения государства-участника, но последнее на них не отреагировало. В этих обстоятельствах Комитет не усматривает никаких помех для признания этого сообщения приемлемым.

6.4 Таким образом, Комитет объявляет данное сообщение приемлемым и постановляет перейти к рассмотрению дела по существу в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола.

Рассмотрение дела по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему в письменном виде сторонами в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 На рассмотрении Комитета находится следующий вопрос: были ли права автора в соответствии со статьями 2 и 25 нарушены из-за того, что ей не разрешили участвовать в качестве кандидата на местных выборах, состоявшихся в марте 1997 года.

7.3 Согласно государству-участнику, для работы в органах государственного управления требуется высокая категория профессионального знания по государственному языку и поэтому предъявление языковых требований к кандидатам для участия в выборах является разумным и объективным. Комитет отмечает, что статья 25 гарантирует каждому гражданину право и возможность быть избранным на подлинных периодических выборах без какой-либо дискриминации по признакам, упомянутым в статье 2, включая язык.

7.4 Комитет отмечает, что в данном случае единоличное решение инспектора, принятое за несколько дней до выборов и противоречащее аттестату о профпригодности по языку, выданному за несколько лет до этого на неограниченный срок комиссией специалистов по латышскому языку, оказалось достаточным для принятия Избирательной комиссией решения вычеркнуть фамилию автора из списка кандидатов на муниципальных выборах. Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает действительности этого удостоверения применительно к профессиональной деятельности автора, но строит свою аргументацию на результатах оценки экзаменатором права автора участвовать в выборах. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривает довода адвоката о том, что латышское законодательство не содержит требования о самостоятельной аттестации знания официального языка для участия в выборах, но пользуется стандартами и аттестационными требованиями, используемыми в других случаях. В результате переэкзаменовки автор была лишена возможности осуществить свое право на участие в ведении государственных дел в соответствии со статьей 25 Пакта. Комитет отмечает, что первый экзамен в 1993 году был проведен в соответствии с официальными требованиями и был оценен пятью экспертами, в то время как экзамен в 1997 году был проведен на разовой основе и проверен одним экзаменатором. Отказ автору в возможности баллотироваться в силу такой переэкзаменовки, который не был основан на объективных критериях или критериях, которые, как это было показано государством-участником, отвечали бы процедурным требованиям, является не совместимым с обязательствами государства-участника по статье 25 Пакта.

7.5 Комитет приходит к заключению о том, что г-же Игнатане был причинен конкретный вред в форме запрета участвовать в местных выборах в Риге в 1997 году, поскольку ее вычеркнули из списка кандидатов по причине недостаточного знания официального языка. Комитет по правам человека считает, что автор сообщения является жертвой нарушения статьи 25 в сочетании со статьей 2 Пакта.

8. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить г-же Игнатане эффективное средство правовой защиты. Оно также обязано принять меры для недопущения в будущем аналогичных нарушений.

9. Учитывая, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета устанавливать факт нарушения Пакта и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечить всем лицам в пределах его территории или под его юрисдикцией права, признанные в Пакте, и обеспечить эффективные средства правовой защиты в случае установления нарушений, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых для практического осуществления Соображений Комитета. Кроме того, он просит государство-участник опубликовать настоящие Соображения Комитета.

Сообщение № 919/2000

Представлено: Михаэлем Андреасом Мюллером и Имке Энгельхард [представлены адвокатом]

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения

Государство участник: Намибия

Дата принятия Сообщений: 26 марта 2002 года

Тема сообщения: Право супругов на изменение фамилии после заключения брака

Процедурные вопросы: Отсутствуют

Вопросы существа: Право на равенство перед законом и равную защиту закона

Статьи Пакта: 17, 23 и 26

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: Отсутствуют

Вывод: Наличие нарушения

1. Авторами сообщения от 8 ноября 1999 года являются г-н Михаэль Андреас Мюллер (далее г-н Мюллер), гражданин Германии, родился 7 июля 1962 года и г-жа Имке Энгельхард (далее г-жа Энгельхард), гражданка Намибии, родилась 16 марта 1965 года, которые утверждают, что являются жертвами нарушения Намибией¹ статьи 26 пункта 4, статьи 23 и пункта 1 статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (Пакт). Они представлены адвокатом.

Факты в изложении авторов

2.1 Г-н Мюллер, ювелирный мастер, приехал в Намибию в июле 1995 года в качестве гостя, однако так привязался к стране, что решил обосноваться в городе Свакопмунд. Он приступил к работе в фирме "Энгельхард дизайн", производящей ювелирные изделия, основанной в 1993 году и принадлежащей г-же Энгельхард. Авторы вступили в брак 25 октября 1996 года. Прежде чем вступить в брак они прибегли к юридической консультации относительно возможности принятия супругом фамилии г-жи Энгельхард. Практикующий юрист сообщил им, что это возможно. После заключения брака они обратились к тому же практикующему юристу, чтобы завершить формальности по изменению фамилии. Им сообщили, что в то время как жена может взять фамилию супруга без каких-либо формальностей, супруг для изменения своей фамилии должен обратиться с ходатайством.

2.2 Закон об иностранцах № 1 1937 года (именуемый далее как Закон об иностранцах), пункт 1 раздела 9 с поправкой, внесенной указом Г.А. № 15 от 1989 года, гласит, что принятие другой фамилии, отличной от той, которое лицо приняло, которой оно себя называло или имело в паспорте до 1937 года, является преступлением, если на то нет разрешения Генерального администратора или должностного лица правительственного учреждения и если такое разрешение не было опубликовано в официальном бюллетене, или если такое принятие фамилии не подпадает под одно из перечисленных исключений. Исключением, записанным в пункте 1 а) раздела 9 Закона об иностранцах, является случай, когда женщина, вступая в брак, принимает фамилию своего супруга. Г-н Мюллер утверждает, что вышеназванный раздел нарушает его записанные в Конституции Намибии права на равенство перед законом и свободу от дискриминации на почве принадлежности к полу (статья 10), право на невмешательство в его личную жизнь и жизнь его семьи (пункт 1 статьи 13), его право на равенство при вступлении в брак и в период состояния в браке (пункт 1

¹ Факультативный протокол вступил в силу для Намибии 28 ноября 1994 года путем присоединения.

статьи 14) и его право на должную защиту его семейной жизни со стороны государства-участника (пункт 3 статья 14).

2.3 Далее г-н Мюллер утверждает, что имеется множество причин, по которым его супруга и он желают, чтобы он принял фамилию г-жи Энгельхард. Он утверждает, что его фамилия Мюллер чрезвычайно распространена в Германии и подтверждает это, сообщая для примера, что в телефонной книге города Мюнхена, откуда он родом, несколько страниц посвящено перечислению фамилии Мюллер и что только в телефонной книге города Мюнхена имеется 11 фамилий Мюллер с именем Михаэль. Он утверждает, что Энгельхард является гораздо более редкой фамилией и что эта фамилия играет важную роль для его супруги и для него, поскольку их бизнес приобрел репутацию под названием фирмы "Энгельхард дизайн". Было бы неразумным изменять название на "Мюллер-дизайн", поскольку эта фамилия невыразительна. Равным образом важно, чтобы производитель ювелирных изделий осуществлял свою коммерческую деятельность под каким-то одним именем, поскольку работа под одним именем предполагает, что изготовитель гордится своей работой и покупатель верит, что это обеспечивает более высокое качество мастерства. Г-н Мюллер утверждает, что, если бы он продолжал пользоваться своим именем, а его супруга своим, то покупатели и поставщики могли бы полагать, что он является одним из работников фирмы. Кроме того, г-н Мюллер и его супруга имеют дочь, которая носит фамилию Энгельхард, поэтому г-н Мюллер хотел бы иметь фамилию, одинаковую с фамилией его дочери, чтобы избежать недоброжелательных замечаний в ее адрес в связи с тем, что он не является ее отцом.

2.4 10 июля 1997 года г-н Мюллер обратился с жалобой в Верховный суд Намибии, утверждая, что пункт 1 раздела 9 Закона об иностранцах не имеет силы, поскольку его положения входят в противоречие с положениями Конституции в части права на равенство перед законом и свободу от дискриминации, права на личную жизнь, права на равенство при вступлении в брак и во время состояния в браке, а также в отношении права на семейную жизнь.

2.5 Г-жа Энгельхард подала аффидавит одновременно с подачей жалобы ее супругом, в котором она заявляет, что поддерживает эту жалобу и что она также желает, чтобы ее семья носила единую фамилию Энгельхард, а не фамилию Мюллер по причинам, изложенным ее супругом. Дело было прекращено 15 мая 1998 года с возложением судебных издержек на истца.

2.6 Апелляция г-на Мюллера в Верховный суд Намибии была отклонена 21 мая 1999 года с возложением судебных издержек на истца. Поскольку Верховный суд является высшим апелляционным судом в Намибии, авторы утверждают, что они исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Г-н Мюллер утверждает, что является жертвой нарушения статьи 26 Пакта, поскольку пункт 1 а) раздела 9 Закона об иностранцах препятствует принятию г-ном Мюллером фамилии его супруги без выполнения упомянутой процедуры ходатайства перед государственным учреждением, в то время как супруга, желающая принять фамилию своего мужа, может сделать это без выполнения данной процедуры. Равным образом, г-жа Энгельхард утверждает, что ее фамилия не может быть использована в качестве фамилии ее семьи без выполнения той же процедуры, нарушающей статью 26. Супруги утверждают, что этот раздел Закона недвусмысленно проводит различие дискриминационного характера между мужчинами и женщинами, поскольку женщины могут автоматически принять фамилии своих супругов при заключении брака в то время, как мужчины должны пройти для этого через определенные процедуры ходатайства. В случае когда мужчина желает принять фамилию своей супруги, он должен осуществить процедуру, которая предполагает следующее:

- i) он обязан поместить в двух следующих друг за другом публикациях официального бюллетеня и двух ежедневных газетах объявление установленной формы о его намерении и причинах изменить свою фамилию и обязан оплатить все связанные с этим расходы;

- ii) он должен передать заявление на имя Генерального администратора или уполномоченного им должностного лица правительственного учреждения;
- iii) комиссар полиции и магистрат района должны представить доклады в отношении автора;
- iv) любое неодобрение в адрес лица, ходатайствующего о принятии другой фамилии, должно быть приобщено к докладу магистрата;
- v) Генеральный администратор или уполномоченное им должностное лицо правительственного учреждения, опираясь на эти заявления и доклады, должны убедиться, что автор положительно характеризуется и что существует достаточная причина для принятия им другой фамилии;
- vi) заявитель должен оплатить установленные сборы и удовлетворить дополнительные требования, которые могут предписываться правилами.

3.2 Авторы ссылаются на рассмотренное Европейским судом по правам человека аналогичное дело *Бурхартц против Швейцарии*² о дискриминации. По этому делу Европейский суд вынес решение о том, что цель общей фамилии, отражающей семейный союз, может быть эффективно достигнута путем принятия в качестве фамилии семьи фамилии супруги, а также предоставления возможности супругу добавить свою фамилию и наоборот. Суд до вынесения определения о нарушении статей 14 и 8 Европейской конвенции по правам человека заявил также, что какой-либо устоявшейся традиции в данном вопросе не имеется, но что в любом случае Конвенцию следует всегда толковать в свете условий сегодняшнего дня, особенно с точки зрения значимости принципа недискриминации. Далее авторы ссылаются на Замечание общего порядка № 18³ Комитета, в котором он ясно заявляет, что любое различие, основанное на признаке пола, подпадает под понятие дискриминации, как оно толкуется в статье 26 Пакта, и что эта недопустимая дискриминация включает также то, что содержание закона не должно носить дискриминационный характер. Авторы утверждают, что с точки зрения толкования Комитетом статьи 26 Пакта, как это излагается в Замечании общего порядка № 18, пункт 1 а) раздела 9 Закона об иностранцах носит дискриминационный характер по отношению как к мужчинам, так и к женщинам.

3.3 Авторы утверждают, что они являются жертвами нарушения пункта 4 статьи 23 Пакта, поскольку пункт 1 раздела 9 Закона об иностранцах нарушает их права на равенство при вступлении в брак и во время состояния в браке, допускающей использование фамилии супруги в качестве фамилии семьи лишь при условии выполнения определенных формальностей, в то время как фамилия супруга может быть принята без выполнения этих формальностей. Авторы ссылаются на Замечание общего порядка № 19⁴ Комитета, в котором он отмечает по пункту 4 статьи 23 Пакта, что необходимо защищать право супруга или супруги продолжать носить свою первоначальную фамилию или наравне участвовать в выборе фамилии семьи.

3.4 Авторы, ссылаясь на правовую практику Комитета в случае *Кориел и другие против Нидерландов*⁵, утверждают о нарушении пункта 1 статьи 17, поскольку фамилия является одной из главных составляющих определения личности и что защита от произвольного и незаконного вмешательства в личную жизнь предполагает защиту права на выбор и изменение фамилии.

² См. European Court of Human Rights, judgement A280-B of 22 February 1994.

³ См. Замечание общего порядка № 18 от 10 ноября 1989 года, пункты 7 и 12.

⁴ См. Замечание общего порядка № 19 от 27 июля 1990 года, пункт 7.

⁵ См. Соображения по делу № 453/1991 от 31 октября 1994 года.

3.5 Что касается средства правовой защиты, то авторы добиваются от Комитета заявления о том:

- а) что были нарушены права авторов согласно Пакта;
- б) что положения пункта 1 а) раздела 9 Закона об иностранцах нарушают, в частности, статью 26, пункт 4 статьи 23 и пункт 1 статьи 17 Пакта;
- в) что Намибия должна незамедлительно разрешить г-ну Мюллеру принять фамилию г-жи Энгельхард без соблюдения положений Закона об иностранцах;
- г) что респонденты в Высоком суде Намибии и в Верховном суде Намибии не должны взыскивать судебные издержки, присужденные в этих судах в их пользу;
- е) и что Намибия должна внести поправки в пункт 1 раздела 9 Закона об иностранцах для приведения его в соответствие с вытекающими из Пакта обязательствами.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и существу сообщения

4.1 В своем представлении от 5 июня 2000 года государство-участник изложило свои замечания по вопросу о приемлемости сообщения, а в представлении от 17 октября 2000 года свои замечания по вопросу о приемлемости и по существу сообщения.

4.2 В отношении г-на Мюллера государство-участник подтверждает, что он исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, и что его заявление было рассмотрено Высоким судом Намибии, а апелляция - Верховным судом Намибии. Однако государство-участник отмечает, что автор обратился со своим заявлением непосредственно в суды без соблюдения положений Закона об иностранцах. Государство-участник далее утверждает, что Комитет не имеет ни власти, ни полномочий рассматривать утверждения автора в отношении конкретных средств правового регулирования, как это излагается в пункте 3.5 d) выше, поскольку автор во внутренних исках не утверждает, что Верховный суд не компетентен присуждать судебные издержки, как и не утверждает, что законы Намибии в отношении присуждения судебных издержек национальными судами нарушают Конституцию Намибии или вытекающие из Пакта обязательства Намибии.

4.3 В отношении г-жи Энгельхард государство-участник считает, что она не исчерпала внутренние средства правовой защиты и не представила каких-либо разъяснений, почему она не сделала этого. В этой связи оно заявляет, что сообщение г-жи Энгельхард неприемлемо согласно статье 5 (2) b) Факультативного протокола и что ответ государства-участника по существу не имеет отношения к ее претензиям.

4.4 Что касается утверждения автора о нарушении статьи 26 Пакта, то государство-участник полагает, что оно не оспаривает факт того, что пункт 1 раздела 9 Закона об иностранцах проводит различие между мужчинами и женщинами. Однако оно заявляет, что это различие разумно обосновано его предназначением выполнять важные социальные, экономические и правовые функции. Фамилия используется для определения личности для таких целей, как социальное обеспечение, страхование, лицензирование, брак, наследование, голосование, избрание, паспорт, налоги и для государственных архивов, и в силу этого является одной из важных составляющих определения личности, см. дело *Кориел и др. против Нидерландов*. Раздел 9 Закона об иностранцах реализует давно сложившуюся традицию намибийского общества, которая предполагает, что супруга обычно принимает фамилию своего супруга, и с момента вступления в силу в 1937 году Закона об иностранцах ни один супруг не выразил желания взять фамилию супруги. Цель различия, проводимого Законом об иностранцах, заключается в достижении правовой защиты и четкого определения личности, и в силу этого основываются на разумных и объективных критериях.

4.5 Далее утверждается, что пункт 1 раздела 9 Закона об иностранцах не препятствует намерению г-на Мюллера принять фамилию его супруги, а предусматривает обычную и несложную процедуру, которая позволит автору осуществить его желание. Данный случай отличается от дела *Бургхарц против Швейцарии* в том, что в последнем случае автор не располагал средствами правовой защиты для принятия его фамилии, присоединенной к фамилии его супруги через дефис.

4.6 Государство-участник утверждает, что статья 26 Пакта характеризуется одним из элементов, относящихся к несправедливому, нечестному и неприемлемому обращению, который не применим в деле автора, равным образом как не утверждалось, что цель положений пункта 1 раздела 9 Закона об иностранцах состояли в том, чтобы поразить в правах мужчин в Намибии индивидуально или как группу.

4.7 В ответ на претензию автора, затрагивающую пункт 4 статьи 23 Пакта, государство-участник утверждает, что, согласно этой статье и толкованию Комитета, содержащемуся в *Замечании общего порядка 19*, закон Намибии позволяет автору участвовать на равной основе с его супругой в выборе новой фамилии, однако он должен осуществить это в соответствии с установленными процедурами.

4.8 В отношении претензии г-на Мюллера по пункту 1 статьи 17 Пакта государство-участник полагает, что записанное в статье право лишь защищает автора от произвольного, т.е. неразумного и бесцельно иррационального или незаконного вмешательства в его личную жизнь. Рассматривая назначение положений пункта 1 раздела 9 Закона об иностранцах, как это дается выше, ввиду того, что автор может изменить свою фамилию, если он желает этого, этот закон не является неразумным и не противоречит обязательствам государства-участника, вытекающим из положений пункта 1 статьи 17.

4.9 Государство-участник оспаривает избранные автором средства правовой защиты.

Комментарии автора

5.1 Представлением от 5 марта 2001 года автор ответил на замечания государства-участника.

5.2 Г-н Мюллер не оспаривает того, что он мог бы подать заявление об изменении своей фамилии в соответствии с положениями Закона об иностранцах. Однако он утверждает, что процедура, требуемая для мужчин, желающих изменить свою фамилию, является дискриминационной. Таким образом, было бы неправильным соблюдать эту предписываемую процедуру.

5.3 Что касается утверждения государства-участника о том, что г-жа Энгельхард не исчерпала все имеющиеся внутренние средства правовой защиты, то автор утверждает, что было бы бесполезным для нее подавать иск в суд отдельно от иска ее супруга, поскольку ее иск не отличался бы от первого иска, отклоненного Верховным судом Намибии. Авторы ссылаются на правовую практику Комитета по делу *Барзиг против Франции*⁶, в котором Комитет заявляет, что нет необходимости исчерпывать все имеющиеся внутренние средства правовой защиты в случае, когда иск будет неизбежно отклонен или когда позитивному исходу препятствует установившаяся правовая практика высшего внутреннего суда. Далее утверждается, что г-жа Энгельхард поддерживала заявление ее супруга на протяжении всех внутренних правовых процедур, и, таким образом, ее правовое и фактическое положение было известно внутренним судам.

5.4 В отношении статьи 26 утверждается, что, поскольку имеет место различие, основывающееся исключительно на признаке пола, именно поэтому причина применения положений статьи 26 должна быть чрезвычайно весомой и актуальной. Следует рассмотреть вопрос о том, имеют ли цели, провозглашенные государством-участником, достаточно серьезный характер, для того чтобы оправдать это основывающееся на признаке пола различие. Не оспаривается то, что фамилия лица

⁶ См. Соображения по делу № 327/1988, приняты 11 апреля 1991 года.

является существенной составляющей его личности, но утверждается, что именно поэтому право партнеров в браке избрать одну из фамилий в качестве фамилии семьи, нуждается в самой надежной защите.

5.5 Кроме того, ссылки государства-участника на "давно сложившуюся традицию" не оправдывают проведения этого различия, поскольку оно появилось лишь в середине XIX века, и с учетом решения Европейского суда по делу *Бурхардс против Швейцарии*, толкование необходимо давать в свете сегодняшних условий, особенно ввиду важности принципа недискриминации. В качестве примера того, что традиция не должна способствовать дискриминационным законам и практике, автор ссылается на *апартеид* как прежний традиционный подход Южной Африки к промульгированию законов, направленных на увековечение процесса расовой дискриминации.

5.6 Заявляется, что утверждения государства-участника о том, что сохранение такого различия в положениях пункта 1 раздела 9 Закона об иностранцах служит интересам государственной администрации и обществу в целом не является логически обоснованной целью, поскольку эти интересы не пострадали бы, если бы супруги, вступая в брак, располагали выбором, чью из их фамилий взять в качестве фамилии семьи.

5.7 Авторы утверждают, что процедура, предусматриваемая для мужчины, который хотел бы взять фамилию своей супруги, не столь проста, как это утверждается государством-участником, и ссылаются на вышеизложенную процедуру (пункт 3.1).

5.8 Авторы также ссылаются на решение Европейского суда по правам человека по делу *Стьерна против Финляндии*⁷, по которому суд заявляет, что "для целей статьи 14 [Европейской конвенции по правам человека] различие в обращении является дискриминационным, если оно не имеет объективного и разумного обоснования, т.е. если оно не преследует законной цели..."; они утверждают, что отсутствует какое-либо разумное обоснование оспариваемого ими различия. Они утверждают, что пункт 1 раздела 9 Закона об иностранцах увековечивает "давно сложившуюся традицию" сведения женщины до подчиненного статуса во время состояния в браке.

5.9 В связи с утверждениями государства-участника, касающимися Замечания общего характера 19 по статье 23 Пакта, утверждается, что ее толкование следует расширить для включения не только вопроса выбора фамилии семьи, но также пути реализации такого выбора. В этой связи авторы утверждают, что заявление супруга об изменении его фамилии может или не может быть положительно рассмотрено министром внутренних дел, например в случае, когда заявитель не может покрыть расходы, связанные с помещением объявлений или уплатой установленных сборов.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать претензии, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека должен, в соответствии с правилом 87 правил процедуры, решить вопрос о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 В связи со всеми предположительными нарушениями Конвенции, представленными г-ном Мюллером, Комитет отмечает, что эти вопросы были полностью рассмотрены в соответствии с внутренними процедурами и что государство-участник подтвердило, что г-н Мюллер исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Таким образом, согласно пункту 2 статьи 5 Факультативного протокола, в отношении дела г-на Мюллера не существует каких-либо препятствий к признанию сообщения приемлемым.

6.3 В связи с исками, поданными г-жой Энгельхард, государство-участник утверждает, что не были исчерпаны все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Даже если бы г-жа Энгельхард

⁷ См. European Court of Human Rights, judgement A299B of 25 November 1994, para. 48.

могла добиться рассмотрения ее иска судебной системой Намибии одновременно с иском ее супруга или отдельно, ее иск, будучи аналогичным иску г-на Мюллера, был бы неизбежно отклонен, как был отклонен иск г-на Мюллера в высшей судебной инстанции Намибии. Комитет располагает сложившейся правовой практикой⁸, в силу которой автору необязательно продолжать использовать средства правовой защиты, которые неоспоримо неэффективны, и в этой связи он приходит к выводу, что утверждения г-жи Энгельхард приемлемы согласно пункту 2 статьи 5 Факультативного протокола. Несмотря на то, что государство-участник воздержалось от комментариев по существу претензий г-жи Энгельхард, Комитет полагает, что государство-участник не испытывает каких-либо помех на пути рассмотрения существа этого дела также в отношении ее исков, поскольку речь идет о совершенно идентичных правовых вопросах, касающихся обоих авторов.

6.4 Комитет также удостоверился в том, что этот вопрос не рассматривался в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.5 В этой связи Комитет решает, что сообщение приемлемо, поскольку оно может затрагивать вопросы, подпадающие под положения статьи 26, пункта 4 статьи 23 и пункта 1 статьи 17 Пакта.

6.6 Комитет рассмотрел суть утверждений автора в свете всей предоставленной ему сторонами информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

6.7 В отношении утверждения авторов в связи со статьей 26 Пакта Комитет отмечает неоспариваемый сторонами дела факт, что пункт 1 раздела 9 Закона об иностранцах проводит основанное на признаке пола различие в связи с правом мужчины или женщины принять фамилию другого супруга в браке. Комитет подтверждает вновь свою сложившуюся правовую практику, что право на равенство перед законом и на равную защиту закона без какой-либо дискриминации не делает все различия в обращении дискриминационными. Различие, основанное на разумных и объективных критериях, не означает недопустимой дискриминации по смыслу статьи 26⁹. Однако различное обращение, основанное на одном из конкретных оснований, перечисленных в пункте 2 статьи 26 Пакта, возлагает трудную задачу по разъяснению причины дифференциации на государство-участник. Таким образом, Комитет должен решить, могут ли доводы, объясняющие эту дифференциацию на гендерной основе, как об этом говорится в пункте 1 раздела 9, снять обвинение в том, что такая дифференциация носит дискриминационный характер.

6.8 Комитет отмечает аргумент государства-участника о том, что предназначение положений пункта 1 раздела 9 Закона об иностранцах состоит в достижении законных социальных и правовых целей, в частности в обеспечении правовой безопасности. Далее Комитет отмечает, что представление государства-участника о том, что различие, проводимое положениями раздела 9 Закона об иностранцах, опирается на давно сложившуюся традицию, в силу которой женщины в Намибии принимают фамилию своих супругов, в то время как на практике мужчины до сих пор ни разу не выразили желания принять фамилию супруги; таким образом, закон, сталкиваясь с нормальным положением дел, просто отражает общепринятую в намибийском обществе практику. Это обычное желание супружеской пары принять в качестве фамилии семьи фамилию супруги могло быть легко принято во внимание путем подачи заявления об изменении фамилии в соответствии с процедурами, предусмотренными Законом об иностранцах. Однако Комитет не понимает, почему основанный на признаке пола подход, предусматриваемый пунктом 1 раздела 9 Закона об иностранцах, может служить цели создания правовой безопасности, поскольку выбор фамилии супруги может быть зарегистрирован, равно как и выбор фамилии супруга. Ввиду важности принципа равенства между мужчинами и женщинами аргумент давно сложившейся традиции не может быть принят в качестве общего оправдания различного подхода к мужчинам и женщинам, который противоречит Пакту. Обусловливание возможности выбора фамилии супруги в качестве

⁸ *Барзик против Франции.*

⁹ *См. Даннинг против Нидерландов*, дело № 180/1984, соображения приняты 2 апреля 1987 года.

фамилии семьи более жесткими и гораздо более громоздкими правилами, чем альтернатива этому (выбор фамилии супруга), не может рассматриваться в качестве разумного; в любом случае аргумент в пользу проведения различия недостаточно серьезен для того, чтобы перевесить повсеместно упрямый подход, основанный на гендерном признаке. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что авторы явились жертвами дискриминации и нарушения положений статьи 26 Пакта.

6.9 В свете выводов Комитета об имевшем место нарушении статьи 26 Пакта Комитет считает, что нет необходимости высказываться в отношении возможного нарушения статей 17 и 23 Пакта.

7. Комитет по правам человека, действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что факты, которыми он располагает, указывают на нарушение статьи 26 Пакта.

8. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить авторам эффективные средства правовой защиты, избегая любую дискриминацию в отношении выбора общей для них фамилии. Государству-участнику также следует воздержаться от взыскания с супругов судебных издержек Верховного суда или, если их уже взыскали, возратить соответствующую денежную сумму.

9. С учетом того, что присоединение государства-участника к Факультативному протоколу означает признание им компетенции Комитета выносить решение по факту наличия или отсутствия какого-либо нарушения Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права, и гарантировать действенное и осуществимое средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом Соображений.

Сообщение № 930/2000

Представлено: Хендриком Винатой и Со Лан Ли [представлены адвокатом]

Предполагаемые жертвы: авторы сообщения и их сын Барри Вината

Государство-участник: Австралия

Дата принятия Соображений: 21 июля 2001 года

Тема сообщения: Разрыв семейных отношений в результате высылки родителей ребенка из государства-участника

Процедурные вопросы: Отсутствуют

Вопросы существа: Произвольное и незаконное вмешательство в семейную жизнь - Защита семьи - Защита ребенка

Статьи Пакта: 17; пункт 1 статьи 23; и пункт 1 статьи 24

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: Отсутствуют

Вывод: Наличие нарушения

1. Авторами сообщения от 4 мая 2000 года являются Хендрик Вината, родившийся 9 ноября 1954 года, и Со Лан Ли, родившаяся 8 декабря 1957 года; в прошлом они были индонезийскими гражданами, однако в настоящее время являются апатридами; они также выступают от имени своего сына Барри Винаты, родившегося 2 июня 1988 года и являющегося гражданином Австралии. Авторы утверждают, что предлагаемое переселение родителей из Австралии в Индонезию будет представлять

собой нарушение государством-участником статьи 17, пункта 1 статьи 23 и пункта 1 статьи 24 Пакта. Их интересы представляет адвокат.

Представленные факты

2.1 24 августа 1985 года и 6 февраля 1987 года г-н Вината и г-жа Ли прибыли в Австралию по туристической и студенческой визам, соответственно. По истечении срока действия их виз, соответственно 9 сентября 1985 года и 30 июня 1988 года, они продолжали проживать в Австралии нелегально. Г-н Вината и г-жа Ли познакомились в Австралии и установили де-факто супружеские отношения; в настоящее время они имеют 13-летнего сына Барри, родившегося 2 июня 1988 года в Австралии.

2.2 2 июня 1998 года по праву своего рождения в стране и проживания в течение десяти лет Барри получил австралийское гражданство. 3 июня 1998 года г-н Вината и г-жа Ли обратились с совместным заявлением о выдаче визы на вынужденное пребывание в стране в министерство иммиграции и по делам этнических групп (МИДЭГ) на основании того, что они могут быть подвергнуты преследованию в Индонезии из-за своего китайского этнического происхождения и католического вероисповедания. 26 июня 1998 года представитель министерства отказал им в выдаче такой визы.

2.3 15 октября 1998 года¹ представитель г-на Винаты и г-жи Ли в Джакарте обратился в австралийское посольство с просьбой о выдаче им разрешения на пребывание в Австралии на основании "визы, выдаваемой родителям, в соответствии с подпунктом 103". Одним из требований для выдачи такой визы (в настоящее время предоставляется 500 таких виз ежегодно) является факт нахождения просителя за пределами Австралии на момент предоставления визы. По мнению адвоката, г-ну Винате и г-же Ли, судя по всему, пришлось бы ждать несколько лет, прежде чем они смогли бы вернуться в Австралию по визам, выдаваемым родителям.

2.4 25 января 2000 года суд по рассмотрению дел, касающихся беженцев (СРДБ), оставил в силе постановление МИДЭГ об отказе в выдаче визы на вынужденное пребывание в стране. СРДБ, изучив права авторов на получение статуса беженцев в соответствии со статьей 1А(2) Конвенции о статусе беженцев (с внесенными в нее поправками), установил, что, даже если г-н Вината и г-жа Ли могли утратить свое индонезийское гражданство из-за их отсутствия в этой стране в течение столь длительного времени, у них не должно возникнуть особых препятствий для его восстановления². Кроме того, на основании последних сообщений из Индонезии СРДБ счел, что, хотя вероятность пострадать в результате религиозного конфликта полностью не исключается, положение в Индонезии улучшается и что возможность какого-либо преследования в данном случае является минимальной. СРДБ особо отметил, что его задача ограничивается исключительно рассмотрением наличия у беженцев прав на получение визы в связи с вынужденным пребыванием в стране и что он не может принимать к сведению свидетельства более широкого характера, касающиеся жизни семьи в Австралии.

2.5 Проконсультировавшись у юриста и узнав, что любое ходатайство о судебном пересмотре решения СРДБ не имеет перспектив, г-н Вината и г-жа Ли не стали обжаловать это решение. Поскольку установленный законом и составляющий 28 дней невозобновляемый срок подачи апелляции со дня принятия решения истек, г-н Вината и г-жа Ли не могут воспользоваться этой возможностью.

¹ Согласно хронологии государства-участника, датой этого события является 20 октября 1998 года.

² Авторы не оспаривают, что восстановление индонезийского гражданства будет связано с какими-либо проблемами.

2.6 20 марта 2000 года³ г-н Вината и г-жа Ли обратились к министру иммиграции и по делам этнических групп с просьбой о положительном решении их вопроса, исходя из принципов сочувствия и сострадания⁴. В заявлении, в котором, среди прочего, делалась ссылка на статьи 17 и 23 Пакта, приводились "веские аргументы эмоционального характера" и утверждалось, что "если они не будут приняты во внимание, это приведет к причинению непоправимого ущерба и непрекращаемых страданий австралийской семье". К заявлению был приложен текст заключения психиатра на двух с половиной страницах, в котором приводились сведения об авторах и о возможных последствиях их переселения в Индонезию⁵. 6 мая 2000 года министр принял решение не применять своих дискреционных полномочий⁶.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что их переселение в Индонезию приведет к нарушению предусмотренных в статье 17, в пункте 1 статьи 23 и в пункте 1 статьи 24 прав всех трех предполагаемых жертв.

3.2 Ссылаясь на предусмотренную в статье 17 защиту от произвольного или незаконного вмешательства в семейную жизнь, авторы утверждают, что их фактические отношения признаются австралийским правом, включая положения, регулирующие вопросы миграции, и что их отношения будут, несомненно, признаны в австралийских судах. Узы, объединяющие их с Барри, также будут признаны Австралией в качестве "семейных". Опираясь на заключение психиатра, они утверждают, что между ними существует активная и эффективная семейная связь.

3.3 По мнению авторов, выселение, в результате которого родители разлучаются с находящимся у них на иждивении ребенком, что, согласно их утверждению, может произойти в случае, если Барри останется в Австралии, является "вмешательством" в жизнь их семьи. Согласившись с тем, что выселение г-на Винаты и г-жи Ли является законным в рамках внутреннего права страны в силу Закона о миграции, авторы ссылаются на Замечание общего порядка 16, в котором предусматривается, что любое вмешательство должно также соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и являться обоснованным в конкретных обстоятельствах.

3.4 Авторы утверждают, что, если они будут подвергнуты выселению из страны, они смогут избежать расставания с Барри только в том случае, если он вместе с ними уедет из страны и переселится в Индонезию. Однако они утверждают, что Барри полностью интегрирован в австралийское общество, не знает ни индонезийского, ни китайского языков и не имеет культурных связей с Индонезией, поскольку он всегда проживал в Австралии. В заключении психолога говорится, что "Барри является австралийским ребенком китайского происхождения, для которого характерны качества, присущие жителю Западного Сиднея, где проживают представители различных культур, и что в силу сформировавшегося у него на основе наилучших проявлений этой культуры и

³ Согласно хронологии государства-участника, датой этого события является 20 октября 1998 года.

⁴ Согласно статье 417 Закона о миграции, министр может заменить решение СРДБ на более благоприятное, если он сочтет, что это соответствует государственным интересам.

⁵ В заключении, которое хранится в секретариате, в отношении проживания семьи в Австралии указано, что i) Барри имеет нормальное воспитание и образование, у него есть "несколько достаточно близких друзей", он понимает индонезийский язык (но явно не говорит на нем) и что ii) в семье существуют прочные и тесные связи в соответствии с христианской традицией, при этом семья является открытой и поддерживает дружественные связи с представителями других культур, возникшие в результате ее трудовой деятельности, церковной и социальной жизни. Кроме того, в заключении упоминаются проблемы беженцев, касающиеся истории данной семьи, которые не затрагиваются в представленном сообщении.

⁶ Авторы были поставлены в известность о решении министра 17 мая 2000 года, после того, как сообщение было представлено Комитету 11 мая 2000 года.

субкультуры характера в Индонезии он окажется в полной изоляции и подвергнется значительному риску". С другой стороны, авторы считают неразумным и крайне опасным разрушать семью и оставлять Барри на произвол судьбы в Австралии, если они будут вынуждены его там оставить по причине возвращения в Индонезию. Авторы считают, что в любом случае их выселение будет произвольным и необоснованным.

3.5 В своих выводах авторы опираются на правовую практику Европейского суда по правам человека, который в своем толковании аналогичной статьи 8 Европейской конвенции в целом занимает ограничительную позицию по отношению к лицам, желающим переселиться в какую-либо страну в целях "создания семьи", однако проявляет более либеральный подход по отношению к уже находящимся в стране семьям. Авторы настоятельно призывают Комитет занять аналогичную позицию и утверждают, что статья 17 Пакта наделяет авторов большими правами, чем статья 8 Европейской конвенции, поскольку предусмотренное в ней положение не ограничено какими-либо условиями и поэтому право личности на семейную жизнь имеет первостепенное значение и не должно противопоставляться праву любого государства вмешиваться в семейную жизнь.

3.6 В отношении статей 23 и 24 авторы не приводят какой-либо конкретной аргументации, помимо замечания о том, что формулировка статьи 23 является более сильной, чем статьи 12 Европейской конвенции, и что в статье 24 содержатся конкретные положения о защите прав ребенка как такового и как одного из членов семьи.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 Государство-участник утверждает, что жалобы авторов являются неприемлемыми, что авторы не исчерпали внутренних средств правовой защиты, что их жалобы не соответствуют положениям Пакта и (отчасти) не являются достаточно обоснованными.

4.2 В отношении средств правовой защиты государство-участник утверждает, что авторами не были исчерпаны три доступных им и эффективных средства. Во-первых, авторы не обратились в Федеральный суд с ходатайством о судебном пересмотре решения СРДБ от 25 января 2000 года (с последующей возможностью подачи апелляции), что предусмотрено в Законе о миграции. Хотя к настоящему моменту срок подачи такой апелляции уже истек, государство-участник ссылается на решение Комитета в отношении сообщения *Н.С. против Канады*⁷ о том, что неисчерпание какого-либо средства правовой защиты в установленные сроки означает, что имеющиеся внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были. Во-вторых, авторы могли бы в порядке использования конституционного средства правовой защиты обратиться в Высокий суд, который мог бы вынести постановление о том, чтобы СРДБ пересмотрел данное дело в соответствии с существующим законом в случае установления юридической ошибки. Государство-участник ссылается на правовую практику Комитета, согласно которой сомнения в эффективности средства правовой защиты не освобождают авторов от необходимости их использования. Помимо предоставленной авторам юридической рекомендации о том, что их ходатайство о судебном пересмотре не имеет перспективы на успешное решение, основания считать, что авторы убедительно доказали неэффективность таких средств, отсутствуют.

4.3 Наконец, государство-участник отмечает, что авторы обратились за визой, выдаваемой родителям. И, хотя авторам пришлось бы покинуть страну на период оформления визы и ждать своей очереди вместе с другими просителями, период такого ожидания не являлся бы бесконечным. Барри мог бы проживать с авторами в Индонезии и ожидать вместе с ними выдачи виз или продолжать свое школьное обучение в Австралии.

4.4. По поводу несоответствия сообщения положениям Пакта государство-участник считает, что утверждения авторов не имеют отношения к признаваемым Пактом правам. Государство-участник

⁷ Сообщение 26/1978, признанное неприемлемым 28 июля 1978 года.

утверждает, что в пункте 1 статьи 12 и в статье 13 Пакта признается право государств-участников регулировать доступ иностранцев на свои территории. Если авторы будут высланы из Австралии, это будет связано с тем фактом, что они нелегально оставались в Австралии по истечении срока действия их виз. Пакт не гарантирует авторам права оставаться в Австралии или создавать там семью после того, как они сознательно и незаконно проживали в Австралии.

4.5 В отношении необоснованности утверждений государство-участник полагает, что в связи с пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 авторами были представлены недостаточные доказательства в подтверждение их утверждений. Авторы просто утверждают, что государство-участник нарушит эти положения, если заставит их покинуть страну, однако они не приводят никаких подробностей в отношении этих утверждений. Государство-участник заявляет, что сообщение не раскрывает сути этих конкретных утверждений; при этом остается неясным, какое отношение к ним имеют приводимые доказательства. Изложенные факты и аргументация в их подтверждение относятся только к статье 17.

4.6 В отношении существа жалобы по статье 17 государство-участник сразу же приводит свое толкование рамок применения права, содержащегося в этой статье. В отличие от соответствующего положения Европейской конвенции применение статьи 17 не ограничивается "необходимыми" условиями, которые должны быть соблюдены для достижения перечисленных в статье целей, а является более гибким и должно быть прежде всего рациональным, но не произвольным для достижения установленной Пактом цели. Государство-участник ссылается на заложенный в Пакте принцип "*travaux préparatoires*", цель которого заключается в том, чтобы не устанавливать излишних ограничений для государств-участников в форме какого-либо перечня исключений из статьи 17, а предоставить им возможность самим определять, каким образом данный принцип должен осуществляться на практике⁸.

4.7 Что касается рассматриваемого дела, то государство-участник, хотя и не возражает против того, чтобы считать авторов "семьей", настаивает на том, что выселение авторов не будет представлять собой "вмешательства" в их семейную жизнь и что в любом случае подобная мера в данных обстоятельствах не будет являться произвольной или необоснованной.

4.8 Что касается "вмешательства", то государство-участник утверждает, что в случае, если авторам придется покинуть страну, оно не будет устанавливать никаких препятствий для того, чтобы Барри мог вместе с ними выехать в Индонезию, где семья сможет продолжить совместное проживание. Доказательств того, что они не смогут жить вместе одной семьей, не существует, и СРДБ не установил никаких фактов, подтверждающих, что им угрожает преследование. Хотя государство-участник, и признает, что в этом случае Барри придется прервать свое образование, оно утверждает, что это не представляет собой "вмешательства в семейную жизнь"⁹. Оно отмечает, что переезд детей всех возрастов вместе с родителями в другие страны по различным причинам, является обычным явлением.

4.9 Государство-участник отмечает, что, помимо родителей, у Барри нет родственников в Австралии, в то время как в Индонезии у него имеется большое количество близких родственников, с которыми авторы поддерживают отношения и которые могут только укрепить семейную жизнь Барри. Поэтому, по мнению государства-участника, положения Пакта, также как и Европейской

⁸ Bossuyt, *Guide to the "Travaux Préparatoires" of the International Covenant on Civil and Political Rights* (1987), at 347.

⁹ Государство-участник ссылается на решение Европейской комиссии по правам человека по делу *Family X v. United Kingdoms* (Decisions and Reports of the European Commission of Human Rights 30 (1983)), которая постановила, что, если в результате депортации родителей сын не сможет продолжать обучение в Соединенном Королевстве, это не является вмешательством в семейную жизнь и нарушением права на уважение семейной жизни.

конвенции, не должны истолковываться как гарантирующие семейную жизнь в какой-либо конкретной стране, а как обеспечивающее право на эффективную семейную жизнь, независимо от страны проживания.

4.10 С другой стороны, если Барри останется жить в Австралии, семья сможет посещать его и в любом случае поддерживать с ним связь. В такой ситуации находятся многие дети, обучающиеся в школах-интернатах, и подобная разлука не означает разрушения семьи. В любом случае, решение о том, какой из имеющихся вариантов следует избрать, должно быть принято прежде всего родителями, а не являться следствием каких-либо действий со стороны государства-участника, равносильных "вмешательству". Кроме того, независимо от того, какое решение будет принято, государство-участник не будет предпринимать каких-либо действий, препятствующих продолжению и развитию семейных отношений.

4.11 Государство-участник утверждает, что, даже если выселение семьи будет сочтено вмешательством, такое действие не будет являться произвольным. Авторы прибыли в Австралию по краткосрочным визам и отдавали себе полный отчет в том, что им придется покинуть Австралию по истечении срока действия виз. Их выселение будет являться результатом того, что заявители оставались в стране по истечении срока действия их виз, которые, как им было известно, предусматривали лишь временное проживание в стране, в то время как они незаконно находились в Австралии в течение более 10 лет¹⁰. Законы, предусматривающие их выселение в данных обстоятельствах, хорошо известны, и их применение является обычной практикой. Действие законов, регулирующих процедуру выселения, является однозначным и предсказуемым, поскольку они являются обоснованным и пропорциональным средством достижения предусмотренной Пактом законной цели установления контроля над иммиграцией.

4.12 В данных обстоятельствах к моменту рождения Барри авторам было известно о наличии опасности того, что им, возможно, не удастся остаться в Австралии и воспитывать там Барри. Авторы не сообщают о каких-либо существенных препятствиях, в силу которых семья не смогла бы обосноваться в Индонезии, и, если они пожелают, они могут восстановить свое индонезийское гражданство. Оба автора окончили школу в Индонезии, разговаривают, читают и пишут на индонезийском языке, а также работали в Индонезии. Они вместе с другими членами семьи в состоянии воспитывать Барри в стране, язык и культура которой им знакомы. Поскольку Барри достаточно хорошо понимает индонезийский язык, то любые языковые проблемы для него будут относительно незначительными, и, учитывая его юный возраст, их преодоление не составит для него большого труда. Если авторы решат, что ему лучше остаться в Австралии, он сможет поддерживать контакты с родителями и иметь доступ ко всем видам помощи, предоставляемой детям, разлученным с родителями.

4.13 Еще одним подтверждением обоснованности решения о выселении является тот факт, что ходатайство авторов о предоставлении им виз на вынужденное проживание в стране рассматривалось на основании представленных ими фактов в соответствии с законом, устанавливающим общепринятые и объективные критерии, основанные на международных обязательствах Австралии и подтвержденные в ходе обжалования. Ходатайства авторов о предоставлении им виз будут рассмотрены в установленном порядке в соответствии с законом, и вполне очевидно, что просьба авторов будет рассмотрена в порядке очередности вместе с другими аналогичными заявлениями.

4.14 Государство-участник ссылается на правовую практику Комитета, и в частности на его решения об отсутствии нарушений статьи 17 (или статьи 23) в случаях депортации, когда у авторов имелись семьи в принимавшей их стране¹¹. Кроме того, особое значение приобретает факт наличия у

¹⁰ Данный 10-летний период не включает в себя срока, в течение которого авторам было разрешено находиться в Австралии для решения вопроса о легализации их статуса.

¹¹ *Стюарт против Канады* (сообщение 538/1993) и *Канена против Канады* (сообщение 558/1993).

какого-либо лица законного основания для продолжения семейной жизни на территории конкретного государства. Европейский суд, принимая решения по находящимся на его рассмотрении делам, поддерживает такое различие между случаями семей, проживающих в каком-либо государстве на законных основаниях, и случаями семей, проживающих незаконно.

4.15 Так, в деле *Буханеми против Франции*¹² Европейский суд признал, что депортация заявителя, незаконно проживавшего во Франции, не нарушает статьи 8, несмотря на то, что во Франции у него имелась семья. По делу *Крус Варас против Швеции*¹³ Суд также признал высылку нелегальных иммигрантов отвечающей положениям статьи 8. В деле *Бучелка против Франции*¹⁴, в котором истец *незаконно* вернулся во Францию после депортации и создал семью (включая рождение дочери), Суд не обнаружил нарушения статьи 8 в связи с его повторной депортацией. Напротив, в деле *Беррехаб против Нидерландов*¹⁵ Суд установил, что было допущено нарушение, когда отец малолетнего ребенка был выслан из страны проживания ребенка, в которой отец проживал *законно* в течение ряда лет¹⁶.

4.16 В этой связи, по мнению государства-участника, факт незаконного создания семьи на территории государства является обстоятельством, которое следует рассматривать как наделяющее данное государство возможностью принимать соответствующие действия, которые в том случае, если бы семья проживала в этом государстве на законных основаниях, могли бы рассматриваться как нарушение статьи 17. Как отметил Европейский суд, статья 8 Европейской конвенции не гарантирует наиболее подходящего места для проживания¹⁷, и супружеская пара не может выбирать место для проживания своей семьи, оставаясь *незаконно* в государстве, в котором она хотела бы создавать свою семью и иметь детей. Из этого следует, что авторы, проживая в Австралии незаконно и полностью осознавая опасность того, что им, возможно, не удастся остаться и создать семью в Австралии, не могут рассчитывать на проживание в Австралии, и их выселение не является произвольным и не нарушает статьи 17.

4.17 В отношении пункта 1 статьи 23 государство-участник упоминает об основных гарантиях, предусмотренных данной статьей¹⁸. Оно отмечает, что семья является основополагающей ячейкой общества, и ее важность заслуживает полного и безоговорочного признания, включая наделение родителей правом запрашивать визы, позволяющие им проживать вместе с детьми в Австралии (как это сделали авторы), а также предоставление родителям особых привилегий по сравнению с другими иммигрантами. Статья 23, так же как и статья 17, должна истолковываться с учетом права Австралии, предусмотренного международным правом, принимать разумные меры по контролю за допуском, проживанием и выселением иностранцев. Поскольку СРДБ установил, что авторы не являются беженцами и что реальной угрозы для их проживания в Индонезии нет¹⁹, и поскольку Барри

¹² (1996) 22 EHRR 228.

¹³ Решение от 20 марта 1991 года (дело 46/1990/237/307).

¹⁴ Решение от 27 января 1997 года.

¹⁵ (1998) 11 EHRR 322.

¹⁶ Государство-участник отмечает, что в этом случае, в отличие от обстоятельств рассматриваемого дела, в результате предложенного решения *родителям* ребенка пришлось бы проживать в разных странах.

¹⁷ *Ahmut v. The Netherlands* (Application No. 21702/93, judgment of 28 November 1996).

¹⁸ Nowak, *United Nations Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary*, NP Engel (1993) at 460.

¹⁹ По сообщению государства-участника, ходатайство о получении статуса беженца свидетельствует о том, что г-н Вината никогда не подвергался аресту, задержанию, тюремному заключению, допросу или жестокому обращению в Индонезии, а его имуществу не наносился ущерб.

может, по усмотрению родителей, оставаться в Австралии и продолжать образование или вернуться в Индонезию, в случае возвращения существование семьи не окажется под угрозой и ей не будет нанесен ущерб.

4.18 В отношении пункта 1 статьи 24 государство-участник ссылается на ряд законодательных мер и программ, особо предназначенных для защиты детей и предоставления помощи детям, относящимся к категории риска²⁰. Выселение авторов из Австралии не является мерой, направленной против Барри, который в качестве австралийского гражданина (только с июля 1998 года) имеет право проживать в Австралии, независимо от того, где живут его родители. Выселение авторов будет скорее последствием их незаконного проживания в Австралии, чем отсутствием достаточных мер для защиты ребенка. Когда Барри родился, авторам было хорошо известно о том, что когда-нибудь им придется вернуться в Индонезию.

4.19 Государство-участник утверждает, что выселение авторов не связано с отказом предоставить надлежащую защиту Барри как несовершеннолетнему, и не причинит ему ущерба. Как представитель министерства иммиграции и по вопросам этнических групп, так и СРДБ установили, что опасность преследования авторов в Индонезии является маловероятной и что каких-либо доказательств в подтверждение того, что Барри столкнется с какой-либо значительной опасностью преследования, если он вместе с родителями отправится в Индонезию, представлено не было.

4.20 Ссылаясь на свою аргументацию в отношении статьи 17 по вопросу о "вмешательстве" в семейную жизнь, государство-участник настаивает на отсутствии каких-либо значительных препятствий, мешающих Барри продолжать нормальную жизнь вместе со своей семьей в Индонезии. Государство-участник не согласно с мнением психиатра о том, что, если Барри будет выслан из страны вместе с авторами, он "окажется в полной изоляции и подвергнется значительному риску в Индонезии". Оно утверждает, что, хотя нарушение привычной жизни Барри в связи с переездом в Индонезию может в первое время вызвать у него определенные трудности благодаря своему возрасту, знакомству с различными культурами²¹ и знанию индонезийского языка он скорее всего достаточно быстро адаптируется к новой среде. Барри может продолжать нормальное образование в Индонезии, находясь в физическом и эмоциональном контакте с авторами (которые родились, выросли и прожили большую часть жизни в этой стране) и с другими близкими родственниками; с другой стороны, если он того пожелает, то как австралийский гражданин он может также закончить среднюю школу и получить высшее образование в Австралии. Даже если он расстанется с авторами, в этом не будет ничего необычного, поскольку многие дети в период обучения в старших классах и получения высшего образования проживают отдельно от родителей, а учеба в школах и университетах Австралии является обычным явлением для детей и молодежи из стран Юго-Восточной Азии. Как гражданин Австралии, согласно австралийскому закону, он будет иметь право на максимально возможную защиту и будет получать такую же защиту, которая предоставляется другим австралийским детям, проживающим в Австралии без родителей.

Комментарии авторов в связи с замечаниями государства-участника

5.1 В отношении приемлемости сообщения авторы оспаривают утверждения государства-участника в отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты, несоответствия Пакту и недостаточности обоснования.

²⁰ См. пункты 323-332 и 1193 третьего периодического доклада Австралии в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах.

²¹ Государство-участник ссылается на заключение психиатра, в котором Барри характеризуется как "австралийский ребенок китайского происхождения, знакомый с различными культурами".

5.2 Что касается внутренних средств правовой защиты, то авторы считают, что требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты означает, что данная жалоба была представлена на рассмотрение имеющихся государственных органов прежде, чем она была представлена на рассмотрение Комитета. Правовые средства, на наличии которых настаивает государство-участник, касаются процедуры предоставления статуса беженца и оценки возможного преследования. Вместе с тем настоящая жалоба не связана с вопросами беженцев, ее предметом является вмешательство в семейную жизнь по причине переселения авторов. В этой связи авторы считают, что им не может быть предъявлено требование о том, чтобы они ходатайствовали о получении статуса беженцев, если их жалоба касается единства семьи.

5.3 В отношении совместного прошения о предоставлении визы, выдаваемой родителям, авторы отмечают, что на период решения их вопроса им пришлось бы покинуть Австралию, и даже в случае успешного решения потребовалось бы несколько лет, прежде чем они смогли бы вернуться в Австралию. В любом случае статистика министерства иммиграции показывает, что с 1 сентября 2000 года по 28 февраля 2001 года австралийскими представителями в Джакарте не было выдано ни одной визы, предоставляемой родителям, и что процедура оформления подобных виз во всем мире в среднем занимает почти четыре года. Учитывая текущие политические споры в отношении подобных виз, такие задержки, по признанию самого государства-участника, увеличатся²². По мнению авторов, подобные задержки являются явно неприемлемыми и необоснованными.

5.4 В отношении утверждения государства-участника о том, что жалоба авторов не соответствует положениям Пакта, и в частности пункту 1 статьи 12 и статье 13, авторы ссылаются на сформулированное Комитетом Замечание общего порядка 15. В нем указано, что, хотя в Пакте не признается право иностранцев въезжать на территорию государства-участника или проживать на ней, иностранец может пользоваться защитой Пакта даже в отношении въезда и проживания, например в случае недопущения вмешательства в семейную жизнь. Авторы считают, что статья 13 не имеет отношения к данному контексту.

5.5 Авторы возражают против аргумента государства-участника о том, что утверждения о нарушении пункта 1 статьи 23 и пункта 1 статьи 24 являются необоснованными. Авторы указывают, что факты, приведенные в подтверждение их жалобы, имеют отношение к этим положениям в дополнение к статье 17, и утверждают, что нарушение статьи 17 также может рассматриваться как нарушение основных гарантий, содержащихся в статьях 23 и 24.

5.6 В отношении вопросов существа авторы касаются первоначального представления государства-участника, в котором говорится, что в случае их выселения Барри вполне мог бы вернуться в Индонезию и жить вместе с ними. Авторы считают, что это не соответствует имеющемуся заключению психолога, которое было представлено министру и прилагается к настоящему сообщению. Кроме того, авторы утверждают, что предложение о том, чтобы Барри оставался (без надзора) в Австралии, пока не будут известны результаты решения вопроса об их возвращении, является практически невозможным и не отвечает наилучшим интересам Барри. У авторов нет таких финансовых средств, чтобы оплатить обучение Барри в школе-интернате, а также нет никого, кто мог бы взять на себя заботу о Барри на период их отсутствия.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры принять решение о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 В отношении аргументов, приведенных государством-участником в подтверждение того, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, Комитет отмечает, что оба предлагаемых

²² Авторы представили копию информационного сообщения по данному вопросу министра иммиграции и по делам этнических групп от 11 октября 2000 года.

вида обжалования решения СРДБ являются дальнейшими шагами в соответствии с процедурой определения статуса беженца. В то же время находящаяся на рассмотрении Комитета жалоба не связана с первоначальным обращением авторов за получением статуса беженца, а касается их отдельной и явной просьбы получить разрешение остаться в Австралии по семейным обстоятельствам. Государство-участник не представило Комитету какой-либо информации о существующих средствах правовой защиты для обжалования решения министра, запрещающего им пребывание в Австралии по этим обстоятельствам. Рассмотрение ходатайства авторов о выдаче им визы, предоставляемой родителям, которое связано с необходимостью их выезда из Австралии на неопределенный период времени, не может рассматриваться как имеющееся средство правовой защиты в отношении решения министра. Поэтому Комитет не может согласиться с аргументом государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым, поскольку не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты.

6.3 В отношении утверждения государства-участника о том, что представленная жалоба по существу связана с претензиями на проживание в стране незаконно находящихся в ней иностранцев и таким образом является несовместимой с положениями Пакта, Комитет отмечает, что авторы не настаивают на том, что они имеют право на проживание в Австралии, а утверждают, что действия государства-участника направлены на их выселение из страны и будут представлять собой произвольное вмешательство в их семейную жизнь. Хотя иностранцы, как таковые, возможно, не имеют права проживать на территории государства-участника, государства-участники обязаны соблюдать и обеспечивать все права, предусмотренные в Пакте. Жалоба о том, что действия государства-участника будут представлять собой произвольное вмешательство в семейную жизнь авторов, имеет отношение к утверждаемому нарушению одного из прав, гарантируемых всем лицам в соответствии с Пактом. Авторы достаточно полно обосновали эту жалобу, чтобы считать ее приемлемой, и она должна быть рассмотрена по существу.

6.4 В отношении утверждений государства-участника о том, что предполагаемые нарушения пункта 1 статьи 23 и пункта 1 статьи 24 не были подтверждены достаточными обоснованиями, Комитет считает, что представленные факты и аргументы касаются вопросов, относящихся к вышеуказанным положениям Пакта. Комитет считает целесообразным рассмотреть эти связанные между собой положения в совокупности на стадии рассмотрения жалобы по существу. Поэтому жалобы по этим разделам Пакта он считает обоснованными для целей приемлемости.

6.5 Исходя из этого, Комитет считает, что сообщение в представленном виде является приемлемым и приступает непосредственно к рассмотрению существа дела. Комитет рассмотрел сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.1 В отношении нарушения статьи 17 Комитет отмечает приведенные государством-участником аргументы о том, что в данном случае какое-либо "вмешательство" отсутствует, поскольку решение о том, уедет ли Барри со своими родителями в Индонезию или останется в Австралии, в случае чего ему придется расстаться с родителями, принимается непосредственно семьей, а не в результате действий государства. Комитет отмечает, что действительно могут быть случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи оставаться на его территории, будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь данного лица. Однако факт наличия у одного из членов семьи *права* оставаться на территории государства-участника совсем не означает, что требование о том, чтобы другие члены семьи покинули страну, представляет собой подобное вмешательство.

7.2 В данном случае Комитет считает, что решение государства-участника о депортации обоих родителей, в результате которого семья вынуждена выбирать между тем, чтобы оставить в государстве-участнике 13-летнего ребенка, который получил его гражданство после десятилетнего проживания, и тем, чтобы взять его вместе с собой, следует рассматривать как "вмешательство" в семейную жизнь, по крайней мере, учитывая обстоятельства, при которых, как в данном случае, любое из решений повлечет за собой значительные изменения в давно установившемся порядке

семейной жизни. В этой связи встает вопрос о том, является ли такое вмешательство произвольным и нарушающим статью 17 Пакта.

7.3 В соответствии с Пактом государство-участник безусловно имеет неоспоримое право потребовать на основании своего законодательства, чтобы лица, находящиеся на его территории после истечения срока разрешенного пребывания, покинули страну. Неоспоримым также является и то, что факт рождения ребенка или приобретения таким ребенком, согласно действующему законодательству, гражданства при рождении или позднее сам по себе является достаточным, для того чтобы предлагаемая депортация одного или обоих родителей считалась произвольной. Таким образом, у государства-участника имеются достаточные возможности для того, чтобы осуществлять свою иммиграционную политику и потребовать у нелегально проживающих лиц покинуть территорию. Вместе с тем это дискреционное право не является неограниченным и в определенных случаях его осуществление может рассматриваться в качестве произвольного. В данном случае оба автора прожили в Австралии более 14 лет. Сын авторов проживает в Австралии в течение 13 лет, с момента своего рождения, и, как и все другие дети, он посещал австралийские школы и устанавливал соответствующие социальные связи. Учитывая продолжительность такого периода времени, государству-участнику надлежит указать дополнительные обстоятельства, оправдывающие решение о депортации обоих родителей, помимо соблюдения своего иммиграционного законодательства, для того чтобы его действия не квалифицировались как произвольные. Поэтому в данных обстоятельствах Комитет считает, что выселение авторов государством-участником будет представлять собой, в случае его осуществления, произвольное вмешательство в семейную жизнь и нарушение пункта 1 статьи 17 в совокупности со статьей 23 Пакта в отношении всех предполагаемых жертв, а также нарушение пункта 1 статьи 24 в отношении Барри Винаты в результате отказа предоставить ему как несовершеннолетнему надлежащие меры защиты.

8. Руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека считает, что выселение авторов государством-участником, в случае его осуществления, повлечет за собой нарушение статьи 17, пункта 1 статьи 23 и пункта 1 статьи 24 Пакта.

9. В соответствии с положениями пункта 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить авторам эффективные средства правовой защиты и в том числе воздержаться от выселения авторов из Австралии, пока им не будет предоставлена возможность рассмотрения их заявления о получении визы на пребывание в стране в качестве родителей ребенка при уделении должного внимания вопросу о защите интересов Барри Винаты как несовершеннолетнего. Государство-участник обязано принять меры для предотвращения аналогичных нарушений Пакта в будущем.

10. С учетом того, что став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение положений Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, а также предоставлять им эффективные и приемлемые средства правовой защиты в случае выявления какого-либо нарушения этих положений, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 90-дневный срок информацию о принятых мерах по выполнению требований, изложенных в сообщениях Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (несовпадающее) мнение членов Комитета Плафуллачандры Натварлала Бхагвати, Тофика Халила, Давида Крецмера и Макса Ялдена

1. Вопрос данного сообщения состоит не в том, вызывает ли случай авторов и их сына сочувствие, и не в том, считают ли члены Комитета, что государство-участник совершило бы благородный жест, разрешив им расставаться на своей территории, вопрос заключается только в том,

обязано ли государство-участник в соответствии с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах воздержаться от предъявления к авторам требования о том, чтобы они покинули Австралию. Мы не можем согласиться с мнением Комитета о том, что ответ на этот вопрос должен быть положительным.

2. Комитет основывает свои Соображения на трех статьях Пакта: на пункте 1 статьи 17 в совокупности со статьями 23 и 24. Авторы не приводят никакой информации о мерах защиты, которые государство-участник должно будет им предоставить в целях соблюдения его обязательств в соответствии с последней статьей. Многие семьи по всему миру переезжают из одной страны в другую, даже если у них есть дети школьного возраста, которые успешно интегрировались в школьную среду какой-либо страны. Обязаны ли государства-участники принимать меры по защите детей против подобных действий со стороны их родителей? На наш взгляд, расплывчатое оценочное суждение о том, что ребенку было бы лучше, если бы какие-либо действия не предпринимались, не является достаточным основанием в подтверждение заявления о том, что государство-участник не предоставило данному ребенку надлежащих мер защиты, предусмотренных в соответствии со статьей 24. В этой связи мы считаем, что авторам не удалось обосновать для целей приемлемости свою жалобу о нарушении статьи 24 и что поэтому эту часть сообщения следует признать неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола.

3. В отношении утверждения о нарушении статьи 17 у нас есть серьезные сомнения по поводу того, что решение государства-участника, обязывающее авторов покинуть его территорию, представляет собой вмешательство в их семейную жизнь. В данном случае решение государства-участника не приводит к неизбежному разлучению членов семьи, которое можно, безусловно, рассматривать, как вмешательство в семейную жизнь¹. Комитет квалифицирует данную ситуацию как "значительные изменения в давно установившемся порядке семейной жизни". Хотя такое понятие действительно существует в правовой практике Европейского суда по правам человека¹, Комитет не изучил вопрос о том, является ли эта концепция уместной в контексте статьи 17 Пакта, которая скорее касается вмешательства в семейную жизнь, чем уважения семейной жизни, упоминаемого в статье 8 Европейской конвенции. Поэтому совсем неочевидным является тот факт, что действия государства-участника, в результате которых происходят изменения в давно установившемся порядке семейной жизни, являются вмешательством в семейную жизнь, если при этом отсутствуют какие-либо препятствия для сохранения единства семьи. Вместе с тем мы не видим необходимости выражать окончательное мнение по данному вопросу в отношении представленного сообщения, поскольку даже если признать, что вмешательство в семейную жизнь авторов имело место, мы считаем, что нет оснований утверждать, что решение государства-участника было произвольным.

4. Комитет не приводит какого-либо подтверждения или обоснования в отношении своего заявления о том, что государству-участнику надлежит указать дополнительные обстоятельства, помимо соблюдения своего иммиграционного законодательства, для того чтобы его действия не квалифицировались как произвольные. Действительно, в определенных исключительных случаях вмешательство в жизнь семьи может быть настолько сильным, что требование государства-участника о том, чтобы один из членов семьи, находящийся на его территории незаконно, будет непропорциональным заинтересованности государства-участника в обеспечении соблюдения его иммиграционного законодательства. В таких случаях подобное решение, обязывающее данного члена семьи покинуть страну, может быть квалифицировано как произвольное. Однако мы не можем согласиться с тем, что если лицо, незаконно находящееся на территории государства-участника, создало там семью, то в этом случае государству-участнику "надлежит указать дополнительные обстоятельства, оправдывающие депортацию обоих родителей, помимо соблюдения своего иммиграционного законодательства, для того чтобы его действия не квалифицировались как произвольные". Последствием данной интерпретации, утвержденной Комитетом, может стать такое положение, при котором, если лицо, незаконно проживающее на территории государства-участника, создает семью и если ему удастся оставаться необнаруженным в течение достаточно длительного времени, оно фактически приобретает право оставаться в стране. Нам кажется, что подобная

интерпретация не соответствует распространенным нормам международного права, позволяющим государствам регулировать доступ иностранцев и их пребывание на своей территории.

5. Как отмечалось выше, решение государства-участника никоим образом не принуждает членов семьи к раздельному проживанию. И хотя сыну авторов, возможно, действительно придется столкнуться с проблемами адаптации, если авторам придется вернуться в Индонезию, эти проблемы не являются таковыми, чтобы решение государства-участника о том, чтобы авторы покинули его территорию, являлось непропорциональным по отношению к его законной заинтересованности в соблюдении иммиграционного законодательства государства-участника. Такое решение нельзя расценивать как произвольное, и поэтому мы не можем согласиться с мнением Комитета, о том что государство-участник нарушило права авторов и их сына, предусмотренные в соответствии со статьей 17 и 23 Пакта.

6. Прежде чем завершить изложение настоящего мнения, мы хотели бы также отметить, что, помимо устранения достаточно ясного смысла, содержащегося в понятиях "произвольное" и "вмешательство в семейную жизнь", используемых в статье 17, на наш взгляд, подход Комитета к этим понятиям имеет неблагоприятные последствия. Во-первых, он наказывает те государства-участники, которые не занимаются активным поиском нелегальных иммигрантов, с тем чтобы заставить их покинуть территорию, а предпочитают полагаться на ответственное отношение самих посетителей к вопросу о соблюдении их законов и условий, регулирующих выдачу разрешений на въезд в страну. Кроме того, такой подход подвергает наказанию те государства-участники, которые не требуют, чтобы все имели при себе удостоверение личности и подтверждали свой статус при каждом контакте с представителями власти, так как иностранцы, находящиеся в стране по ограниченным визам, могут достаточно легко оставаться необнаруженными в течение длительных периодов времени на территории таких государств-участников. Во-вторых, такой подход Комитета может предоставить незаслуженное преимущество лицам, игнорирующим иммиграционные требования государства-участника и предпочитающим оставаться незаконно на его территории, вместо того чтобы воспользоваться процедурами, предусмотренными для потенциальных иммигрантов в соответствии с законами государства-участника. Такое преимущество может привести к возникновению особенно острых проблем, в том случае если государство-участник проводит политику ограничения иммиграции на основе установления определенной квоты иммигрантов, допускаемых на его территорию в течение какого-либо конкретного года, поскольку он позволяет потенциальным иммигрантам обойти установленную очередность за счет незаконного пребывания на территории государства-участника.

Сообщение № 965/2000

Представлено: Мюмтазом Каракуртом [представлен адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Австрия

Дата принятия Сообщений: 4 апреля 2002 года

Тема сообщения: Проведение различия по признаку национального происхождения для установления права быть избранным в состав Совета предприятия

Процедурные вопросы: Совместимость оговорки к Факультативному протоколу с предметом и целью Пакта

Вопросы существа: Равенство перед законом и равная защита закона

Статьи Пакта: 25, 26

Статьи Факультативного протокола и Правила процедуры: Пункт 2 а) статьи 5 и оговорка государства-участника к Факультативному протоколу и статье 26

Вывод: Наличие нарушения

1. Автор сообщения от 13 декабря 2000 года является г-н Мюмтаз Каракурт, гражданин Турции, родившийся 15 июня 1962 года. Автор утверждает, что он является жертвой нарушения Австрийской Республикой статьи 26 Пакта. Автора представляет адвокат.

2. Государство-участник заявило две оговорки, которые касаются рассмотрения данного дела. При ратификации Пакта 10 сентября 1978 года государство-участник заявило, в частности, что "статья 26 рассматривается как не исключающая различного обращения с австрийскими гражданами и иностранцами, что также является допустимым в соответствии с пунктом 2 статьи 1 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации". Пункт 2 статьи 1 Конвенции гласит: "2. Настоящая Конвенция не применяется к различиям, исключениям, ограничениям или предпочтениям, которые государства-участники настоящей Конвенции проводят или делают между гражданами и негражданами". При ратификации 10 декабря 1987 года Факультативного протокола государство-участник сделало следующую оговорку: "При условии, что согласно положениям статьи 5 (2) Протокола образованный в соответствии со статьей 28 Пакта Комитет не рассматривает никаких сообщений от лиц, пока не удостоверится в том, что этот же вопрос не рассматривается Европейской комиссией по правам человека, учрежденной на основании положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод".

Факты в изложении автора

3.1 Автор обладает (только) турецким гражданством, имея при этом разрешение на проживание в Австрии с открытой датой истечения срока его действия. Он является сотрудником Ассоциации поддержки иностранцев в городе Линц, где работают в общей сложности 10 человек. 24 мая 1994 года состоялись выборы членов совета предприятия ("Betriebsrat") Ассоциации, уставные права и обязанности которого заключаются том, чтобы содействовать защите интересов сотрудников и наблюдать за соблюдением условий труда. Автор, кандидатура которого отвечала официально установленным требованиям достижения девятнадцатилетнего возраста и срока работы более 6 месяцев, и еще один сотрудник, Владимир Полак, были избраны для заполнения двух вакансий в составе совета предприятия.

3.2 1 июля 1994 года г-н Полак обратился в региональный суд Линца с ходатайством освободить автора от его выборной должности, поскольку он не отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатам в состав совета предприятия. 15 сентября 1994 года суд удовлетворил эту просьбу на том основании, что соответствующее трудовое законодательство, конкретно статья 53 (1) Закона о производственных отношениях (Arbeitsverfassungsgesetz), ограничивает круг лиц, которые могут избираться в такие советы предприятий, гражданами Австрии или стран - членов Европейской экономической зоны (ЕЭЗ). Поскольку автор не удовлетворяет ни одному из этих критериев, он был исключен из состава совета предприятия.

3.3 15 марта 1995 года апелляционный суд Линца отклонил протест автора и поддержал решение нижестоящей инстанции. Он также постановил, что не было никакого нарушения статьи 11 Европейской конвенции о правах человека (ЕКПЧ), поскольку право на участие в профсоюзах нарушено не было. 21 апреля 1995 года автор подал апелляцию в Верховный суд вместе с просьбой дать конституционное толкование статьи 53 (1) закона (в том числе с учетом ЕКПЧ).

3.4 21 декабря 1995 года Верховный суд рассмотрел ходатайство автора и отказал в просьбе о конституционном толковании закона. Суд счел, что совет предприятия не является "ассоциацией" по смыслу статьи 11 ЕКПЧ. Совет предприятия не является ассоциацией, основанной на добровольной и частной основе, его организация и функции определяются законом и его можно сравнить с торговой палатой. Не является и штат сотрудников независимой ассоциацией, поскольку они не составляют группу лиц, ассоциированных на добровольной основе. Что касается утверждений о дискриминации в отношении иностранцев, то Верховный суд, ссылаясь на обязательства государства-участника по Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, постановил, что различие в режимах для граждан Австрии и для иностранцев является оправданным как ввиду тех различий, которые проводятся в европейских экономических

договорах, касающихся трудовых отношений между гражданами и негражданами, так и ввиду конкретных отношений между гражданами и государством их пребывания. Кроме того, поскольку период пребывания иностранцев может ограничиваться и регулироваться административными решениями, установленный порядок избрания в члены совета потенциально может противоречить букве закона.

3.5 24 июля 1996 года автор обратился в Европейский суд по правам человека. 14 сентября 1999 года Третья палата Суда большинством голосов приняла решение о явной необоснованности и соответственно неприемлемости обращения № 32441/96. Суд счел, что совет предприятия, будучи выборным общественным органом, не может рассматриваться как "ассоциация" на основании статьи 11 ЕКПЧ и что уставные положения, на которые ссылается автор, не нарушают каких-либо прав, предусмотренных этой статьей.

Жалоба

4.1 Автор утверждает, что статья 53 (1) этого Закона и решения судов государства-участника относительно ее применения нарушают его права на равенство перед законом и на свободу от дискриминации, которые закреплены в статье 26 Пакта. В этой связи автор ссылается на выводы Комитета о нарушениях прав на равное обращение выявленных в деле *Брукс против Нидерландов* (Сообщение № 172/1984) и в деле *Зваан-де Вриес против Нидерландов* (Сообщение № 182/1984). Автор утверждает, что проводимое в законодательстве государства-участника различие между гражданами Австрии/ЕЭЗ и гражданами других стран в том, что касается права быть избранными в состав совета предприятия, не имеет ни рационального, ни объективного основания.

4.2 Автор утверждает, что если коллеги выражают сотруднику доверие и поручают ему представлять их интересы в совете предприятия, то закон не должен лишать его возможности такого выбора из-за его гражданства. Он отмечает, что заложенная в законодательстве посылка о том, что гражданин Австрии/ЕЭЗ может лучше представлять интересы трудящихся, не имеет никакого оправдания. Как указывает автор, закон не ограничивает круг исключаемых неграждан, например лицами, у которых нет вида на жительство на период пребывания в должности или которые не владеют свободно немецким языком, и поэтому такое исключение является чрезмерно широким. Он утверждает, что оговорку государства-участника по статье 26 Пакта не следует толковать как придающую легитимность какому-либо неравенству в режимах для граждан и неграждан.

4.3 Что касается вопроса о приемлемости, то автор понимает, что имеется оговорка государства-участника по статье 5 Факультативного протокола, но утверждает, что она не исключает компетенции Комитета рассматривать данное сообщение, поскольку Европейский суд рассматривал лишь вопрос об "ассоциации" в рамках статьи 11 ЕКПЧ и не рассматривал вопросов дискриминации и равенства перед законом. Автор указывает, что статья 26 Пакта не имеет эквивалента в Европейской конвенции и что поэтому данное сообщение следует признать приемлемым.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 В своих представлениях от 31 июля 2001 года и 14 марта 2002 года государство-участник оспаривает доводы, выдвигаемые как в пользу приемлемости, так и по существу сообщения.

5.2 Касаясь вопроса о приемлемости, государство-участник утверждает, что Европейский суд по правам человека уже рассматривал этот же вопрос и соответственно ввиду наличия оговорки государства-участника по статье 5 Факультативного протокола Комитет не может рассматривать это сообщение.

5.3 Что касается существа, то государство-участник приводит три аргумента в пользу отсутствия нарушений Пакта. Во-первых, замечает государство-участник, эта жалоба, если оно ее правильно понимает, является жалобой сразу по статье 26 и статье 25, поскольку право избираться в состав советов предприятий является политическим правом на участие в ведении государственных дел

согласно статье 25. В статье 25 конкретно признается - что также нашло свое подтверждение в Замечании общего порядка № 18 Комитета - право государства-участника проводить различия по признаку гражданства. Соответственно Пакт не запрещает государству-участнику гарантировать право на участие в ведении политических дел лишь своим гражданам. Таким образом, уже только на этом основании жалоба должна быть признана несостоятельной.

5.4 Во-вторых, по мнению государства-участника, ввиду сделанной им оговорки по статье 26 Пакта Комитет не может рассматривать это сообщение. Государство-участник утверждает, что оно исключило для себя любое обязательство устанавливать равный режим для граждан и неграждан и привело свои обязательства по Пакту в соответствие с обязательствами, которые оно взяло на себя по Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (см. пункт 2 статьи 1). Исходя из этого оно не приняло никаких обязательств по статье 26 относительно распространения на иностранцев режима, действующего для граждан. Таким образом, автор не имеет никакого права согласно статье 26 на такой же режим, каким пользуются австрийские граждане, в том что касается баллотирования в состав советов предприятий.

5.5 В-третьих, как указывает государство-участник, если Комитет примет решение относительно оправданности различия в режимах для автора и для граждан Австрии/ЕЭЗ, то это будет означать, что такое различие базируется на разумных и объективных основаниях. Государство-участник утверждает, что эта привилегия, предоставляемая гражданам стран ЕЭЗ, является результатом международно-правового обязательства, взятого на себя государством-участником на основе взаимности, и преследует законную цель устранения различий в режимах для трудящихся в государствах - членах Европейского сообщества/ЕЭЗ. Государство-участник ссылается на прошлые решения Комитета по делу Ван Орд против Нидерландов (Сообщение № 658/1995) и указывает, что привилегированное положение граждан некоторых государств, обеспечиваемое путем заключения международного договора, является допустимым в свете статьи 26. В решениях Комитета говорилось, что создание особых категорий привилегированных лиц на основе взаимности имеет под собой разумную и объективную основу.

5.6 Государство-участник приводит решение Верховного суда от 21 декабря 1995 года, который, ссылаясь на решения Европейского суда по правам человека относительно оправданности создания преференциального режима для граждан стран Сообщества, постановил, что Европейский договор о присоединении служит объективным оправданием наличия различных правовых статусов для граждан Австрии/ЕЭЗ и граждан третьих стран.

5.7 В заключение государство-участник указывает, что вопрос о том, дают ли непосредственно применимые нормы европейского законодательства турецким трудящимся права выставлять свои кандидатуры на выборах членов советов предприятий, рассматривается в настоящее время в Европейском суде. Предметом судебного разбирательства является толкование пункта 1 статьи 10 Решения № 1/80 Совета Ассоциации, который требует, чтобы государства - члены Сообщества предоставили турецким трудящимся, работающим на законных основаниях в их странах, определенный статус по отношению к статусу трудящихся стран Сообщества, который исключал бы дискриминацию по признаку гражданства в том, что касается вознаграждения за труд и "других условий труда". Федеральное министерство труда, здравоохранения и социальных вопросов в рамках собственной интерпретации соответствующих решений Европейского суда придерживаются мнения, что эта статья является принудительно применяемой правовой нормой и что право выставлять кандидатуру на выборах в советы предприятий - "лишь еще одно условие труда". Это толкование, благоприятное для лиц, находящихся в таком же положении, в котором находится автор, было оспорено в Конституционном суде, который передал этот вопрос на рассмотрение Европейского суда. Государство-участник подчеркивает, однако, что, даже если в итоге будет принято решение о наличии такого права в пользу автора, различие, проводимое действующим законодательством между гражданами Австрии/ЕЭЗ и другими лицами, останется объективно обоснованным и, следовательно, соответствующим статье 26.

Комментарии автора по представлениям государства-участника

6.1 В представлении от 19 сентября 2001 года автор отвергает доводы государства-участника как относительно приемлемости, так и по существу.

6.2 Касаясь вопроса о приемлемости, автор подчеркивает, что вопрос, вынесенный на рассмотрение Европейского суда, касается права на свободу ассоциации, которое гарантируется статьей 11 Европейской конвенции о правах человека, тогда как его жалоба связана с дискриминацией и несоблюдением равенства перед законом, которого требует статья 26 Пакта. Автор, ссылаясь в общем плане на правовую практику Комитета, утверждает, что вопрос, находящийся на рассмотрении Комитета, это совсем не "тот же вопрос", которым занят Европейский суд. В любом случае, как утверждает автор, отклонение сообщения как явно необоснованного не может считаться "рассмотрением" вопроса по смыслу оговорки государства-участника.

6.3 Что касается существа, то, как утверждает автор, статья 25 неприменима в данном деле, ибо в ней идет речь о деятельности государства и она никак не связана с трудовыми отношениями в частном секторе. Поскольку цель деятельности совета предприятия заключается в том, чтобы представлять интересы работников в структурах частного сектора, то здесь нет никакого аспекта, который касался бы государства и подпадал бы под действие статьи 25. Так что данную жалобу следует рассматривать только в рамках общих принципов статьи 26.

6.4 Автор вновь утверждает, что статья 26 налагает на государства-участники общее обязательство избегать дискриминации в законодательстве и на практике, и считает, что для дифференциации нет никаких разумных и объективных оснований. Разумная дифференциация скорее состояла бы не в установлении тотального запрета для лиц, не являющихся гражданами Австрии/ЕЭЗ, а в обеспечении таким лицам, как автор, имеющим соответствующие знание языка и правовой статус, возможности осуществлять свое право на участие в выборах членов советов предприятий. Он указывает, что сам факт наличия положения об ассоциациях в европейском законодательстве и вынесение этого вопроса на рассмотрение Европейского суда подчеркивает необоснованность нынешней огульной дифференциации в области занятости, которая проводится между гражданами Австрии/ЕЭС и гражданами других стран, выполняющими одинаковые производственные функции.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

7.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры решить, является ли это утверждение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 Во исполнение требования, содержащегося в пункте 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Во исполнение требования, содержащегося в пункте 2 б) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет убедился, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

7.4 В связи с утверждением государства-участника о том, что его оговорка по статье 5 Факультативного протокола исключает компетентность Комитета рассматривать это сообщение, Комитет отмечает, что понятие "этот же вопрос" по смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола следует рассматривать как понятие, относящееся к одному и тому же утверждению о нарушении какого-либо конкретного права того же лица. В данном случае автор выдвигает три отдельных утверждения о дискриминации и неравенстве перед законом, которые не ставились и не могли бы быть поставлены перед европейскими органами. Поэтому Комитет не считает, что оговорка государства-участника по Факультативному протоколу не позволяет ему рассматривать это сообщение.

7.5 Комитет принимает к сведению оговорку государства-участника по статье 26, которая по интерпретации государства-участника "не исключает возможности различного обращения с австрийскими гражданами и иностранцами, что также является допустимым в соответствии с пунктом 2 статьи 1 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации". Как следствие этого Комитет не может рассматривать сообщение, постольку поскольку в нем утверждается, что в законодательстве государства-участника проводится необоснованное различие между гражданами Австрии и автором. Вместе с тем ничто не мешает Комитету рассмотреть утверждение, касающееся различия, проводимого в законодательстве государства-участника между иностранцами, являющимися гражданами стран ЕЭЗ, и автором, который является иностранцем. В этой связи Комитет считает данное сообщение приемлемым и безотлагательно приступает к рассмотрению дела по существу.

Рассмотрение дела по существу

8.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Что касается утверждения государства-участника о том, что данная жалоба является по существу жалобой в рамках статьи 25 Пакта, то Комитет отмечает, что защищаемые этой статьей права касаются участия в общественной и политической жизни страны и не касаются таких вопросов занятости в частном секторе, в том числе вопроса о выборах работника в состав совета частного предприятия. Поэтому он считает, что статья 25 и любые возможные негативные последствия ее для автора не имеют отношения к фактам данного дела.

8.3 При оценке дифференциации в свете статьи 26 Комитет ссылается на свои неоднократные решения о том, что различия, устанавливаемые законодательством государств-участников, не противоречат этой статье, если они имеют объективные и разумные основания¹.

8.4 В рассматриваемом случае государство-участник предоставило автору, не являющемуся гражданином Австрии/ЕЭЗ, право работать на своей территории в течение какого-то периода с открытой датой его истечения. Поэтому вопрос заключается в том, имеются ли разумные и объективные основания для лишения автора непосредственной и естественной возможности в сфере занятости в государстве-участнике, которая доступна гражданам стран ЕЭЗ, а именно - права выставлять свою кандидатуру для выборов в соответствующий совет предприятия в силу гражданства. Хотя по одному из дел (дело № 658/1995, *ван Орд против Нидерландов*) Комитет постановил, что наличие международного соглашения, устанавливающего преференциальный режим для граждан какого-либо государства-участника этого соглашения, может являться объективным и разумным основанием для дифференциации, из этого автоматически не следует, что подобное соглашение само по себе является достаточным основанием в том, что касается требований, установленных статьей 26 Пакта. Каждое дело должно рассматриваться с учетом его конкретных фактов. Что касается дела, о котором идет речь, то Комитет должен учитывать функциональные обязанности члена совета предприятия, состоящие в том, чтобы содействовать обеспечению интересов сотрудников и наблюдать за соблюдением условий труда (см. пункт 3.1). С учетом этого было бы неразумным проводить различие между иностранцами в том, что касается их правомочности выставлять свои кандидатуры на выборах членов советов предприятий исключительно на основании различий по гражданству. Поэтому Комитет считает, что автор стал объектом дискриминации в нарушение статьи 26.

9. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному Пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

¹ См., например, дело *Брукс против Нидерландов* (Сообщение 172/1984), дело *Шпренгер против Нидерландов* (Сообщение 395/1990) и дело *Каванах против Ирландии* (Сообщение 819/1998).

10. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты, заключающееся в изменении применимого законодательства, чтобы не проводилось никакой необоснованной дифференциации между лицами, находящимися в положении автора, и гражданами стран ЕЭЗ.

11. С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся на его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и предоставлять эффективные и обеспеченные правовой санкцией средства правовой защиты в случае выявления какого-либо нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 90 дней информацию о мерах, принятых в соответствии с Соображениями Комитета. Государству-участнику предлагается опубликовать Соображения Комитета.

ДОБАВЛЕНИЕ

Особое (частично несогласное) мнение членов Комитета сэра Найджела Родли и г-на Мартина Шейнина

Мы разделяем мнение Комитета о том, что имело место нарушение статьи 26 Пакта. Однако мы считаем, что оговорка государства-участника относительно этого положения не должна рассматриваться как исключаящая компетенцию Комитета рассматривать вопрос о том, противоречит ли статье 26 проведение различия между гражданами Австрии и иностранцами.

Как в оговорке государства-участника, так и в его представлении по данному делу делается ссылка на намерение Австрии привести свои обязательства по Пакту в соответствие с обязательствами, которые она приняла на себя по Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (КЛРД). Следовательно, эта оговорка, если при ее толковании исходить из обычного значения используемых в ней понятий, означает, что Комитет не может рассматривать вопрос о том, является ли различие, проводимое между гражданами Австрии и иностранцами, такой дискриминацией по признаку "расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения"¹, которая несовместима со статьей 26 Пакта.

В своей практике Комитет уже рассматривал вопрос о различиях по признаку гражданства не с точки зрения факторов расы, цвета кожи, этнического происхождения или других подобных факторов, а в качестве самостоятельного вопроса в рамках статьи 26². Мы считаем, что различия по признаку гражданства подпадают под понятие "иного обстоятельства" в статье 26 и не относятся к каким-либо основаниям для дискриминации, охватываемым пунктом 1 статьи 1 КЛРД.

Следовательно, оговорка Австрии по статье 26 не затрагивает компетенции Комитета рассматривать вопрос о том, является ли проводимое различие между гражданами и иностранцами дискриминацией, запрещенной статьей 26 Пакта по каким-либо иным основаниям, кроме оснований, указанных также в КЛРД. Следовательно, ничто не мешает Комитету рассматривать вопрос о том, является ли проводимое по признаку гражданства различие как таковое совместимым со статьей 26 в данном деле.

Поэтому, с нашей точки зрения, перед Комитетом стоит вопрос о соответствии законодательства государства-участника, примененного в данном деле, которое препятствует

¹ Понятия, используемые в пункте 1 статьи 1 КЛРД. Пункт 2 статьи 1 КЛРД ясно свидетельствует о том, что гражданство не охватывается понятием "национального происхождения".

² Ибрагим Гейе и 742 других вышедших в отставку сенегальских военнослужащих французской армии против Франции (Сообщение № 196/1985).

иностранцам выдвигать свои кандидатуры на выборные должности в рабочих советах, его обязательствам по статье 26. Ничто в ответе государства-участника не убеждает нас в том, что это ограничение является разумным или объективным. Это ограничение является нарушением государством-участником статьи 26 Пакта.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЗЮМЕ ОТВЕТОВ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ СООБРАЖЕНИЙ КОМИТЕТОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПРИМЕЧАНИЕ: Полный текст ответов не воспроизводится. Однако все они находятся в архивах секретариата Комитета, и ссылки на последующие меры в связи с сообщениями Комитета регулярно делаются в его ежегодных докладах. Где это возможно, в тексте содержатся соответствующие ссылки.

Сообщение № 688/1996

Представлено: Каролиной Телье Арредондо
Предполагаемая жертва: Мария Сибила Арредондо
Государство-участник: Перу
Объявлено приемлемым: 23 октября 1998 года (шестьдесят четвертая сессия)
Дата принятия Сообщений: 27 июля 2000 года (шестьдесят девятая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

Вербальной нотой от 16 декабря 2002 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что по решению судьи 28-го Уголовного суда Лимы автор сообщения была освобождена 6 декабря 2002 года.

Сообщение № 701/1996

Представлено: Сесарио Гомесом Васкесом [представлен адвокатом]
Предполагаемая жертва: автор сообщения
Государство-участник: Испания
Объявлено приемлемым: 23 октября 1997 года (шестьдесят первая сессия)
Дата принятия Сообщений: 20 июля 2000 года (шестьдесят девятая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

Вербальными нотами от 27 сентября 2001 года и 4 января 2002 года государство-участник проинформировало Комитет о мерах законодательного характера, принятых для изменения уголовно-процессуального законодательства.

Последующая информация, полученная от автора

Письмом от 25 августа 2001 года адвокат автора сообщил, что, хотя Общая судебная палата Верховного суда постановила принять меры по реализации Сообщений Комитета, все его ходатайства, направленные в Уголовную палату Верховного суда, были безуспешными. Адвокат автора выступил с критикой формулировок и тона решения Верховного суда и сообщил, что он направил апелляцию на это решение в Конституционный суд. Письмом от 13 мая 2002 года адвокат автора проинформировал Комитет о том, что 3 апреля 2002 года Конституционный суд отклонил его апелляцию. По словам адвоката, Верховный суд просил правительство внести изменения в соответствующее законодательство. Письмом от 4 марта 2003 года он сообщил, что 8 января 2002 года он возбудил процедуру ампаро в Конституционном суде.

Прочая информация

26 декабря 2003 года Комитет получил информацию о том, что "Официальный вестник Испании" опубликовал указ правительства о реформировании национальной правовой системы в соответствии с Соображениями Комитета.

Сообщение № 760/1997

Представлено: Я.Г.А. Диргардтом (покойный староста общины Рехобот Бастер) и другими

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Намибия

Объявлено приемлемым: 7 июля 1998 года (шестьдесят третья сессия)

Дата принятия Соображений: 20 июля 2000 года (шестьдесят девятая сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

Вербальной нотой от 28 мая 2002 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что его Конституция не запрещает использования в школах других языков, помимо английского, что авторы сообщения не утверждали, что они создали школу, в которой занятия велись не на английском языке, и что им было предложено закрыть ее. Государство-участник отрицает существование частных судов и закона, запрещающего традиционным судам авторов сообщения использовать языки по их выбору. Лица, представшие перед судами, в которых слушание дела ведется на официальном английском языке, обеспечиваются за государственный счет услугами устных переводчиков на все двенадцать языков, на которых говорит население страны, и слушание дела прекращается, если услуги переводчиков не обеспечиваются. Судопроизводство в общинах, к которым принадлежат авторы сообщения, как и в других общинах, проводится на выбранном ими языке, однако вся документация, связанная с судопроизводством в общинах, ведется на официальном английском языке. Государство-участник отмечает, что ни одно африканское государство не обеспечивает услуги устных переводчиков для всех лиц, желающих общаться на ином языке, кроме английского, и что в отличие от практики прошлого режима гражданские служащие обязаны выполнять свои функции на территории всей страны. Если гражданский служащий знает неофициальный язык, он должен оказывать помощь лицам, которые используют этот язык. Государство-участник ссылается на циркуляр министра юстиции от 9 июля 1990 года, в котором гражданским служащим разрешается получать и использовать документы на языках, помимо английского, но при этом они обязаны направлять письменные ответы только на английском языке.

Сообщение № 747/1997

Представлено: Карелом де Фур Вальдероде и другими [представлены адвокатом]

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Чешская Республика

Объявлено приемлемым: 30 июля 1997 года (шестьдесят пятая сессия)

Дата принятия Соображений: 30 октября 2001 года (семьдесят третья сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

Вербальной нотой от 15 января 2002 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что в связи с делом де Фур Вальдероде была начата законодательная работа в связи с реализацией Соображений Комитета.

Последующая информация, полученная от автора

Письмом от 28 апреля 2003 года автор проинформировала Комитет о том, что Конституционный суд в третий раз вернул ее дело в суд первой инстанции, земельную службу Семили. Эта служба вновь отказала автору в реституции принадлежавшей ее покойному мужу собственности, ошибочно посчитав, что ее супруг во время войны действовал в рядах коллаборационистов.

Сообщение № 765/1997

Представлено: Элишкой Фабриовой

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Чешская Республика

Объявлено приемлемым: 9 июля 1999 года (шестьдесят шестая сессия)

Дата принятия Соображений: 30 октября 2001 года (семьдесят третья сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

Государство-участник вербальной нотой от 17 октября 2002 года проинформировало Комитет о том, что вопрос о реституции в настоящее время рассматривается в рамках программы предоставления компенсации лицам для уменьшения имущественного ущерба, нанесенного жертвам холокоста. Цель этой программы заключается в предоставлении компенсации лицам, лишенным недвижимости в период нацистской оккупации территории, которая в настоящее время принадлежит Чешской Республике, поскольку эта собственность не была возвращена им согласно положениям законов о реституции и международных соглашений и не была им компенсирована каким-либо иным образом. Данная программа была начата 26 июня 2001 года, и 31 декабря 2001 года был определен в качестве конечного срока для подачи ходатайств. На осуществление данной программы правительством ассигновано 100 млн. чешских крон.

Сообщение № 779/1997

Представлено: Анни Эреля и др. [представлены адвокатом]

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Финляндия

Объявлено приемлемым: 24 октября 2001 года (семьдесят третья сессия)

Дата принятия Соображений: 24 октября 2001 года (семьдесят третья сессия)

Последующая информация, полученная от государства-участника

Представлением от 24 января 2002 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что авторам были возвращены вмененные им издержки. Часть реституции можно рассматривать в качестве компенсации за ущерб нефинансового характера, обусловленный тем, что до их сведения не было доведено распоряжение Службы лесного хозяйства. Что касается пересмотра иска авторов сообщения, то в соответствии с правовой системой Финляндии правомочность окончательного решения может быть оспорена с помощью так называемой "чрезвычайной апелляции", возможность подачи которой предусматривается в статье 31 Кодекса судебной процедуры. Потерпевшая сторона может обратиться с просьбой об отмене судебного решения в Верховный суд, который рассматривает данную просьбу и принимает решение о том, имеются ли какие-либо основания для отмены подобного решения. Кроме того, Верховный судья может самостоятельно ходатайствовать об отмене судебного решения по делам, затрагивающим жизненно важные интересы населения. Исходя из этого, правительство представит соображения Комитета Верховному судье для оценки того, имеются ли еще основания для подачи чрезвычайной апелляции. Кроме того, в соответствии со стандартной процедурой Соображения Комитета будут препровождены соответствующим органам.

Сообщение № 884/1999

Представлено: Антониной Игнатане [представлена адвокатом]

Предполагаемая жертва: автор сообщения

Государство-участник: Латвия

Объявлено приемлемым: 25 июля 2001 года

Дата принятия Соображений: 25 июля 2001 года

Последующая информация, полученная от государства-участника

Вербальными нотами от 24 октября 2001 года и 7 марта 2002 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что специальная рабочая группа представила кабинету министров предложения о мерах, которые должны быть приняты для реализации Соображений Комитета. 6 ноября 2001 года кабинет министров принял две законодательные поправки к "Статутам Центра государственного языка" и "Положениям об уровне знания государственного языка, необходимого для выполнения профессиональных и должностных обязанностей, и о процедуре проведения экзаменов для установления степени знания языка", тем самым устранив проблему, на которую было указано Комитетом. Государство-участник также проинформировало автора 3 декабря 2001 года о мерах, принятых в целях реализации Соображений Комитета. В ходе восьмидесяти второй сессии Комитет принял решение о прекращении рассмотрения данного дела в контексте последующих мер, поскольку государство-участник выполнило содержащиеся в Соображениях Комитета требования.

Сообщение № 919/2000

Представлено: Михаэлем Андреасом Мюллером и Имке Энгельхард [представлены адвокатом]

Предполагаемая жертва: авторы сообщения

Государство-участник: Намибия

Объявлено приемлемым: 26 марта 2002 года

Дата принятия Соображений: 26 марта 2002 года

Последующая информация, полученная от государства-участника

Вербальной нотой от 23 октября 2002 года государство-участник проинформировало авторов о том, что в соответствии с Законом об иностранцах 1937 года они могут подать ходатайство об избрании фамилии жены в качестве семейной фамилии в соответствии с процедурами, изложенными в вышеупомянутом Законе. Кроме того, правительство опубликовало Соображения Комитета на вебсайте Центра по правам человека и документации Намибийского университета, органа, занимающегося образованием в области прав человека и распространением информации. Что касается государства-участника, то правительство не уполномочено указывать судам Намибии, включая Верховный суд, что именно входит в их дискреционные полномочия в связи с присуждением издержек по рассматриваемым ими делам. В соответствии с принципом разделения властей правительство не может устанавливать порядок издержек, присуждаемых выигравшей дело стороне.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ПО СТАТЬЯМ ПАКТА

<i>Статья</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>
1	760/1997	98
2	717/1996.....	17
	747/1997	92
	765/1997	113
	884/1999	201
2 (1)	819/1998	170
2 (3)	779/1997	130
	818/1998	162
	845/1998	186
2 (3) а)	819/1998	170
4 (1)	819/1998	170
4 (3)	819/1998	170
5	717/1996.....	17
	580/1994	41
	839, 840 и 841/1998.....	183
6 (1)	806/1998	148
	845/1998	186
	869/1999	194
6 (2)	845/1998	186
	869/1999	194
6 (4)	806/1998	148
	845/1998	186
6 (6)	869/1999	194
7	580/1994	41
	788/1997	141
	806/1998	148
	818/1998	162
	845/1998	186
	869/1999	194
9	770/1997	117
9 (2)	845/1998	186

<i>Статья</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>
9 (3)	688/1996	51
	788/1997	141
	818/1998	162
	845/1998	186
9 (4)	688/1996	51
9 (5)	727/1996	68
10	770/1997	117
10 (1)	580/1994	41
	688/1996	51
	788/1997	141
	806/1998	148
	818/1998	162
	845/1998	186
10 (3)	688/1996	51
14	925/2000.....	30
	760/1997	98
	869/1999	194
14 (1)	717/1996.....	17
	580/1994	41
	688/1996	51
	747/1997	92
	765/1997	113
	770/1997	117
	779/1997	130
	806/1998	148
	818/1998	162
	819/1998	170
845/1998	186	
14 (2)	688/1996	51
	770/1997	117
	779/1997	130
	788/1997	141
	819/1998	170
14 (3)	819/1998	170
14 (3) b)	580/1994	41
	688/1996	51
	770/1997	117
14 (3) c)	580/1994	41
	688/1996	51
	727/1996	68

<i>Статья</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>
	818/1998	162
	845/1998	186
	788/1997	141
14 (3) d)	580/1994	41
	688/1996	51
14 (3) e)	688/1996	51
14 (3) g)	580/1994	41
14 (5)	580/1994	41
	701/1996	61
	818/1998	162
	839, 840 и 841/1998.....	183
	845/1998	186
14 (6)	880/1999.....	24
	688/1996	51
14 (7)	688/1996	51
15 (1)	717/1996.....	17
15 (2)	717/1996.....	17
16	717/1996.....	17
17	760/1997	98
	919/2000	208
	930/2000	215
18	736/1997	77
19	727/1996	68
	736/1997	77
23	919/2000	208
23 (1)	930/2000	215
24 (1)	930/2000	215
25	884/1999	201
25 a)	760/1997	98
25 c)	760/1997	98

<i>Статья</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Стр.</i>
26	965/2000	227
	717/1996.....	17
	701/1996	61
	727/1996	68
	736/1997	77
	747/1997	92
	760/1997	98
	765/1997	113
	774/1997	122
	806/1998	148
	819/1998	170
	845/1998	186
965/2000	227	
27	760/1997	98
	779/1997	130

ИНДЕКС ПО СТАТЬЯМ ФАКУЛЬТАТИВНОГО ПРОТОКОЛА

1	845/1999.....	5
	717/1996.....	17
	925/2000.....	227
	688/1996	51
	701/1996	61
	727/1996	68
	770/1997	117
2	925/2000.....	227
	727/1996	68
	736/1997	77
	770/1997	117
3	880/1999.....	24
	580/1994	41
4	760/1997	98
4 (2)	747/1997	92
	765/1997	113
	845/1998	186
5 (2) a)	688/1996	51
	965/2000	227
5 (2) b)	925/2000.....	30
	688/1996	51
	701/1996	61
	727/1996	68
	736/1997	77
	747/1997	92
	765/1997	113
	774/1997	122
	779/1997	130

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А	
Анонимные судьи 688/1996	51
Б	
Беспристрастность судей 688/1996	51
В	
Вменение судебных издержек 779/1997	130
Временные меры защиты 839, 840 и 841/1998	183
869/1999	194
Выступление в пользу религиозной ненависти 736/1997	77
Д	
Дискриминация по признаку политического мнения 727/1996	68
Длжащееся действие нарушения 727/1996	68
Ж	
Жестокое обращение с задержанными 580/1994	41
З	
Закон об амнистии, применяемый судами для прекращения расследования 717/1996	17
Законное ограничение права на свободное выражение мнений 736/1997	77
Защита ребенка 930/2000	215
Защита семьи 930/2000	215
Злоупотребление правом на представление сообщения 701/1996	61
И	
Исполнение смертного приговора после несправедливого судебного разбирательства 580/1994	41
Исчерпание внутренних средств правовой защиты 701/1996	61
727/1996	68
736/1997	77
747/1997	92
765/1997	113
774/1997	92

К

Компетенция Комитета <i>ratione temporis</i>	
727/1996	68
774/1997	122
Компетенция Комитета определять действительность оговорки	
845/1999	5

Н

Надлежащее разрешение представителю жертвы	
688/1996	51
Нарушение с ддящимся действием	
717/1996	17
Невыполнение просьбы Комитета о применении временных мер	
580/1994	41
Неисчерпание внутренних средств правовой защиты	
688/1996	51
779/1997	130
Неоправданно затянутое применение внутренних средств правовой защиты	
688/1996	51
Необоснованно затянутое применение средств правовой защиты	
747/1997	92
Необоснованно продолжительное досудебное содержание под стражей	
788/1997	141
818/1998	162
845/1998	186
Необоснованность претензии	
770/1997	117
Неоправданные задержки в ходе подачи апелляции	
580/1994	41
Несовместимость претензии <i>ratione materiae</i>	
736/1997	77

О

Обоснованность претензии	
727/1996	68
779/1997	130
760/1997	98
736/1997	77
Объединение сообщений в ходе их рассмотрения	
839, 840 и 841/1998	183
Обязанность государства-участника сотрудничать с Комитетом	
760/1997	98
Обязанность расследовать внесудебные казни	
717/1996	17
Обязанность сотрудничать с Комитетом	
747/1997	92
765/1997	113
Отмена приговора	
880/1999	24

II

Пересмотр решения о приемлемости 727/1996	68
Повторное присоединение к Факультативному протоколу после денонсации 845/1999	5
Политические права 727/1996	68
760/1997	98
Право быть в срочном порядке уведомленным о предъявляемых обвинениях 845/1998	186
Право быть незамедлительно доставленным к судье 845/1998	186
Право быть судимым без неоправданной задержки 688/1996	51
727/1996	68
788/1997	141
818/1998	162
845/1998	186
Право быть судимым беспристрастным судом 770/1997	117
Право лиц, принадлежащих к меньшинствам, пользоваться своей культурой совместно с другими членами той же группы 779/1997	130
Право лиц, принадлежащих к меньшинству 760/1997	98
Право на гуманное обращение 688/1996	51
770/1997	117
806/1998	148
818/1998	162
845/1998	186
Право на доступ к юридической помощи 770/1997	117
Право на жизнь 580/1994	41
806/1998	148
839, 840 и 841/1998	183
845/1998	186
Право на определение прав лица в ходе судебного процесса независимым и беспристрастным судом 747/1997	92
Право на пересмотр осуждения и приговора вышестоящей судебной инстанцией 701/1996	61
839, 840 и 841/1998	183
Право на пересмотр решения в суде без задержки 818/1998	162
Право на равенство перед законом 747/1997	92
765/1997	113
774/1997	92
919/2000	208

Право на равенство перед судами 760/1997	98
Право на самоопределение 760/1997	98
Право на справедливое судебное разбирательство 845/1998	186
Право на юридическую помощь в делах, связанных с вынесением смертного приговора 580/1994	41
Право не подвергаться жестокому или бесчеловечному обращению 845/1999	5
Право не подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в личную жизнь 760/1997	98
Право просить о помиловании или смягчении приговора 845/1998	186
Право считаться невиновным 770/1997	117
Презумпция невиновности 925/2000	30
Приемлемость <i>ratione temporis</i> 717/1996	17
Произвольное вмешательство в семейную жизнь 930/2000	215
Произвольное задержание 688/1996	51
727/1996	68
770/1997	117
Произвольное лишение жизни 717/1996	17
Р	
Равенство перед законом и равная защита закона 819/1998	170
965/2000	227
Равенство состязательных возможностей во внутренних судебных разбирательствах 779/1997	130
Равная защита закона и недискриминация 747/1997	92
765/1997	113
774/1997	122
С	
"Самое тяжкое преступление" (статья 6(2)) 869/1999	194
Свобода выражения мнений 727/1996	68
736/1997	77
Свобода от пыток или жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов наказания 845/1998	186
869/1999	194
Свобода принимать участие в ведении государственных дел 884/1999	201
Свобода проповедовать свои религиозные убеждения 736/1997	77

Синдром смертника 580/1994	41
Смертные приговоры с обязательным исполнением 806/1998	148
Совместимость оговорки к Факультативному протоколу с предметом и целью Пакта 965/2000	227
Совместимость оговорки с предметом и целью Факультативного протокола 845/1999	5
Совместимость оговорки к Факультативному протоколу 845/1998	186
Справедливое судебное разбирательство 925/2000	30
819/1998	170
869/1999	194
Статус жертвы 701/1996	61
У	
Условия содержания в камере смертников 580/1994	41
Э	
Этот же вопрос, находящийся на рассмотрении другой международной инстанции 688/1996	51
Эффективность средств правовой защиты 747/1997	92
Ю	
Юридическое представительство 925/2000	30

УКАЗАТЕЛЬ ПО АВТОРАМ И ЖЕРТВАМ

*A = автор
Ж = жертва
A, Ж = Автор и
тот же, что и
жертва*

		<i>Государство-участник</i>	<i>Сообщение №</i>	<i>Стр.</i>
А				
Арредондо, Каролина Телье	А	Перу	688/1996	51
Арредондо, Мария Сибила	Ж	Перу	688/1996	51
Астильеро, Хулио	А, Ж	Филиппины	788/1997	141
Б				
Брок, Роберт	А, Ж	Чешская Республика	774/1994	122
Булан, Арчи	Ж	Филиппины	869/1999	194
Бьютин, Уилсон	А, Ж	Филиппины	788/1997	141
В				
Вальдероде, Карел де Фур	А, Ж	Чешская Республика	747/1997	92
Васкес, Сесарио Гомес	А, Ж	Испания	701/1996	61
Вината, Барри	Ж	Австралия	930/2000	215
Вината, Хендрик	А, Ж	Австралия	930/2000	215
Г				
Гридин, Дмитрий	А, Ж	Российская Федерация	770/1997	117
Д				
Диргардт, Я.Г.А.	А, Ж	Намибия	760/1997	98
И				
Игнатане, Антонина	А, Ж	Латвия	884/1999	201
Иностраноса, Карлос Акунья	А, Ж	Чили	717/1996	17
Ирвинг, Терри	Ж	Австралия	880/1999	24
К				
Каванах, Джозеф	А, Ж	Ирландия	819/1998	170
Кагас, Дженьювал	А, Ж	Филиппины	788/1997	141
Кой, Ван Куок	А, Ж	Португалия	925/2000	30
Каракурт, Мюмтаз	А, Ж	Австрия	965/2000	227
Кеннеди, Роле	А, Ж	Тринидад и Тобаго	845/1999	5
Кеннеди, Роле	А, Ж	Тринидад и Тобаго	845/1998	186

*A = автор
Ж = жертва
А, Ж = Автор и
тот же, что и
жертва*

		<i>Государство-участник</i>	<i>Сообщение №</i>	<i>Стр.</i>
Л				
Ли, Со Лан	А, Ж	Австралия	930/2000	215
М				
Мансарадж, Энтони Б.	А, Ж	Сьерра-Леоне	839-841/1998	183
Моральос, Хесус	Ж	Филиппины	869/1999	194
Мюллер, Михаэль Андреас	А, Ж	Намибия	919/2000	208
П				
Падилья, Александр	А	Филиппины	869/1999	194
Парага, Доброслав	А, Ж	Хорватия	727/1996	68
Пиандионг, Данте	Ж	Филиппины	869/1999	194
Р				
Росс, Малкольм	А, Ж	Канада	736/1997	77
С				
Секстус, Сэнди	А, Ж	Тринидад и Тобаго	818/1998	162
Сесай, Абдул Карим	А, Ж	Сьерра-Леоне	839-841/1998	183
Сунга, Рикардо Ш	А	Филиппины	869/1999	194
Т				
Тамба, Гборье	А, Ж	Сьерра-Леоне	839-841/1998	183
Томпсон, Эверсли	А, Ж	Сент-Винсент и Гренадины	806/1998	148
Ф				
Фабриова, Элишка	А, Ж	Чешская Республика	765/1997	113
Э				
Энгельхард, Имке	А, Ж	Намибия	919/2000	208
Эреля, Анни	А, Ж	Финляндия	779/1997	130
Эшби, Глен	Ж	Тринидад и Тобаго	580/1994	41
